

Psychology. Journal of the Higher School of Economics

ПСИХОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ

В НОМЕРЕ

Психологические инструменты измерения

- Феномен «способности»: открытые вопросы

- Big Five and Foreign Language Classroom Anxiety

- Автоматическая оценка тестов креативности

Том 21, № 1

2024

ISSN 1813-8918 (Print)
ISSN 2541-9226 (Online)

Том 21. № 1
2024

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

ISSN 1813-8918; e-ISSN: 2541-9226

Учредитель

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Главный редактор

В.А. Петровский (НИУ ВШЭ)

Редакционная коллегия

Дж. Берри (Университет Куинс, Канада)
Г.М. Бреслав (Балтийская международная академия, Латвия)

Я. Вальсинер (Ольборгский университет, Дания)
Е.Л. Григоренко (МГУ им. М.В. Ломоносова и Центр ребенка Йельского университета, США)

В.А. Ключарев (НИУ ВШЭ)
Д.А. Леонтьев (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)

В.Е. Лепский (ИФ РАН)
М. Линч (Рочестерский университет, США)
Д.В. Лосин (НИУ ВШЭ и ИП РАН)

Е.Н. Осин (НИУ ВШЭ)
А.Н. Поддьяков (НИУ ВШЭ)
Е.Б. Старовойтенко (НИУ ВШЭ)

Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.) (ИП РАН)
М.В. Фаликман (НИУ ВШЭ)
А.В. Хархурин (НИУ ВШЭ)

В.Д. Шадрин (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)
С.А. Щebetenko (НИУ ВШЭ)
С.Р. Яголковский (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)

Экспертный совет

К.А. Абульханова-Славская (ИП РАН)
Н.А. Алмаев (ИП РАН)
В.А. Барабанищев (ИП РАН и МГППУ)

Т.Ю. Базаров (МГУ им. М.В. Ломоносова)
А.К. Болотова (НИУ ВШЭ)
А.Н. Гусев (МГУ им. М.В. Ломоносова)

А.Л. Журавлев (ИП РАН)
А.В. Карпов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)

П. Луцисано (Римский университет Ла Сапиенца, Италия)
А. Лэнгле (НИУ ВШЭ)

А.Б. Орлов (НИУ ВШЭ)
В.Ф. Петренко (МГУ им. М.В. Ломоносова)
В.М. Розин (ИФ РАН)

И.Н. Семенов (МГППУ)
Е.А. Сергиенко (ИП РАН)
Т.Н. Ушакова (ИП РАН)

А.М. Черторилов (МГУ им. М.В. Ломоносова)
А.Г. Шмелев (МГУ им. М.В. Ломоносова)
П. Шмидт (Гиссенский университет, Германия)

«Психология. Журнал Высшей школы экономики» издается с 2004 г. Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и поддерживается департаментом психологии НИУ ВШЭ. Миссия журнала — это

- повышение статуса психологии как фундаментальной и практико-ориентированной науки;
- формирование новых предметов и программ развития психологии как междисциплинарной сферы исследований;
- интеграция основных достижений российской и мировой психологической мысли;
- формирование новых дискурсов и направлений исследований;
- предоставление площадки для обмена идеями, результатами исследований, а также дискуссий по основным проблемам современной психологии.

В журнале публикуются научные статьи по следующим основным темам:

- достижения и стратегии развития когнитивной, социальной и организационной психологии, психологии личности, персонологии, нейронаук;
- методология, история и теория психологии;
- методы и методики исследования в психологии;
- междисциплинарные исследования;
- дискуссии по актуальным проблемам фундаментальных и прикладных исследований в области психологии и смежных наук.

Целевая аудитория журнала включает профессиональных психологов, работников образования, представителей органов государственного управления, бизнеса, экспертных сообществ, студентов, а также всех тех, кто интересуется проблемами и достижениями психологической науки.

Журнал выходит 1 раз в квартал и распространяется в России и за рубежом.

Выпускающий редактор *Р.М. Байрамян*

Редакторы *Т.А. Сарыева*, *Д. Вонсбро*.

Корректура *Н.С. Самбу*

Переводы на английский *К.А. Чистопольская*,
Е.Н. Гаевская

Компьютерная верстка *Е.А. Валуевой*

Адрес редакции:

101000, г. Москва, Армянский пер. 4, корп. 2.

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Сайт: <http://psy-journal.hse.ru/>

Перепечатка материалов только по согласованию с редакцией.

© НИУ ВШЭ, 2024 г.

Том 21. № 1
2024

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

СОДЕРЖАНИЕ

Специальная тема выпуска:

Разработка и адаптация психологических инструментов измерения

Т.Н. Канонир. Вступительное слово	5
Е.С. Гусарова, М.А. Одинцова, Н.В. Козырева, Е.И. Кузьмина. «Шкала оценки жизнеспособности семьи» (FRAS-RII): новая версия	8
О.А. Сычев, И.В. Аношкин. Русскоязычная адаптация опросников стилей и эффективности решения конфликтов в близких отношениях	32
А.И. Харитонова, Е.М. Климова. Разработка и первичная апробация опросника «Личностный потенциал» для спортсменов	55
М.В. Клементьева. Статусы виртуальной идентичности: понятие и методика оценки («Статус ВИ»)	79
Т.Н. Канонир, Д.А. Федерякин, Т.И. Логвиненко, Е.А. Орел, А.А. Куликова. Как современная психометрика может изменить тестирование интеллекта детей и подростков в России	101

Статьи

Ю.В. Захарова. Проявление морального отчуждения у психологов-консультантов в ситуациях профессионального взаимодействия с клиентами	123
В.А. Толочек. Возможные измерения феномена «способности»: открытые вопросы	144
А.А. Якушина, С.В. Леонов, Д.В. Пшеничнюк, Е.А. Седогин, И.С. Поликанова. Психологическая саморегуляция и ее значимость для развития внутренней мотивации, психологического благополучия и профессионального мастерства в спорте	167
А.Х. Ержанова, А.В. Хархурин, В.Л. Конча. Влияние «Большой пятерки» личностных черт на языковую тревожность (<i>на английском языке</i>)	184

Обзоры и рецензии

Е.А. Валуева, А.С. Панфилова, А.С. Рафикова. Автоматическая оценка тестов на вербальную креативность: от лексических баз данных к большим языковым моделям	202
Е.Е. Ляксо. Рецензия на книгу Татьяны Николаевны Ушаковой «Природа осмысленности слова»	226

Vol. 21. No 1
2024

PSYCHOLOGY

Journal of the Higher School of Economics

Publisher

HSE University

ISSN 1813-8918; e-ISSN: 2541-9226

Editor-in-Chief

Vadim Petrovsky, HSE University, Russian Federation

Editorial board

John Berry, Queen's University, Canada

Gershons Breslavs, Baltic International Academy, Latvia

Maria Falikman, HSE University, Russian Federation

Elena Grigorenko, Lomonosov MSU, Russian Federation, and Yale Child Study Center, USA

Vasily Klucharev, HSE University, Russian Federation

Anatoliy Kharkhurin, HSE University, Russian Federation

Dmitry Leontiev, HSE University and Lomonosov MSU, Russian Federation

Vladimir Lepskiy, Institute of Philosophy of RAS, Russian Federation

Martin Lynch, University of Rochester, USA

Dmitry Lyusin, HSE University and Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Evgeny Osin, HSE University, Russian Federation

Alexander Poddiakov, HSE University, Russian Federation

Sergei Shchebetenko, HSE University, Russian Federation

Vladimir Shadrikov, Deputy Editor-in-Chief, HSE University, Russian Federation

Elena Starovoytenko, HSE University, Russian Federation

Dmitry Ushakov, Deputy Editor-in-Chief, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Jaan Valsiner, Aalborg University, Denmark

Sergey Yagolkovskiy, Deputy Editor-in-Chief, HSE University, Russian Federation

Editorial council

Ksenia Abulkhanova-Slavskaja, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Nikolai Almaev, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Vladimir Barabanshikov, Institute of Psychology of RAS and Moscow University of Psychology and Education, Russian Federation

Takhir Bazarov, Lomonosov MSU, Russian Federation

Alla Bolotova, HSE University, Russian Federation

Alexander Chernorizov, Lomonosov MSU, Russian Federation

Alexey Gusev, Lomonosov MSU, Russian Federation

Anatoly Karpov, Demidov Yaroslavl State University, Russian Federation

Alfried Längle, HSE University, Russian Federation

Pietro Lucisano (Sapienza University of Rome, Italia)

Alexander Orlov, HSE University, Russian Federation

Victor Petrenko, Lomonosov MSU, Russian Federation

Vadim Rozin, Institute of Philosophy of RAS, Russian Federation

Igor Semenov, Moscow City Pedagogical University, Russian Federation

Elena Sergienko, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Alexander Shmelev, Lomonosov MSU, Russian Federation

Peter Schmidt, Giessen University, Germany

Tatiana Ushakova, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Anatoly Zhuravlev, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

«Psychology. Journal of the Higher School of Economics» was established by the National Research University «Higher School of Economics» (HSE) in 2004 and is administered by the School of Psychology of HSE.

Our mission is to promote psychology both as a fundamental and applied science within and outside Russia. We provide a platform for development of new research topics and agenda for psychological science, integrating Russian and international achievements in the field, and opening a space for psychological discussions of current issues that concern individuals and society as a whole.

Principal themes of the journal include:

- methodology, history, and theory of psychology
- new tools for psychological assessment;
- interdisciplinary studies connecting psychology with economics, sociology, cultural anthropology, and other sciences;
- new achievements and trends in various fields of psychology;
- models and methods for practice in organizations and individual work;
- bridging the gap between science and practice, psychological problems associated with innovations;
- discussions on pressing issues in fundamental and applied research within psychology and related sciences.

Primary audience of the journal includes researchers and practitioners specializing in psychology, sociology, cultural studies, education, neuroscience, and management, as well as teachers and students of higher education institutions. The journal publishes 4 issues per year. It is distributed around Russia and worldwide.

Managing editor *R.M. Bayramyan*

Copy editing *T.A. Sarieva, N.S. Sambu,*

D. Wansbrough

Translation into English *K.A. Chistopolskaya,*

E.N. Gaevskaya

Page settings *E.A. Valueva*

Editorial office's address:

4 Armyanskiy pereulok, build. 2, 101000, Moscow, Russia.

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Website: <http://psy-journal.hse.ru/>

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

© HSE University, 2024 r.

Vol. 21. No 1
2024

PSYCHOLOGY
Journal of the Higher School of Economics

CONTENTS

Special Theme of the Issue.

Development and Adaptation of Psychological Measurement Instruments

T.N. Kanonire. Editorial (<i>in Russian</i>)	5
E.S. Gusarova, M.A. Odintsova, N.V. Kozyreva, E.I. Kuzmina. Family Resilience Assessment Scale (FRAS-RII): A New Version (<i>in Russian</i>)	8
O.A. Sychev, I.V. Anoshkin. Russian-Language Versions of Inventories Measuring Styles and Effectiveness of Conflict Resolution in Close Relationships (<i>in Russian</i>)	32
A.I. Kharitonova, E.M. Klimova. Development and Initial Testing of the “Personality Potential” Questionnaire for Athletes (<i>in Russian</i>)	55
M.V. Klementyeva. The Virtual Identity Status: The Concept and Inventory (VISI) (<i>in Russian</i>)	79
T.N. Kanonire, D.A. Federiakin, T.I. Logvinenko, E.A. Orel, A.A. Kulikova. How Modern Psychometrics Can Change Intelligence Testing of Children and Adolescents in Russia (<i>in Russian</i>)	101

Articles

Yu.V. Zakharova. Moral Disengagement in Counseling Psychologists in Situations of Professional Interaction with Clients (<i>in Russian</i>)	123
V.A. Tolochek. Measurements of the “Ability” Phenomenon: Questions (<i>in Russian</i>)	144
A.A. Yakushina, S.V. Leonov, D.V. Pshenichnyuk, E.A. Sedogin, I.S. Polikanova. Psychological Self-Regulation and Its Importance for the Intrinsic Motivation, Psychological Well-Being and Performance in Sport (<i>in Russian</i>)	167
A.Kh. Erzhanova, A.V. Kharkhurin, V.L. Koncha. The Influence of Big Five Personality Traits on Foreign Language Classroom Anxiety	184

Reviews

E.A. Valueva, A.S. Panfilova, A.S. Rafikova. Automatic Scoring of Verbal Divergent Thinking Tests: From Lexical Databases to Large Language Models (<i>in Russian</i>)	202
E.E. Lyakso. Review of Tatyana Nikolaevna Ushakova’s Book “The Nature of the Meaningfulness of the Word” (<i>in Russian</i>)	226

*Специальная тема выпуска:
Разработка и адаптация
психологических инструментов измерения*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Значимость качественного инструментария для психологической теории и практики трудно переоценить. В некоторых случаях, как это произошло с теориями интеллекта, разработка тестов и накопление эмпирических данных вылились в развитие психометрических теорий интеллекта, долгое время занимавших доминирующее положение в западной психологии. В других же случаях появление инструментов для измерения того или иного конструкта способствовало всплеску исследовательского интереса и, как следствие, вносило важный вклад в науку. Так, например, произошло в случае исследований субъективного благополучия детей и подростков, когда предложенный С. Хьюбером «Многокомпонентный опросник удовлетворенности жизнью для школьников» привел к появлению целого ряда исследований в рамках парадигмы субъективного благополучия.

Значимость измерительных инструментов актуальна и сегодня. Благодаря качественному инструментарии мы накапливаем новое знание в науке, что неизменно делает эффективнее и психологическую практику. Отдельный вклад в качество объективной оценки в рамках психологического оценивания вносят правильно используемые валидные инструменты психодиагностики.

Если бы мы проанализировали публикации на данную тему в российских научных журналах, то увидели бы позитивную тенденцию как в области повышения качества процедур разработки и адаптации инструментов, так и в плане количества публикаций и разнообразия измеряемых конструктов. Такие изменения могут привести к росту качества исследований и достоверности полученных результатов, а значит, внесут вклад в развитие психологии и смежных научных областей.

Представленные в этом специальном выпуске публикации как раз отражают обозначенные выше тенденции и делают шаг в будущее: четыре статьи

представляют адаптацию или разработку новых инструментов с использованием уже ставших классическими подходов, а последняя статья рисует перспективу создания теста, разработка которого потребует использования продвинутых психометрических подходов и поиска новых решений, которые будут актуальны в том числе для развития психометрики в России и в мире.

Е.С. Гусарова, М.А. Одинцова, Н.В. Козырева и Е.И. Кузьмина в статье «Шкала оценки жизнеспособности семьи» (FRAS-RII): новая версия» пересматривают более раннюю версию данной шкалы и предлагают ее новую, доработанную версию. В этом исследовании есть несколько особенностей, на которые хочется обратить внимание читателей: авторы проверяют инвариантность шкалы на выборках двух стран — России и Беларуси, что расширяет возможности использования инструмента, а проведенные ими валидизационные исследования, на мой взгляд, не только позволяют делать выводы о валидности самого инструмента, но дополняют существующие представления об изучаемом конструкте.

Продолжая тему отношений, О.А. Сычев и И.В. Аношкин в статье «Русскоязычная адаптация опросников стилей и эффективности решения конфликтов в близких отношениях» представляют результаты адаптации сразу двух опросников. Авторы последовательно анализируют их структуру и обосновывают критериальную валидность инструментов, отмечая интересные моменты, такие, например, как выделение обратно сформулированных утверждений в отдельный фактор.

В статье А.И. Харитоновой и Е.М. Климовой «Разработка и первичная апробация опросника “Личностный потенциал” для спортсменов» авторы представляют новый оригинальный инструмент, направленный на измерение личностного потенциала у спортсменов. Появление такого опросника может внести вклад в исследования в области спортивной психологии. Также можно потенциально рассмотреть данный опросник и для использования его на других группах респондентов, не связанных со спортом.

Следующая статья «Статусы виртуальной идентичности: понятие и методика оценки (“Статус ВИ”)» М.В. Клементьевой затрагивает тему виртуальной идентичности и возможности ее оценивания. В статье представляются результаты разработки нового инструмента, основанного на авторской модели виртуальной идентичности. Появление инструмента позволит продолжить исследования в этом направлении и провести развернутую эмпирическую проверку предложенной модели.

Все рассмотренные в вышеперечисленных статьях инструменты готовы к использованию в исследовательских целях, однако пока еще не прошли полный цикл разработки для того, чтобы их можно было применять для оценки индивидуальных результатов. Дальнейшее использование этих инструментов в практических целях станет возможным, если авторы или другие исследователи продолжат работу над ними и будет проведена стандартизация.

Завершает специальный выпуск статья Т.Н. Канонир, Д.А. Федерякина, Т.И. Логвиненко, Е.А. Орел и А.А. Куликовой «Как современная психометрика может изменить тестирование интеллекта детей и подростков в России».

В данной статье авторы поднимают вопрос доступности качественных инструментов измерения интеллекта у детей и подростков в России и представляют свое видение того, как может выглядеть современный компьютерный тест интеллекта, который будет учитывать возможности психометрики. Создание такого теста будет связано с необходимостью использования продвинутых психометрических методов и разработкой новых решений.

Т.Н. Канонир

«ШКАЛА ОЦЕНКИ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ СЕМЬИ» (FRAS-II): НОВАЯ ВЕРСИЯ

Е.С. ГУСАРОВА^а, М.А. ОДИНЦОВА^а, Н.В. КОЗЫРЕВА^б,
Е.И. КУЗЬМИНА^а

^а ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 127051, Россия, Москва, ул. Сretenка, д. 29

^б БГПУ «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка». 220030, Республика Беларусь, Минск, ул. Советская, д. 18

Family Resilience Assessment Scale (FRAS-II): A New Version

E.S. Gusarova^а, M.A. Odintsova^а, N.V. Kozyreva^б, E.I. Kuzmina^а

^а Moscow State University of Psychology and Education, 29 Sretenka Str., Moscow, 127051, Russian Federation

^б Belarusian State Pedagogical University Named After Maxim Tank, 18 Sovietskay Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus

Резюме

Авторы созданных многочисленных версий «Шкалы оценки жизнеспособности семьи» (FRAS) М. Сиксби пытаются снять ее ограничения путем расширения поля действия методики. Апробация на российской выборке, состоявшаяся в 2021 г., также показала необходимость совершенствования данной методики, проверки ее психометрических характеристик, что стало целью настоящего исследования. В нем приняли участие 627 человек из России (n = 300) и Беларуси (n = 327) в возрасте от 18 до 67 лет (средний

Abstract

Numerous versions of the Family Resilience Assessment Scale (FRAS) are constantly modified in order to make allowance for the limitations of previous versions. Approbation of the Family Resilience Assessment Scale (FRAS-II), held in 2021, also showed the need to improve the instrument, verify its psychometric characteristics, which became the purpose of the current study. The study involved 627 respondents from Russia (n = 300) and Belarus (n = 327) aged

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00820 («Психологические ресурсы социально уязвимых групп в условиях вызовов современности (на примере лиц с инвалидностью и их семей)»).

The study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 22-28-00820 (Psychological resources of socially vulnerable groups in the face of modern challenges (on the example of people with disabilities and their families)).

возраст россиян 34.3 ± 12.5 , средний возраст белорусов 22.5 ± 7). Применялись анкета с социодемографическими данными, «Шкала оценки жизнеспособности семьи» (FRAS-RII), краткая версия теста жизнестойкости, опросник «Семейные эмоциональные коммуникации», модифицированный опросник «Опыт близких отношений». Была разработана оптимальная структура «Шкалы оценки жизнеспособности семьи» (FRAS-RII – вторая версия), психометрические характеристики которой свидетельствуют о высокой внутренней согласованности пяти субшкал. Субшкалы методики коррелируют с показателями жизнестойкости, семейных эмоциональных коммуникаций и опыта близких отношений, что говорит о внешней валидности инструмента. Характеристики жизнеспособности семьи различаются в зависимости от супружеского статуса, количества детей в семье, от типа неблагоприятного события на выборках россиян и белорусов, что также подтверждает пригодность методики для работы с разными типами семей. В результате было установлено, что FRAS-RII, включающая в себя пять субшкал – «семейная коммуникация и связность», «позитивный прогноз и решение проблем», «принятие и гибкость», «социальные ресурсы», «духовность семьи», – является надежным, валидным инструментом для исследований и для практики психологической работы с российскими и белорусскими семьями.

Ключевые слова: оценка жизнеспособности семьи, жизнестойкость, семейные эмоциональные коммуникации, семейные дисфункции, опыт близких отношений, стиль привязанности, психометрические характеристики «Шкалы оценки жизнеспособности семьи» (FRAS).

Гусарова Елена Сергеевна – модератор, Научно-практический центр по комплексному сопровождению психологических исследований PsyDATA, Московский государственный психолого-педагогический университет, магистр психологии.

Сфера научных интересов: семейная психология, количественный анализ эмпирических данных в психологии и образовании, математическое моделирование.

Контакты: bondarevaes@fdomgppu.ru

from 18 to 67 years (average age of Russians 34.3 ± 12.5 , average age of Belarusians 22.5 ± 7). We used the following methods: socio-demographic questionnaire, Family Resilience Assessment Scale FRAS-RII; Short version of Hardiness Survey; Test «Family Emotional Communications»; Revised questionnaire «Experience in Close Relationships». As a result, the optimal structure of the Family Resilience Assessment Scale FRAS-RII was elaborated with the psychometric characteristics indicating a high internal consistency of its five subscales. The subscales correlate with indicators of hardiness, family emotional communications, and experience in close relationships, indicating the external validity of the scale. The characteristics of family resilience differ depending on marital status and number of children in families, depending on the type of adverse event in the samples of Russians and Belarusians, which also confirms the applicability of the scale when working with different types of families. We may conclude that the FRAS-RII with its five subscales such as family communication and connectedness, positive outlook and problem solving, acceptance and flexibility, social resources, family spirituality, is a reliable, valid tool for research and for psychological help to Russian and Belarusian families.

Keywords: Family resilience scale, hardiness, family emotional communications, family dysfunctions, experience in close relationships, attachment style, psychometric characteristics of Family Resilience Assessment Scale (FRAS).

Elena S. Gusarova – Moderator, Scientific and Practical Center for Comprehensive Support of Psychological Research PsyDATA, Moscow State University of Psychology & Education, MA in Psychology.

Research Area: family psychology, quantitative analysis of empirical data in psychology and education, mathematical modeling.

E-mail: bondarevaes@fdomgppu.ru

Одинцова Мария Антоновна — заведующая кафедрой, кафедра психологии и педагогики дистанционного обучения, Московский государственный психолого-педагогический университет, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: жизнеспособность семьи, семейные эмоциональные коммуникации, семейные дисфункции, количественный анализ эмпирических данных в психологии и образовании, математическое моделирование.

Контакты: mari505@mail.ru

Козырева Нина Вячеславовна — доцент, кафедра психологии образования и развития личности, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: жизнеспособность семьи, жизнестойкость, семейные эмоциональные коммуникации, семейные дисфункции.

Контакты: kozyreva_nina@tut.by

Кузьмина Елена Ивановна — декан, факультет дистанционного обучения, Московский государственный психолого-педагогический университет, кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: жизнеспособность семьи, семейные эмоциональные коммуникации, семейные дисфункции.

Контакты: kuzminaei@mgppu.ru

Maria A. Odintsova — Head of the Department, Department of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology and Education, PhD in Psychology.

Research Area: family resilience, family emotional communications, family dysfunctions, quantitative analysis of empirical data in psychology and education, mathematical modeling.

E-mail: mari505@mail.ru

Nina V. Kozyreva — Associate Professor, Department of Psychology of Education and Personal Development, Belarusian State Pedagogical University Named After Maxim Tank. PhD in Psychology.

Research Area: family resilience, hardness, family emotional communications, family dysfunctions.

E-mail: kozyreva_nina@tut.by

Elena I. Kuzmina — Dean, Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology and Education, PhD in Psychology.

Research Area: family resilience, family emotional communications, family dysfunctions.

E-mail: kuzminaei@mgppu.ru

Концепция жизнеспособности семьи разрабатывалась на основе теории индивидуальной жизнеспособности (Махнач, 2016; Нестерова, 2017; Рыльская, 2016; Bonanno, 2021; Southwick et al., 2014), общей теории систем (Берталанфи, 1969), теории семейной системы (Walsh, 2016), концепций преодоления семейных стрессов (Крюкова, Сапоровская, 2016), теории семейных ресурсов (Нестерова, 2016) и др. Обобщение впечатляющего количества теорий в отечественной и зарубежной психологии позволило А.В. Махначу создать интегративную модель жизнеспособности семьи, позволяющую анализировать внешние и внутренние стресс-факторы семьи, ее внешние и внутренние ресурсы, когнитивные оценки ее членами требований различных неблагоприятных ситуаций, их индивидуальные реакции и стратегии совладания, специфику функционирования семьи в культурно-историческом поле (Махнач, 2016).

Несмотря на сложность концептуализации понятия жизнеспособности семьи, которое определяют как «психическое новообразование», «зонтную характеристику» (Махнач, Лактионова, 2021, с. 49), подчеркивая высокое значение совместимости разных Я в единое семейное Мы (Антонов, 2021),

исследователи сходятся в толковании основных характеристик жизнеспособности семьи, зависящих от «сохранения баланса между факторами риска и защитными факторами» (Махнач, 2016, с. 267). Так, семейную коммуникацию и связность толкуют как «баланс связности между членами семьи и индивидуализацией каждого из них» (Там же, с. 225). Под позитивным прогнозом и решением проблем понимаются «уверенность в успешном овладении стрессовой ситуацией, навыки определения семейной проблемы, поиска необходимой информации, обдумывания альтернатив и прогнозирования последствий» (Там же, с. 297). Принятие и гибкость толкуют как «баланс между готовностью принять изменения, адаптироваться к ним и упорством в сохранении ранее существующих компонентов идентичности семьи» (Там же, с. 225). К социальным ресурсам семьи относят «поддерживающую сеть, поддерживающие взаимоотношения с окружением, субъективную положительную оценку значимости поддержки» (Там же, с. 240). Духовность семьи связана с «осознанием целостности, включающей основные ценности и убеждения, цели и смысл жизни, социальную уверенность и развитие чувства взаимосвязанности с другими людьми и миром» (Там же, с. 187).

В итоге А.В. Махнач формулирует следующее определение жизнеспособности семьи: «это динамическая системная характеристика семьи, способной отвечать на стрессы различного генеза с использованием свойственных именно ей защитных факторов и семейных ресурсов (индивидуальные, семьи как системы, ресурсы внешней среды), предполагающих умение и готовность семьи совладать, меняться, адаптироваться и развиваться» (Там же, с. 207).

Большое значение для практики психологической помощи имеет диагностический инструментарий, позволяющий изучить специфику индивидуальной жизнеспособности и жизнеспособности семьи. В России разработано несколько опросников, измеряющих индивидуальную жизнеспособность: «Жизнеспособность человека» (Рыльская, 2016), «Жизнеспособность личности» (Нестерова, 2017), «Жизнеспособность взрослого человека» (Махнач, 2016), в котором выделена шкала «семейные взаимосвязи». Жизнеспособность семьи можно измерить с помощью теста «Семейные ресурсы» (Махнач и др., 2013).

В зарубежной психологии наиболее популярными являются опросник жизнеспособности семьи «The Walsh Family Resilience Questionnaire» (Walsh-IT) и шкала оценки жизнеспособности семьи (FRAS). Доказано (Zhou et al., 2020), что чаще используемым и наиболее пригодным для исследований в социальной сфере и сфере здравоохранения в условиях преодоления семейных трудностей является FRAS (Sixbey, 2005). Релевантность структуры данного опросника проверена на группах с низким социально-экономическим статусом в Африке (Isaacs et al., 2018); на польской выборке (Nadrowska et al., 2021); на группах подростков с эпилепсией в Сингапуре (Chew, Haase, 2016); на студентах в Турции (Kaya, Arici, 2012). Отмечается, что факторная структура нередко претерпевает изменения (Isaacs et al., 2018; Nadrowska et al., 2021; Chew, Haase, 2016) в зависимости от выборки и культурного контекста, но все 54 пункта опросника оригинала сохраняются. В некоторых случаях

исследователи удаляют пункты, не прошедшие психометрическую проверку, и получают от трех (Gardiner et al., 2019) до шести (Chiu et al., 2019) факторов.

Сделаны попытки создания кратких версий методики: 32 пункта в Китае (Li et al., 2016); 16 пунктов (Китай и США) (Chow et al., 2022); 34 пункта в России (Гусарова и др., 2021). Во всех сокращенных версиях получено от трех (Li et al., 2016; Chow et al., 2022) до четырех факторов (Гусарова и др., 2021) и исключена шкала «духовность семьи». При сохранении этой шкалы заостряется внимание на том, что пункты отражают довольно узко концепт духовности и рекомендуется расширение его в соответствии с первоначальным замыслом Ф. Уолш, где духовность может переживаться как внутри религиозной принадлежности, так и вне ее. Это общие духовные ресурсы семьи: ценности, цели, мораль, глубокая вера, общение с природой, искусством и т.п., т.е. все то, что придает нашей жизни смысл (Walsh, 2013). Более подробная информация о версиях «Шкалы оценки жизнеспособности семьи» позволяет провести сравнение модификаций, разработанных в разных странах (см. таблицу 1).

Анализ и обобщение результатов отечественных и зарубежных исследований жизнеспособности семьи, опыт работы с первой российской версией FRAS-R (Гусарова и др., 2021) заставили нас обратиться к ее доработке. Важность создания новой версии данного опросника связана и с растущим объемом исследований в области ресурсов семьи (Махнач и др., 2013) и индивидуальной жизнеспособности (Махнач, 2016; Нестерова, 2017; Рыльская, 2016), результаты которых могут быть уточнены с помощью дополнительных индикаторов — субшкал FRAS-RII, в числе которых «духовность семьи». Новый инструмент хорошо вписывается в интегративную модель А.В. Махнача и позволяет проанализировать неблагоприятные события, с которыми сталкиваются семьи, дать оценку их интенсивности, показать динамику связей в семьях после неблагоприятного события и задействуемые ими основные ресурсы семьи. Таким образом, нашей целью стали создание новой версии «Шкалы оценки жизнеспособности семьи» FRAS-R (Гусарова и др., 2021) и проверка ее структуры и других психометрических свойств на разных по составу выборках.

Решались следующие исследовательские вопросы:

1. Будет ли структура FRAS-RII инвариантной для двух выборок, являющихся неоднородными по социодемографическим характеристикам?
2. Обладает ли FRAS-RII хорошей внутренней согласованностью в двух независимых выборках?
3. Схожи ли связи субшкал FRAS-RII с характеристиками жизнестойкости, семейных эмоциональных коммуникаций и опыта близких отношений в выборках двух стран?
4. Различаются ли показатели жизнеспособности семьи в зависимости от пола, уровня образования, профессиональной занятости, супружеского статуса, количества детей в семье, типа неблагоприятного события, субъективных оценок динамики связей в семьях после неблагоприятных событий в выборках двух стран?

Таблица 1

Версии «Шкалы оценки жизнеспособности семьи»(FRAS) в разных странах

Источник	Страна	Выборка	Количество пунктов и факторов	Результаты	Рекомендации для будущих исследований
Chow et al.	Китай, США, 2022	США: N = 1236 от 18 до 75 лет (36.17 + 10.83), 36.3% женщин. Китай: N = 1135 от 18 до 59 лет (30.01 + 5.99), 57.4% женщин.	16 п. 3 фактора: коммуникация и связность, позитивное переформулирование, внешние ресурсы	Соответствие модели (США): $\chi^2(99) = 699.15$, $p < 0.001$; SRMR = 0.046; RMSEA = 0.070, CI = [0.065, 0.075]; TLI = 0.86; CFI=0.88. Надежность (США): α Кронбаха для шкалы = 0.87, для субшкал от 0.64 до 0.78. Соответствие модели (Китай): $\chi^2(99) = 287.84$, $p < 0.001$; SRMR = 0.033; RMSEA = 0.041, CI = [0.036, 0.047]; TLI = 0.94; CFI = 0.95 Надежность (Китай): α Кронбаха для шкалы = 0.78, для субшкал от 0.51 до 0.68.	Проверка на различных группах населения, изучение значения религиозной и духовной деятельности
Li et al.	Китай, 2016	N = 991, студенты университета, 62.9% женщин, (20 + 1.12) лет	32 п. 3 фактора: семейная коммуникация и решение проблем; использование социальных ресурсов; позитивный прогноз	Соответствие модели: $\chi^2/df = 5.97$, CFI = 0.84, RMSEA = 0.08, SRMR = 0.05. Надежность: α Кронбаха для шкалы = 0.95, для субшкал от 0.50 до 0.94	Субшкала семейной духовности нуждается в доработке
Chiu et al.	Тайвань, 2019	N = 502, родители детей с задержкой развития, 81% женщин (52.4 ± 16.9) лет	53 п. 6 факторов оригинальной версии	Соответствие модели: $\chi^2/df = 2.97$; RMSEA = 0.06; SRMR = 0.06; NNFI = 0.83; CFI = 0.83; IFI = 0.84 Надежность: α Кронбаха для шкалы = 0.96, для субшкал от 0.68 до 0.96	Расширение выборки, исследования в разных неблагоприятных обстоятельствах. Субшкала семейной духовности нуждается в доработке
Gardiner et al.	Канада, 2019	N = 174, родители детей с РАС, 84% женщин от 20 до 69 лет (45.32 + 7.64)	51 п. 3 фактора: семейная коммуникация и решение проблем; использование социальных и экономических ресурсов; духовность семьи	Факторы получены с помощью ЭФА. Общая дисперсия 52.2%: 1 фактор – 31%, 2 фактор – 14.7%, 3 фактор – 6.5%. Факторные нагрузки: 1 фактор 0.44–0.82, 2 фактор – 0.35–0.88, 3 фактор – 0.68–0.93	Субшкала «Духовность семьи» нуждается в доработке. Рекомендуется включение пунктов, расширяющих эту шкалу и отражающих первоначальный замысел Ф. Уолш

Таблица 1 (окончание)

Chew et al.	Сингапур, 2016	N = 156, Молодежь (79 мужчин и 73 женщины, 4 не указали пол) с диагнозом эпилепсия от 13 до 16 лет (15.0 ± 1.13)	54 п. 7 факторов. Пункты, описывающие «использование социальных и экономических ресурсов», распределены на два фактора	Факторы получены с помощью ЭФА. Общая дисперсия 83.0%. 1 фактор – 23.9%, 2 фактор – 23.2%, 3 фактор – 16.4%, 4 фактор – 8.2%, 5 фактор – 4.9%, 6 фактор – 4.2%, 7 фактор – 2.2. Факторные нагрузки: 1 фактор 0.81–0.91, 2 фактор – 0.73–0.88, 3 фактор – 0.77–0.94, 4 фактор – 0.63–0.91, 5 фактор – 0.82–0.92, 6 фактор – 0.67–0.89, 7 фактор – 0.75–0.84 Надежность: α Кронбаха для субшкал от 0.93 до 0.97	Привлечение к исследованию неклинических выборов
Nadrowska et al.	Польша, 2021	N = 502, 65% женщин в возрасте от 18 до 62 лет (24.60 + 6.86)	54 п. 6 факторов оригинальной версии	$\chi^2 = 4015.941$, $df = 1362$, $2/df = 2.95$, $RMSEA = 0.06$, $CFI = 0.92$, $TLI = 0.91$, $WRMR = 1.87$ Надежность: α Кронбаха для субшкал от 0.63 до 0.95	Использование качественного подхода, применение других количественных методик
Isaacs et al.	Африка, 2018	N = 656 с низким социально-экономическим статусом от 18 до 80 лет (37.90 + 13.92), 39.8% мужчин	54 п. 6 факторов оригинальной версии, но изменено название одного фактора «социальные ресурсы семьи» на: «семья и мировоззрение сообщества»	Факторы получены с помощью ЭФА. Общая дисперсия 62.09%: 1 фактор – 43.28%, 2 фактор – 5.23%, 3 фактор – 4.45%, 4 фактор – 3.5%, 5 фактор – 3.07%, 6 фактор – 2.56%. Факторные нагрузки: 1 фактор 0.37–0.93, 2 фактор – 0.43–0.86, 3 фактор – 0.41–0.63, 4 фактор – 0.74–0.86, 5 фактор – 0.47–0.76, 6 фактор – 0.72–0.73 Надежность: α Кронбаха для шкалы = 0.97, для субшкал от 0.70 до 0.97	Использование качественного подхода, применение других количественных методик
Гусарова и др.	Россия, 2021	N = 331, Россияне от 18 лет до 65 лет (33.5 + 10.8), 61.6% женщин	34 п. 4 фактора: семейная коммуникация и связность; позитивный прогноз и решение проблем; принятие и гибкость; социальные ресурсы	Соответствие модели: $\chi^2/df = 1.981$, $RMSEA = 0.055$, $CFI = 0.92$, $IFI = 0.92$, $TLI = 0.91$ Надежность: α Кронбаха для шкалы = 0.95, для субшкал от 0.74 до 0.93	Продолжение работы по усовершенствованию отдельных субшкал

Метод и методики исследования

Сбор эмпирических данных осуществлялся с марта по июнь 2022 г. с помощью Яндекс-форм. К исследованию приглашались все желающие носители русского языка старше 18 лет, проживающие в России и Белоруссии. Ссылка на онлайн-опрос распространялась через социальные сети. Исследование соответствует этическим стандартам Российского психологического общества, одобрено Этическим комитетом МГППУ (протокол № 12 от 15.03.2022).

В адаптации FRAS-RII приняли участие две независимые выборки (N = 627): 300 человек из России и 327 из Беларуси, возраст испытуемых – от 18 до 67 лет. Данные выборки были использованы для проверки устойчивости и факторной валидности FRAS-RII в новых (отличных от зарубежных) и одновременно схожих для белорусов и россиян социокультурных условиях (общие историческое прошлое, религия, язык, схожесть образов семьи в ценностном сознании) (Варич, Климович, 2015).

В таблице 2 представлены социодемографические характеристики выборок, значимо различающихся по всем параметрам, кроме пола, что позволило проверить устойчивость, факторную валидность, внутреннюю согласованность и внешнюю валидность FRAS-RII отдельно для россиян и белорусов.

Дополнительно в FRAS-RII участникам задавался открытый вопрос, в котором предлагалось определить, кого они считают членами своей семьи. К членам семьи были отнесены родители (РФ – 68.3%, РБ – 60.2%), прародители (РФ – 27%, РБ – 22%), сиблинги (РФ – 45.3%, РБ – 40.7), партнеры (РФ – 11.7%, РБ – 8%), супруги (РФ – 20.3%, РБ – 34.3%), дети (РФ – 22.7%, РБ – 37.6%), питомцы (РФ – 12%, РБ – 9.5%), тети/дяди (РФ – 9.3%, РБ – 8.3%), племянники (РФ – 6.7%, РБ – 8%), внуки (РФ – 2.7%, РБ – 0.3%), двоюродные братья/сестры (РФ – 4.3%, РБ – 4%), супруги своих детей (РФ – 1.3%, РБ – 2.7%), друзья (РФ – 6%, РБ – 4.6%) и т.д. Некоторые давали определения (например: «*Всех, кому я могу доверять свои чувства и проблемы*») (РФ – 1%, РБ – 1.8%), другие не конкретизировали родство (близкие родственники, родня и т.д.) (РФ – 13%, РБ – 13.8%).

Новая версия «Шкалы оценки жизнеспособности семьи» FRAS-RII отличается от FRAS-R (Гусарова и др., 2021) в двух аспектах.

Во-первых, нами была модифицирована шкала ответов: участникам предлагалось оценить не степень согласия с утверждениями, а частоту встречаемости того или иного поведения, чувств, мыслей в своей семье по пятибалльной шкале (всегда – 5, часто – 4, иногда – 3, редко – 2, никогда – 1). Это обусловлено следующими причинами: во-первых, четырехпунктная шкала не дает возможности респонденту выбрать нейтральный ответ, поэтому она называется «принудительной» и чаще применяется в маркетинговых исследованиях. При таком подходе остается больше утверждений, на которые респонденты не дают ответов (Krosnick, 1991; Revilla et al., 2014); во-вторых, наиболее оптимальными считаются шкалы с нечетным числом альтернативных ответов (Österås et al., 2008): чем больше шкала по диапазону, тем выше ее надежность, валидность и дискриминативность, однако более широкие по диапазону

Таблица 2

Социодемографические характеристики выборки

	Выборка		РФ		РБ		U	p
	M	SD	M	SD	M	SD		
Возраст	28.1	11.6	34.3	12.5	22.5	7.0	20693.5	0.000
	n	%	n	%	n	%	χ^2	p
<i>Пол</i>								
Мужчины	101	16.1	49	16.3	52	15.9	0.022	0.883
Женщины	526	83.9	251	83.7	275	84.1		
<i>Образование</i>								
Среднее общее	226	36	51	17	175	53.5	167.9	0.000
Среднее профессиональное	129	20.6	46	15.3	83	25.4		
Незаконченное высшее / студент бакалавриата	35	5.6	17	5.7	18	5.5		
Бакалавриат / Специалитет	167	26.6	121	40.3	46	14.1		
Магистратура / Несколько высших	53	8.5	52	17.3	1	0.3		
Ученая степень	11	1.8	10	3.3	1	0.3		
Не указано	6	1	3	1	3	0.9		
<i>Занятость</i>								
Не работаю / в декретном отпуске / ЛОУ / на пенсии	43	6.9	33	11	10	3.1	38.2	0.000
Учусь	285	45.5	106	35.3	179	54.7		
Работаю	240	38.3	138	46	102	31.2		
Работаю и учусь	56	8.9	22	7.3	34	10.4		
Не указано	3	0.5	1	0.3	2	0.6		
<i>Супружеский статус</i>								
Не замужем / холост	262	41.8	139	46.3	123	37.6	20.4	0.001
Состою в отношениях	134	21.4	76	25.3	58	17.7		
В браке	205	32.7	74	24.7	131	40.1		
В разводе	16	2.6	7	2.3	9	2.8		
Вдова / вдовец	5	0.8	3	1	2	0.6		
Не указано	5	0.8	1	0.3	4	1.2		
<i>Дети</i>								
Нет детей	420	67.0	227	75.7	193	59	21.5	0.000
1 ребенок	95	15.2	31	10.3	64	19.6		
2 ребенка	82	13.1	28	9.3	54	16.5		
3 и более	30	4.8	14	4.7	16	4.9		

шкалы трудны для респондентов (Preston, Colman, 2000; Taherdoost, 2019); в-третьих, обратная связь, полученная от респондентов при апробации методики, показала ограниченность четырехбалльной шкалы в силу отсутствия промежуточного ответа. Мы постарались сохранить баланс между информативностью и легкостью заполнения FRAS-RII.

Во-вторых, была доработана субшкала духовности семьи. В версии «Шкала оценки жизнеспособности семьи» (FRAS-R) (Гусарова и др., 2021) она не выдержала проверку, так как в оригинале была сосредоточена на узком (религиозном) понимании духовности. С учетом рекомендаций исследователей (Chow et al., 2022; Li et al., 2016; Chiu et al., 2019; Gardiner et al., 2019) нами были сформулированы следующие утверждения, составляющие содержание данной шкалы: «Мы ориентируемся на общие для семьи нравственные принципы», «Мы поддерживаем общие для семьи традиции», «Мы создаем новые семейные традиции», «Пережитый нами опыт сделал нас способными сочувствовать другим», «Нам помогают преодолевать трудности общие смыслы и ценности», «Чтобы справиться с невзгодами, мы опираемся на духовные ресурсы нашей семьи».

Для обработки данных использовались описательная статистика, корреляционный анализ, конфирматорный факторный анализ, коэффициенты α Кронбаха и ω Макдональда, критерий χ^2 , критерии Манна–Уитни и Краскела–Уолиса, критерий Спирмена. Обработка данных производилась в программах Jamovi 2.3.12, SPSS 21, Amos 21.

Результаты

Факторная структура и надежность FRAS-RII

Для подтверждения структуры методики были использованы конфирматорный факторный анализ и метод максимального правдоподобия. Расчеты производились в программе A 21. На разных по составу выборках россиян и белорусов была проверена модель, состоящая из пяти коррелирующих между собой факторов (см. рисунок 1). При построении модели были изучены индексы модификации Лагранжа и внесены ковариации между остаточной дисперсией пунктов, вероятно, вызванной схожестью их формулировок, утверждений, стоящих рядом друг с другом. При оценке показателей индексов соответствия мы опирались на следующие минимальные значения: CFI, TLI > 0.9, RMSEA < 0.08, $\chi^2/df < 5$. Показатели соответствуют или близки к минимальным значениям, что дает основание говорить о приемлемом согласии модели данным (см. таблицу 3).

Как видим, модели для разных выборок идентичны по составу индикаторов (пунктов и субшкал) и по их связи с факторами, полностью соответствуют общей модели и не зависят от страны проживания.

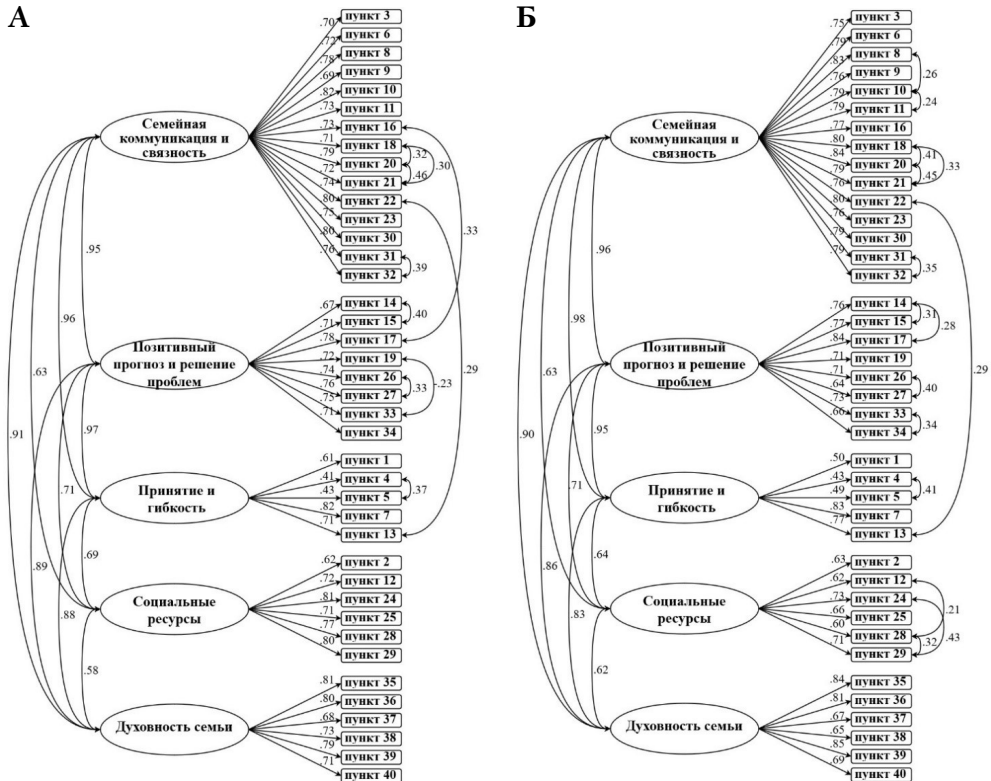
Таблица 3

Показатели индексов соответствия модели на выборках россиян и белорусов

	χ^2	df	χ^2/df	CFI	TLI	RMSEA	RMSEA 90% CI	
							lower	upper
РФ	1532.05	719	2.131	0.906	0.898	0.061	0.057	0.066
РБ	1632.75	715	2.284	0.908	0.900	0.063	0.059	0.067

Рисунок 1

Факторная структура модели на выборках А) россиян и Б) белорусов

Надежность методики проверялась с помощью коэффициентов α Кронбаха и ω Макдональда (см. таблицу 4). Коэффициенты по всем субшкалам в обеих группах выше 0.7, что указывает на достаточный и высокий уровень надежности субшкал и методики в целом.

Таблица 4

Сравнение показателей надежности методики у двух выборок

Субшкалы	α Кронбаха		ω Макдональда	
	РФ	РБ	РФ	РБ
Семейная коммуникация и связь	0.952	0.961	0.952	0.962
Позитивный прогноз и решение проблем	0.907	0.907	0.909	0.909
Принятие и гибкость	0.769	0.777	0.770	0.780
Социальные ресурсы	0.876	0.841	0.878	0.844
Духовность семьи	0.886	0.886	0.889	0.890
Жизнеспособность семьи	0.971	0.971	0.972	0.973

Внешняя валидность

Для проверки внешней валидности были проанализированы связи компонентов жизнеспособности семьи с жизнестойкостью, типом привязанности и дисфункциями детско-родительских отношений. Установлено, что все компоненты жизнеспособности семьи положительно связаны с вовлеченностью, контролем, принятием риска и жизнестойкостью; отрицательно — с тревожным и избегающим типом привязанности, с элиминированием эмоций, критикой, общим уровнем выраженности семейных дисфункций (см. таблицу 5). Также были выявлены несущественные корреляции некоторых компонентов жизнеспособности семьи со сверхвключенностью, внешним благополучием, индуцированием тревоги, фиксацией на негативных переживаниях и семейным перфекционизмом.

С помощью критериев Манна—Уитни и Краскела—Уоллиса различий в показателях жизнеспособности семьи в зависимости от пола, уровня образования и профессиональной занятости в обеих группах выявлено не было ($p > 0.05$), однако были установлены различия в зависимости от супружеского статуса (см. таблицу 6) и количества детей в семье (см. таблицу 7) в двух выборках. Общий показатель жизнеспособности семьи в обеих группах у состоящих в браке значительно выше, чем у незамужних/холостых и состоящих в отношениях. В обеих группах отмечается тенденция «роста» общего показателя жизнеспособности семьи при наличии детей: наименьшие показатели отмечаются у участников без детей, несколько выше они у тех, кто имеет одного ребенка и еще выше у тех, кто имеет двух детей. У участников, имеющих трех и более детей, общий показатель жизнеспособности семьи снижается.

Предваряющие FRAS-R11 вопросы позволяют получить дополнительную информацию о жизни семей (см. Приложение). Один из них посвящен описанию неблагоприятных событий в семьях. И белорусы, и россияне ($N = 627$) называли одни и те же события ($\chi^2 = 13.77, p = 0.55$): проблемы в отношениях (развод, конфликты и т.п.) — 28.7%; утрата (смерть близких) — 27.9%; болезни членов семьи — 13.2%; материальные трудности — 8%; переезды — 7%; множественные трудности как сочетание более двух событий одновременно — 6.7%. Не были получены ответы от 8.5% выборки.

Ограниченный объем данной статьи не позволяет нам сделать детальный анализ. Отметим лишь, что в зависимости от типа неблагоприятного события обнаружены значимые различия по всем характеристикам FRAS-R11, за исключением субшкалы «социальные ресурсы». Самый высокий уровень жизнеспособности семьи обнаружен при утрате близких, а самый низкий — при проблемных отношениях. При болезнях, переездах и множественных трудностях ключевым ресурсом в профиле жизнеспособности семьи становится ее духовность. А в группе, не указавшей неблагоприятное событие в своей семье, — семейная коммуникация и связность, позитивный прогноз и решение проблем. Возможно, это связано с уверенностью представителей данной группы в том, что проблемы обсуждаемы и решаемы. На рисунке 2 отражена выраженность характеристик жизнеспособности семьи у россиян и

Таблица 5

Связи компонентов жизнеспособности семьи с жизнестойкостью, типом привязанности и дисфункциями детско-родительских отношений

		F1	F2	F3	F4	F5	FR
Вовлеченность	РФ	0.385**	0.364**	0.237**	0.363**	0.354**	0.400**
	РБ	0.407**	0.400**	0.297**	0.331**	0.330**	0.426**
Контроль	РФ	0.340**	0.366**	0.237**	0.365**	0.305**	0.368**
	РБ	0.313**	0.348**	0.195**	0.262**	0.216**	0.329**
Принятие риска	РФ	0.356**	0.398**	0.283**	0.327**	0.349**	0.395**
	РБ	0.292**	0.295**	0.227**	0.258**	0.168**	0.297**
Жизнестойкость	РФ	0.402**	0.412**	0.274**	0.394**	0.370**	0.430**
	РБ	0.379**	0.393**	0.272**	0.323**	0.273**	0.396**
Тревожность	РФ	-0.435**	-0.389**	-0.324**	-0.404**	-0.391**	-0.453**
	РБ	-0.338**	-0.289**	-0.222**	-0.189**	-0.232**	-0.316**
Избегание	РФ	-0.370**	-0.325**	-0.279**	-0.441**	-0.308**	-0.397**
	РБ	-0.345**	-0.277**	-0.200**	-0.281**	-0.250**	-0.329**
Критика	РФ	-0.400**	-0.369**	-0.260**	-0.373**	-0.311**	-0.400**
	РБ	-0.346**	-0.326**	-0.235**	-0.258**	-0.225**	-0.340**
Индукция тревоги	РФ	0.187**	0.190**	0.191**	0.124*	0.176**	0.193**
	РБ	—	—	—	—	—	—
Элиминация эмоций	РФ	-0.538**	-0.456**	-0.373**	-0.387**	-0.414**	-0.517**
	РБ	-0.461**	-0.398**	-0.300**	-0.328**	-0.347**	-0.453**
Фиксация на негативных переживаниях	РФ	0.125*	—	—	—	0.117*	—
	РБ	—	—	—	—	—	—
Внешнее благополучие	РФ	—	—	—	—	—	—
	РБ	—	—	—	-0.169**	—	—
Сверхвовлеченность Я	РФ	-0.192**	-0.222**	-0.142*	-0.171**	-0.142*	-0.205**
	РБ	—	—	—	—	—	—
Семейный перфекционизм	РФ	0.113*	0.129*	—	—	0.156**	0.133*
	РБ	—	0.145**	—	—	0.133*	0.140*
Общий показатель семейных дисфункций	РФ	-0.283**	-0.242**	-0.142*	-0.298**	-0.200**	-0.280**
	РБ	-0.299**	-0.267**	-0.194**	-0.210**	-0.195**	-0.282**

Примечание к таблицам 5–7. F1 — семейная коммуникация и связность, F2 — позитивный прогноз и решение проблем, F3 — принятие и гибкость, F4 — социальные ресурсы, F5 — духовность семьи, FR — жизнеспособность семьи. * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

Рисунок 2

Выраженность характеристик жизнеспособности семьи в зависимости от типа неблагоприятного события (z-значения)

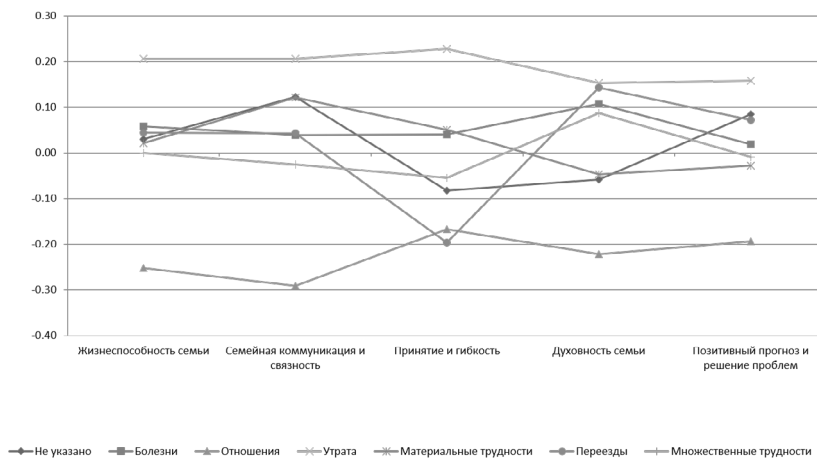

Таблица 6

Различия в показателях жизнеспособности семьи в зависимости от супружеского статуса у россиян и белорусов

		Супружеский статус						χ^2	<i>p</i>	ε^2
		Не замужем / холост		Состою в отношениях		В браке				
		M	SD	M	SD	M	SD			
F1	РФ	53.4	13.4	55.7	13.5	60.6	10.5	13.461	0.001	0.047
	РБ	55.5	13.3	54.8	13.2	61.6	10	18.356	0.000	0.059
F2	РФ	29.8	6.4	30.8	6.7	32	5.6	5.942	0.051	0.021
	РБ	30.5	6	29.8	6	32.6	4.8	13.484	0.001	0.043
F3	РФ	18.6	3.8	19	3.6	19.4	3.5	2.629	0.269	0.009
	РБ	18.8	3.8	18.7	3.3	19.9	3	8.185	0.017	0.026
F4	РФ	21.4	5.4	22.7	5	23.2	4	5.624	0.060	0.020
	РБ	22.2	4.5	22.6	4.8	22.4	3.8	0.082	0.960	0.000
F5	РФ	20.3	5.7	21.4	5.7	23	4.4	12.534	0.002	0.044
	РБ	20.9	5.5	20.2	5.4	23.2	4.3	19.644	0.000	0.063
FR	РФ	143.5	30.8	149.6	30.6	158.2	24.8	11.604	0.003	0.040
	РБ	147.9	29.7	146.1	29.2	159.7	22.4	15.158	0.001	0.049

Таблица 7

Различия в показателях жизнеспособности семьи в зависимости от количества детей у россиян и белорусов

		Количество детей								χ^2	p	ε^2
		1		2		3		3 и более				
		М	SD	М	SD	М	SD	М	SD			
F1	РФ	54.8	13.6	58.9	9.9	62	9.6	58.9	8	8.842	0.031	0.031
	РБ	56	13.3	60.8	10.3	62.3	10.1	59.5	6.2	14.335	0.002	0.040
F2	РФ	30.3	6.6	31.5	4.5	33.5	5	30.5	5.3	7.352	0.061	0.026
	РБ	30.4	6	32.5	5	32.6	4.7	32.1	2.6	11.32	0.010	0.033
F3	РФ	18.8	3.8	19.2	2.3	20.2	3.8	19.1	2.9	5.173	0.160	0.017
	РБ	18.9	3.6	19.7	3.1	20	3.4	19.4	2.6	4.887	0.180	0.014
F4	РФ	22.1	5.3	22.5	4.8	23.9	3.5	21.3	4.2	4.112	0.250	0.014
	РБ	22.3	4.6	22.9	3.6	22.4	3.7	21.5	3.5	2.177	0.536	0.006
F5	РФ	20.7	5.7	21.9	4.3	24.9	3.3	23.6	3.4	18.896	0.000	0.062
	РБ	20.8	5.5	23.2	4.3	23.4	4	23.8	3.8	21.687	0.000	0.064
FR	РФ	146.7	31.4	154.1	20.8	164.5	22.1	153.4	20.1	10.253	0.017	0.035
	РБ	148.4	29.3	159.1	23.6	160.7	22.4	156.3	14	12.922	0.005	0.036

Таблица 8

Различия в показателях жизнеспособности семьи у россиян и белорусов в зависимости от изменения эмоциональной связи в семье после неблагоприятного события

		Характер изменения эмоциональной связи						χ^2	p	ε^2
		Стала ближе		Осталась прежней		Стала дистантной				
		М	SD	М	SD	М	SD			
F1	РФ	62.2	9.9	56.1	12.7	48.8	12.7	51.622	0.000	0.173
	РБ	62.9	8.7	59.6	11.4	50.3	13.3	51.575	0.000	0.158
F2	РФ	33.3	5.1	30.6	6.3	27.8	6.3	36.033	0.000	0.121
	РБ	33	4.1	32	5.2	28	6.3	39.215	0.000	0.120
F3	РФ	20.3	3.2	19	3.6	17.3	3.5	36.538	0.000	0.122
	РБ	20.4	2.6	19.7	3.4	17.4	3.6	41.972	0.000	0.129
F4	РФ	24.1	4.6	22	4.7	20.5	5.1	26.682	0.000	0.089
	РБ	23	3.6	22.9	4.3	20.9	4.5	14.334	0.000	0.044
F5	РФ	23.7	4.2	20.6	5.7	19.5	5.6	32.636	0.000	0.109
	РБ	23.9	3.6	21.8	4.8	19.1	5.8	39.863	0.000	0.122
FR	РФ	163.7	23.9	148.3	29	134	28.8	50.181	0.000	0.168
	РБ	163.3	18.6	156.1	25.3	135.8	30.3	50.761	0.000	0.156

белорусов в зависимости от типа неблагоприятного события (произведено предварительное нормирование данных через z-значения).

Были проанализированы различия в показателях FRAS-RII в зависимости от оценок изменения эмоциональной связи в семье после неблагоприятного события (см. таблицу 8).

Самые высокие показатели по всем характеристикам FRAS-RII получены при оценке семейной связи как «более близкой», несколько ниже они при отсутствии изменений («связь осталась прежней»), еще ниже — при дистанцировании («стала дистантной»). Эти показатели также устойчивы для двух выборок.

Обсуждение результатов

В ходе проведенного исследования была доработана субшкала духовности семьи и подтверждена пятифакторная структура FRAS-RII. Показатели согласованности субшкал увеличились, в сравнении с версией FRAS-R (Гусарова и др., 2021), что связано с изменением шкалы ответов, которая теперь содержит пять альтернативных вариантов. Внешнюю валидность FRAS-RII подтверждают установленные положительные корреляции компонентов жизнеспособности семьи с жизнестойкостью, отрицательные — с типом привязанности, критикой, элиминированием эмоций. Причем эти результаты воспроизводятся без изменений в разных по социобиографическим характеристикам выборках. Другие связи можно считать несущественными в силу их очень слабой выраженности ($r < 0.2$).

Обнаружено, что индивидуальная жизнестойкость связана с повышением жизнеспособности семьи. В исследованиях также отмечены зависимости индивидуальной жизнеспособности подростков и жизнеспособности их семей (Finklestein et al., 2022), взаимосвязи жизнеспособности индивидуальной, семейной и сообщества (Distelberg et al., 2015), жизнестойкости и семейных ресурсов у кандидатов в замещающие родители (Махнач и др., 2015).

Жизнеспособность семьи, таким образом, опирается на индивидуальные характеристики личности (Махнач, 2016), одной из которых становится жизнестойкость. Тревожный и избегающий типы привязанности связаны со снижением жизнеспособности семьи. Данные типы привязанности характеризуются чувством небезопасности и стресса в романтических отношениях, которые создают трудности в установлении эмоционального контакта и близости с партнером. И наоборот, близкие отношения способствуют формированию адаптивных систем человека, являются источником поддержки и вносят большой вклад в жизнеспособность семьи (Huang et al., 2018). Запрет на выражение эмоций и родительская критика ожидаемо связаны со снижением жизнеспособности семьи в двух независимых выборках. Ф. Уолш отмечает, что способность членов семьи выражать и принимать широкий спектр чувств — как болезненных или негативных (печаль, гнев, страх и пр.), так и приятных или позитивных (радость, интерес, благодарность, любовь и пр.) — является важной составляющей преодоления кризисов и укрепления жизнеспособности

(Walsh, 2013). Частое выражение недовольства, родительская критика негативно влияют на развитие детей, разрушают доверие между членами семьи и создают дистанцию в общении, что препятствует жизнеспособности семьи.

В интегративной модели жизнеспособности семьи (Махнач, 2016) важное место занимают внешние и внутренние стресс-факторы семьи, к которым можно отнести разные неблагоприятные события, являющиеся актуальными для респондентов. Анализ позволил обнаружить, что наиболее высоко оценивают все характеристики жизнеспособности своей семьи люди, объединенные событиями, связанными с утратой близких, наиболее низко — люди, имеющие проблемные отношения в семье. Схожие данные были получены в исследовании М.А. Одинцовой и соавторов (Odintsova et al., 2022). Неблагоприятные события отражаются на уровне жизнеспособности семьи и на эмоциональных связях между ее членами по-разному. Дистанцирование, разобщенность в семьях снижает семейную жизнеспособность и/или может свидетельствовать о том, что семья находится в процессе поиска необходимого ресурса для преодоления сложившейся ситуации. Сближение, приобретение единства повышает жизнеспособность семьи. Жизнеспособные семьи, обладая важнейшим источником эмоциональной поддержки и связности, более успешно совладают с трудностями (Махнач, 2016).

Заключение и выводы

«Шкала оценки жизнеспособности семьи» (FRAS) широко используется за рубежом и в России. С учетом рекомендаций исследователей и первого опыта ее апробации в России данная шкала была существенно доработана, проверены ее психометрические характеристики. Все полученные нами результаты воспроизводятся на разных по составу выборках россиян и белорусов.

1. Подтверждена пятифакторная структура FRAS-RII, включающая следующие субшкалы: семейная коммуникация и связность, позитивный прогноз и решение проблем, принятие и гибкость, социальные ресурсы, духовность семьи.

2. Показатели внутренней согласованности FRAS-RII улучшились и являются устойчивыми в двух выборках при расширении диапазона ответов.

3. Внешняя валидность FRAS-RII подтверждается сходством корреляций с показателями жизнестойкости, семейных эмоциональных коммуникаций и опыта близких отношений в двух выборках.

4. Показатели FRAS-RII различаются в зависимости от супружеского статуса и количества детей в семье, что также подтверждает пригодность методики для работы с разными типами семей. Различий в показателях FRAS-RII в зависимости от пола, уровня образования и профессиональной занятости опрашиваемых не обнаружено. Характеристики FRAS-RII различаются в зависимости от типа неблагоприятного события и от динамики семейных связей.

Ограничением исследования является неравномерный состав двух групп, однако он позволяет подтвердить устойчивость и факторную валидность

FRAS-RII. Существенным ограничением является то, что FRAS-RII заполнялась одним членом семьи, а не всей семьей. В перспективе необходимы исследования жизнеспособности семьи с участием нескольких ее членов, на расширенных выборках из разных типов семей (Махнач, 2019), на разных стадиях их жизненного цикла, при столкновении с разными неблагоприятными событиями, а также социально уязвимых семей, включая семьи с инвалидами. Требуется введение проективных методик, предполагающих качественный подход к анализу данных.

Подтверждение оптимальной структуры FRAS-RII на двух разных выборках дает возможность использовать данную методику не только для диагностики, но и для выстраивания практической работы с российскими и белорусскими семьями. FRAS-RII способствует дальнейшему развитию семейной психологии с опорой на семейные ресурсы, может применяться для обследования как одного члена семьи, так и всей семейной системы. Использование FRAS-RII в терапевтическом процессе позволит, опираясь на выявленные с ее помощью ресурсы семьи, поддержать ее членов при преодолении ими неблагоприятных событий. Методика хорошо отражает основные компоненты интегративной модели жизнеспособности семьи А.В. Махнача (Махнач, 2016). Все это имеет большое значение для практики психологической помощи российским и белорусским семьям.

Литература

- Антонов, А. И. (ред.). (2021). *Сходство и различие ценностных ориентаций мужей и жен по результатам одновременного опроса супругов*. М.: Издательство «Перо».
- Берталанфи, Л. (1969). *Общая теория систем: критический обзор*. М.: Прогресс.
- Варич, В. Н., Климович, А. В. (2015). Желаемый образ семьи в ценностном сознании современных белорусов и россиян. *Вестник Брестского университета. Серия 2. История. Экономика. Право*, 1, 118–124.
- Гусарова, Е. С., Одинцова, М. А., Сорокова, М. Г. (2021). Шкала оценки жизнеспособности семьи: адаптация на российской выборке. *Психологические исследования*, 14(77). <https://doi.org/10.54359/ps.v14i77.130>
- Крюкова, Т. Л., Сапоровская, М. В. (2016). Стрессы семейных отношений: тенденции и эффекты совладания. *Социальная и экономическая психология*, 1(1), 174–195.
- Махнач, А. В. (2016). *Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма*. М.: Институт психологии РАН.
- Махнач, А. В. (2019). Тенденции в изучении семьи и характеристик ее состава, связанных с жизнеспособностью. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*, 2, 37–50. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2019-2-37-50>
- Махнач, А. В., Лактионова, А. И. (2021). Жизнеспособность семьи с позиции организационной теории А.А. Богданова. *Социальная психология и общество*, 12(2), 41–55. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120203>
- Махнач, А. В., Лактионова, А. И., Постылякова, Ю. В. (2015). Роль ресурсности семьи при отборе кандидатов в замещающие родители. *Психологический журнал*, 36(1), 108–122.

- Махнач, А. В., Прихожан, Н. Н., Толстых, Н. Н. (2013). *Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители: практическое руководство*. М.: Институт психологии РАН.
- Нестерова, А. А. (2016). Семейные ресурсы как условие жизнеспособности семьи в кризисных ситуациях. *Развитие личности, 1*, 156–173.
- Нестерова, А. А. (2017). Разработка и валидизация методики «Жизнеспособность личности». *Психологический журнал, 38(4)*, 93–108.
- Осин, Е. Н., Рассказова, Е. И. (2013). Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 2*, 147–165.
- Рыльская, Е. А. (2016). Тест «Жизнеспособность человека»: разработка и психометрические характеристики. *Социум и власть, 1(57)*, 25–30.
- Холмогорова, А. Б., Воликова, С. В., Сорокова, М. Г. (2016). Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации». *Консультативная психология и психотерапия, 24(4)*, 97–125. <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240405>
- Чистопольская, К. А., Митина, О. В., Ениколопов, С. Н., Николаев, Е. Л., Семикин, Г. И., Чубина, С. А., Озол, С. Н., Дровосеков, С. Э. (2018). Адаптация краткой версии «Переработанного опросника — Опыт близких отношений» (ECR-R) на русскоязычной выборке. *Психологический журнал, 39(5)*, 87–98. <https://doi.org/10.31857/S020595920000838-7>

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Antonov, A. I. (Ed.). (2021). *Skhodstvo i razlichie tsennostnykh orientatsii muzhei i zhen po rezul'tatam odnovermennogo oprosa suprugov* [Similarity and difference in the value orientations of husbands and wives according to the results of a simultaneous survey of spouses]. Moscow: Pero.
- Bertalanffy, L. (1969). *Obshchaya teoriya system: kriticheskii obzor* [General system theory. A critical review]. Moscow: Progress.
- Bonanno, G. A. (2021). The resilience paradox. *European Journal of Psychotraumatology, 12(1)*. <https://doi.org/10.1080/20008198.2021.1942642>
- Chew, J., & Haase, A. M. (2016). Psychometric properties of the Family Resilience Assessment Scale: A Singaporean perspective. *Epilepsy & Behavior, 61*, 112–119. <https://doi.org/10.1016/j.yebeh.2016.05.015>
- Chiu, S. J., Chou, Y. T., Chen, P. T., & Chien, L. Y. (2019). Psychometric properties of the Mandarin version of the Family Resilience Assessment Scale. *Journal of Child and Family Studies, 28*, 354–369. <https://doi.org/10.1007/s10826-018-1292-0>
- Chistopolskaya K. A., Mitina, O. V., Enikolopov, S. N., Nikolaev, E. L., Semikin, G. I., Chubina, S. A., Ozol, S. N., & Drovosekov, S. E. (2018). Adaptation on a Russian sample of the short version of experience in close relationships-revised questionnaire. *Psikhologicheskii Zhurnal, 39(5)*, 87–98. <https://doi.org/10.31857/S020595920000838-7> (in Russian)
- Chow, T. S., Tang, C. S. K., Siu, T. S. U., & Kwok, H. S. H. (2022). Family Resilience Scale Short Form (FRS16): Validation in the US and Chinese samples. *Frontiers in Psychiatry, 13*. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.845803>

- Distelberg, B. J., Martin, A. S., Borieux, M., & Oloo, W. A. (2015). Multidimensional family resilience assessment: The Individual, Family, and Community Resilience (IFCR) Profile. *Journal of Human Behavior in the Social Environment*, 25(6), 552–570. <https://doi.org/10.1080/10911359.2014.988320>
- Finklestein, M., Pagorek-Eshel, S., & Laufer, A. (2022). Adolescents' individual resilience and its association with security threats, anxiety and family resilience. *Journal of Family Studies*, 28(3), 1023–1039. <https://doi.org/10.1080/13229400.2020.1778504>
- Gardiner, E., Mâsse, L. C., & Iarocci, G. (2019). A psychometric study of the Family Resilience Assessment Scale among families of children with autism spectrum disorder. *Health and Quality of Life Outcomes*, 17, Article 45. <https://doi.org/10.1186/s12955-019-1117-x>
- Gusarova, E. S., Odintsova, M. A., & Sorokova, M. G. (2021). Family Resilience Assessment Scale: adaptation in Russian sample. *Psikhologicheskie Issledovaniya [Psychological Studies]*, 14(77). <https://doi.org/10.54359/ps.v14i77.130> (in Russian)
- Huang, J., Zhang, J., & Xiaonan, N. (2018). Close relationships, individual resilience resources, and well-being among people living with HIV/AIDS in rural China. *AIDS Care*, 30(5), 49–57. <https://doi.org/10.1080/09540121.2018.1496222>
- Isaacs, S. A., Roman, N. V., Savahl, S., & Sui, X. C. (2018). Adapting and validating the Family Resilience Assessment Scale in an Afrikaans rural community in South Africa. *Community Mental Health Journal*, 54(1), 73–83. <https://doi.org/10.1007/s10597-017-0091-1>
- Kaya, M., & Arici, N. (2012). Turkish version of Shortened Family Resiliency Scale (FRAS): The study of validity and reliability, procedia. *Social and Behavioral Sciences*, 55, 512–520, <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.09.531>
- Kholmogorova, A. B., Volikova, S. V., & Sorokova, M. G. (2016). Standardization of the test “Family Emotional Communication”. *Konsul'tativnaya Psikhologiya i Psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 24(4), 97–125. <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240405> (in Russian)
- Krosnick, J. A. (1991). Response strategies for coping with the cognitive demands of attitude measures in surveys. *Applied Cognitive Psychology*, 5(3), 213–236. <https://doi.org/10.1002/acp.2350050305>
- Kryukova, T. L., & Saporovskaya, M. V. (2016). Family relationships' stresses: coping tendencies and effects. *Sotsial'naya i Ekonomicheskaya Psikhologiya [Social and Economic Psychology]*, 1(1), 174–195. (in Russian)
- Li, Y., Zhao, Y., Zhang, J., Lou, F., & Cao, F. (2016). Psychometric properties of the Shortened Chinese version of the Family Resilience Assessment Scale. *Journal of Child and Family Studies*, 25, 2710–2717. <https://doi.org/10.1007/s10826-016-0432-7>
- Makhnach, A. V. (2016). *Zhiznesposobnost' cheloveka i sem'i: sotsial'no-psikhologicheskaya paradigma* [Human and family resilience: a socio-psychological paradigm]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Makhnach, A. V. (2019). Trends in studying the family and characteristics of the composition related to its resilience. *Vestnik RGGU. Seriya "Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie" [RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series]*, 2, 37–50. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2019-2-37-50> (in Russian)
- Makhnach, A. V., & Laktionova, A. I. (2021). Family resilience from the perspective of A.A. Bogdanov' organizational theory. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 12(2), 41–55. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120203> (in Russian)
- Makhnach, A. V., Laktionova, A. I., & Postlyakova, Yu. V. (2015). The role of family resources in selection of candidates for adoptive parents. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 36(1), 108–122. (in Russian)

- Makhnach, A. V., Prikhozhan, A. M., & Tolstykh, N. N. (2013). *Psikhologicheskaya diagnostika kandidatov v zameshchayushchie roditeli* [Psychological diagnosis of candidates in adoptive parents]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Nadrowska, N., Błażek, M., & Lewandowska-Walter, A. (2021). Polish adaptation of the Family Resilience Assessment Scale (FRAS). *Community Mental Health Journal*, 57(1), 153–160. <https://doi.org/10.1007/s10597-020-00626-3>
- Nesterova, A. A. (2016). Family resources as condition of family viability in crisis conditions. *Razvitie Lichnosti [Development of Personality]*, 1, 156–173. (in Russian)
- Nesterova, A. A. (2017). Development and validation of “Resilience of Person” questionnaire. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 38(4), 93–108. (in Russian)
- Odintsova, M. A., Lubovsky, D. V., Ivanova, P. A., & Gusarova, E. S. (2022). Special characteristics of the resilience of Russian families in the face of modern challenges (A preliminary study). *Psychology in Russia: State of the Art*, 15(3), 56–74. <https://doi.org/10.11621/pir.2022.0304>
- Osin, E. N., & Rasskazova, E. I. (2013). A short version of the Hardiness Test: Psychometric properties and organizational application. *Moscow University Psychology Bulletin*, 2, 147–165. (in Russian)
- Østerås, N., Gulbrandsen, P., Garratt, A., Benth, J. S., Dahl, F. A., Natvig, B., & Brage, S. (2008). A randomised comparison of a four- and a five-point scale version of the Norwegian Function Assessment Scale. *Health and Quality of Life Outcomes*, 15(6), Article 14. <https://doi.org/10.1186/1477-7525-6-14>
- Preston, C. C., & Colman, A. M. (2000). Optimal number of response categories in rating scales: reliability, validity, discriminating power, and respondent preferences. *Acta Psychologica*, 104(1), 1–15. [https://doi.org/10.1016/S0001-6918\(99\)00050-5](https://doi.org/10.1016/S0001-6918(99)00050-5)
- Revilla, M. A., Saris, W. E., & Krosnick, J. A. (2014). Choosing the number of categories in agree-disagree Scales. *Sociological Methods & Research*, 43(1), 73–97. <https://doi.org/10.1177/0049124113509605>
- Ryl'skaya, E. A. (2016). Test “Human System Capability”: working out and psychometrical characteristics. *Sotsium i Vlast'*, 1(57), 25–30. (in Russian)
- Sixbey, M. T. (2005). *Development of the Family Resilience Assessment Scale to Identify Family Resilience Constructs* [Doctoral dissertation]. University of Florida, USA.
- Southwick, S. M., Bonanno, G. A., Masten, A. S., Panter-Brick, C., & Yehuda, R. (2014). Resilience definitions, theory, and challenges: interdisciplinary perspectives. *European Journal of Psychotraumatology*, 5(1). <https://doi.org/10.3402/ejpt.v5.25338>
- Taherdoost, H. (2019). What is the best response scale for survey and questionnaire design; Review of different lengths of rating scale / attitude scale / Likert scale. *International Journal of Academic Research in Management (IJARM)*, 8(1), 1–10.
- Varich, V. N., & Klimovich, A. V. (2015). Zhelaemyi obraz sem'i v tsennostnom soznanii sovremennykh belorusov i rossiyan [Family desired image in the value consciousness of modern Belarusians and Russians]. *Vestnik Brestskogo Universiteta. Seriya 2. Istoriya. Ekonomika. Pravo*, 1, 118–124.
- Walsh, F. (2013). Community-based practice applications of a family resilience framework. In D. Becvar (Ed.), *Handbook of family resilience* (pp. 65–82). New York, NY: Springer. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-3917-2_5
- Walsh, F. (2016). Family resilience: a developmental systems framework. *European Journal of Developmental Psychology*, 13(3), 313–324. <https://doi.org/10.1080/17405629.2016.1154035>
- Zhou, J., He, B., He, Y., Huang, W., Zhu, H., Zhang, M., & Wang, Y. (2020). Measurement properties of family resilience assessment questionnaires: a systematic review. *Family Practice*, 37(5), 581–591. <https://doi.org/10.1093/fampra/maa027>

Шкала оценки жизнеспособности семьи FRAS-RII

Каких людей Вы считаете членами своей семьи? Перечислите их. Ваша семья может включать в себя любых людей по Вашему усмотрению.

С кем Вы живете?

Вспомните и напишите одно из неблагоприятных событий в Вашей семье. Примерами таких событий могут быть развод, смерть, переезд, потеря работы и т.д.

Какой уровень интенсивности, по Вашему мнению, это событие имело для Вашей семьи?

Обведите цифру ниже, где 1 – отсутствующая или низкая интенсивность, а 10 – высокая.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

Укажите, каких членов своей семьи Вы вспоминаете, размышляя об этом событии и оценивая его.

После этого события связь в Вашей семье...

- стала более дистантной (вы отдалились друг от друга);
- осталась прежней;
- стала более близкой (вы стали ближе друг к другу).

Выберите тот ответ, который наиболее характерен для Вашей семьи.

Пожалуйста, внимательно прочтите каждое утверждение. Решите, насколько хорошо оно описывает Вашу семью теперь:

№	Утверждения	Всегда	Часто	Иногда	Редко	Никогда
1	Наша семья гибко реагирует на непредвиденные обстоятельства					
2	Наши друзья ценят нас такими, какие мы есть					
3	То, что мы делаем друг для друга, заставляет нас чувствовать себя семьей					
4	Мы принимаем стрессовые события как часть нашей жизни					

№	Утверждения	Всегда	Часто	Иногда	Редко	Никогда
5	Мы признаем, что проблемы могут возникать неожиданно					
6	Мы все участвуем в принятии важных семейных решений					
7	Мы можем преодолевать страдания и приходить к взаимопониманию					
8	В нашей семье мы понимаем друг друга					
9	Мы можем обратиться за разъяснениями, если не понимаем друг друга					
10	В нашей семье все честны и откровенны друг с другом					
11	Мы можем пойти на компромисс, когда возникают проблемы					
12	Мы можем рассчитывать на поддержку других людей.					
13	В нашей семье, если непонятно, можно открыто уточнить смысл высказывания					
14	Мы можем решить основные проблемы					
15	Мы справимся, если возникнет еще одна проблема					
16	Мы можем обсуждать то, как мы взаимодействуем в нашей семье					
17	Мы можем справляться с трудностями всей семьей					
18	Мы советуемся друг с другом при принятии решений					
19	Мы представляем проблему с позитивной стороны, чтобы ее решить					
20	Мы обсуждаем проблемы и совместно их решаем					
21	Мы обсуждаем различные вопросы до тех пор, пока не примем решение					
22	Мы можем свободно выражать свое мнение в семье					
23	Нам нравится уделять время и силы нашей семье					
24	Мы считаем, что люди готовы помочь нам в чрезвычайной ситуации					
25	В нашем социальном окружении мы чувствуем себя в безопасности					
26	Мы чувствуем себя сильными перед лицом значимых проблем					
27	У нас есть силы для решения своих проблем					
28	Мы знаем, что, если возникнут проблемы, другие люди нам помогут					
29	Мы знаем, что мы важны для наших друзей					
30	Мы все разделяем ответственность в семье					
31	Мы проявляем любовь и привязанность к членам семьи					
32	Мы говорим друг другу, как сильно мы ценим каждого					
33	Даже в трудные минуты мы верим, что все разрешится					
34	Мы ищем новые способы решения проблем					
35	Мы ориентируемся на общие для семьи нравственные принципы					

№	Утверждения	Всегда	Часто	Иногда	Редко	Никогда
36	Мы поддерживаем общие для семьи традиции					
37	Мы создаем новые семейные традиции					
38	Пережитый нами опыт сделал нас способными сочувствовать другим					
39	Нам помогают преодолевать трудности общие смыслы и ценности					
40	Чтобы справиться с невзгодами, мы опираемся на духовные ресурсы нашей семьи					
41	Есть ли что-то еще, что помогло Вашей семье пережить неблагоприятное событие, но не было описано или обсуждено выше?					

Ключ для обработки данных. Для подсчета результатов по каждой субшкале необходимо суммировать баллы соответствующих пунктов, приведенных в таблице. Итоговый балл жизнеспособности семьи получится при сложении баллов всех четырех субшкал. Все пункты прямые. Ответ «никогда» оценивается в 1 балл, «редко» — в 2 балла, «иногда» — в 3 балла, «часто» — в 4 балла, «всегда» — в 5 баллов.

Субшкалы	Пункты
Семейная коммуникация и семейная связность	3, 6, 8 11, 16, 18, 20–23, 30–32
Позитивный прогноз и решение проблем	14, 15, 17, 19, 26, 27, 33, 34
Принятие и гибкость	1, 4, 5, 7, 13
Социальные ресурсы	2, 12, 24, 25, 28, 29
Духовность семьи	35–40

РУССКОЯЗЫЧНАЯ АДАПТАЦИЯ ОПРОСНИКОВ СТИЛЕЙ И ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЯХ

О.А. СЫЧЕВ^а, И.В. АНОШКИН^б

^а *Алтайский государственный педагогический университет, 656031, Россия, Алтайский край, Барнаул, ул. Молодежная, д. 55*

^б *Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (ФГБОУ ВО КФУ имени В.И. Вернадского), 295007, Россия, Симферополь, проспект Академика Вернадского, д. 4*

Russian-Language Versions of Inventories Measuring Styles and Effectiveness of Conflict Resolution in Close Relationships

O.A. Sychev^a, I.V. Anoshkin^b

^а *Altai State Pedagogical University, 55 Molodezhnaya Str., 656031, Barnaul, Russian Federation*

^б *V.I. Vernadsky Crimean Federal University, 4 Akademika Vernadskogo Ave., 295007, Simferopol, Russian Federation*

Резюме

Представлены результаты разработки русскоязычных версий двух методик, предложенных Л.А. Курдеком для анализа особенностей решения конфликтов в близких отношениях: «Опросника неэффективного решения конфликтов» (Ineffective Arguing Inventory) и «Опросника стилей решения конфликтов» (Conflict Resolution Style Inventory). Теоретической основой методик являются результаты исследований, раскрывших важную роль конфликтов в устойчивости семьи и охарактеризовавших непродуктивный паттерн конфликтного поведения. На выборке из 415 человек (43% мужчин) в возрасте от 18 до 66 лет ($M = 28.02$; $SD = 8.05$), состоящих в добрачных (45%) или супружеских (55%) отношениях, была подтверждена факторная структура методик с помощью подтверждающего факторного анализа, а также получены

Abstract

The article presents the results of the development of Russian-language versions of two inventories proposed by L. A. Kurdek to assess the conflicts in close relationships: The Ineffective Arguing Inventory and the Conflict Resolution Style Inventory. The theoretical basis of these inventories is the result of studies that have revealed the important role of conflict in the stability of the family and described the unproductive pattern of conflict behavior. In a sample of 415 people (43 % men) aged 18 to 66 years old ($M = 28.02$; $SD = 8.05$) in premarital (42%) or marital (58%) relationships the factor structure of the questionnaires was confirmed using confirmatory factor analysis, as well as acceptable internal consistency coefficients of the scales were

данные о приемлемой внутренней согласованности шкал. О валидности предложенных методик свидетельствуют ожидаемые связи неэффективного решения конфликтов и трех шкал стилей (позитивного, вовлекающегося и отстраняющегося) с показателями частоты конфликтов в паре, удовлетворенности отношениями, стиля привязанности, эмпатии и склонности к прощению. Четвертый стиль решения конфликтов (уступчивый) показал слабые корреляции лишь с некоторыми критериями валидности, что отражает значительно менее важное место этого стиля в конфликтах добрачных и супружеских пар. Связи стилей и эффективности решения конфликтов с возрастом и продолжительностью отношений не обнаружены, слабые гендерные различия (в пользу женщин) проявляются лишь в оценке склонности к позитивному стилю решения конфликтов. Предложенные методики могут принести пользу в будущих исследованиях конфликтов в близких отношениях, а также в психопрофилактической и консультационной работе.

Ключевые слова: супружеские конфликты, стиль решения конфликтов, стиль привязанности, удовлетворенность отношениями, прощение, эмпатия.

Сычев Олег Анатольевич – старший научный сотрудник, научно-исследовательский отдел, Алтайский государственный педагогический университет, кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: психология мотивации, позитивная психология, психометрика. Контакты: osn1@mail.ru

Аношкин Игорь Владимирович – доцент, кафедра социальной психологии, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: психология межличностных отношений, позитивная психология. Контакты: iva105@mail.ru

obtained. The validity of the questionnaires is proved by the expected correlations of ineffective arguing and three conflict resolution style scales (positive, conflict engagement, and withdrawal) with indicators of the frequency of conflicts in a couple, relationship satisfaction, attachment style, empathy, and forgiveness. The fourth conflict resolution style (compliance) showed weak correlations with only some validity criteria, which reflects a less important role of this style in the conflicts of premarital and married couples. Correlations of conflict scales with age and duration of relationships were not significant, weak gender differences were revealed only in the tendency to a positive style of conflict resolution (higher in women). The proposed inventories can be useful in future studies of marital conflict, as well as in preventive and counselling work.

Keywords: marital conflicts, conflict resolution style, attachment style, relationship satisfaction, forgiveness, empathy.

Oleg A. Sychev – Senior Research Fellow, Research Department, Altai State Pedagogical University, PhD in Psychology. Research Area: psychology of motivation, positive psychology, psychometrics. E-mail: osn1@mail.ru

Igor V. Anoshkin – Associate Professor, Department of Social Psychology, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, PhD in Psychology. Research Area: psychology of interpersonal relationships, positive psychology. E-mail: iva105@mail.ru

Актуальность проблемы конфликтов в близких отношениях определяется их важной ролью в удовлетворенности отношениями и в их стабильности (Кожухарь, 2021; Сычев, Казанцева, 2017; Gottman, 1993b; Kurdek, 1994, 1998; Todorov et al., 2021). Конфликты и стилевые особенности их решения привлекают научный интерес также в связи с проблемами насилия со стороны партнера (Aguilera-Jiménez et al., 2021; Bonache et al., 2016), последствий родительских

конфликтов для ребенка (Ran et al., 2021) и их влияния на соматическое и психическое здоровье супругов (Frye-Cox et al., 2021).

Супружеский конфликт представляет собой явное противоречие между супругами, которое характеризуется ими как несогласие друг с другом или источник трудностей в отношениях (Fincham, 2009, p. 298). Одной из задач исследования супружеских конфликтов является анализ различных поводов, провоцирующих конфликты, что позволяет уточнить роль связанных с ними социальных и демографических факторов (Пишняк, 2009; Williamson et al., 2013). Другой важной задачей с учетом запросов психологической практики представляется анализ поведения супругов в конфликтных ситуациях. Для повышения эффективности психологической профилактики и консультирования важными являются вопросы: что предпринимают для решения конфликтов благополучные и неблагополучные пары? Какие стратегии поведения и лежащие в их основе личностные качества делают более вероятным эффективное решение конфликтов?

Особенности поведения супругов в конфликтных ситуациях и их диагностика

На основе обобщения эмпирических исследований поведения супругов в конфликтных ситуациях (Gottman, 1994; Heavey et al., 1993) Л.А. Курдек пришел к выводу о том, что существует типичный паттерн неэффективного решения конфликтов, который характеризуется тремя важными признаками:

- а) наличием регулярных споров по одним и тем же вопросам;
- б) пониманием, чем конфликт закончится, еще до его начала;
- в) завершением спора без достижения решения, с чувством, что каждого партнера до конца не выслушали и не услышали (Kurdek, 1994).

На основе этого паттерна им был разработан «Опросник неэффективного решения конфликтов» (Ineffective Arguing Inventory, IAI), позволяющий оценить, насколько плохо или хорошо пара справляется с конфликтами (Ibid.). Л.А. Курдек утверждал, что практическое значение этого паттерна определяется доказанной в исследованиях обратной связью со стабильностью супружеских отношений (Gottman, 1994; Kurdek, 1994). Вывод о важной роли паттерна неэффективного решения конфликтов согласуется с разработанной в те же годы теорией стабильности и распада брака Дж. Готтмана (Gottman, 1993а), в рамках которой предполагается, что для неблагополучных, нестабильных пар характерно восприятие имеющихся конфликтов как неразрешимых. Представление о неразрешимости конфликтов в сочетании с интенсивным выражением негативных эмоций и потерей контроля в ходе конфликтов заставляет избегать коммуникации друг с другом и приводит к растущему отстранению супругов, в конечном итоге способствуя распаду брака.

В рамках каскадной модели распада отношений Дж. Готтман описал несколько стратегий общения, которые особенно вредны для отношений, — это критика, выражение презрения, самозащита и отстранение (уход от коммуникации) (Gottman, 1993а). Он пришел к этому выводу на основе наблюдения и видео-

фиксации поведения супругов в конфликтных ситуациях с последующей экспертной оценкой полученных материалов (Gottman, 1993b; Gottman, Krokoff, 1989). Так, например, в исследовании 1989 г. (Gottman, Krokoff, 1989) в результате подобного анализа поведения 25 супружеских пар были изучены долгосрочные последствия нескольких стилей поведения супругов в конфликтной ситуации. К числу таких стилей относятся:

- позитивный стиль, направленный на решение конфликтов путем принятия ответственности, поиска компромиссов, конструктивного обсуждения и осмысления;
- вовлекающийся, включающий проявления несогласия с партнером, злости, враждебности, критики, «перехода на личности»;
- уступчивый, проявляющийся в демонстрации согласия и одобрения для избегания конфликтов;
- отстраняющийся, который проявляется в отсутствии реакции на поведение партнера, в отсутствии ответов на его/ее высказывания, в нерелевантных ответах, отражающих нежелание обсуждать проблему, в избегании общения;
- защитный, сконцентрированный на самозащите и отрицании ответственности;
- упрямый, связанный с несговорчивостью, недовольством, стремлением командовать и подавлять партнера.

Опираясь на результаты этого исследования, Л.А. Курдек предложил опросник стилей решения конфликтов (Conflict Resolution Styles Inventory, CRSI), предоставляющий возможность оценки четырех наиболее типичных и важных стилей из числа охарактеризованных выше: позитивного, вовлекающегося, уступчивого и отстраняющегося (Kurdek, 1994). Два из них полностью совпадают с угрожающими стабильности брака стратегиями поведения по Дж. Готтману (Gottman, 1993a): для вовлекающегося стиля характерны критика и выражение презрения, нападки на личность партнера, а также потеря контроля, в то время как отстраняющийся стиль отражает уход от коммуникации. При этом только один из этих стилей — позитивный — является благоприятным с точки зрения текущей удовлетворенности отношениями: между ними обнаруживается умеренная прямая связь (Kurdek, 1994). Остальные три стиля демонстрируют умеренные обратные связи с удовлетворенностью.

В полном соответствии с предсказаниями каскадной модели распада отношений Дж. Готтмана (Gottman, 1993a) предикторами расставания пары оказались вовлекающийся и отстраняющийся стили (Kurdek, 1994). При этом шкала уступчивого стиля показывает наименьшие, довольно слабые обратные связи с удовлетворенностью отношениями и стабильностью пары (Ibid.), что свидетельствует о его меньшей негативной роли и, вероятно, противоречивых последствиях. По этой причине, а также с учетом умеренной внутренней согласованности шкалы в некоторых последующих исследованиях она не использовалась (Kurdek, 1998) и отсутствует в испаноязычной версии опросника (Bonache et al., 2016).

Предложенный Л.А. Курдеком подход к оценке поведения супругов в конфликтной ситуации был разработан под влиянием эмпирических исследований Дж. Готтмана и во многом близок к его идеям, получившим выражение в теории стабильности и распада брака и каскадной модели распада отношений (Gottman, 1993a). Тем не менее измеряемые шкалами Л.А. Курдека конструкции не являются точной операционализацией получивших известность теоретических представлений Дж. Готтмана о супружеских конфликтах, поскольку опираются на его более ранние работы. Близкая, но не сводимая к теории Дж. Готтмана концепция Л.А. Курдека, положенная в основу его шкал, также получила широкое признание в мировой психологии, о чем свидетельствует разработка ее адаптированных версий на разных языках (Bonache et al., 2016; Fortin et al., 2020; Herzberg, Sierau, 2010; Zanella Delatorre et al., 2017).

Личностные факторы супружеских конфликтов и стилей их решения

Среди личностных факторов, определяющих поведение в конфликтных ситуациях, помимо достаточно очевидных черт, таких как агрессивность, низкий уровень доброжелательности и т.п., важное место занимает стиль привязанности. Концепция стиля привязанности относится к числу наиболее общих моделей, объясняющих широкий круг особенностей поведения в близких отношениях, включая эффективность решения конфликтов и особенности поведения в конфликтных ситуациях (Fraley, 2019). Она описывает отношение к значимым другим одновременно в когнитивных (обобщенная модель себя и партнера) и эмоционально-поведенческих (тревога и избегание) терминах. При этом тревога, соответствующая негативному образу себя, и избегание, связанное с негативным образом другого, выступают в качестве двух основных параметров, характеризующих ненадежные стили привязанности (Ibid.).

На примере детско-родительских отношений показано, что стиль привязанности к родителям в юношеской выборке связан с общей конфликтностью, которая рассматривается как «интегральное свойство субъекта, отражающее частоту вступления в межличностные конфликты» (Красило, Кежватова, 2017, с. 86). Наименьшей конфликтностью характеризуются лица с надежным стилем привязанности, в то время как максимальная присуща лицам с тревожным стилем (Красило, Кежватова, 2017). Относительно романтической привязанности известно, что надежный стиль связан с использованием адаптивных стратегий решения конфликтов в близких отношениях, в то время как ненадежные стили (тревожный и избегающий) — с неадаптивными стратегиями (González-Ortega et al., 2021; Paquette et al., 2020). С использованием методики CRSI и регрессионного анализа на бразильской выборке было показано, что вовлеченный и отстраняющийся стили прямо связаны с тревожной привязанностью, в то время как уступчивый стиль показывает зависимость от избегания (Scheeren et al., 2015).

Одним из возможных объяснений влияния привязанности на конфликтное поведение супругов является важная роль в супружеской жизни сформированности эмоциональной регуляции в целом и, в частности, эмпатии как

способности к пониманию эмоций другого и к сопереживанию (Chung, 2014). При этом в соответствии с теорией привязанности эмоциональная регуляция и эмпатия формируются на основе раннего детского опыта привязанности к значимому другому (Mikulincer, Shaver, 2019).

Выступающая в качестве одного из основных элементов эмпатии готовность к децентрации характеризует способность учитывать точку зрения, переживания и опыт другого человека, увидеть ситуацию с позиции партнера (Карягина, Кухтова, 2016). Неспособность к децентрации затрудняет взаимопонимание и существенно усложняет поиск решения конфликта. К настоящему времени получены немногочисленные, но хорошо соответствующие теоретическим ожиданиям данные о связи адаптивных стратегий решения конфликтов с эмпатией (см. обзор в: Klimecki, 2019). Исследование роли эмпатии в конфликтах с помощью адаптируемой в этом исследовании методики CRSI на примере стиля поведения подростков в конфликте с матерью показало наличие различных влияний эмпатии на разные стили поведения (de Wied et al., 2007). Также было показано, что эмпатия выступает в качестве медиатора связи избегания как параметра стиля привязанности с удовлетворенностью супругов браком (Chung, 2014), причем в этом исследовании влияние привязанности и эмпатии на удовлетворенность было также частично опосредовано способностью к прощению.

Способность к прощению выступает в качестве важного фактора конфликтного поведения, опосредующего влияние эмпатии и привязанности на супружеские конфликты (McCullough et al., 1998; Fincham et al., 2004; Fincham, 2010). Отмечая разнообразие подходов к определению прощения, Ф.Д. Финчем подчеркивает, что центральной для них является идея свободной и произвольной трансформации своих мотивов, результатом которой является преодоление желаний отомстить и избежать контактов с обидчиком (Fincham, 2010). Негативные переживания и вызванные ими мотивы мести или избегания являются довольно типичными явлениями в близких отношениях, возникающими вследствие обид, полученных в ходе конфликта. Непрощенные обиды могут перерасти в будущие конфликты и мешать восстановлению согласия, запуская тем самым спираль негативного взаимодействия, характерную для проблемных отношений (Ibid.). Прощение способствует более эффективному решению конфликтов ввиду наличия связанной с ним способности осознавать собственные эмоции и управлять ими, а также готовности проявлять эмпатию по отношению к другой стороне конфликта (Кононова, Пуговкина, 2018). Прощение также сочетается с использованием позитивных атрибуций причин поступков партнера (Fincham, 2010). Преодоление негативных переживаний, вызванных прошлыми обидами, посредством прощения помогает лучше понимать точку зрения партнера и использовать позитивные атрибуции, что в итоге приводит к более конструктивным стратегиям поведения в конфликтной ситуации.

Таким образом, привязанность, эмпатия и прощение составляют теоретически обоснованную систему факторов, объясняющих особенности поведения супругов в конфликтных ситуациях. Хотя детализация связей внутри этой

системы составляет отдельную проблему, в контексте задач данного исследования важно, что можно ожидать достаточно существенный вклад этих факторов в конфликтное поведение супругов.

Диагностика супружеских конфликтов в отечественной науке

Психологическое исследование супружеских конфликтов затрудняется нехваткой современного инструментария, позволяющего надежно и вместе с тем экономично измерять особенности конфликтного поведения супругов. В нашей стране внимание психологов в большей мере привлекали вероятные причины и поводы супружеских конфликтов, для диагностики которых были разработаны соответствующие опросники. Примером подобной методики является опросник Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозмана и Е.М. Дубовской «Характер взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях» (Алешина и др., 1987). Он позволяет оценить общий уровень конфликтности пары, отражающий частоту возникновения конфликтов, а также выделить наиболее конфликтогенные сферы семейных отношений. Стимульный материал состоит из 32 подробно описанных ситуаций, в которых вероятно возникновение конфликта. Несмотря на популярность этого опросника, сведения о его психометрических характеристиках (внутренней согласованности шкал, валидности, факторной структуре) в литературе отсутствуют.

Еще одним примером является разработанная В.П. Левкович и О.Э. Зуськовой методика «Межличностный семейный конфликт» (Левкович, Зуськова, 1987), в основу которой положено представление о том, что причиной конфликтов являются противоречия в потребностной сфере супругов. Согласованность их представлений относительно собственных потребностей и потребностей партнера оценивается по 11 шкалам на основе ответов на 168 пунктов. Психометрические характеристики этой методики также неизвестны.

Русскоязычных методик для оценки стиля поведения супругов в конфликтной ситуации обнаружить не удалось. Иногда для решения этой задачи применяется тест Томаса, русскоязычная версия которого разработана на основе методики К. Томаса и Р. Килманна (Kilmann, Thomas, 1977). Хотя этот тест в большей мере ориентирован на анализ конфликтного поведения в организационной сфере, его также пытаются применять в исследованиях супружеских конфликтов (см., например: Бородина, Ваккер, 2014; Данилова, 2020). Поскольку данный опросник не учитывает специфики близких отношений, его валидность как инструмента оценки поведения в супружеских конфликтах сомнительна. Также вызывает недоумение тот факт, что, несмотря на длительную историю использования данной методики в нашей стране, до сих пор отсутствуют сведения о ее психометрических характеристиках, хотя их важность сложно переоценить с учетом данных об умеренной внутренней согласованности шкал оригинальной версии (Thomas, Kilmann, 1978).

Таким образом, в отечественной психологической диагностике супружеских конфликтов основное внимание уделялось их вероятным причинам и

поводам, при этом надежный и валидный инструмент оценки стиля поведения в конфликтной ситуации до сих пор отсутствует. Общей проблемой русскоязычных методик диагностики супружеских конфликтов является недостаточность сведений об их психометрических характеристиках, что закономерно вызывает сомнения в их валидности. Также ощущается нехватка кратких шкал, пригодных для экспресс-опросов и использования в составе объемных исследовательских батарей.

Более современные, компактные и надежные шкалы для оценки конфликтов в супружеских парах разрабатываются также для нужд социологических исследований: их примеры можно найти в работе А.И. Пишняк (Пишняк, 2009). Вместе с тем они предназначены для решения социологических задач и не связаны непосредственно с психологическими теориями конфликтов, что ограничивает их применение в психологических исследованиях. Следовательно, можно констатировать дефицит инструментария для нужд психологических исследований супружеских конфликтов.

С учетом отмеченного дефицита русскоязычного инструментария целью данного исследования стала русскоязычная адаптация методик IAI и CRSI с анализом их факторной структуры, внутренней согласованности и валидности. В основу исследования была положена гипотеза о том, что предложенные русскоязычные версии опросников представляют собой надежные и валидные инструменты с ожидаемой факторной структурой. В ходе валидации проверялись частные гипотезы о том, что показатели по методикам IAI и CRSI обнаруживают ожидаемые статистически значимые связи с удовлетворенностью отношениями, а также со стилями привязанности, эмпатией и прощением. Отдельной задачей стал также анализ связи измеряемых особенностей поведения в конфликтной ситуации с некоторыми социально-демографическими характеристиками: полом, возрастом, типом и продолжительностью близких отношений, наличием или отсутствием детей, а также с материальным положением семьи. Выбор этих характеристик определяется имеющимися в литературе сведениями об их вероятной связи с конфликтностью и благополучием пары (Данилова, 2020; Пишняк, 2009; Сычев, Казанцева, 2017).

Выборка, методы и методики исследования

Выборку составили 415 студентов очного и заочного отделений Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского в возрасте от 18 до 66 лет (средний возраст $M = 28.02$; $SD = 8.05$), из них 237 (57%) женщин, 178 (43%) мужчин. Из числа опрошенных в добрачных отношениях состоят 175 (45%) человек, в супружеских — 240 (55%). Опрос проводился онлайн, преподаватели приглашали студентов принять участие в исследовании «факторов удовлетворенности близкими отношениями». Обратная связь по результатам исследования или вознаграждение за участие не предоставлялись.

Из числа опрошенных в зарегистрированных супружеских отношениях состоят 155 человек (37% выборки, из них 91 женщина и 64 мужчины), в фактическом

браке — 85 (21%, 48 женщин и 37 мужчин), в серьезных добрачных отношениях — 61 (15%, 33 женщины и 28 мужчин), остальные (114 человек, 27%, 65 женщин и 49 мужчин) сообщили, что у них «просто есть друг/подруга». Средняя продолжительность отношений во всей выборке составила 4.84 года (SD = 6.23), в группе зарегистрированных супружеских отношений — 7.23 (SD = 5.94), в фактическом браке — 5.98 (SD = 5.55), в группе серьезных добрачных отношений — 2.35 (SD = 6.21), в группе сообщивших о наличии друга/подруги — 2.07 (SD = 5.54).

Текст методик «Опросник неэффективного решения конфликтов» и «Опросник стилей решения конфликтов» Л.А. Курдека (Kurdek, 1994) был переведен на русский язык двумя психологами, имеющими опыт исследования проблем психологии семьи и близких отношений и хорошо владеющими английским языком. После обсуждения разногласий в переводе был сформулирован текст методик, который использовался в ходе пилотажного исследования, направленного на оценку внутренней согласованности шкал. Его результаты показали, что в опроснике стилей решения конфликтов задания № 2 и 4 имеют слабую корреляцию со своей шкалой. Формулировка этих заданий была изменена таким образом, чтобы их содержание полнее отражало смысл соответствующей шкалы. В итоге был получен текст методик, который использовался далее на основном этапе исследования.

«Опросник неэффективного решения конфликтов» состоит из восьми утверждений (см. Приложение 1), из которых три обратных и пять прямых. Согласие с каждым из утверждений требуется оценить по шкале от 1 — совершенно не согласен до 5 — полностью согласен. «Опросник стилей решения конфликтов» включает 16 утверждений (см. Приложение 2), образующих четыре шкалы, для ответов используется пятибалльная шкала.

В качестве критерия валидности, непосредственно характеризующего частоту и интенсивность конфликтов внутри пар, использовалась методика из исследования А.И. Пишняк (Пишняк, 2009). В ней требуется оценить частоту конфликтов по девяти различным поводам (например, деньги, отношения с родителями и пр.) с помощью пятибалльной шкалы, итоговый показатель вычислялся как среднее значение. Аналогичные по форме и содержанию шкалы нередко применяются в зарубежных исследованиях (см., например: Amato, Cheadle, 2008). Коэффициенты внутренней согласованности (альфа Кронбаха) для этой и других использовавшихся шкал приведены в таблице 1.

Для оценки удовлетворенности супружескими отношениями использовалась «Шкала оценки отношений» С. Хендрик в адаптации О.А. Сычева (Сычев, 2016). Диагностика стиля привязанности в близких отношениях проводилась с помощью русскоязычной версии «Переработанного опросника — Опыт близких отношений» (ECR-R), предложенной К.А. Чистопольской с соавторами (Чистопольская и др., 2018), включающей шкалы тревожности и избегания. Для оценки способности к децентрации как одного из показателей эмпатии, имеющего существенное значение в конфликтной ситуации, использовалась шкала «Децентрация» из теста эмпатии М. Дэвиса, адаптированного Т.Д. Карягиной и Н.В. Кухтовой (Карягина, Кухтова, 2016).

Таблица 1

Описательная статистика по шкалам неэффективности и стилей решения конфликтов и их корреляции с другими показателями (N = 415)

Шкалы и показатели	α	Неэффективность решения конфликтов	Вовлекающийся стиль	Позитивный стиль	Отстраняющийся стиль	Уступчивый стиль
Неэффективность решения конфликтов	0.85	–				
Вовлекающийся стиль	0.75	0.55***	–			
Позитивный стиль	0.84	–0.64***	–0.48***	–		
Отстраняющийся стиль	0.71	0.49***	0.55***	–0.43***	–	
Уступчивый стиль	0.68	0.19***	0.11*	–0.11*	0.26***	–
Частота конфликтов	0.85	0.57***	0.43***	–0.47***	0.34***	0.18***
Шкала оценки отношений	0.88	–0.64***	–0.34***	0.41***	–0.39***	–0.11*
Тревожность	0.88	0.57***	0.42***	–0.36***	0.42***	0.21***
Избегание	0.80	0.48***	0.36***	–0.36***	0.41***	0.21***
Склонность к прощению	0.65	–0.21***	–0.36***	0.17***	–0.36***	0.00
Склонность к прощению в близких отношениях	0.66	–0.42***	–0.33***	0.30***	–0.40***	–0.06
Децентрация	0.64	–0.33***	–0.24***	0.44***	–0.17***	–0.06
Среднее		2.39	2.37	3.75	2.45	2.38
Стандартное отклонение		0.89	0.93	0.91	0.93	0.80
Асимметрия		0.44	0.37	–0.25	0.43	0.24
Эксесс		–0.39	–0.55	–0.94	–0.47	–0.10

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Для оценки склонности прощать партнера применялись две шкалы. Во-первых, использовалась шкала «Склонность к прощению» из русскоязычной версии опросника «Склонность к прощению и установки по отношению к прощению проступков», разработанной А.П. Кононовой и О.Д. Пуговкиной (Кононова, Пуговкина, 2018). Она измеряет склонность к прощению как общую диспозицию, проявляющуюся в различных отношениях. Для измерения более специфичной склонности к прощению в близких отношениях была составлена шкала из четырех утверждений (два прямых и два обратных) (например: «После спора с любимым человеком я могу легко забыть обо всех разногласиях и снова наслаждаться общением с ним/ней»). Степень согласия

с каждым оценивалась по семибалльной шкале. Однофакторная модель данной шкалы (с добавлением ковариации между двумя обратными пунктами) в ходе конфирматорного факторного анализа показала отличное соответствие данным: $\chi^2 = 1.56$; $df = 1$; $p = 0.211$; CFI = 0.997; TLI = 0.981; RMSEA = 0.037; 90%-ный доверительный интервал для RMSEA: 0.000–0.142; PCLOSE = 0.420.

Опросникам предшествовала анкета, предназначенная для оценки социально-демографических характеристик участников исследования, включающая вопросы об их возрасте, продолжительности текущих отношений, наличии детей и материальном положении семьи (по пятибалльной шкале от 1 — очень тяжелое до 5 — очень хорошее). Кроме того, для учета типа близких отношений задавался вопрос «В каких близких отношениях Вы состоите в настоящее время?» с четырьмя вариантами ответа (1 — у меня просто есть друг/подруга, 2 — у нас серьезные добрачные отношения (я помолвлен(а)), 3 — живем вместе, но отношения не зарегистрированы в ЗАГСе, 4 — состою в официальном браке). Первые два ответа рассматривались как индикаторы добрачных отношений, последние два — супружеских отношений.

Статистический анализ данных проводился в среде статистического анализа R с использованием коэффициента корреляции Пирсона, t-критерия Стьюдента и описательных статистик. Конфирматорный факторный анализ (КФА) с помощью метода взвешенных наименьших квадратов с использованием матрицы полихорических корреляций (WLSMV) был выполнен в программе Mplus 8. В ходе оценки соответствия модели данным использовались следующие критерии: о хорошем соответствии говорят значения среднеквадратической ошибки аппроксимации RMSEA и стандартизованного среднеквадратического остатка SRMR < 0.05, а также величина сравнительного индекса согласия CFI > 0.95. Признаками приемлемого соответствия данным считают значения RMSEA и SRMR < 0.05, а также CFI > 0.90 (Bentler, 1990; Browne, Cudeck, 1993).

Результаты

Анализ факторной структуры «Опросника неэффективного решения конфликтов» с помощью КФА показал, что однофакторная модель недостаточно хорошо соответствует данным: $\chi^2 = 121.04$; $df = 20$; $p < 0.001$; CFI = 0.971; TLI = 0.959; SRMR = 0.035; RMSEA = 0.110; 90%-ный доверительный интервал для RMSEA: 0.092–0.130; PCLOSE < 0.001. С учетом наличия в структуре методики трех обратных заданий в модель был добавлен фактор, объединяющий эти пункты, но не коррелирующий с первым фактором (см. рисунок 1). Такая модель показала приемлемое соответствие данным: $\chi^2 = 45.12$; $df = 17$; $p < 0.001$; CFI = 0.992; TLI = 0.987; SRMR = 0.021; RMSEA = 0.063; 90%-ный доверительный интервал для RMSEA: 0.041–0.086; PCLOSE = 0.152.

Результаты КФА для «Опросника стилей решения конфликтов» показали, что модель с четырьмя факторами, соответствующими шкалам опросника (см. рисунок 2), характеризуется удовлетворительным соответствием данным: $\chi^2 = 268.49$;

Рисунок 1

Структурная модель Опросника неэффективного решения конфликтов (все коэффициенты значимы при $p \leq 0.05$, остатки опущены для упрощения рисунка)

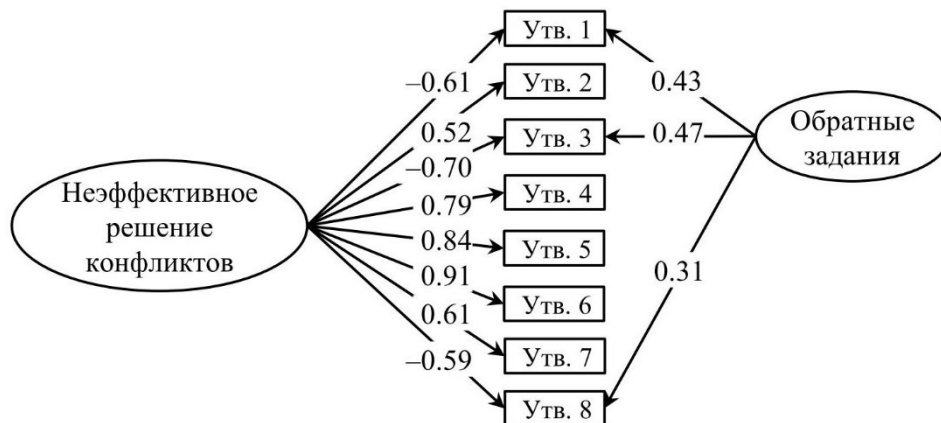
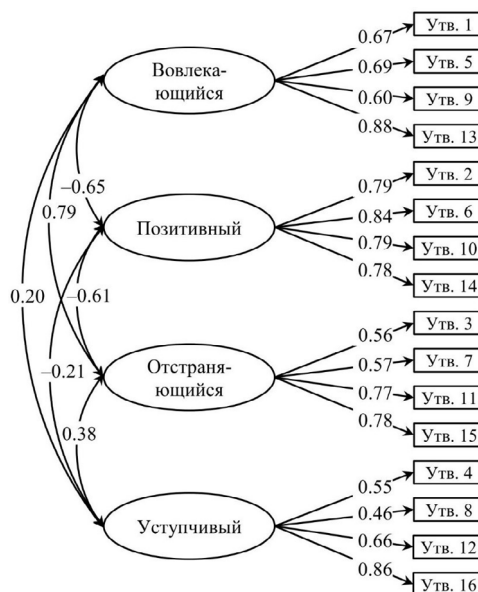

Рисунок 2

Структурная модель Опросника стилей решения конфликтов (все коэффициенты значимы при $p \leq 0.05$, остатки опущены для упрощения рисунка)

$df = 98$; $p < 0.001$; $CFI = 0.967$; $TLI = 0.960$; $SRMR = 0.047$; $RMSEA = 0.065$; 90%-ный доверительный интервал для $RMSEA$: 0.056–0.074; $PCLOSE = 0.005$.

Коэффициенты α Кронбаха, приведенные в таблице 1, свидетельствуют о хорошей внутренней согласованности всех шкал, за исключением шкалы уступчивого стиля, величина коэффициента для которого лежит немного

ниже общепринятых границ ($\alpha = 0.68$). Умеренными по величине являются показатели асимметрии (≤ 0.5) и эксцесса (≤ 1), что позволяет говорить о приблизительно нормальном распределении по каждой из шкал (Curran et al., 1996).

С целью анализа валидности были вычислены коэффициенты корреляции адаптированных шкал с различными показателями, характеризующими частоту конфликтов в отношениях и связанные с ней личностные особенности. Полученные результаты (см. таблицу 1) свидетельствуют о наличии прямых связей неэффективности решения конфликтов с частотой конфликтов, тревожностью, избеганием и обратных — с оценкой отношений, склонностью к прощению в целом и в близких отношениях, а также с децентрацией. Аналогичные связи показывают неблагоприятные вовлекающийся и отстраняющийся стили решения конфликтов. Корреляции позитивного стиля также аналогичны, но отличаются противоположным знаком. Уступчивый стиль показал лишь довольно слабые прямые связи с частотой конфликтов, тревожностью и избеганием, при очень слабой обратной связи с оценкой отношений.

Интеркорреляции между стилями указывают на умеренную прямую связь вовлекающегося и отстраняющегося стилей при наличии их обратных связей с позитивным стилем. При этом уступчивый стиль показывает слабые прямые связи с вовлекающимся и отстраняющимся стилем, а также слабую обратную — с позитивным стилем. Неэффективность решения конфликтов довольно сильно обратно коррелирует с позитивным стилем, при наличии прямых связей с вовлекающимся, отстраняющимся и уступчивым стилями.

Статистически значимых корреляций с возрастом и продолжительностью отношений не обнаружилось. Результаты оценки гендерных различий, приведенные в таблице 2, демонстрируют слабую тенденцию к более высокой самооценке склонности к позитивному стилю решения конфликтов у женщин.

Результаты сравнения лиц, состоящих в добрачных и супружеских отношениях, показали отсутствие статистически значимых различий в самооценке

Таблица 2

Сравнение показателей неэффективности решения конфликтов и стилей их решения у мужчин и женщин

Шкалы	Средние значения		Стандартные отклонения		t	df	p	d Коэна
	Ж (N = 237)	М (N = 178)	Ж	М				
Неэффективность решения конфликтов	2.32	2.48	0.93	0.83	-1.83	413	0.069	0.18
Вовлекающийся стиль	2.34	2.41	0.95	0.90	-0.74	413	0.459	0.07
Позитивный стиль	3.86	3.60	0.90	0.91	2.95	413	0.003	0.29
Отстраняющийся стиль	2.46	2.43	0.94	0.91	0.38	413	0.701	0.04
Уступчивый стиль	2.35	2.43	0.82	0.76	-1.02	413	0.310	0.10

эффективности и стилей решения конфликтов. Внутри группы лиц, состоящих в супружеских отношениях, было проведено сравнение бездетных и имеющих детей. Обнаруженные тенденции (см. таблицу 3) демонстрируют невысокий уровень значимости и величину эффекта от слабой до умеренной. Они указывают, что у лиц, имеющих детей, несколько выше оценка неэффективности решения конфликтов, вовлекающегося стиля и уступчивого стиля при меньшей оценке позитивного стиля.

Также для выборки лиц, состоящих в супружеских отношениях, были вычислены коэффициенты корреляции шкал с самооценкой материального положения семьи. В результате была обнаружена лишь одна слабая тенденция при невысоком уровне значимости: низкая оценка материального положения семьи сочетается с большей неэффективностью решения конфликтов ($r = -0.11$; $p < 0.05$).

Обсуждение результатов

Предложенные русскоязычные версии опросников показали ожидаемую факторную структуру и удовлетворительную внутреннюю согласованность шкал. Единственной шкалой, внутренняя согласованность которой оказалась несколько меньше общепринятых стандартов, является шкала уступчивого стиля. Аналогичные результаты были получены при разработке испаноязычной версии опросника (Bonache et al., 2016). Тем не менее, в отличие от испаноязычной версии, эта шкала не была исключена из опросника, так как ее использование (с коэффициентом α Кронбаха не менее 0.65) в исследовательских целях является вполне допустимым (DeVellis, 1991).

Для русскоязычной версии «Опросника неэффективного решения конфликтов» наиболее соответствующей данным оказалась бифакторная модель, в которой, помимо общего фактора, объединяющего все задания, присутствует

Таблица 3

Сравнение показателей неэффективности решения конфликтов и стилей их решения у лиц, имеющих и не имеющих детей

Шкалы	Средние значения		Стандартные отклонения		t	df	p	d Коэна
	Без детей (N = 116)	С детьми (N = 123)	Без детей	С детьми				
Неэффективность решения конфликтов	2.14	2.51	0.86	0.92	-3.20	237	0.002	0.41
Вовлекающийся стиль	2.17	2.46	1	0.96	-2.28	237	0.024	0.29
Позитивный стиль	3.96	3.67	0.87	0.89	2.54	237	0.012	0.33
Отстраняющийся стиль	2.36	2.44	0.92	0.93	-0.69	237	0.488	0.09
Уступчивый стиль	2.21	2.46	0.86	0.77	-2.34	237	0.020	0.30

также «фактор метода», отражающий установку на согласие и невнимательность испытуемых при ответе на обратные задания, что является типичным для подобных шкал (Weijters et al., 2013). Наличие этого фактора в модели не опровергает предположения об одношкальной структуре опросника, подтверждением которого является наличие общего содержательного фактора, нагрузки на который для всех пунктов по абсолютной величине превышают 0.5.

Конвергентная валидность шкалы неэффективного решения конфликтов подтверждается довольно тесной связью с частотой конфликтов. Неэффективность их решения, очевидно, проявляется в том, что ранее не решенные конфликты воспроизводятся и дают почву для новых конфликтов. О валидности шкал говорит также тот факт, что, в соответствии с ожиданиями, два неблагоприятных стиля решения конфликтов (вовлекающийся и отстраняющийся) показали прямые связи с неэффективностью, в то время как позитивный стиль — обратную связь.

Данные об умеренной взаимосвязи неблагоприятных стилей между собой соответствуют результатам, полученным автором методики (Kurdek, 1994). Интерес представляет выявленная умеренная прямая корреляция ($r = 0.55$) между вовлекающимся и отстраняющимся стилями, которая близка к значениям, полученным автором оригинальной версии методики (0.33–0.48 по разным выборкам (Ibid.)). Несмотря на то что эти стили кажутся противоположными друг другу, на самом деле они не исключают, а скорее дополняют друг друга и вполне могут вместе присутствовать у одного человека. Это объясняется тем, что отстранение от партнера в конфликтной ситуации может быть следствием предшествующего неконструктивного, чересчур эмоционального спора или накопившегося травмирующего опыта конфликтов. Такое объяснение вытекает из содержания некоторых пунктов шкалы отстраняющегося стиля, например: «После некоторого предела замолкать и отказываться разговаривать дальше». Кроме того, хотелось бы подчеркнуть важные общие черты этих двух стилей, к которым относится прежде всего восприятие противоречий как непреодолимых и неспособность к их конструктивному решению. Будучи сходными по существу, но различающимися по внешним проявлениям, эти стили вполне могут сочетаться даже в пределах одной конфликтной ситуации, когда вслед за бурным началом конфликта следует отстранение одного или обоих участников.

Хорошо соответствуют результатам прошлых исследований (Сычев, Казанцева, 2017; Kurdek, 1994; Todorov et al., 2021) выявленные обратные связи неэффективного решения конфликтов и неблагоприятных стилей с удовлетворенностью отношениями. Также соответствуют прошлым данным корреляции неэффективности и стилей решения конфликтов с показателями стилей привязанности (González-Ortega et al., 2021; Paquette et al., 2020; Scheeren et al., 2015), прощения (Takada, Ohbuchi, 2013) и эмпатии (Klimecki, 2019). Подобно полученным ранее результатам (de Wied et al., 2007), в нашем исследовании была выявлена прямая связь эмпатии с позитивным стилем и обратная связь с вовлекающимся стилем. Вместе с тем эмпатия показала также обратную связь с отстраняющимся стилем, которой ранее не обнаруживалось

(Ibid.). Выявленные в данном исследовании связи склонности к прощению подтверждают теоретические представления о ее важной роли в стилях поведения в конфликтной ситуации (Fincham, 2010). В соответствии с полученными ранее результатами (Takada, Ohbuchi, 2013), позитивный стиль связан с прощением, в то время как вовлекающийся и отстраняющийся стили связаны с ним обратно.

Обнаруженная тенденция к большей неэффективности решения конфликтов и склонности к использованию вовлекающегося и уступчивого стилей при меньшей выраженности позитивного стиля в супружеских парах, имеющих детей, хорошо согласуется с полученными ранее выводами об обратной связи наличия и количества детей с удовлетворенностью отношениями у супругов (см., например: Kowal et al., 2021). Можно предположить, что наличие детей создает дополнительные материальные и бытовые сложности, вызывающие трудноразрешимые супружеские конфликты. Вместе с тем роль материальных проблем в снижении удовлетворенности пар с детьми не подтверждается результатами недавнего масштабного исследования (Ibid.). Другое возможное объяснение заключается в том, что среди пар с детьми имеются те, кто, несмотря на высокую частоту конфликтов, сохраняют брак «ради детей», в то время как подобные бездетные пары с большой вероятностью распадаются.

Таким образом, в исследовании полностью подтвердилась основная гипотеза о том, что предложенные русскоязычные версии шкал представляют собой надежные и валидные инструменты с ожидаемой факторной структурой. В пользу их валидности свидетельствует подтверждение всех частных гипотез о связи измеряемых конструктов с удовлетворенностью отношениями, стилями привязанности, эмпатией и прощением.

Перспективы исследования связаны с уточнением возможностей применения предложенных шкал для оценки конфликтного поведения партнера. В будущих исследованиях возможно применение этих шкал для анализа связи особенностей конфликтного поведения супругов с их социально-демографическими и личностными характеристиками, а также с особенностями семейной ситуации. Предложенные шкалы могут быть использованы также для исследования проблем в брачных отношениях, связанных с конфликтами и насилием. Сфера их применения, вероятно, не ограничится лишь исследованиями супружеских и брачных отношений: в зарубежных исследованиях было показано, что после минимальных модификаций методика пригодна для решения иных аналогичных задач, например, для оценки стиля решения конфликтов в отношениях подростков с родителями (Branje et al., 2009) или в дружеских отношениях между подростками одного пола (de Wied et al., 2007). Кроме того, опросник CRSI может быть также использован для оценки не только собственного поведения в конфликтной ситуации, но и поведения партнера.

Ограничением исследования является опора исключительно на самооценку стилей при отсутствии данных о внешней оценке конфликтного поведения со стороны партнера или супруга. Поскольку из прошлых исследований хорошо

известно, что частота конфликтов в супружеской паре обратно связана с уровнем образования (см., например: Пишняк, 2009), необходимо учитывать ограниченную применимость нормативных данных, полученных исключительно на студенческой выборке. Уточнение норм в группах с различными социально-демографическими характеристиками (образованием, уровнем дохода, длительностью отношений, числом детей и т.п.) требует существенного расширения выборки и составляет перспективу данного исследования.

Выводы

Предложенные русскоязычные опросники неэффективности и стилей решения конфликтов, представляющие собой удобный и экономичный инструмент диагностики супружеских конфликтов, обладают приемлемыми психометрическими характеристиками. Эти методики, основанные на авторитетных зарубежных подходах к анализу факторов стабильности и благополучия брака, могут представлять интерес как для дальнейших научных исследований в области психологии семьи, так и для специалистов, занимающихся психологическим консультированием супругов.

Литература

- Алешина, Ю. Е., Гозман, Л. Я., Дубовская, Е. М. (1987). *Социально-психологические методы исследования супружеских отношений: Спецпрактикум по социальной психологии*. М.: Изд-во Московского университета.
- Бородина, В. Н., Ваккер, Е. А. (2014). Взаимосвязь стратегий поведения в конфликте супругов и удовлетворенностью браком. *Сибирский педагогический журнал*, 5, 111–115.
- Данилова, Е. А. (2020). Поведение в конфликте супругов на разных стадиях жизненного цикла семьи. *Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика»*, 30(2), 181–188. <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2020-30-2-181-188>
- Карягина, Т. Д., Кухтова, Н. В. (2016). Тест эмпатии М. Дэвиса: Содержательная валидность и адаптация в межкультурном контексте. *Консультативная психология и психотерапия*, 24(4), 33–61. <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240403>
- Кожухарь, Г. С. (2021). Качество межличностных отношений и удовлетворенность браком молодых людей. *Социальная психология и общество*, 12(1), 143–161. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120110>
- Кононова, А. П., Пуговкина, О. Д. (2018). Валидизация опросника «Склонность к прощению и установки по отношению к прощению проступков» на российской выборке. *Консультативная психология и психотерапия*, 26(4), 27–45. <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260403>
- Красило, Т. А., Кежватова, Е. А. (2017). Взаимосвязь между типом привязанности и уровнем конфликтности у студентов. *Социальная психология и общество*, 8(2), 85–100. <https://doi.org/10.17759/sps.2017080206>
- Левкович, В. П., Зуськова, О. Э. (1987). Методика диагностики супружеских отношений. *Вопросы психологии*, 4, 128–134.

- Пишняк, А. И. (2009). Внутрисемейные конфликты: Основания, концентрация, детерминанты. В кн. С. В. Захаров, Т. М. Малева, О. В. Синяевская (ред.), *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе* (вып. 2, с. 185–204). М.: НИСП.
- Сычев, О. А. (2016). Русскоязычная версия Шкалы оценки отношений. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 13(2), 388–409. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-2-386-409>
- Сычев, О. А., Казанцева, О. А. (2017). Социально-демографические и психологические факторы удовлетворенности отношениями в браке. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*, 7(1), 106–128. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1701.08>
- Чистопольская, К. А., Митина, О. В., Ениколопов, С. Н., Николаев, Е. Л., Семикин, Г. И., Чубина, С. А., Озоль, С. Н., Дровосеков, С. Э. (2018). Адаптация краткой версии «Переработанного опросника – Опыт близких отношений» (ECR-R) на русскоязычной выборке. *Психологический журнал*, 39(5), 87–98. <https://doi.org/10.31857/S020595920000838-7>

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Aguilera-Jiménez, N., Rodríguez-Franco, L., Rohlfs-Domínguez, P., Alameda-Bailén, J. R., & Paíno-Quesada, S. G. (2021). Relationships of adolescent and young couples with violent behaviors: Conflict resolution strategies. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(6), Article 3201. <https://doi.org/10.3390/ijerph18063201>
- Aleshina, Yu. E., Gozman, L. Ya., & Dubovskaya, E. M. (1987). *Sotsial'no-psikhologicheskie metody issledovaniya supruzheskikh otnoshenii: Spetspraktikum po sotsial'noi psikhologii* [Socio-psychological research methods of marital relations: Practicum in social psychology]. Moscow: Moscow University Press.
- Amato, P. R., & Cheadle, J. E. (2008). Parental divorce, marital conflict and children's behavior problems: A comparison of adopted and biological children. *Social Forces*, 86(3), 1139–1161. <https://doi.org/10.1353/sof.0.0025>
- Bentler, P. M. (1990). Comparative fit indexes in structural models. *Psychological Bulletin*, 107(2), 238–246. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.107.2.238>
- Bonache, H., Ramírez-Santana, G., & Gonzalez-Mendez, R. (2016). Conflict resolution styles and teen dating violence. *International Journal of Clinical and Health Psychology*, 16(3), 276–286. <https://doi.org/10.1016/j.ijchp.2016.03.003>
- Borodina, V. N., & Vakker, E. A. (2014). Vzaimosvyaz' strategii povedeniya v konflikte suprugov i udovletvorennost'yu brakom [The interrelation between strategies of spouses' behavior in conflict and their marital satisfaction]. *Sibirskii Pedagogicheskii Zhurnal [Siberian Pedagogical Journal]*, 5, 111–115.
- Branje, S. J. T., van Doorn, M., van der Valk, I., & Meeus, W. (2009). Parent–adolescent conflicts, conflict resolution types, and adolescent adjustment. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 30(2), 195–204. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2008.12.004>
- Browne, M. W., & Cudeck, R. (1993). Alternative ways of assessing model fit. In K. A. Bollen & J. S. Long (Eds.), *Testing structural equation models* (pp. 136–162). Sage.
- Chistopol'skaya, K. A., Mitina, O. V., Enikolopov, S. N., Nikolaev, E. L., Semikin, G. I., Chubina, S. A., Ozol, S. N., & Drovosekov, S. E. (2018). Adaptation on a Russian sample of the short version of

- Experience in Close Relationships-Revised questionnaire. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 39(5), 87–98. <https://doi.org/10.31857/S020595920000838-7> (in Russian)
- Chung, M.-S. (2014). Pathways between attachment and marital satisfaction: The mediating roles of rumination, empathy, and forgiveness. *Personality and Individual Differences*, 70, 246–251. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.06.032>
- Curran, P. J., West, S. G., & Finch, J. F. (1996). The robustness of test statistics to nonnormality and specification error in confirmatory factor analysis. *Psychological Methods*, 1, 16–29. <https://doi.org/10.1037/1082-989X.1.1.16>
- Danilova, E. A. (2020). Conflict behavior of spouses at different stages of the family life circle. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya "Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika" [Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy]*, 30(2), 181–188. <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2020-30-2-181-188> (in Russian)
- De Wied, M., Branje, S. J. T., & Meeus, W. H. J. (2007). Empathy and conflict resolution in friendship relations among adolescents. *Aggressive Behavior*, 33(1), 48–55. <https://doi.org/10.1002/ab.20166>
- DeVellis, R. F. (1991). *Scale development: Theory and applications*. Sage. <https://trove.nla.gov.au/version/45409194>
- Fincham, F. D. (2009). Conflict, marital. In H. T. Reis & S. Sprecher (Eds.), *Encyclopedia of human relationships* (Vol. 1, pp. 298–303). Thousand Oaks, CA: SAGE Publications.
- Fincham, F. D. (2010). Forgiveness: Integral to a science of close relationships? In M. Mikulincer & P. R. Shaver (Eds.), *Prosocial motives, emotions, and behavior: The better angels of our nature* (pp. 347–365). American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/12061-018>
- Fincham, F. D., Beach, S. R. H., & Davila, J. (2004). Forgiveness and conflict resolution in marriage. *Journal of Family Psychology*, 18, 72–81. <https://doi.org/10.1037/0893-3200.18.1.72>
- Fortin, A., Paradis, A., Lapierre, A., & Hébert, M. (2020). Validation of the French-Canadian adaptation of the Conflict Resolution Styles Inventory for adolescents in dating relationships. *Canadian Journal of Behavioural Science / Revue Canadienne des Sciences du Comportement*, 52, 337–342. <https://doi.org/10.1037/cbs0000173>
- Fraley, R. C. (2019). Attachment in adulthood: Recent developments, emerging debates, and future directions. *Annual Review of Psychology*, 70(1), 401–422. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010418-102813>
- Frye-Cox, N., Ganong, L., Jensen, T., & Coleman, M. (2021). Marital conflict and health: the moderating roles of emotion regulation and marriage order. *Journal of Divorce & Remarriage*, 62(6), 450–474. <https://doi.org/10.1080/10502556.2021.1925853>
- González-Ortega, E., Orgaz, B., Vicario-Molina, I., & Fuertes, A. (2021). Adult attachment, conflict resolution style and relationship quality among Spanish young-adult couples. *The Spanish Journal of Psychology*, 24, Article e5. <https://doi.org/10.1017/SJP.2021.4>
- Gottman, J. M. (1993a). A theory of marital dissolution and stability. *Journal of Family Psychology*, 7(1), 57–75. <https://doi.org/10.1037/0893-3200.7.1.57>
- Gottman, J. M. (1993b). The roles of conflict engagement, escalation, and avoidance in marital interaction: A longitudinal view of five types of couples. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 61(1), 6–15. <https://doi.org/10.1037/0022-006X.61.1.6>
- Gottman, J. M. (1994). *What predicts divorce? The process between marital processes and marital outcomes*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.
- Gottman, J. M., & Krokoff, L. J. (1989). Marital interaction and satisfaction: A longitudinal view. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 57, 47–52. <https://doi.org/10.1037/0022-006X.57.1.47>

- Heavey, C. L., Layne, C., & Christensen, A. (1993). Gender and conflict structure in marital interaction: A replication and extension. *Journal of Consulting and Clinical Psychology, 61*(1), 16–27. <https://doi.org/10.1037/0022-006X.61.1.16>
- Herzberg, P. Y., & Sierau, S. (2010). Das Konfliktlösungsstil-Inventar für Paare (KSIP) [The Conflict Resolution Style Inventory for Couples]. *Diagnostica, 56*(2), 94–107. <https://doi.org/10.1026/0012-1924/a000014>
- Karyagina, T. D., & Kukhtova, N. V. (2016). M. Davis Empathy test: content validity and adaptation in cross-cultural context. *Konsul'tativnaya Psikhologiya i Psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy], 24*(4), 33–61. <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240403> (in Russian)
- Kilmann, R. H., & Thomas, K. W. (1977). Developing a forced-choice measure of conflict-handling behavior: The “MODE” instrument. *Educational and Psychological Measurement, 37*(2), 309–325.
- Klimecki, O. M. (2019). The role of empathy and compassion in conflict resolution. *Emotion Review, 11*(4), 310–325. <https://doi.org/10.1177/1754073919838609>
- Kononova, A. P., & Pugovkina, O. D. (2018). The validation of Tendency to Forgive and Attitudes Toward Forgiveness Scale on the Russian-speaking sample. *Konsul'tativnaya Psikhologiya i Psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy], 26*(4), 27–45. <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260403> (in Russian)
- Kowal, M., Groyecka-Bernard, A., Kochan-Wójcik, M., & Sorokowski, P. (2021). When and how does the number of children affect marital satisfaction? An international survey. *PLoS ONE, 16*(4), Article e0249516. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0249516>
- Kozhukhar, G. S. (2021). The quality of interpersonal relationships and satisfaction with the marriage of young people. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society], 12*(1), 143–161. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120110> (in Russian)
- Krasilo, T. A., & Kezhvatova, E. A. (2017). The relationship between the type of attachment and the level of conflict in students. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society], 8*(2), 85–100. <https://doi.org/10.17759/sps.2017080206> (in Russian)
- Kurdek, L. A. (1994). Conflict resolution styles in gay, lesbian, heterosexual nonparent, and heterosexual parent couples. *Journal of Marriage and Family, 56*(3), 705–722. <https://doi.org/10.2307/352880>
- Kurdek, L. A. (1998). Relationship outcomes and their predictors: longitudinal evidence from heterosexual married, gay cohabiting, and lesbian cohabiting couples. *Journal of Marriage and Family, 60*(3), 553–568. <https://doi.org/10.2307/353528>
- Levkovich, V. P., & Zus'kova, O. E. (1987). Metodika diagnostiki supruzheskikh otnoshenii [Marital relationships questionnaire]. *Voprosy Psikhologii, 4*, 128–134.
- McCullough, M. E., Rachal, K. C., Sandage, S. J., Worthington Jr., E. L., Brown, S. W., & Hight, T. L. (1998). Interpersonal forgiving in close relationships: II. Theoretical elaboration and measurement. *Journal of Personality and Social Psychology, 75*, 1586–1603. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.75.6.1586>
- Mikulincer, M., & Shaver, P. R. (2019). Attachment orientations and emotion regulation. *Current Opinion in Psychology, 25*, 6–10. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2018.02.006>
- Paquette, V., Rapaport, M., St-Louis, A. C., & Vallerand, R. J. (2020). Why are you passionately in love? Attachment styles as determinants of romantic passion and conflict resolution strategies. *Motivation and Emotion, 44*, 621–639. <https://doi.org/10.1007/s11031-020-09821-x>
- Pishnyak, A. I. (2009). Vnutrisemeinye konflikty: osnovaniya, kontsentratsiya, determinanty [Conflicts in family: Basis, concentration, determinants]. In S. V. Zakharov, T. M. Maleva, & O. V. Sinyavskaya (Eds.), *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve* [Parents and children, men and women in family and society] (Iss. 2, pp. 185–204). Moscow: NISP.

- Ran, G., Niu, X., Zhang, Q., Li, S., Liu, J., Chen, X., & Wu, J. (2021). The association between inter-parental conflict and youth anxiety: a three-level meta-analysis. *Journal of Youth and Adolescence*, 50(4), 599–612. <https://doi.org/10.1007/s10964-020-01388-7>
- Scheeren, P., Delatorre, M. Z., Neumann, A. P., & Wagner, A. (2015). The predictor role of attachment styles in marital conflict resolution. *Estudos e Pesquisas em Psicologia*, 15(3), 835–852. (in Portugal)
- Sychev, O. A. (2016). Russian version of Relationship Assessment Scale. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 13(2), 388–409. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-2-386-409> (in Russian)
- Sychev, O. A., & Kazantseva, O. A. (2017). Socio-demographic and psychological factors of marital satisfaction. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta [Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin]*, 7(1), 106–128. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1701.08> (in Russian)
- Takada, N., & Ohbuchi, K. (2013). True and hollow forgiveness, forgiveness motives, and conflict resolution. *International Journal of Conflict Management*, 24(2), 184–200. <https://doi.org/10.1108/10444061311316799>
- Thomas, K. W., & Kilmann, R. H. (1978). Comparison of four instruments measuring conflict behavior. *Psychological Reports*, 42, 1139–1145. <https://doi.org/10.2466/pr0.1978.42.3c.1139>
- Todorov, E.-H., Paradis, A., & Godbout, N. (2021). Teen dating relationships: How daily disagreements are associated with relationship satisfaction. *Journal of Youth and Adolescence*, 50(8), 1510–1520. <https://doi.org/10.1007/s10964-020-01371-2>
- Weijters, B., Baumgartner, H., & Schillewaert, N. (2013). Reversed item bias: An integrative model. *Psychological Methods*, 18, 320–334. <https://doi.org/10.1037/a0032121>
- Williamson, H. C., Hanna, M. A., Lavner, J. A., Bradbury, T. N., & Karney, B. R. (2013). Discussion topic and observed behavior in couples' problem-solving conversations: Do problem severity and topic choice matter? *Journal of Family Psychology*, 27, 330–335. <https://doi.org/10.1037/a0031534>
- Zanella Delatorre, M., Scheeren, P., & Wagner, A. (2017). Marital conflict: Evidences of validity of a Conflict Resolution Scale in couples in Southern Brazil. *Avances en Psicología Latinoamericana*, 35(1), 79–94. <https://doi.org/10.12804/revistas.urosario.edu.co/apl/a.3742>

Опросник неэффективного решения конфликтов

Инструкция. Ниже приведены описания разных проявлений конфликтов, с которыми сталкиваются люди в близких отношениях. Укажите, насколько хорошо каждое утверждение соответствует Вашим отношениям (по шкале от 1 — «совершенно не соответствует» до 5 — «полностью соответствует»).

Утверждения	1	2	3	4	5
1. К концу спора мы полностью и в равной мере выслушиваем друг друга.					
2. Когда мы начинаем ссориться или спорить, я думаю: «Ну вот, опять».					
3. В целом, я бы сказал(а), что мы неплохо решаем наши проблемы.					
4. Наши споры остаются неоконченными и нерешенными.					
5. Мы по несколько дней не можем устранить наши разногласия.					
6. Наши споры, похоже, заканчиваются тупиком, вызывающим разочарование.					
7. Нам нужно улучшить то, как мы урегулируем наши разногласия.					
8. В целом, наши споры непродолжительны и быстро забываются.					

Ключ: 1*, 2, 3*, 4, 5, 6, 7, 8* (обратные задания помечены знаком *).

Опросник стилей решения конфликтов

Инструкция. Используя шкалу от 1 — «совсем не свойственно» до 5 — «очень свойственно», оцените, насколько Вам свойственно в ходе споров и разногласий с партнером вести себя так, как описано ниже.

Насколько Вам свойственно в ходе споров и разногласий ...	1	2	3	4	5
1. ...начинать личные нападки.					
2. ...рационально обсуждать пути решения проблемы.					
3. ...хранить продолжительное молчание.					
4. ...соглашаться во всем, избегая обострения конфликта.					
5. ...взрываться и терять контроль.					
6. ...сидеть и конструктивно обсуждать разногласия.					
7. ...после некоторого предела замолкать и отказываться разговаривать дальше.					
8. ...быть слишком уступчивым.					
9. ...увлекаться и говорить то, что не имелось в виду.					
10. ...искать альтернативы, приемлемые для каждого из нас.					
11. ...выгонять партнера, гнать его/ее от себя.					
12. ...не отстаивать свою позицию.					
13. ...переходить к оскорблениям и упрекам.					
14. ...вести переговоры и идти на компромиссы.					
15. ...отдаляться, демонстрируя отстраненность и отсутствие интереса.					
16. ...уступать, не пытаясь представить свою точку зрения.					

Ключ (все задания прямые):

Вовлекающий стиль: 1, 5, 9, 13.

Позитивный стиль: 2, 6, 10, 14.

Отстраняющийся стиль: 3, 7, 11, 15.

Уступчивый стиль: 4, 8, 12, 16.

РАЗРАБОТКА И ПЕРВИЧНАЯ АПРОБАЦИЯ ОПРОСНИКА «ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ» ДЛЯ СПОРТСМЕНОВ

А.И. ХАРИТОНОВА^а, Е.М. КЛИМОВА^б

^а Федеральное автономное учреждение Министерства обороны Российской Федерации «Центральный спортивный клуб армии», 125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, д. 39

^б Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации, 123001, Россия, Москва, ул. Б. Садовая, д. 14

Development and Initial Testing of the “Personality Potential” Questionnaire for Athletes

A.I. Kharitonova^a, E.M. Klimova^b

^a Federal Autonomous Institution of the Ministry of Defense of the Russian Federation “Central Sports Club of the Army”, 39 Leningradsky Ave., 125167, Moscow, Russian Federation

^b Federal State Public Military Educational Institution of Higher Education “Prince Alexander Nevsky Military University” of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 14 B. Sadovaya Str., 123001, Moscow, Russian Federation

Резюме

Исследование посвящено проблеме разработки и первичной валидации опросника «Личностный потенциал» для спортсменов. В нем принимали участие 429 членов сборных команд России по разным видам спорта в возрасте от 17 до 40 лет. Психодиагностический инструментальный состав из авторского опросника «Личностный потенциал», «Самоактуализационного теста», методики «Уровень субъективного контроля», «Теста жизнестойкости», «Теста смысложизненных ориентаций», «Теста общей самооффективности», опросника «Фасилитатор – медиатор – модератор», методики «Экспресс-диагностика склонности к аффективному поведению». Результаты показали, что шкалы опросника «Личностный потенциал» имеют показатели

Abstract

The study focuses on the development and primary validation of the Personality Potential Questionnaire for Athletes. The study involved 429 members of Russian national teams in various sports aged 17 to 40 years. Psychodiagnostic instruments: questionnaire "Personality Potential" (author's questionnaire), "Self-Actualization Test", "Subjective Control Level", "Hardiness Survey", "Purpose-in-Life Test", "Test of General Self-Efficacy", questionnaire "Facilitator – Mediator – Moderator", method "Express-diagnostics of the tendency to affective behavior". The results showed that the scales of the "Personality Potential" questionnaire have asymmetry and kurtosis values less

асимметрии и эксцесс меньше единицы, что демонстрирует нормальность распределения на приемлемом уровне. Эксплораторный факторный анализ проводился методом факторизации главной оси (PAF), косоугольным вращением Oblimin. Выделено пять факторов: включенность, осмысленность, интернальность, независимость, позитивность. Итоговая модель авторского опросника подтверждена подтвержденным факторным анализом, приоритет отдан модели высшего порядка, индексы соответствия CFI = 0.900, SRMR = 0.047 и RMSEA = 0.032. Ретестовая надежность оценивалась с помощью корреляционного анализа (по Спирмену): по общей шкале личностного потенциала $\rho = 0.850$, включенность $\rho = 0.867$, осмысленность $\rho = 0.603$, интернальность $\rho = 0.690$, позитивность $\rho = 0.728$, независимость $\rho = 0.554$, уровень значимости всех показателей $p < 0.001$. Дискриминантная валидность показала отсутствие связи шкал разрабатываемого опросника с другими методиками, не входящими в конструктор личностного потенциала. Факторная валидность была получена методом главных компонент с использованием косоугольного вращения Oblimin: нагрузка шкалы «Осмысленность» 0.809, «Включенность» — 0.592, «Независимость» — 0.756, «Интернальность» — 0.574, «Позитивность» — 0.610. Статистическая обработка данных проводилась с использованием программ SPSS Statistics 23, Jamovi 2.2.5 и RStudio. Разработанный опросник «Личностный потенциал» является надежным психодиагностическим инструментом, может быть рекомендован для диагностики компонентов личностного потенциала.

Ключевые слова: личностный потенциал, авторский опросник, разработка опросника, валидизация опросника.

Харитоновна Анна Игоревна — тренер спортивной команды по дзюдо, самбо и тхэквондо, Федеральное автономное учреждение Министерства обороны Российской Федерации «Центральный спортивный клуб армии», кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: психология спорта, статистические методы в психологии. Контакты: kharitosh85@mail.ru

than unity, which shows normality of the distribution at an acceptable level. The exploratory factor analysis was carried out by a method of factorization of the main axis (PAF), oblique rotation Oblimin; 5 factors were allocated: involvement, meaningfulness, internalizing, independence, positivity. The final model of the author's questionnaire was confirmed by confirmatory factor analysis, priority was given to the higher order model, CFI = .900, SRMR = .047 and RMSEA = .032 fit indices. Retest reliability was assessed using correlation analysis (by Spearman): on the general personality scale $\rho = .850$, inclusion $\rho = 0.867$, meaningfulness $\rho = .603$, internalizing $\rho = .690$, positivity $\rho = .728$, independence $\rho = .554$, significance level of all indicators $p < .001$. Discriminant validity showed that the scales of the developed questionnaire were not related to other techniques that were not part of the personality construct. Factor validity was obtained by Principal components method using Oblimin's oblique rotation: the scale load of the "Meaningfulness" scale was .809; "Inclusion" scale .592; "Independence" scale .756; "Internality" scale —.574; "Positivity" scale .610. The data were statistically processed using SPSS Statistics 23, Jamovi 2.2.5 and RStudio. The developed questionnaire "Personality Potential" is a reliable psychodiagnostic tool and can be recommended for testing the components of personality potential.

Keywords: personality potential, author's questionnaire, questionnaire development, questionnaire validation.

Anna I. Kharitonova — sports team coach in judo, sambo and taekwondo, Federal Autonomous Institution of the Ministry of Defense of the Russian Federation "Central Sports Club of the Army", PhD in Psychology. Research Area: psychology of sports, statistical methods in psychology. E-mail: kharitosh85@mail.ru

Климова Елена Михайловна — доцент, 18 кафедра (психологии), Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации, кандидат психологических наук, доцент.

Сфера научных интересов: психология труда, становление и развитие профессионала, когнитивная психология.

Контакты: klimova_em@mail.ru

Elena M. Klimova — Associate Professor, 18th Department (Psychology), Federal State Public Military Educational Institution of Higher Education "Prince Alexander Nevsky Military University" of the Ministry of Defense of the Russian Federation, PhD in Psychology, Associate Professor.

Research Area: labor psychology, professional formation and development, cognitive psychology.

E-mail: klimova_em@mail.ru

Несмотря на то что международные спортивные состязания для России остаются во многом ограничены, спорт в нашей стране очень популярен и поддерживается на государственном уровне. Российские спортсмены традиционно занимают лидирующие позиции на соревнованиях различного уровня. Высокие спортивные результаты достигаются благодаря слаженной работе огромного количества людей: самих спортсменов, их тренеров, психологов, массажистов и др.

По распоряжению Правительства РФ «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 г.» приоритетным направлением развития спорта является обеспечение условий подготовки высококвалифицированных спортсменов и их самореализации. В этом плане практически не используемым, но достаточно эффективным ресурсом, с нашей точки зрения, являются данные о личностном потенциале спортсменов (Харитонов, 2021).

Изучение личностного потенциала в контексте эффективности деятельности привлекало внимание достаточно большого числа отечественных и зарубежных ученых. Понятие «личностный потенциал» получило в их работах следующие определения:

- индивидуально-психологическая особенность личности, способствующая сохранению эффективности деятельности в изменяющихся условиях (Леонтьев, 2011);
- степень развитости способностей личности и возможности их реализации при определенных условиях (Резник, 2007);
- фактор, определяющий академическую успеваемость (Shi, Qu, 2021), прогнозирующий степень успеха на рабочем месте (Parker, Martin, 2008);
- система внутренних возобновляемых ресурсов личности, проявляющаяся в конкретной деятельности, направленная на получение социально значимых результатов (Марков, 2004), реализуемая в определенной ситуации (Коваль, 2003);
- качества, приобретающие характер ресурса (сильные стороны личности, элементы процессов преодоления, способы действия, компенсаторные возможности, факторы успешности поведения) (Одинцова, 2015);

- природные таланты, определяющие степень эффективности (Feldman, Katzir, 1998), проявляющиеся в саморегулируемом обучении (McCardle et al., 2017);

- система оценки пригодности к определенной деятельности (Kyllonen, 2008).

Среди научных работ, посвященных изучению спортивной деятельности, отсутствуют исследования личностного потенциала в прямой постановке этого вопроса, однако имеется ряд работ, раскрывающих предикторы данного новообразования как факторы высоких спортивных достижений:

- психологические ресурсы и ограничения, возникающие на пути к успеху, которые обусловлены присущим спортсмену сочетанием личностных свойств (Горская, 2020; Stones, Baker, 2020);

- внутриличностные образования субъекта спортивной деятельности, которые являются источниками развития его личностной активности и детерминацией условий проявления индивидуальных возможностей (Ложкин, Колосов, 2014; Littlejohn, Young, 2019);

- жизнестойкость как способность личности к саморегуляции, сохранению эффективного функционирования в условиях неопределенности, высокий уровень которой определяет успешность спортивной деятельности (Пульмановская, 2021; Кижнерова, 2013), способствует росту личных спортивных достижений (Павлова, 2020), производительности в отдельных видах спорта (França et al., 2020), а также как умение справляться с ситуациями, навязанными на тренировках и соревнованиях, чтобы показать высокие результаты (Pires et al., 2019);

- локус контроля как главная характеристика реакции спортсменов на успехи и неудачи (Горская, 2008), влияющая на результативность (Pieriora, 2020; Ferreira et al., 2020);

- осмысленность жизни, которая влияет на уровень профессиональной успешности представителей разных видов спорта высших достижений (Бакуняева, 2018; Сухарева, Обознов, 2019), связана с уровнем мастерства и осмысленностью «спортивной работы» (Tahtinen et al., 2019);

- самоэффективность личности как наиболее прогностический валидный критерий, оказывающий решающее влияние на повышение результативности спортивной деятельности (Булышко, 2022), повышающий уровень спортивного мастерства (Lemez et al., 2019) и связанный с уровнем спортивных достижений (Moritz et al., 2000);

- самоактуализация как начальный этап процесса самореализации в спортивной деятельности (Непопалов, Атамась, 2017), определяющий уровень тревожности спортсмена и, как следствие, его результативности на соревнованиях (Mirzeoğlu, Çetinkanat, 2005).

Таким образом, личностный потенциал — понятие интегральное, в качестве его составляющих рассматривается целый комплекс личностных характеристик: жизнестойкость, самоактуализация, самоэффективность, локус контроля, смысложизненные ориентации. Все указанные показатели влияют

на конечный результат спортивной деятельности, а значит, нуждаются в изучении.

К сожалению, в мировой практике отсутствует надежный и валидный психологический инструментарий, позволяющий диагностировать характеристики личностного потенциала спортсменов. Имеющийся пятифакторный личностный опросник «Neuroticism, Extraversion, Openness to Experience Five-Factor Inventory» (NEO-FFI), направленный на изучение отдельных характеристик личности, лишь косвенно может прогнозировать уровень результативности спортсмена (Costa, McCrae, 1992).

В связи с тем, что график подготовки к соревнованиям достаточно насыщен и заполнен многочисленными тренировками, у спортивного психолога зачастую нет возможности провести обширную психологическую диагностику спортсмена. Спортивная психологическая практика нуждается в валидном и надежном диагностическом инструментарии, позволяющем в короткие сроки получить достоверную информацию о личностном потенциале спортсмена для организации психологического сопровождения процесса его подготовки к соревнованиям и повышения его спортивных результатов.

Целью исследования являлась разработка и апробация опросника «Личностный потенциал» для спортсменов.

Основную *выборку* составили 429 спортсменов: члены сборных команд России по разным видам спорта (единоборства, скоростно-силовые, циклические, сложно-координационные), из них кандидатов в мастера спорта (КМС) 64 чел., мастеров спорта (МС) 196 чел., мастеров спорта международного класса (МСМК) 113 чел., заслуженных мастеров спорта (ЗМС) 56 чел. По полу и возрасту выборка делилась на следующие группы: 78 юношей (18.9%) в возрасте от 17 до 21 года ($M = 19.256$; $SD = 1.062$), 16 чел. КМС, 54 чел. МС, 7 чел. МСМК, 1 чел. ЗМС; 106 девушек (24,7%) в возрасте от 17 до 21 года ($M = 19.009$; $SD = 1.223$), 43 чел. КМС, 57 чел. МС, 6 чел. МСМК; 107 мужчин (24.94%) в возрасте от 22 до 40 лет ($M = 27.561$; $SD = 4.554$), 5 чел. КМС, 38 чел. МС, 46 чел. МСМК, 18 чел. ЗМС; 138 женщин (32.17%) в возрасте от 22 до 40 лет ($M = 27.761$; $SD = 4.630$), 47 чел. МС, 54 чел. МСМК, 37 чел. ЗМС.

Методика исследования

Факторная структура опросника была проверена на указанной выборке; его конвергентная, дискриминантная валидность и ретестовая надежность проверялись на сборной команде России по самбо и дзюдо (74 человека).

Экспертная оценка итоговой версии опросника осуществлялась с привлечением филологов-лингвистов, психологов и авторов опросника.

Помимо самого опросника «Личностный потенциал», в исследовании применялся следующий психодиагностический инструментарий.

Для определения конвергентной валидности изучалась связь авторского опросника с пятью диагностическими методиками: «Самоактуализационный тест» (Гозман и др., 1995); «Уровень субъективного контроля» (Фетискин и др., 2005); «Тест жизнестойкости» (С. Мадди, в адаптации Д.А. Леонтьева)

(Леонтьев, Рассказова, 2006); «Тест смысложизненных ориентаций» (Леонтьев, 2006); «Тест общей самооффективности» Р. Шварцера и М. Ерусалема (в адаптации В. Ромека) (Шварцер и др., 1996). Указанные методики раскрывают пять компонентов личностного потенциала спортсмена (Харитонова, Кидинов, 2021):

- *включенность* (показатели «Теста жизнестойкости» и «Теста общей самооффективности»), которая выражается в умении и готовности активно преодолевать трудные жизненные ситуации;

- *осмысленность* (показатели «Теста смысложизненных ориентаций»), отражающая степень сформированности и осознанности системы личностных смыслов спортсмена;

- *интернальность* (показатели уровня субъективного контроля), свидетельствующая о степени целостного восприятия жизненной ситуации и уровне личной ответственности за ее возникновение и протекание;

- *независимость* (шкалы «Самоактуализационного теста» «поддержка», «самоуважение», «спонтанность», «принятие агрессии», «гибкость поведения» и «сензитивность»), демонстрирующая стремление к независимости во взаимодействии с окружающими, к самоуважению и гибкости поведения;

- *позитивность* (шкалы этого же теста «синергия», «представления о природе человека», «ценностные ориентации» и «познавательные потребности»), отражающая позитивное отношение к окружающим и к целостному восприятию ситуаций взаимодействия.

Для определения дискриминантной валидности осуществлялось изучение взаимосвязей шкал разрабатываемого опросника с конструктами, с которыми значимая корреляция не предполагается. Для ее проверки изучалась связь шкал опросника со шкалами опросника «Фасилитатор — медиатор — модератор» (Базаров и др., 2019) и методикой «Экспресс-диагностика склонности к аффективному поведению» (Бойко, 1996).

Методы математического анализа данных

В рамках проверки содержательной валидности было проведено исследование, позволившее отобрать и сократить количество вопросов в авторском опроснике. На этом этапе использовались экспертный опрос и тестирование спортсменов.

Нормальность распределения пунктов и шкал определялась на основе критерия Шапиро–Уилка, а также путем оценки асимметрии и эксцесса.

Факторная структура опросника изучалась с помощью эксплораторного факторного анализа (ЭФА), анализа главного фактора (PAF) и косоугольного вращения Oblimin. PAF (principal axis factors) предпочтителен в тех случаях, когда в наблюдаемых показателях очевидна заметная ненормальность (Brown, 2015).

Итоговая модель авторского опросника была подтверждена конфирматорным факторным анализом, для оценки ее соответствия эмпирическим данным использовались следующие индексы пригодности: скорректированная статистика χ^2 ,

сравнительный индекс соответствия (CFI), корень среднеквадратичной ошибки аппроксимации (RMSEA), стандартизованный корень среднеквадратического остатка (SRMR).

Индекс CFI колеблется от нуля до единицы, причем более высокие значения указывают на лучшую подгонку модели. Существует несколько вариантов трактовки эмпирического правила интерпретации индекса CFI: первая состоит в том, что показатель 0.97 указывает на хорошее соответствие модели CFI относительно модели независимости, в то время как значения, превышающие 0.95, могут интерпретироваться как приемлемое соответствие (Schermelleh-Engel et al., 2003); согласно второй трактовке, хорошим соответствием являются значения, близкие к 0.95 и выше, 0.90–0.95 указывает на приемлемое соответствие модели (Brown, 2015).

Значения SRMR и RMSEA меньше 0,05 рассматриваются как хорошая подгонка модели (Schermelleh-Engel et al., 2003).

Было проведено сравнение альтернативных моделей (Dunn, McCray, 2020):

- *одномерная модель* позволяет выдвинуть гипотезу об одном факторе, объясняющем дисперсию по всем наблюдаемым переменным (т.е. дисперсию результатов тестов по всем предметам), без дифференциации между подгруппами элементов;

- *модель коррелированных факторов* включает в себя пять латентных переменных, которые разрешено коррелировать, причем предполагается, что каждая наблюдаемая переменная в модели связана только с одним фактором;

- *иерархическая модель* включает в себя один более высокого порядка фактор и ряд подчиненных ему факторов, на которые нагружается указанная подгруппа элементов; фактор более высокого порядка моделирует общую дисперсию между подчиненными факторами, что означает, что эти факторы группировки первого порядка условно независимы друг от друга и каждый из них опосредует отношения между высшим фактором и наблюдаемыми переменными;

- *бифакторная модель* включает в себя общий фактор, который нагружается непосредственно на все наблюдаемые переменные в модели, и, в дополнение к этому, гипотетически ортогональные, не коррелированные с общим множителем группирующие факторы, которые нагружаются на подгруппы одного и того же набора наблюдаемых переменных, что позволяет разделить дисперсию конструкта, образованного несколькими компонентами, на общую и специфическую дисперсию его субшкал.

Конвергентная и дискриминантная валидности изучались с помощью корреляционного анализа Спирмена. Для общих шкал была вычислена истинная корреляция с учетом ошибки измерения с поправкой на затухание (Фер, Бакарк, 2010; Шмелев, 2013).

Факторная валидность была получена методом главных компонент с использованием косоугольного вращения Oblimin, что позволило проанализировать структуру связей показателей разрабатываемого теста с другими известными и латентными факторами (Митина, 2013).

Надежность опросника проверялась с помощью коэффициентов альфа Кронбаха (α) и омега Макдональда (ω) и расщеплением пополам Спирмена–Брауна. Были получены следующие значения: коэффициента α выше 0,8, что свидетельствует о хорошей надежности опросника (Cronbach, 1951). В связи с тем, что используемый критерий не всегда является подходящей мерой надежности, был также рассмотрен критерий ω (McNeish, 2018).

Ретестовая надежность показывает устойчивость полученных результатов между замерами, произведенными с разницей в пять недель. Коэффициент корреляции между тестом и ретестом также доказывает стабильность измерения (Cronbach, 1947). Методика признается надежной, когда показатель корреляции не ниже 0,80 (Митина, 2013).

Дискриминативность шкал изучалась с помощью коэффициента d Фергюсона (Ferguson, 1949; Клайн, 1994) модифицированной формулы с учетом политомных показателей для шкалы Ликерта (Hankins, 2007).

Статистическая обработка данных проводилась с использованием программ SPSS Statistics 23, Jamovi 2.2.5 и RStudio.

Результаты исследования и их обсуждение

Содержательная валидность

В основе разработки теста «Личностный потенциал» лежит диссертационное исследование, где были выделены пять компонентов личностного потенциала: включенность, осмысленность, интернальность, позитивность и независимость (Харитонова, 2021).

На первом этапе создания опросника на основе разработанного теоретического конструкта было сформулировано 35 вопросов. Вопросы были обсуждены с экспертами (кандидатами и докторами психологических и филологических наук) на предмет их соответствия заявленным измерениям. Предложения экспертов были учтены, а пункты опросника доработаны для осуществления эмпирической верификации.

После осуществления ЭФА 7 пунктов опросника были удалены ввиду своей несостоятельности. Эмпирической проверке валидности и надежности теста был подвергнут вариант, включающий 28 пунктов опросника.

Описательная статистика

Было выявлено, что распределение не соответствует нормальному, так как критерий Шапиро–Уилка значим на уровне $p < 0.001$ по всем пунктам и шкалам опросника. При проведении анализа мы ориентировались на значения асимметрии и эксцесс: меньше 1 имели всего 2 пункта опросника, в пределах ± 1 асимметрии и эксцесс имели 8 пунктов, за пределы ± 2 вышли 7 пунктов, ± 3 по асимметрии или эксцессу имели 7 пунктов, 4 пункта опросника имели явные нарушения нормальности (для пунктов 6, 22, 23 эксцесс ± 5 , у пункта 14

эксцесс на уровне 11). Таким образом, распределение 50% вопросов опросника в целом соответствует явному нарушению требований нормальности.

Отдельные шкалы и общая шкала опросника «Личностный потенциал» имели показатели асимметрии и эксцесс меньше единицы, что показывает нормальность распределения на приемлемом уровне.

Итак, проверка нормальности распределения показала, что большинство пунктов опросника имеют выраженную асимметрию и эксцесс, поэтому при изучении валидности и надежности использовались устойчивые к ненормальности критерии математической оценки.

Факторная структура

Оценка структуры модели была проверена с помощью эксплораторного (ЭФА) и конфирматорного (КФА) факторного анализа ($n = 429$).

ЭФА проводился методом факторизации главной оси (РАФ), косоугольным вращением Oblimin. В результате ЭФА было выделено 5 факторов, соответствующих теоретическому конструкту.

В первый фактор «включенность» вошли 8 пунктов опросника, которые составили 11.459% дисперсии, во второй фактор «осмысленность» — 5 вопросов (5.055% дисперсии), в третий фактор «независимость» — 5 вопросов (4.216% дисперсии), в четвертый фактор «интернальность» — 5 вопросов (3.806% дисперсии), в пятый фактор «позитивность» — 5 вопросов (2.988% дисперсии). Факторные нагрузки по пунктам опросника составляли от 0.78 до 0.15. Совокупная объясненная дисперсия составила 27.524%.

Для оценки степени соответствия теоретической модели эмпирическим данным были построены четыре альтернативные модели (см. таблицу 1).

Представленные модели имеют приемлемые уровни подгонки по абсолютному индексу RMSEA и SRMR < 0.05 и в пределах приемлемого уровня подгонки для разумной модели по относительному индексу соответствия CFI > 0.9 , кроме одномерной модели, — вероятно, модель измеряется не одним фактором.

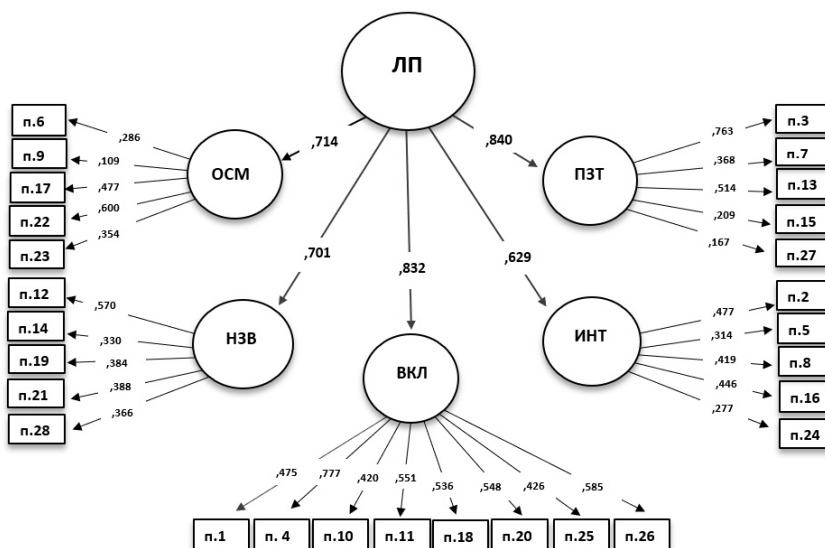
Таблица 1

Сравнительные показатели моделей КФА

Индексы соответствия	Одномерная	Коррелированных факторов	Высшего порядка (иерархическая)	Бифакторная
χ^2 (df)	533.188 (342)	451.703 (338)	496.673 (345)	460.938 (322)
CFI	0.872	0.924	0.900	0.907
RMSEA [90% CI]	0.036 [0.030; 0.042]	0.028 [0.021; 0.035]	0.032 [0.026; 0.038]	0.032 [0.025; 0.038]
SRMR	0.048	0.043	0.047	0.045

Примечание. χ^2 (df) — статистика хи-квадрат с числом степеней свободы, CFI — сравнительный индекс соответствия модели, RMSEA (90% CI) — среднеквадратическая ошибка аппроксимации с 90%-ным доверительным интервалом, SRMR — стандартизованный среднеквадратический остаток.

Модель высшего порядка (иерархическая)

Примечание. ЛП – личностный потенциал; ОСМ – осмысленность; НЗВ – независимость; ВКЛ – включенность; ИНТ – интернальность; ПЗТ – позитивность.

Исходя из разработанного теоретического концепта, приоритет был отдан модели высшего порядка (иерархической), представленной на рисунке 1.

Таким образом, результаты эксплораторного и конфирматорного факторного анализов позволили оценить структуру модели, а пункты, вошедшие в факторы, составили шкалы разрабатываемого опросника. Конфирматорный факторный анализ показал соответствие теоретического конструкта эмпирическим данным.

Конвергентная валидность проверялась наличием высокой корреляции опросника «Личностный потенциал» со сравниваемыми методиками. Полученные данные представлены в таблице 2.

Нами была определена ошибка измерения (затухания) для вычисления абсолютной величины коэффициента корреляции, с учетом надежности проверяемых тестов.

Используемые опросники были успешно проверены на надежность при помощи вычисления коэффициента альфа Кронбаха («Тест жизнестойкости» – $\alpha = 0.928$, «Тест общей самооэффективности» – $\alpha = 0.801$, тест «Уровень субъективного контроля» – $\alpha = 0.827$, «Тест смысловых ориентаций» – $\alpha = 0.913$, «Самоактуализационный тест» – $\alpha = 0.874$).

Шкала «включенность» имеет положительные корреляции с показателями «Теста жизнестойкости» и «Теста общей самооэффективности», что во многом определяет способность человека преодолевать стрессовые ситуации и дости-

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа

<i>Жизнестойкость и самооффективность</i>					
	Вовлеченность	Контроль	Риск	Жизнестойкость / загущание	Самоэффективность / загущание
Включенность	0.659***	0.660***	0.375***	0.674*** / 0.557	0.507*** / 0.391***
Личностный потенциал	0.660***	0.698***	0.518***	0.715*** / 0.655	0.474*** / 0.386***
<i>Смысловые ориентации</i>					
	Цели жизни	Процесс жизни	Результат жизни	Локус контроля – жизнь	Локус контроля – Я
Осмысленность	0.389***	0.348**	0.463***	0.364**	0.334**
Личностный потенциал	0.546***	0.374**	0.453***	0.538***	0.426***
<i>Уровень субъективного контроля</i>					
	Интернальность достижений	Интерналь- ность неудач	Интернальность произв. отношений	Интернальность межличн. отношений	Интерналь- ность здоровья
Интернальность	0.342**	0.322**	0.304**	0.189	0.260*
Личностный потенциал	0.506***	0.277*	0.304**	0.242*	0.275*
<i>Самоактуализационный тест</i>					
	Поддержка	Спонтанность	Принятие агрессии	Гибкость поведения	Сензитивность
Независимость	0.315**	0.381***	0.330**	0.305**	0.389***
Личностный потенциал	0.198	0.396*	0.416**	0.124	0.581***
<i>Самоактуализационный тест</i>					
	Ценностные ориентации	Сннергия	Представления о природе	Познавательные потребности	
Позитивность	0.242*	0.406***	0.406***	0.306**	
Личностный потенциал	0.416***	0.396***	0.245*	0.271*	

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

гать высоких результатов: индивид верит в себя, получает удовольствие от собственной деятельности, может сам выбирать свой путь и готов действовать даже в отсутствие надежных гарантий на успех.

Положительная взаимосвязь шкалы «осмысленность» с субшкалами «Теста смысложизненных ориентаций» характеризует степень сформированности и осознанности личностных смыслов: испытуемый способен к целеполаганию, свободе выбора, рефлексии своих поступков, решений, позитивному восприятию жизни, представлению о себе как о сильной личности.

Взаимосвязь шкалы «интернальность» с показателями теста «Уровень субъективного контроля» показывает, что уровень активности субъекта в постановке жизненных целей, принятии ответственности за реализованные решения, оценка собственных действий определяют организацию деятельности и траекторию жизненного пути.

Шкала «независимость» положительно коррелирует со шкалами «Самоактуализационного теста» «поддержка», «принятие агрессии», «гибкость поведения», «спонтанность», «сензитивность», «самоуважение». Данный факт отражает степень независимости поведения человека в социуме, способности самопринятия как в положительных, так и в отрицательных проявлениях, степень гибкости межличностного взаимодействия, естественности в проявлениях чувств, конгруэнтности, самоуважения.

Положительная взаимосвязь «позитивности» со шкалами «Самоактуализационного теста» «ценностные ориентации», «познавательные потребности», «синергия», «представления о природе человека» показывает степень познавательной активности субъекта, принятия им социальной жизни и физической реальности, наличие положительного восприятия мира и людей, выявляет динамику ценностных ориентаций личности.

Дискриминантная валидность показала отсутствие связи шкал разрабатываемого опросника с опросником «Фасилитатор — медиатор — модератор» и методикой «Экспресс-диагностика склонности к аффективному поведению», не входящими в конструктор личностного потенциала (таблица 3).

Отсутствие достоверных корреляций шкал разрабатываемого опросника с организационно-лидерскими качествами, спецификой взаимодействия в групповой работе и эмоциональными состояниями доказывает отсутствие

Таблица 3

Дискриминантная валидность

	ФА	МО	МЕ	Аффективное поведение
Включенность	-0.003	0.028	0.021	0.106
Осмысленность	0.049	-0.066	0.038	0.046
Интернальность	-0.101	-0.101	0.063	-0.004
Позитивность	-0.147	0.078	0.073	-0.103
Независимость	-0.028	-0.026	0.082	-0.087
Личн. потенц.	-0.079	0.013	0.103	-0.012

проявлений компонентов личностного потенциала, а следовательно, обоснованность шкал разрабатываемого опросника.

Таким образом, статистически доказанные конвергентная и дискриминантная валидности определяют конструктивную валидность разрабатываемого опросника.

Факторная валидность была получена методом главных компонент с использованием косоугольного вращения Oblimin.

В первый фактор вошли показатели по тесту «Смыслжизненные ориентации», факторная нагрузка шкалы «осмысленность» по разрабатываемому тесту составила 0.809.

Второй фактор, объединивший показатели по «Тесту жизнестойкости» и «Общей самооэффективности», шкала «включенность», имеет нагрузку 0.592.

Третий фактор, состоящий из шкал «Самоактуализационного теста» («поддержка», «самоуважение», «спонтанность», «принятие агрессии», «гибкость поведения» и «сензитивность»), шкала «независимость», имеет нагрузку 0.756.

Четвертый фактор, состоящий из субшкал теста «Уровень субъективного контроля», шкала «интернальность», имеет нагрузку 0.574.

Пятый фактор, объединивший показатели «Самоактуализационного теста» («синергия», «представления о природе человека», «ценностные ориентации» и «познавательные потребности»), шкала «позитивность», имеет нагрузку 0.610.

Внутренняя согласованность выделенных шкал опросника оценивалась с помощью коэффициентов альфа Кронбаха для сырых и стандартизированных баллов и омега Макдональда для сырых баллов.

Показатели надежности общей шкалы опросника «Личностный потенциал», включающей 28 пунктов, составили $\alpha = 0.832$ для сырых баллов; $\alpha = 0.848$ для стандартизированных; $\omega = 0.852$.

Оценка *надежности* отдельных шкал такова:

- включенность ($\alpha = 0.742 / \alpha = 0.757$; $\omega = 0.761$),
- осмысленность ($\alpha = 0.505 / \alpha = 0,520$; $\omega = 0.579$),
- интернальность ($\alpha = 0.453 / \alpha = 0,479$; $\omega = 0.511$),
- позитивность ($\alpha = 0.508 / \alpha = 0,556$; $\omega = 0.587$),
- независимость ($\alpha = 0.630 / \alpha = 0,620$; $\omega = 0.637$).

Данные показатели свидетельствуют о хорошей внутренней согласованности по общей шкале и по приемлемым и низким показателям по отдельным шкалам. Количество пунктов в каждой шкале напрямую связано с надежностью по внутренней согласованности: шкалы, имеющие меньшее количество пунктов, автоматически показывают более низкую надежность (Фер, Бакарк, 2010).

Исходя из значений одномоментной надежности альфы Кронбаха и коэффициента корреляции Спирмена пункты опросника 15 и 27 ухудшают психометрический показатель надежности для общей шкалы.

Тест был расщеплен разными способами на две равные половины, четные и нечетные, с сопоставлением первой половины теста со второй и в случайном

порядке. Распределение оценок было близкое к нормальному, наблюдалась небольшая разница в средних и дисперсии, поэтому коэффициент надежности варьировался от 0.801 до 0.852.

Ретестовая надежность оценивалась с помощью корреляционного анализа (по Спирмену). Показатель по общей шкале личностного потенциала $r = 0.850$, включенность $r = 0.867$, осмысленность $r = 0.603$, интернальность $r = 0.690$, позитивность $r = 0.728$, независимость $r = 0.554$, уровень значимости всех исследуемых показателей $p < 0.001$.

Общий показатель по тесту и шкале «включенность» доказал высокую устойчивость теста во времени, остальные показатели менее стабильны в измеряемом признаке.

Значение *дискриминативности* по общей шкале опросника 0.97, а по отдельным шкалам варьируется от 0.89 до 0.94 (дополнительно использовался доверительный 95%-ный интервал с помощью бутстрепинга на выборке 1000 человек).

Статистические показатели для пунктов опросника, результаты надежности и итоговый вариант опросника представлены в Приложениях.

Заключение

Как следует из представленных результатов, разработанный опросник «Личностный потенциал» имеет хорошие психометрические характеристики. Исследование факторной структуры с помощью эксплораторного и конфирматорного факторного анализа позволило выделить пять факторов, соответствующих теоретическому конструкту личностного потенциала: включенности, осмысленности, интернальности, позитивности и независимости. Содержательная валидность доказала репрезентативность содержания вопросов теста этим пяти компонентам.

Конвергентная валидность показала, что шкалы разрабатываемого опросника тесно связаны с методиками, измеряющими показатели компонентов личностного потенциала. Дискриминантная валидность выявила отсутствие связи разрабатываемого опросника с методиками, измеряющими показатели, отличные от компонентов личностного потенциала. Статистически доказанные конвергентная и дискриминантная валидности определили конструктивную валидность разрабатываемого опросника.

Надежность по внутренней согласованности шкал авторского опросника «Личностный потенциал» достаточна. Ретестовая надежность показала необходимую стабильность в измеряемом признаке.

Проверка дискриминативности шкал показала высокую степень способности опросника дифференцировать испытуемых по степени выраженности личностного потенциала.

Таким образом, разработанный опросник «Личностный потенциал» соответствует требованиям психометрической состоятельности тестов, является надежным и валидным инструментом оценки компонентов личностного потенциала.

Ограничение и перспективы

Ретестовая надежность, конвергентная и дискриминантная валидность были проверены только на выборке борцов.

Считаем важным отметить необходимость дальнейших исследований, которые будут осуществлены на расширенной выборке, на испытуемых различных демографических категорий (выделение групп по возрасту, полу, типу профессиональной деятельности и проч.), с кроссвалидизацией и стандартизацией данных для различных профессиональных групп.

Практическое применение

Использование опросника «Личностный потенциал» для спортсменов позволит:

- в короткие сроки получить достоверную информацию о компонентах личностного потенциала спортсмена для организации психологического сопровождения процесса его подготовки к соревнованиям;
- осуществить учет личностных особенностей в процессе разработки индивидуальной траектории развития профессионального мастерства спортсмена;
- дать конкретные рекомендации по индивидуальной работе со спортсменами для обеспечения успешной спортивной деятельности.

Благодарности

Авторы статьи выражают благодарность за помощь в организации и сборе данных для исследования (валидизации опросника) тренерам сборной команды России по самбо Д.В. Трошкину, М.Г. Мартынову, В.В. Гаврилову, Н.А. Новгородцевой и спортсменке Валентине Остапец, а также тренерам и спортсменам, членам национальных сборных команд, которые приняли участие в первичной апробации опросника.

Литература

- Базаров, Т. Ю., Райков, А. В., Шайхутдинов, Р. Р. (2019). Разработка и первичная апробация модифицированной версии опросника «Фасилитатор – медиатор – модератор». *Психология и педагогика служебной деятельности*, 4, 7–23.
- Бакуняева, Д. С. (2018). *Смысложизненные ориентации в системе факторов профессиональной успешности спортсменов – представителей спорта высших достижений* [Кандидатская диссертация]. Институт психологии РАН, Москва.
- Бойко, В. В. (1996). *Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других*. М.: Филинь.
- Булышко, Н. А. (2022). Эмпирическая модель влияния самооффективности личности на результативность спортивной деятельности. *Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія*, 3, 176–186.

- Гозман, Л. Я., Кроз, М. В., Латинская, М. В. (1995). *Самоактуализационный тест*. М.: Российское педагогическое агентство.
- Горская, Г. Б. (2008). *Психологическое обеспечение многолетней подготовки спортсменов: учебное пособие*. Краснодар: Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма.
- Горская, Г. Б. (2020). Синдромный анализ ресурсов и ограничений конкурентоспособности спортсменов высокого класса. *Ресурсы конкурентоспособности спортсменов: теория и практика реализации, 1*, 40–42.
- Кижнерова, Ж. А. (2013). Психологические особенности спортсменов как факторы их профессионального успеха. *Психология в экономике и управлении, 2*, 119–122.
- Клайн, П. (1994). *Справочное руководство по конструированию тестов*. Киев: ПАН лтд.
- Коваль, Н. А. (2003). Психологическая сущность личностного потенциала. В кн. Е. А. Уваров и др. (ред.), *Потенциал личности: комплексная проблема: материалы второй Всероссийской Интернет-конференции с международным участием* (с. 230–232). Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина.
- Леонтьев, Д. А. (2006). *Тест смысложизненных ориентаций (СЖО)*. М.: Смысл.
- Леонтьев, Д. А. (2011). Введение: личностный потенциал как объект изучения. В кн. Д. А. Леонтьев (ред.), *Личностный потенциал: структура и диагностика* (с. 5–11). М.: Смысл.
- Леонтьев, Д. А., Рассказова, Е. И. (2006). *Тест жизнестойкости*. М.: Смысл.
- Ложкин, Г. В., Колосов, А. Б. (2014). Представления о методологии развития личности в спортивной деятельности. В кн. А. А. Обознов, А. Л. Журавлев (ред.), *Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики: сборник научных трудов* (с. 299–312). М.: Институт психологии РАН.
- Марков, В. Н. (2004). *Личностно-профессиональный потенциал кадров управления: психолого-акмеологическая оценка и оптимизация* [Докторская диссертация]. Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва.
- Митина, О. В. (2013). *Разработка и адаптация психологических опросников*. М.: Смысл.
- Непопалов, В. Н., Атамась, А. В. (2017). Значение самоактуализации личности для совершенствования спортивного мастерства. *Экстремальная деятельность человека, 5*(46), 51–55.
- Одинцова, М. А. (2015). *Психология жизнестойкости: учебное пособие*. М.: ФЛИНТА: Наука.
- Павлова, И. В. (2020). Влияние жизнестойкости на спортивные достижения подростков. *Спортивный психолог, 2*(57), 55–59.
- Пульмановская, Е. И. (2021). Исследование личностного потенциала подростков, занимающихся спортом. В кн. Л. П. Грибкова, Е. Н. Бобкова (ред.), *Сборник материалов 71-й научно-практической и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава СГАФКСТ по итогам НИР за 2020 г.* (с. 231–234). Смоленск: Смоленская государственная академия физической культуры, спорта и туризма.
- Резник, М. Ю. (2007). Личностный потенциал и стратегия жизни человека. В кн. Б. Г. Юдин (ред.), *Человеческий потенциал как критический ресурс России* (с. 119–125). М.: ИФРАН.
- Сухарева, Д. С., Обознов, А. А. (2019). Системная модель факторов профессиональной успешности спортсменов – представителей спорта высших достижений. *“Modern Psychology” Scientific Bulletin, 2*(2(4)), 255–261. [https://doi.org/10.46991/SBMP/2019.2.2\(4\).255](https://doi.org/10.46991/SBMP/2019.2.2(4).255)
- Фер, Р. М., Бакарак, В. Р. (2010). *Психометрика: введение*. Челябинск: Издательский центр ЮУРГУ.

- Фетискин, Н. П., Козлов, В. В., Мануйлов, Г. М. (2005). *Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп*. М.: Изд-во Института психотерапии.
- Харитонов, А. И. (2021). *Личностный потенциал спортсменов как детерминанта профессионального мастерства* [Кандидатская диссертация]. Московский государственный областной университет, Мытищи.
- Харитонов, А. И., Кидинов, А. В. (2021). Взаимосвязь личностного потенциала спортсменов и их профессионального мастерства. *Человеческий капитал*, 8(152), 142–148. <https://doi.org/10.25629/НС.2021.08.15>
- Шварцер, Р., Ерусалем, М., Ромек, В. Г. (1996). Русская версия шкалы общей самооэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема. *Иностранная психология*, 7, 71–77.
- Шмелев, А. Г. (2013). *Практическая тестология. Тестирование в образовании, прикладной психологии и управлении персоналом*. М.: ООО «ИПЦ Маска».

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Bakunyaeva, D. S. (2018). *Smyslozhiznennyye orientatsii v sisteme faktorov professional'noi uspešnosti sportsmenov – predstavitelei sporta vysshikh dostizhenii* [Purpose in life in the system of factors of professional success of athletes – representatives of high-performance sports] [PhD dissertation]. Institute of Psychology of the RAS, Moscow, Russian Federation.
- Bazarov, T. Yu., Rajkov, A. V., & Shaikhutdinov, R. R. (2019). Razrabotka i pervichnaya aprobatsiya modifitsirovannoi versii oprosnika "Fasilitator – mediator – moderator" [Development and initial testing of the modified version of the questionnaire "Facilitator – mediator – moderator"]. *Psikhologiya i Pedagogika Sluzhebnoi Deyatel'nosti*, 4, 7–23.
- Boiko, V. V. (1996). *Energiya emotsii v obshchenii: vzglyad na sebya i na drugikh* [The energy of emotions in communication: a look at yourself and others]. Moscow: Filin.
- Brown, T. A. (2015). *Confirmatory factor analysis for applied research* (2nd ed.). New York, NY: Guilford Publications.
- Bulyanko, N. A. (2022). Empiricheskaya model' vliyaniya samoeffektivnosti lichnosti na rezul'tativnost' sportivnoi deyatel'nosti [An empirical model of the influence of personal self-efficacy on the effectiveness of sports activities]. *Vestnik Brestskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 3. Filologiya. Pedagogika. Psikhologiya* [Vestnik of Brest University. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology], 3, 176–186.
- Costa, P. T., Jr., & McCrae, R. R. (1992). *Revised NEO Personality Inventory (NEO-PI-R) and NEO Five-Factor Inventory (NEO-FFI) professional manual*. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources.
- Cronbach, L. J. (1947). Test "reliability": Its meaning and determination. *Psychometrika*, 12, 1–16. <https://doi.org/10.1007/BF02289289>
- Cronbach, L. J. (1951). Coefficient alpha and the internal structure of tests. *Psychometrika*, 16, 297–334. <https://doi.org/10.1007/BF02310555>
- Dunn, K. J., & McCray, G. (2020). The place of the bifactor model in confirmatory factor analysis investigations into construct dimensionality in language testing. *Frontiers in Psychology*, 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01357>

- Feldman, D., & Katzir, T. (1998). Natural talents: An argument for the extremes. *Behavioral and Brain Sciences*, 21(3), 414. <https://doi.org/10.1017/S0140525X98301235>
- Fer, R. M., & Bakarak, V. R. (2010). *Psikhometrika: vvedenie* [Psychometrics: an introduction]. Chelyabinsk: South Ural State University.
- Ferguson, G. A. (1949). On the theory of test discrimination. *Psychometrika*, 14, 61–68. <https://doi.org/10.1007/BF02290141>
- Ferreira, K., Yoshida, H., Vidual, M., Barreira, J., & Fernandes, P. (2020). Rendimento do saque, locus de controle e coping no Voleibol. *Conexões*, 17, Article e019024. <https://doi.org/10.20396/conex.v17i0.8653629>
- Fetiskin, N. P., Kozlov, V. V., & Manuilov, G. M. (2005). *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malyykh grupp* [Socio-psychological diagnostics of personality and small groups development]. Moscow: Institut Psikhoterapii.
- França, D., Codonhato, R., & Vieira, L. (2020). Relationship between passion, resilience and performance in triathlon. *Research, Society and Development*, 9, Article e666997767. <https://doi.org/10.33448/rsd-v9i9.7767> (in Portugal)
- Gorskaya, G. B. (2008). *Psikhologicheskoe obespechenie mnogoletnei podgotovki sportsmenov* [Psychological support of the long-term training of athletes]. Krasnodar: Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism.
- Gorskaya, G. B. (2020). Sindromnyi analiz resursov i ogranichenii konkurentosposobnosti sportsmenov vysokogo klassa [A syndromic analysis of resources and constraints on the competitiveness of high-performance athletes]. *Resursy Konkurentosposobnosti Sportsmenov: Teoriya i Praktika Realizatsii*, 1, 40–42.
- Gozman, L. Ya., Kroz, M. V., & Latinskaya, M. V. (1995). *Samoaktualizatsionnyi test* [Self-actualization test]. Moscow: Rossiiskoe Pedagogicheskoe Agentstvo.
- Hankins, M. (2007). Questionnaire discrimination: (re)-introducing coefficient δ . *BMC Medical Research Methodology*, 7, Article 19. <https://doi.org/10.1186/1471-2288-7-19>
- Kharitonova, A. I. (2021). *Lichnostnyy potencial sportsmenov kak determinanta professional'nogo masterstva* [The personal potential of athletes as a determinant of professional skill] [PhD dissertation]. Moscow State Regional University, Mytishchi, Russian Federation.
- Kharitonova, A. I., & Kidinov, A. V. (2021). Vzaimosvyaz' lichnostnogo potentsiala sportsmenov i ikh professional'nogo masterstva [The relationship between the athletes' personal potential and their professional skills]. *Chelovecheskii Kapital* [Human Capital], 8(152), 142–148. <https://doi.org/10.25629/HC.2021.08.15> (in Russian)
- Kizhnerova, Zh. A. (2013). Psikhologicheskie osobennosti sportsmenov kak faktory ikh professional'nogo uspekha [Athletes' psychological characteristics as factors of their professional success]. *Psikhologiya v Ekonomike i Upravlenii*, 2, 119–122.
- Kline, P. (1994). *Spravochnoe rukovodstvo po konstruirovaniyu testov* [A handbook of test construction]. Kiev: PAN Ltd. (Original work published 1986)
- Koval, N. A. (2003). Psikhologicheskaya sushchnost' lichnostnogo potentsiala [Psychological essence of personal potential]. In E. A. Uvarov et al. (Eds.), *Potentsial lichnosti: kompleksnaya problema: materialy vtoroi Vserossiiskoi Internet-konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Personality potential: A complex problem: Proceedings of the Second All-Russian Internet-conference with international participation] (pp. 230–232). Tambov: TSU named after G.R. Derzhavin.
- Kyllonen, P. C. (2008). *The research behind the ETS personal potential index (PPI)*. Princeton, NJ: ETS.

- Lemez, S., Baker, J., Schorer, J., & Wattie, N. (2019). Understanding high achievement: the case for eminence. *Frontiers in Psychology, 10*. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01927>
- Leontiev, D. A. (2006). *Test smyslozhnennykh orientatsii (SZHO)* [Purpose-in-Life Test (PIL)]. Moscow: Smysl.
- Leontiev, D. A. (2011). Vvedenie: lichnostnyi potentsial kak ob"ekt izucheniya [Introduction: personality potential as an object of research]. In D. A. Leontiev (Ed.), *Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika* [Personal potential: Structure and diagnosis] (pp. 5–11). Moscow: Smysl.
- Leontiev, D. A., & Rasskazova, E. I. (2006). *Test zhiznestoikosti* [Hardiness survey]. Moscow: Smysl.
- Littlejohn, M., & Young, B. (2019). Gain-framed messaging for promoting adult sport: examining the effects of efficacy-enhancing information. *Frontiers in Psychology, 10*, Article 431. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00431>
- Lozhkin, G. V., & Kolosov, A. B. (2014). Predstavleniya o metodologii razvitiya lichnosti v sportivnoi deyatel'nosti [Representations of methodology of personal development in sports activity]. In A. A. Oboznov & A. L. Zhuravlev (Eds.), *Aktual'nye problemy psikhologii truda, inzhenernoi psikhologii i ergonomiki: sbornik nauchnykh trudov* [Topical problems of labor psychology, engineering psychology and ergonomics: collection of scientific papers] (pp. 299–312). Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Markov, V. N. (2004). *Lichnostno-professional'nyi potentsial kadrov upravleniya: psikhologo-akmeologicheskaya otsenka i optimizatsiya* [Personal and professional potential of management personnel: psychological and acmeological assessment and optimization] [Doctoral dissertation]. Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.
- McCardle, L., Young, B.W., & Baker, J. (2017). Self-regulated learning and expertise development in sport: current status, challenges, and future opportunities. *International Review of Sport and Exercise Psychology, 12*, 112–138. <https://doi.org/10.1080/1750984X.2017.1381141>
- McNeish, D. (2018). Thanks coefficient alpha, we'll take it from here. *Psychological Methods, 23*, 412–433. <https://doi.org/10.1037/met0000144>
- Mirzeoğlu, D., & Çetinkanat, C. (2005). The relationship between trait anxiety and self-actualization levels of elite team players. *Journal of Gazi Physical Education and Sports Sciences, 10*(3), 19–28. <https://dergipark.org.tr/en/pub/gbesbd/issue/27985/305004>
- Mitina, O. V. (2013). *Razrabotka i adaptatsiya psikhologicheskikh oprosnikov* [Development and adaptation of psychological questionnaires]. Moscow: Smysl.
- Moritz, S., Feltz, D., Fahrback, K., & Mack, D. (2000). The relation of self-efficacy measures to sport performance: a meta-analytic review. *Research Quarterly for Exercise and Sport, 71*, 280–294. <https://doi.org/10.1080/02701367.2000.10608908>
- Nepopalov, V. N., & Atamas, A. V. (2017). The value of self-actualization for improvement of sports skills. *Ekstremal'naya Deyatel'nost' Cheloveka, 5*(46), 51–55. (in Russian)
- Odintsova, M. A. (2015). *Psikhologiya zhiznestoikosti* [Psychology of resilience]. Moscow: FLINTA; Nauka.
- Parker, P. D., & Martin, A. J. (2008). Personal capacity building for the human services: The roles of curriculum and individual differences in predicting self-concept in college/university students. *Learning and Individual Differences, 18*, 486–491. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2008.01.001>
- Pavlova, I. V. (2020). The influence of hardiness on sports achievements of teenagers. *Sportivnyi Psikholog, 2*(57), 55–59. (in Russian)
- Piepiora, P. (2020). A review of personality research in sport. *Pedagogy and Psychology of Sport, 6*(4), 64–83. <https://doi.org/10.12775/PPS.2020.06.04.007>

- Pires, D., Lima, P., & Penna, E. (2019). Resilience in mixed martial arts athletes: relationship between stressors and psychological protection factors. *Cuadernos de Psicología del Deporte*, 19(2), 243–255. (in Portugal)
- Pulmanovskaya, E. I. (2021). Issledovanie lichnostnogo potentsiala podrostkov, zanimayushchikhsya sportom [A study of the personal potential of adolescents involved in sports]. In L. P. Gribkova & E. N. Bobkova (Eds.), *Sbornik materialov 71-i nauchno-prakticheskoi i nauchno-metodicheskoi konferentsii professorsko-prepodavatel'skogo sostava SGAFKST po itogam NIR za 2020 g.* [Proceedings of the 71st research-to-practice and methodology conference of the staff of the SSAPCST for 2020] (pp. 231–234). Smolensk: Smolensk State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism.
- Reznik, M. Y. (2007). Lichnostnyi potentsial i strategiya zhizni cheloveka [Personality potential and life strategy of a person]. In B. G. Yudin (Ed.), *Chelovecheskii potentsial kak kriticheskii resurs Rossii* [Human potential as a critical resource of Russia] (pp. 119–125). Moscow: IFRAN.
- Schermelleh-Engel, K., Moosbrugger, H., & Müller, H. (2003). Evaluating the fit of structural equation models: tests of significance and descriptive goodness-of-fit measures. *Methods of Psychological Research Online*, 8(2), 23–74. <https://www.researchgate.net/publication/251060246>
- Schwarzer, R., Jerusalem, M., & Romek, V. G. (1996). Russkaya versiya shkaly obshchei sameffektivnosti [The Russian version of the scale of general self-efficacy by R. Schwarzer and M. Jerusalem]. *Inostrannaya Psikhologiya*, 7, 71–77.
- Shi, Yu., & Qu, Sh. (2021). Cognition and academic performance: Mediating role of personality characteristics and psychology health. *Frontiers in Psychology*, 12, Article 774548. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.774548>
- Shmelev, A. G. (2013). *Prakticheskaya testologiya. Testirovanie v obrazovanii, prikladnoi psikhologii i upravlenii personalom* [Practical testology. Testing in education, applied psychology and personnel management]. Moscow: OOO “IPTs Maska”.
- Stones, M., & Baker, J. (2020). Editorial: Modeling human potential across the lifespan. *Frontiers in Psychology*, 11, Article 106. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00106>
- Sukhareva, D. S., & Oboznov, A. A. (2019). The system model of the professional success factors of the athletes in high performance sport. “*Modern Psychology*” *Scientific Bulletin*, 2(2(4)), 255–261. [https://doi.org/10.46991/SBMP/2019.2.2\(4\).255](https://doi.org/10.46991/SBMP/2019.2.2(4).255) (in Russian)
- Tahtinen, R., Tikkanen, O., Mcdougall, M., Halldorson, V., Feddersen, N., Mitchell, L., Thomas, L., & Ronkainen, N. (2019). *Craftsmanship: A novel approach for exploring meaningfulness of sport* [Oral presentation at the 15th FEPSAC Congress (Muenster, 15–20 July, 2019)]. <https://www.researchgate.net/publication/334762285>

Статистические показатели для пунктов опросника

№	Вопросы	M	SD	r со шкалой	ω^1	α^1
1.	Мне всегда есть чем заняться	5.97	0.78	0.407***	0.850	0.829
2.	То, что многим людям кажется удачей или везением, на самом деле является результатом целенаправленных усилий	5.79	0.95	0.360**	0.853	0.831
3.	Я уверен в себе	5.99	0.94	0.641***	0.840	0.818
4.	В жизни я имею очень ясные цели и намерения	5.92	0.92	0.673***	0.838	0.816
5.	Испытав поражение, я не буду пытаться взять реванш	6.04	0.94	0.455***	0.851	0.829
6.	Я могу назвать себя целеустремленным человеком	6.03	1.37	0.590***	0.852	0.830
7.	Критические замечания в мой адрес не снижают мою самооценку	4.64	1.96	0.494***	0.847	0.824
8.	Человек, который не смог добиться успеха в своей работе, скорее всего, не проявлял достаточно усилий	4.88	1.44	0.515***	0.850	0.829
9.	Люди, которые проявляют повышенный интерес ко всему на свете, иногда меня раздражают	5.23	1.48	0.335**	0.852	0.832
10.	Я осуществил многое из того, что было мною запланировано в жизни	4.38	1.63	0.458***	0.849	0.828
11.	Я не люблю воплощать идеи в жизнь	5.46	1.12	0.562***	0.846	0.824
12.	Я часто испытываю чувство беспокойства, думая о будущем	4.68	1.65	0.395***	0.849	0.827
13.	Мне кажется, я могу вполне доверять своим собственным оценкам	5.54	0.95	0.438***	0.846	0.823
14.	Моя жизнь зависит от целей и смыслов других людей	6.53	0.78	0.502***	0.844	0.824
15.	Обычно я не расстраиваюсь, если мне не удастся добиться совершенства в чем-либо	3.72	1.69	0.135	0.857	0.840
16.	Продвижение человека по службе больше зависит от везения и удачи, чем от его усилий	5.56	1.12	0.360**	0.851	0.829
17.	Лишь немного из того, что я делаю, доставляет мне удовольствие	5.66	1.23	0.498***	0.845	0.823
18.	Я считаю, что мне удалось найти призвание и интересные цели в жизни	5.80	1.13	0.591***	0.844	0.822
19.	Иногда я боюсь показаться слишком нежным	5.04	1.69	0.454***	0.850	0.827
20.	Я не готов к трудностям, поскольку не полагаюсь на собственные способности	5.87	0.84	0.525***	0.846	0.825
21.	Осуществление моих желаний зависит от меня самого	5.46	1.12	0.472***	0.848	0.824

№	Вопросы	М	SD	r со шкалой	ω^1	α^1
22.	Моя жизнь сложилась совсем не так, как я мечтал	5.95	1.06	0.524***	0.844	0.822
23.	Обычно я стараюсь любую ситуацию держать под контролем	5.72	1.12	0.416***	0.854	0.832
24.	Думаю, что правильный образ жизни помогает здоровью больше, чем врачи и лекарства	5.56	1.22	0.294*	0.852	0.830
25.	Я легко отличаю любовь от простого сексуального влечения	5.65	1.21	0.511***	0.847	0.824
26.	Мои жизненные взгляды вполне определились	5.57	1.12	0.581***	0.845	0.824
27.	Я всегда смущаюсь, когда мне говорят комплименты	3.98	1.73	0.215	0.856	0.838
28.	Я всегда стараюсь закончить начатое дело	5.43	1.55	0.585***	0.848	0.824

¹ Если пункт удален. * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Приложение 2

Психометрические показатели шкал методики

Шкалы	Пункты	М	SD	ω	α	Дискриминативность [95% ДИ]	Ретест n = 74
Включенность	1, 4, 10, 11, 18, 20, 25, 26	44.63	5.29	0.742	0.761	0.94 [0.92; 0.95]	0.867
Осмысленность	6, 9, 17, 22, 23	28.59	3.48	0.505	0.579	0.89 [0.88; 0.93]	0.603
Независимость	12, 14, 19, 21, 28	27.14	3.97	0.630	0.637	0.90 [0.88; 0.93]	0.554
Позитивность	3, 7, 13, 15, 27	23.87	4.20	0.508	0.587	0.91 [0.88; 0.93]	0.728
Интернальность	2, 5, 8, 16, 24	27.84	3.33	0.453	0.511	0.90 [0.89; 0.93]	0.690
Все шкалы опросника	1–28	152.07	13.55	0.832	0.851	0.97 [0.96; 0.97]	0.850

Приложение 3

Опросник «Личностный потенциал»

Уважаемый респондент, оцените, пожалуйста, насколько Вы считаете данные высказывания верными в отношении себя.

1	2	3	4	5	6	7
абсолютно не согласен	нет	скорее нет, чем да	затрудняюсь ответить	скорее да, чем нет	да	абсолютно согласен

Вопросы	1	2	3	4	5	6	7
1. Мне всегда есть чем заняться							
2. То, что многим людям кажется удачей или везением, на самом деле является результатом целенаправленных усилий							
3. Я уверен в себе							
4. В жизни я имею очень ясные цели и намерения							
5. Испытав поражение, я не буду пытаться взять реванш							
6. Я могу назвать себя целеустремленным человеком							
7. Критические замечания в мой адрес не снижают мою самооценку							
8. Человек, который не смог добиться успеха в своей работе, скорее всего, не проявлял достаточно усилий							
9. Люди, которые проявляют повышенный интерес ко всему на свете, иногда меня раздражают							
10. Я осуществил многое из того, что было мною запланировано в жизни							
11. Я не люблю воплощать идеи в жизнь							
12. Я часто испытываю чувство беспокойства, думая о будущем							
13. Мне кажется, я могу вполне доверять своим собственным оценкам							
14. Моя жизнь зависит от целей и смыслов других людей							
15. Обычно я не расстраиваюсь, если мне не удается добиться совершенства в чем-либо							
16. Продвижение человека по службе больше зависит от везения и удачи, чем от его усилий							
17. Лишь немногое из того, что я делаю, доставляет мне удовольствие							
18. Я считаю, что мне удалось найти призвание и интересные цели в жизни							
19. Иногда я боюсь показаться слишком нежным							
20. Я не готов к трудностям, поскольку не полагаюсь на собственные способности							
21. Осуществление моих желаний зависит от меня самого							
22. Моя жизнь сложилась совсем не так, как я мечтал							
23. Обычно я стараюсь любую ситуацию держать под контролем							
24. Думаю, что правильный образ жизни помогает здоровью больше, чем врачи и лекарства							
25. Я легко отличаю любовь от простого сексуального влечения							
26. Мои жизненные взгляды вполне определились							
27. Я всегда смущаюсь, когда мне говорят комплименты							
28. Я всегда стараюсь закончить начатое дело							

Обработка результатов теста

Ответам на прямые пункты присваиваются баллы от 1 до 7 («абсолютно не согласен» — 1 балл, «нет» — 2 балла, «скорее нет, чем да» — 3 балла, «затрудняюсь ответить» — 4 балла, «скорее да, чем нет» — 5 баллов, «да» — 6 баллов, «абсолютно согласен» — 7 баллов).

Ответам на обратные пункты присваиваются баллы от 7 до 1 («абсолютно не согласен» — 7 баллов, «нет» — 6 баллов, «скорее нет, чем да» — 5 баллов, «затрудняюсь ответить» — 4 балла, «скорее да, чем нет» — 3 балла, «да» — 2 балла, «абсолютно согласен» — 1 балл).

Затем суммируются показатели для каждой из пяти шкал. Общая оценка личностного потенциала производится суммированием всех баллов, полученных по каждому пункту.

Ключ

Шкалы	Прямые пункты	Обратные пункты
Включенность	1, 4, 10, 18, 25, 26	11, 20
Осмысленность	6, 23	9, 17, 22
Независимость	21, 28	12, 14, 19
Позитивность	3, 7, 13, 15	27
Интернальность	2, 8, 24	5, 16
Личностный потенциал	Сумма всех баллов согласно пунктам	

СТАТУСЫ ВИРТУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПОНЯТИЕ И МЕТОДИКА ОЦЕНКИ («СТАТУС ВИ»)

М.В. КЛЕМЕНТЬЕВА^а

^а ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», 125993
(ГСП-3), Россия, Москва, Ленинградский просп., д. 49/2

The Virtual Identity Status: The Concept and Inventory (VISI)

M.V. Klementyeva^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2 Leningradsky Ave., 125993 (GSP-3),
Moscow, Russian Federation

Резюме

Целью статьи является разработка и апробация методики, позволяющей оценить статусы виртуальной идентичности: достигнутой, предпрешенной, диффузной и моратория. Цифровой образ Я, моделируемый пользователем в виртуальной среде, образует виртуальную идентичность, но основа этого психологического механизма остается неизвестной. Современные психологи изучают влияние цифрового опыта на виртуальную идентичность, однако до сих пор не было проведено исследований, фиксирующих статусы этого сложного образования. Мы исследовали статусы виртуальной идентичности через призму интеграции неэриксонских идей с положениями культурно-исторической теории. Исследование проводилось с помощью опросного метода. Для измерения статусов виртуальной идентичности была разработана и валидирована авторская методика «Статус ВИ». Измерены пять личностных свойств (экстраверсия, нейротизм, доброжелательность,

Abstract

The objective of the study was to develop and test the methodology to assess virtual identity statuses: identity achieved, moratorium, foreclosure, diffusion. The digital image, mediated by technologies and self-simulated, refers to the virtual identity, but the basis of its psychological mechanism remains unknown. The psychological scientists study the impact of digital experiences on virtual identity, yet no research has been conducted to date that captures the statuses this complex entity. Our study of the virtual identity statuses draws on E. Erikson's conceptualizations of the identity development and provisions of cultural-historical theory. This study applies an originally designed Virtual Identity Status Inventory (VISI). The study also measured: the five broad personality traits (extraver-

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

The reported study was funded by budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

добросовестность и открытость опыту) и самодетерминация. Выборку составили данные, полученные от 350 студентов (возрастной диапазон от 17 до 25 лет; 44.3% мужчины). Для обработки и анализа данных были использованы: конфирматорный факторный анализ, коэффициент α Кронбаха, t -критерий Стьюдента, ϕ^* -критерий Фишера, r -критерий Пирсона. Для обработки данных использовались программы SPSS 21.0 и AMOS 21. Конфирматорный факторный анализ подтвердил двухфакторную структуру, образованную шкалами «интенсивность поиска» и «осмысленность принятия» ($\chi^2/df = 1.17$; $\rho = 0.08$; RMSEA = 0.07; CFI = 0.93). В результате двухосевой круговой интеграции двух измерений в 4 квадранта получены 4 статуса виртуальной идентичности. Мы обнаружили, что открытые к новому опыту и способные к самодетерминации студенты-мужчины часто демонстрировали достигнутую виртуальную идентичность ($\rho < 0.01$). Статус виртуальной идентичности относительно стабилен в течение двух месяцев ($\phi^* = 0.21$). Таким образом, «Статус ВИ» является надежной и валидной методикой и может использоваться как инструмент для решения теоретических, эмпирических и экспериментальных задач, связанных с развитием идентичности в цифровом пространстве.

Ключевые слова: идентичность, виртуальная идентичность, статусы идентичности, студенты, валидность, надежность, психологический инструментарий.

Клементьева Марина Владимировна – профессор, главный научный сотрудник, Департамент психологии и развития человеческого капитала, Институт гуманитарных технологий и социального инжиниринга ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», доктор психологических наук, доцент.

Сфера научных интересов: психология развития, психология личности.

Контакты: marinaklementyeva@yandex.ru

Благодарности

Автор благодарит студентов, которые любезно вызвались принять участие в исследовании. Автор также благодарит за помощь в сборе данных для исследования лаборанта Института

sion, agreeableness, openness, conscientiousness, and neuroticism) and self-determination. The sample comprised 350 students (age range 17 to 25 years; 44.3% men). For data processing, confirmatory factor analyses, Cronbach coefficient alpha, Pearson's r -test, and Student's t -test were applied in the SPSS 21.0 and AMOS 21 programs. Confirmatory factor analysis confirmed the 2-factor structure of the inventory, formed by the scales "In-Depth Exploration" and "Meaningfulness of Commitment" ($\chi^2/df = 1.17$; $\rho = .08$; RMSEA = .07; CFI = .93). We modeled these variables into 4 quadrants formed by a 2-axis circumflex integration of scales in 4 virtual identity statuses. We found that male students, who were open to new experiences and high in self-determination, significantly often demonstrated an achieved virtual identity ($\rho < .01$). The status of virtual identity was relatively stable during 2 months ($\phi^* = .21$). Thus, the VISI is reliable and valid, and can be used as a tool for solving theoretical, empirical, and experimental problems related to identity development in digital space.

Keywords: identity, virtual identity, identity status, students, validity, reliability, psychological tools.

Marina V. Klementyeva – Professor, Chief Research Fellow, Department of Psychology and Human Capital Development, Institute of Humanitarian Technology and Social Engineering of Financial University under the Government of the Russian Federation, DSc in Psychology, Associate Professor. Research Area: developmental psychology, personality psychology.

E-mail: marinaklementyeva@yandex.ru

Acknowledgements

The author would like to thank the students who kindly volunteered to participate in the study. Also, the author is grateful to A.O. Seyranyan, laboratory

гуманитарных технологий и социального инжиниринга ФСНиМК ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» А.О. Сейранян.

assistant of the Institute of Humanitarian Technology and Social Engineering at Faculty of Social Sciences and Mass Communications Financial University, for data collection.

Транзитивность современного общества, пронизанного процессами глобализации, виртуализации и информатизации, порождает новые условия поиска и подтверждения идентичности, ставя эту нелегкую задачу перед исследователями-психологами. Мир XXI столетия представляет собой гибридную реальность, где цифровые средства связывают виртуальные и реальные среды в единую *экосистему* (Марцинковская, 2018; Granic et al., 2020), обуславливая становление *виртуальной идентичности* — «опосредованного технологией ментально обработанного Я, представленного или смоделированного на компьютерах, в компьютерных сетях, электронных играх и любых других виртуальных и цифровых медиасредах» (Jin, 2012, p. 2161).

В данной работе мы дифференцируем психологический смысл виртуальной идентичности в русле неозэриксонской концептуализации Я от совокупности цифровых данных о пользователе в виртуальном контексте, включая ник, адрес электронной почты, онлайн-историю, статус в виртуальной среде и пр. (Subrahmanyam, Šmahel, 2011, p. 62).

Стало очевидно, что виртуальное окружение влияет на развитие идентичности (Войскунский и др., 2013; Wängqvist, Frisé, 2016), однако вопросы условий и направленности влияния виртуальных сред на становление виртуальной идентичности современной молодежи не имеют однозначного решения.

На протяжении сорока лет остается дискуссионным вопрос о соотношении виртуальной и реальной идентичности. Феномен реконструкции идентичности в цифровой среде стал предметом исследований в последние десятилетия XX в. (Смолян, 2017; Тихомиров, 1993; Kendall, 1998; McKenna, Bargh, 1998). Актуальность проблема психологических механизмов становления виртуальной идентичности приобрела в XXI в. в связи с расширением сферы жизни человека, опосредствованной цифровыми технологиями. В ряде исследований отмечены содержательные и функциональные отличительные особенности виртуальной идентичности как альтернативы тех видов идентичности, которые проявляются в реальной среде (Войскунский и др., 2013; Солдатова, Погорелов, 2018; Crisanto et al., 2022; Hu et al., 2022; Pogorelov, Rylskaya, 2022), а в других работах продемонстрировано концептуальное и функциональное сходство виртуальной идентичности с другими видами идентичности (Back et al., 2010; Granic et al., 2020; Frey, Batinić, 2021; Shapiro, Margolin, 2014; Zimmermann et al., 2023). Подобное противоречие в понимании виртуальной идентичности, как полагаем, вызвано эмпирической многоаспектностью и разнообразием методологии исследований, что создает трудность в обобщении данных.

В настоящем, насколько мы знаем, психологическая операционализация виртуальной идентичности представлена в двух моделях: виртуальной нарративной

идентичности (Granic et al., 2020) и виртуальной идентичности пользователей социальных сетей (Pogorelov, Ryl'skaya, 2022). Несмотря на различные подходы в операционализации, обе модели базируются на одной концептуализации конструкта «идентичность» (Эриксон, 2006) и не используют достижения неоэриксоновской парадигмы в части статусов виртуальной идентичности.

Настоящим исследованием мы вносим свой вклад в дискуссию о психологической операционализации конструкта виртуальной идентичности, эмпирически исследуя механизмы ее становления в российском контексте и предлагая оригинальную шкалу оценки ее статусов в русле классической модели исследования статусов идентичности Э. Эриксона.

Понятие идентичности, базирующееся на принципе индивидуации, впервые психологически концептуализировано Э. Эриксоном в конце 1950-х гг. как осознание временной преемственности, переживание единства и уникальности Я с одновременным чувством общности с социальными образцами группы, к которой личность себя причисляет (Там же). В исследованиях второй половины XX в. рассмотрено становление идентичности в период от подросткового возраста до начала взрослости, когда личность принимает социальные «обязательства взрослого человека» и такие его социальные роли, как постоянное партнерство, оплачиваемая работа, родительство, финансовая независимость от родителей (Kroger, 2000; Meeus, 2011; Schwartz et al., 2013). Однако новая динамика перехода ко взрослой жизни, сопряженная с отсрочкой молодыми людьми этого перехода (длительное образование, откладывание брака и родительства, отказ от постоянной трудовой занятости и пр.) в индустриально развитых странах, получившая признание в отечественных (Клементьева, 2023; Манукян, 2022; Сапогова, 2013) и зарубежных (Arnett, 2016) исследованиях XXI в., отодвигает границу решения вопросов становления идентичности на более поздний срок — вплоть до 25–29 лет (Arnett, Mitra, 2020; Kroger et al., 2010; Noon et al., 2023; Vosylis et al., 2018). Таким образом, сегодня задача развития идентичности сохраняет свою актуальность у обучающейся молодежи в возрасте «формирующейся взрослости» (*emerging adulthood*) — 18–25(29) лет.

Развитием взглядов Э. Эриксона на становление идентичности стала психологическая операционализация этого конструкта в теории Дж. Марсиа (Marcia, 1966), который предложил дифференцировать *статусы идентичности* (диффузная идентичность, мораторий, предрешенная идентичность, достигнутая идентичность), основываясь на *поиске* (exploration) и *принятии* (commitment) идентичности в различных областях: профессия, межличностные коммуникации, политика, религия, образование, гендер и сексуальность, этнос и культура и пр. (Schwartz et al., 2011). Механизм дифференциации статусов идентичности был рассмотрен (Grotevant et al., 1982) в качестве двухосевой круговой модели, интегрирующей факторы поиска и принятия. Дано описание психологического содержания четырех статусов идентичности: (а) *достигнутая идентичность* (принятие, основанное на исследовании альтернатив), (б) *предрешенная идентичность* (принятие, основанное на отсутствии альтернатив), (в) *мораторий* (выбор, который осуществляется в настоящее

время), (г) *диффузная идентичность* (отсутствие поиска и принятия). На рубеже XX–XXI вв. была представлена расширенная психометрическая модель «двойного цикла» идентичности (Crocetti et al., 2008; Luycx et al., 2006; Meeus, 1996), включающая, помимо поиска и принятия идентичности, третье измерение — переосмысление принятия (*reconsideration of commitment*) идентичности. Этот фактор запускает второй цикл поддержки идентичности, когда после принятия идентичности личность продолжает поиск в области уже сделанного выбора, сравнивая текущие обязательства и возможные альтернативы. Так, вопрос пересмотра идентичности затрагивает не только «кризис середины жизни» (Mitchell et al., 2021), но может принимать форму переосмысления принятой идентичности и в более ранний период жизни (Becht et al., 2021), когда юноша/девушка чувствует, как его/ее не соответствует текущей жизненной ситуации.

Растущий объем исследований убеждает в том, что статус идентичности ассоциирован с целостным профилем устойчивых индивидуально-психологических свойств личности, с образом Я, с характеристиками межличностных отношений, с паттернами поведения и стилями жизнедеятельности. Так, ведущие поиск своей идентичности и принимающие ее молодые люди (с достигнутой идентичностью) часто являются доброжелательными и добросовестными экстравертами (Crocetti et al., 2008; Xue et al., 2018), имеющими ясное представление о смыслах, целях и результатах самореализации (Карабанова и др., 2021), психологически благополучными и социально адаптированными (Arnett, 2016, pp. 401–420, 438–446; Luycx et al., 2006; Schwartz et al., 2011, pp. 1–27, 31–53), а ведущие поиск и не принимающие свою идентичность молодые люди, пребывающие в статусе моратория идентичности, часто депрессивны и плохо адаптированы (Arnett, 2016, p. 401–420; Schwartz et al., 2011, pp. 1–27, 31–53). Кроме того, обнаружено влияние возрастного-половых характеристик на статус идентичности: на фоне позитивного сдвига к достигнутой идентичности в возрастном диапазоне от 18 до 35 лет (Cramer, 2017). В период от 18 до 25 лет у мужчин увеличивается частота демонстрации достигнутой идентичности, а у женщин — моратория (Verschueren et al., 2017; Becht et al., 2021), в более поздней перспективе, в период 27–50 лет, женщины чаще проявляют достигнутую идентичность, а мужчины — диффузную (Fadjukoff et al., 2016). Примечательно влияние культурно-исторического фактора (индивидуалистский и коллективистский культурные контексты социально-сетевое взаимодействия) на статусы идентичности (Noon et al., 2021) при сохранении инвариантности процессов идентичности (Dimitrova et al., 2016).

Хотя в современной психологической литературе имеется значительное количество исследований идентичности, *многие из них базируются на содержании показателей, разработанных в XX в.* (Schwartz et al., 2011, p. 31–53), поэтому сосредоточены на тех аспектах, которые могут быть не столь актуальными для современных групп людей, нивелируя существенные аспекты развития личности на этапе широкомасштабной цифровизации общества — виртуализации, информатизации, глобализации, транзитивности процессов социализации (Марцинковская, 2018; Kroger et al., 2010).

В настоящее время утверждается точка зрения о зависимости параметров поиска и принятия идентичности от условий конкретных ситуаций. Ряд авторов (Branje et al., 2021; Schwartz et al., 2013; Vosylis et al., 2018) пришли к заключению о неравномерности развития идентичности в различных областях, предложив различать глобальную и предметно-специфичную идентичность. В русле данной позиции исследованы цифровые способы утверждения виртуальной идентичности и механизмы ее взаимодействия с реальными формами идентичности (Солдатова и др., 2022; Belk, 2016; Raiziene et al., 2022; и др.). Стало очевидно, что виртуальные среды не замещают реальные повседневные среды и отличаются от них условиями конструирования идентичности, самопрезентации и социальных взаимодействий, дополняя друг друга и модифицируя, но при этом демонстрируя *функциональную схожесть*.

Несмотря на значительный объем работ киберпсихологической тематики, *эмпирические исследования виртуальной идентичности немногочисленны*, но они открывают интересные перспективы. Попытки понять способы самовыражения личности в цифровых средах способствуют быстрому накоплению эмпирического материала о: механизмах становления социальной и личной идентичности в виртуальных сообществах (Cheng, Guo, 2015; Lee et al., 2020), формировании цифрового опыта нарративной идентичности (Breen et al., 2021), трансмиссии офлайн- и онлайн-идентичности (Koles, Nagy, 2021), влиянии аватаров на динамику идентичности (Gabbiadini et al., 2014), вкладе аддиктивного развития в структуру виртуальной идентичности (Cioban et al., 2021; Pogorelov, Rylskaya, 2022). Обсуждаются корреляты идентичности с «экранном временем» (Перегудина, 2021; Granic et al., 2020), с атрибутивными, оценочными, когнитивными, демографическими и прочими характеристиками аватаров как онлайн-самопрезентаций и цифровых профилей пользователей (Jin, 2012; Zimmermann et al., 2023), с параметрами игровой и интернет-зависимости (Lemenager et al., 2020), с поведенческими характеристиками онлайн-активности в виртуальных сообществах (Hu et al., 2022; Crisanto et al., 2022; Santa María et al., 2022), с разнообразием интернет-активности (Raiziene et al., 2022), с нейробиологическими функциями (Lemenager et al., 2020). Исследователи касаются роли процессов ясного самосознания и самооценки (Green et al., 2021; Lemenager et al., 2020; Müller, Bonnaire, 2021), инициативности поведения и деятельности (Cheng, Guo, 2015; Zimmermann et al., 2023), «расширения самости» (Belk, 2016; Koles, Nagy, 2021) в становлении идентичности в виртуальной среде. Полученные результаты позволяют *конкретизировать и дифференцировать* механизмы развития идентичности — нарративной, социальной, личной и пр. — в виртуальной среде, но не позволяют подойти к операционализации виртуальной идентичности. Многие современные исследователи ассоциируют показатели статусов «реальной» идентичности (в офлайн-контекстах) с параметрами ее виртуального и онлайн-поведения (Noon et al., 2021; Raiziene et al., 2022; Schwartz et al., 2011; Schwartz et al., 2017; Wängqvist, Frisén, 2016).

Таким образом, существует *противоречие* между накопленными научными знаниями о виртуальной идентичности в мировой психологии и отсутствием

востребованного психологического представления о статусах виртуальной идентичности. И хотя в современных исследованиях затронуты вопросы психологического содержания, структуры, функционирования виртуальной идентичности, на удивление отсутствуют исследования, предметом которых были бы ее статусы. Сказанное определяет необходимость разработки содержательных показателей оценки статусов виртуальной идентичности современной молодежи.

Дальнейшее изучение этого вопроса требует, во-первых, разработки теоретической основы, в рамках которой могут быть осмыслены накопленные данные о виртуальной идентичности в период формирующейся зрелости, получено объяснение процесса ее становления, а во-вторых, создание инструмента оценки, который может измерять статусы виртуальной идентичности.

Полагаем, что научно-психологическим ответом на вызовы, порождаемые смешанной реальностью, должно стать изучение виртуальной идентичности через мультиплицирование в новые цифровые среды тех подходов и теорий, которые описывают и объясняют процессы развития личности в повседневных контекстах жизни. Такой основой, на наш взгляд, может стать интеграция *неоэриксонских идей касательно развития идентичности в период перехода к зрелости* (Arnett, 2016; Crocetti, 2017; Grotevant et al., 1982; Meeus, 1996; Noon et al., 2021; Schwartz et al., 2013) с положениями *культурно-исторической теории Л.С. Выготского* (Выготский, 2004) об инструментальности психики и цифровом опосредствовании процессов развития человека.

Сторонниками отечественной культурно-исторической теории достигнуты значительные результаты в разных областях психологии:

- в психологии компьютеризации (Тихомиров, 1993; Войскунский, 2008) заложены основы изучения структуры, функций и генеза психической деятельности опосредствованной работой с компьютерными технологиями и системами с элементами искусственного интеллекта;

- в инженерной психологии и эргономике в работах В.П. Зинченко и его коллег изучены технические средства как движущие силы развития человека, механизмы экстернизации внутренних средств деятельности в человеко-машинных системах с помощью вычислительных средств, способы превращения мышления человека в машинную форму (Смолян, 2017);

- в психологии личности (Асмолов, Асмолов, 2019; Марцинковская, 2018) отмечена орудийная функция цифровых технологий в процессах «переадаптации», качественного преобразования образа жизни личности, вызванных ускорением развития и увеличения разнообразия социальной организации его труда и других видов деятельности;

- в психологии развития (Рубцова, 2019; Солдатова, Войскунский, 2021; Солдатова и др., 2022) подчеркнута опосредующее влияние деятельности и общения в цифровой среде на становление высших психических функций и личностных новообразований, раскрыты механизмы знаково-символического опосредствования, лежащие в основе развития личности и ее структур в ситуациях онлайн-коммуникаций;

• в когнитивной психологии (Фаликман, 2020) в диалектике процессов интериоризации и экстериоризации рассмотрен переход от интериоризации как «классического» механизма развития высших психических функций (аттенционных, мнемических, мыслительных и др.) к «новой экстериоризации» как распределению высших психических функций между действующим субъектом и цифровой технологией.

Вслед за этими авторами, в русле культурно-исторической теории мы рассматриваем становление виртуальной идентичности в соотнесении с процессами интериоризации цифровых инструментов, имеющих знаково-символическую природу, которые протекают в условиях новой гибридной реальности с размытыми границами онлайн- и офлайн-контекстов. Используя призму культурно-исторического понимания процесса культурного социогенеза личности в интерпретации статусов виртуальной идентичности, мы полагаем, что источником становления идентичности является опосредствованное цифровыми технологиями взаимодействие человека с «цифровым актором» (например, чат-ботом, аватаром, нейросетевой моделью искусственного интеллекта) или «цифровым субъектом» — другим человеком, представленном в виде совокупности цифровых следов. Допускаем, что гибридная среда возникает и существует в режиме цифрового (в смысле семиотического, знакового) опосредствования интеракций личности с ее различными сегментами, способными симультанно формировать границы, области и содержание виртуального пространства, используя порождаемые эффекты в конструировании виртуальной идентичности. В этом процессе мы склонны видеть *механизм интериоризации*. Примеры психических явлений, сопряженных с механизмом интериоризации в виртуальной среде, можно найти в работах, посвященных анализу коммуникаций в социальных сетях (Lee et al., 2020; Freyth, Batinic, 2021), в онлайн-играх (Lemenager et al., 2020; Green et al., 2021), в организованном виртуальном взаимодействии в средах образования, здравоохранения, услуг (Belk, 2016), в психологической и социальной помощи (Green et al., 2021), масс-медиа (Gabbadini et al., 2014) и пр. В данном контексте носителем виртуальной идентичности является личность, способная выступать источником изменения своего поведения, деятельности и внутреннего образа Я в виртуальной среде.

Исходя из вышеизложенного, мы предложили *модель становления виртуальной идентичности*, состоящую из двух процессов. Вероятно, становление идентичности будет варьировать:

- по степени овладения функциональным (осмысленным) использованием цифровых средств в осмысленном принятии (*Meaningfulness of Commitment*) идентичности по шкале «непосредственность — опосредованность»;
- по степени активности в поиске идентичности (*In-Depth Exploration*) по шкале «активность — реактивность».

Осмысленность принятия виртуальной идентичности концептуализируется как степень осмысленности выбора, сделанного личностью в области виртуальной среды и онлайн-контекстов в отношении своей идентичности;

интенсивность поиска идентичности соотносится с тем, как личность справляется с существующими обязательствами

Интегративное соотношение данных шкал, как мы полагаем, характеризует четыре статуса виртуальной идентичности (см. таблицу 1):

- *диффузная*, выраженная в бессмысленном приспособлении к виртуальной среде, когда молодые люди пассивны, их не интересует процесс самоисследования, не осознают свою виртуальную идентичность;
- *предрешенная*, ассоциированная с осмысленным, но безынициативным приспособлением к виртуальной среде, когда молодые люди не вовлечены в процесс самоисследования, некритично принимают образец выражения виртуальной идентичности без соотнесения с собственными предпочтениями;
- *мораторий*, сопряженный с бессмысленной инициативой самовыражения в виртуальной среде, когда молодые люди активны в самоисследовании, открытии новых возможностей самовоплощения и образцов самопрезентации виртуальной идентичности, но еще не готовы осознанно принять свою виртуальную идентичность;
- *достигнутая*, связанной с осмысленной инициативой самовыражения в виртуальной среде, когда молодые люди активны в самоисследовании и открытии новых возможностей самовоплощения и образцов самопрезентации виртуальной идентичности с учетом знаний о своих ценностно-смысловых ориентациях и предпочтениях.

Программа исследования

Выборка. В исследовании приняли участие 350 человек в возрасте 17–25 лет, обучающихся по гуманитарным, экономическим, естественно-научным и техническим направлениям бакалавриата и магистратуры в вузах г. Москвы и г. Тулы. Ме – 19 лет, М – 19.2, σ – 1.2; 55.7% (n = 195) женщин и 44.3% (n = 155) мужчин; средний возраст мужчин – 19.5 (σ – 1.2), женщин – 19.1 (σ – 1.3).

Процедура. Опрос проходил в онлайн-форме, со стороны участников было получено информированное согласие. Повторный тест был проведен в онлайн-форме через 2 месяца после первичного сбора данных (n = 95).

Таблица 1

Модель статусов виртуальной идентичности

Шкала 1		Шкала 2	
		Интенсивность поиска виртуальной идентичности (In-Depth Exploration)	
		Высокая	Низкая
Осмысленность принятия виртуальной идентичности (Meaningfulness of Commitment)	Высокая	Достигнутая виртуальная идентичность	Предрешенная виртуальная идентичность
	Низкая	Мораторий виртуальной идентичности	Диффузная виртуальная идентичность

Инструментарий. Опираясь на описанное выше теоретическое представление о структуре виртуальной идентичности, мы разработали методику «Статус ВИ» для оценки каждого из двух измерений (стимульный материал представлен в Приложении). Опросник представляет собой шкалу, состоящую из 10 пунктов, из которых пять пунктов измеряют интенсивность поиска идентичности, а пять оценивают осмысленность ее принятия. Использована шкала Лайкерта (1 — полностью не согласен, 6 — полностью согласен), в которой фиксировалась степень согласия участников в области виртуальной идентичности.

Полученные «сырые баллы» переведены в стены с использованием конверсионной таблицы (методом линейной стандартизации) (см. таблицу 2).

Интерпретация статуса виртуальной идентичности осуществлялась с использованием двухосевого пространства (см. рисунок 1).

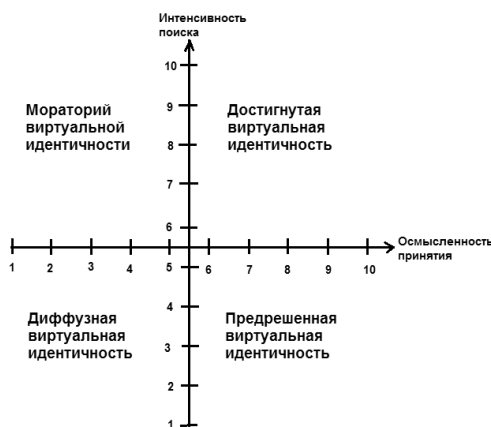
Таблица 2

Конверсионная таблица для шкал методики «Статус ВИ»

Стен	Баллы по шкале «Осмысленность принятия виртуальной идентичности»	Баллы по шкале «Интенсивность поиска виртуальной идентичности»
1	9 и менее	4 и менее
2	10–11	5–6
3	12–14	7–9
4	15–17	10–11
5	18–19	12–14
6	20–22	15–16
7	23–24	17–19
8	25–27	20–21
9	28–29	22–23
10	30 и более	24 и более

Рисунок 1

Двухосевая круговая интеграция осмысленности принятия и интенсивности поиска идентичности

Оценка соответствия стимульного материала конструкту проходила методом экспертных оценок (состав группы экспертов — 4 психолога с опытом практической психологической работы от 3 до 7 лет, два из которых имели ученую степень) и методом фокус-группы (состав группы — 50 студентов 18–22 лет) по бинарной системе (да/нет). Оценка согласованности результатов с использованием коэффициента согласия Коэна показала достаточную меру согласованности оценок: $\kappa_{\text{эмп}} \geq 0.90$ (для фокус-группы) и $\kappa_{\text{эмп}} \geq 0.95$ (для экспертов).

Помимо авторской методики использованы русскоязычные шкалы самодетерминации (Дергачева и др., 2008) и Big Five Inventory-2 (Калугин и др., 2021). Выбор методик обусловлен необходимостью проверки внешней валидности адаптированной шкалы. Критерием их отбора стала ассоциативная связь и близость к смежным конструктам, описанным в предшествующих работах по апробации шкал оценки статусов идентичности (Stocetti et al., 2008; Schwartz et al., 2011; Wängqvist, Frisé, 2016).

Обработка данных. Проверка внутренней согласованности и однородности стимульного материала проведена с использованием коэффициента Кронбаха. Ретестовая надежность шкал проверена с помощью t -критерия; стабильность во времени статусов виртуальной идентичности, а также оценка сопряженности статусов виртуальной идентичности и пола участников — с помощью ϕ^* -критерия углового преобразования Фишера. Проверка валидности осуществлена с использованием корреляционного анализа (r -критерий). Для того чтобы подтвердить модель виртуальной идентичности, состоящую из двух измерений — осмысленности принятия и интенсивности поиска, — мы проверили факторную структуру авторской методики «Статус ВИ» с помощью конфирматорного факторного анализа (КФА) с оценкой максимального правдоподобия, выполненного с помощью программы моделирования структурных уравнений Amos 21. Оценка связей между статусами виртуальной идентичности и устойчивыми свойствами личности осуществлена с помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA).

Результаты

Описательные статистики, показатели нормальности распределения и внутренней согласованности представлены в таблице 3. Внутренняя согласованность для факторов приемлема, надежность/устойчивость во времени факторной структуры хорошая.

Проверка структурной валидности двухкомпонентной модели виртуальной идентичности в КФА продемонстрировала хорошую согласованность теоретической модели с эмпирическими данными (см. рисунок 2).

Стандартизированные коэффициенты регрессии показателей значимы на уровне $p < 0.001$, подтверждая значимую связь между переменными и объясняющими их факторами. Положительная линейная ковариация двух факторов (осмысленности принятия и интенсивности поиска) статистически

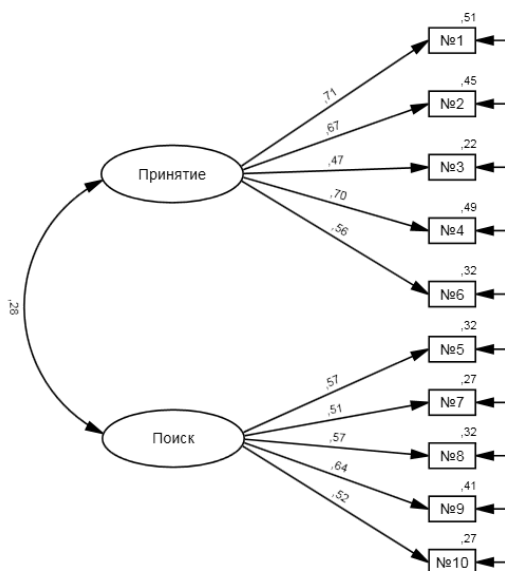
Таблица 3

Описательные статистики, показатели нормальности распределения, внутренней согласованности и ретестовой надежности шкал

	Осмысленность принятия виртуальной идентичности	Интенсивность поиска виртуальной идентичности
М (SD)	19.67 (5.14)	14.15(4.91)
<i>p</i> -уровень для показателя Колмогорова—Смирнова	0.13	0.21
α Кронбаха	0.77	0.73
<i>p</i> -уровень для <i>t</i> -критерия	0.56	0.71

Рисунок 2

Структура измерительной модели виртуальной идентичности при $\chi^2/df = 1.17$; $p = 0.05$; RMSEA = 0.08; CFI = 0.93 (N = 350)

значима при $p = 0.001$, что, вероятно, свидетельствует об опосредованном влиянии общего фактора идентичности на отдельные измерения.

Проверка внешней валидности обнаружила значимые линейные корреляционные связи между показателями авторской методики и устойчивыми свойствами личности (см. таблицу 4), т.е. осмысленность принятия виртуальной идентичности сопряжена с высокими показателями автономии (самодетерминации), доброжелательности, добросовестности и открытости опыту.

В таблице 5 представлены данные однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA), где в качестве фактора была использована группирующая переменная

Таблица 4

Корреляции показателей виртуальной идентичности и устойчивых свойств личности

Устойчивые свойства личности	Осмысленность принятия виртуальной идентичности	Интенсивность поиска виртуальной идентичности
Самодетерминация (внутренняя каузальная ориентация)	0.36**	-0.14*
Экстраверсия	0.13*	-0.13*
Доброжелательность	0.17**	-0.09
Добросовестность	0.20**	-0.09
Нейротизм	-0.15*	0.13*
Открытость опыту	0.38**	0.01

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Таблица 5

Описательные статистики и однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) устойчивых свойств личности с разными статусами виртуальной идентичности

Показатель	Показатели ANOVA		Описательные статистики – M (SD)			
	F	p	Диффузная виртуальная идентичность (n = 113)	Мораторий виртуальной идентичности (n = 77)	Предрешенная виртуальная идентичность (n = 76)	Достигнутая виртуальная идентичность (n = 84)
Самодетерминация (внутренняя каузальная ориентация)	11.96	0.00	149.8 (24.4)	141.3 (26.4)	158.3 (19.6)	169.0 (18.6)
Удовлетворенность жизнью	0.59	0.62	23.2 (3.3)	24.3 (0.9)	22.8 (3.2)	18.5 (0.7)
Экстраверсия	1.05	0.37	45.6 (8.7)	43.4 (6.8)	46.4 (10.3)	45.5 (7.2)
Доброжелательность	1.19	0.31	43.9 (5.4)	42.5 (5.8)	44.0 (6.7)	44.8 (6.5)
Сознательность	2.50	0.06	51.7 (8.9)	48.7 (7.2)	51.5 (9.9)	53.0 (8.6)
Нейротизм	1.53	0.20	38.8 (8.7)	41.2 (7.1)	37.6 (9.7)	38.2 (9.0)
Открытость опыту	6.60	0.00	47.9 (8.3)	45.7 (6.7)	50.6 (10.7)	52.7 (6.8)

статуса виртуальной идентичности (диффузная, мораторий, предрешенная, достигнутая), а также описательные статистики групп, дифференцированных по статусу виртуальной идентичности. Таким образом, студенты, открытые новому опыту и способные к автономии (самодетерминации), демонстрировали достигнутую виртуальную идентичность.

При попарном сравнении групп (post hoc) значимые различия ($p < 0.01$) обнаружены между мораторием и достигнутой виртуальными идентичностями по показателям удовлетворенности жизнью и сознательности; между мораторием, достигнутой, диффузной и предрешенной виртуальной идентичностью — по показателям самодетерминации и открытости опыту.

Согласно результатам сравнительного анализа, студенты чаще демонстрируют диффузную виртуальную идентичность по сравнению с другими статусами ($\phi^* \geq 2.55$). Кроме того, мы обнаружили, что студенты-мужчины значительно чаще демонстрируют достигнутую виртуальную идентичность ($\phi^* = 2.16$), а студентки — мораторий виртуальной идентичности ($\phi^* = 2.32$).

Обсуждение

Исследование было направлено на то, чтобы психологически операционализировать конструкт виртуальной идентичности, эмпирически исследуя ее процессы в российском контексте, предложив оригинальную шкалу оценки статусов виртуальной идентичности. В целом материалы, полученные в работе, согласуются с эриксоновскими (Эриксон, 2006) и неоэриксоновскими идеями касательно развития идентичности в период перехода к взрослости (Arnett, 2016; Crocetti, 2017; Noon et al., 2023; Schwartz et al., 2013), а также с положениями культурно-исторической теории Л.С. Выготского об инструментальности психики и знаково-символическом опосредствовании процессов личностного развития взрослеющей личности (Марцинковская, 2018; Рубцова, 2019; Сапогова, 2013; Солдатова, Войскунский, 2021).

Наша модель виртуальной идентичности построена в рамках одного цикла «поиск — принятие» (Карабанова и др., 2021; Grotevant et al., 1982; Schwartz et al., 2011), что отличает ее от модели «двойного цикла» (Crocetti et al., 2008) с пересмотром принятой идентичности, подчеркивая предметную специфику виртуальной идентичности. В отличие от содержательной интерпретации виртуальной идентичности через сочетание «киберзависимости-киберкультуры-виртуального образа» (Pogorelov, Rylskaya, 2022) с акцентом на противопоставление базовому конструкту идентичности, предложенная нами модель процессов виртуальной идентичности *укрепляет научный статус конструкта идентичности, открывая возможности для формализации, анализа, интеграции и обобщения данных о развитии идентичности в различных средах*. Результаты в значительной степени согласуются с нашими прогнозами. Шкала, состоящая из 10 пунктов, формирует два фактора, соответствующие процессам идентичности, — интенсивности поиска и осмысленности принятия, что согласуется с результатами психометрических характеристик измерительных шкал идентичности в других областях (Schwartz et al., 2013). Хорошие показатели валидности и надежности авторской методики подтверждают ее соответствие психометрическим требованиям и позволяют использовать ее в дальнейшем для решения теоретических, эмпирических и экспериментальных задач, связанных с исследованием виртуальной идентичности.

Исследование вносит вклад в современную дискуссию о процессах виртуальной идентичности, восполняя недостаток в исследованиях развития идентичности в российском контексте. Мы подтвердили, что устойчивые личностные характеристики, включая диспозиции личности и особенности самодетерминации, которые демонстрирует личность в реальной повседневной среде, ассоциированы с процессами виртуальной идентичности. Процессы виртуальной идентичности (поиск и принятие) связаны с устойчивыми свойствами личности: самодетерминацией, доброжелательностью, добросовестностью, нейротизмом, открытостью опыту, и тем самым наше исследование обнаруживает когерентность результатам зарубежных исследований «глобальной» идентичности и поддерживает выводы современных работ по изучению виртуальной идентичности (Войскунский и др., 2013; Солдатова и др., 2022; Noon et al., 2023; Santa María et al., 2022; Valkenburg, Peter, 2009). Так, повышение интенсивности поиска виртуальной идентичности сопряжено со снижением эмоциональной стабильности и самодетерминации. Напротив, повышение осмысленности принятия виртуальной идентичности ассоциировано с повышением самодетерминации и открытости опыту в повседневной жизни.

Вслед за авторами (Перегудина, 2021; Breen et al., 2021; Raiziene et al., 2022; Zimmermann et al., 2023), указывающими на невысокий уровень развития идентичности в виртуальных средах у студенческой молодежи, мы увидели частую *демонстрацию диффузного статуса виртуальной идентичности*. Полученные результаты поддерживают теорию развития идентичности в период формирующейся взрослости (Карабанова и др., 2021; Arnett, 2016, p. 401–420; Schwartz et al., 2011, p. 1–27, 31–53; Vosylis et al., 2018), подтверждая общий вектор удлинения периода перехода от диффузной к достигнутой идентичности относительно виртуальной идентичности у современной молодежи. Виртуальная идентичность не является альтернативой различным видам «реальной» идентичности вопреки одной из сложившихся точек зрения (Войскунский и др., 2013; Солдатова, Погорелов, 2018; Crisanto et al., 2022; Hu et al., 2022), но, напротив, обнаруживает функциональное сходство с ними: молодые люди испытывают сходные трудности в конструировании идентичности, самопрезентации и социальных взаимодействий в гибридной среде, в которой виртуальные пространства динамично сочетаются с повседневными контекстами жизни.

Выявленные половые различия в статусах виртуальной идентичности, по-видимому, обусловлены большей личностной вовлеченностью молодых мужчин, их более активным взаимодействием с различными сегментами цифровой среды, что также согласуется с выводами современных исследователей (Becht et al., 2021; Verschueren et al., 2017).

Наше исследование вносит вклад в психологическую операционализацию конструкта виртуальной идентичности, обращая внимание на процессы и статусы виртуальной идентичности формирующихся взрослых, вовлеченных в цифровые контексты.

Ограничение настоящей работы связано со студенческой выборкой. В будущих исследованиях можно расширить возрастной диапазон — от подросткового возраста до старости.

Выводы

Выявлены и описаны статусы виртуальной идентичности через призму интеграции неозэриксонских идей с положениями культурно-исторической теории. Виртуальная идентичность психологически операционализирована как интеграция процессов поиска и принятия цифрового образа Я, моделируемого пользователем в виртуальной среде, как самотождественного и устойчивого во времени. Разработанная методика оценки статусов виртуальной идентичности является валидным и надежным психодиагностическим инструментом. Эмпирически обоснована роль процессов и статусов виртуальной идентичности в личностном развитии современных молодых людей.

Литература

- Асмолов, Г. А., Асмолов, А. Г. (2019). Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива. *Вопросы психологии*, 4, 3–28.
- Войсунский, А. Е. (2008). От психологии компьютеризации к психологии Интернета. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 2, 140–153.
- Войсунский, А. Е., Евдокименко, А. С., Федунина, Н. Ю. (2013). Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(2), 98–121.
- Выготский, Л. С. (2004). *Психология развития человека*. М.: Смысл.
- Дергачева, О. Е., Дорфман, Л. Я., Леонтьев, Д. А. (2008). Русскоязычная адаптация опросника каузальных ориентаций. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 3, 91–106.
- Калугин, А. Ю., Щебетенко, С. А., Мишкевич, А. М., Сото, К. Дж., Джон, О. П. (2021). Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory-2. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 18(1), 7–33. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-7-33>
- Карабанова, О. А., Захарова, Е. И., Старостина, Ю. А. (2021). Личностная идентичность как основа построения профессиональной и семейной карьер в условиях неопределенности. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки»*, 3, 6–23. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2021-3-6-23>
- Клементьева, М. В. (2023). Российская версия шкалы оценки формирующейся взрослости (IDEA-R): особенности развития студентов. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 13(2), 164–182. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.203>
- Манукян, В. Р. (2022). Взросление молодежи: сепарация от родителей, субъективная взрослость и психологическое благополучие в возрасте 18–27 лет. *Психологическая наука и образование*, 27(3), 129–140. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270310>
- Марцинковская, Т. Д. (2018). Идентичность в транзитивном и виртуальном пространстве. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*, 4(14), 11–20.
- Перегудина, В. А. (2021). Опыт исследования идентичности личности активных интернет-пользователей. *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки»*, 18(3), 127–144. <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2021.3.9>
- Рубцова, О. В. (2019). Цифровые технологии как новое средство опосредования (статья вторая). *Культурно-историческая психология*, 15(4), 100–108. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150410>
- Сапогова, Е. Е. (2013). *Экзистенциальная психология взрослости*. М.: Смысл.

- Смолян, Г. Л. (2017). В.П. Зинченко и становление инженерной психологии в СССР. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 14(4), 626–643. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2017-4-626-643>
- Солдатова, Г. У., Войскунский, А. Е. (2021). Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 18(3), 431–450. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-431-450>
- Солдатова, Г. У., Чигарькова, С. В., Илюхина, С. Н. (2022). Я-реальное и Я-виртуальное: идентификационные матрицы подростков и взрослых. *Культурно-историческая психология*, 18(4), 27–37. <https://doi.org/10.17759/chp.2022180403>
- Солдатова, Е. Л., Погорелов, Д. Н. (2018). Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы. *Образование и наука*, 20(5), 105–124. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-105-124>
- Тихомиров, О. К. (1993). Информационный век и теория Л.С. Выготского. *Психологический журнал*, 14(1), 114–119.
- Фаликман, М. В. (2020). Цифровое опосредствование: новые рубежи культурно-исторического подхода. *Вопросы психологии*, 2, 3–14.
- Эрикссон, Э. (2006). *Идентичность: юность и кризис* (2-е изд.). М.: Флинта; МПСИ; Прогресс.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Arnett, J. J. (Ed.). (2016). *The Oxford handbook of emerging adulthood*. Oxford; New York, NY: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199795574.001.0001>
- Arnett, J. J., & Mitra, D. (2020). Are the features of emerging adulthood developmentally distinctive? A comparison of ages 18–60 in the United States. *Emerging Adulthood*, 8(5), 412–419. <https://doi.org/10.1177/2167696818810073>
- Asmolov, G. A., & Asmolov, A. G. (2019). Internet kak generativnoe prostranstvo: istoriko-evolyutsionnaya perspektiva [Internet as a generative space: An historical-evolutionary perspective]. *Voprosy Psikhologii*, 4, 3–28.
- Back, M. D., Stopfer, J. M., Vazire, S., Gaddis, S., Schmukle, S. C., Egloff, B., & Gosling, S. D. (2010). Facebook profiles reflect actual personality, not self-idealization. *Psychological Science*, 21(3), 372–374. <https://doi.org/10.1177/0956797609360756>
- Becht, A. I., Nelemans, S. A., Branje, S. J. T., Vollebergh, W. A. M., & Meeus, W. H. J. (2021). Daily identity dynamics in adolescence shaping identity in emerging adulthood: An 11-year longitudinal study on continuity in development. *Journal of Youth and Adolescence*, 50(8), 1616–1633. <https://doi.org/10.1007/s10964-020-01370-3>
- Belk, R. (2016). Extended self and the digital world. *Current Opinion in Psychology*, 10, 50–54. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2015.11.003>
- Branje, S., de Moor, E. L., Spitzer, J., & Becht, A. I. (2021). Dynamics of identity development in adolescence: A decade in review. *Journal of Research on Adolescence*, 31(4), 908–927. <https://doi.org/10.1111/jora.12678>
- Breen, A. V., Scott, C., & McLean, K. C. (2021). The “stuff” of narrative identity: Touring big and small stories in emerging adults’ dorm rooms. *Qualitative Psychology*, 8(3), 297–310. <https://doi.org/10.1037/qup0000158>

- Cheng, Zh.-ch., & Guo, T.-ch. (2015). The formation of social identity and self-identity based on knowledge contribution in virtual communities: An inductive route model. *Computers in Human Behavior*, *43*, 229–241. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.10.056>
- Cioban, S., Lazăr, A. R., Bacter, C., & Hatos, A. (2021). Adolescent deviance and cyber-deviance. A systematic literature review. *Frontiers in Psychology*, *12*, Article 748006. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.748006>
- Cramer, P. (2017). Identity change between late adolescence and adulthood. *Personality and Individual Differences*, *104*, 538–543. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.08.044>
- Crisanto, M., Wagaman, B., Kerr, E., McGinnis, J., & Berman, S. L. (2022). Avatars and alternate identities: Social media usage and its relation to identity and peer attachment. *The American Journal of Psychology*, *135*(2), 215–224. <https://doi.org/10.5406/19398298.135.2.07>
- Crocetti, E. (2017). Identity formation in adolescence: The dynamic of forming and consolidating identity commitments. *Child Development Perspectives*, *11*(2), 145–150. <https://doi.org/10.1111/cdep.12226>
- Crocetti, E., Rubini, M., & Meeus, W. (2008). Capturing the dynamics of identity formation in various ethnic groups: development and validation of a three-dimensional model. *Journal of Adolescence*, *31*(2), 207–222. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2007.09.002>
- Dergacheva, O. E., Dorfman, L. Ya., & Leontiev, D. A. (2008). Russkoyazychnaya adaptatsiya oprosnika kauzal'nykh orientatsii [Russian adaptation of the General Causality Orientation Scale]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Lomonosov Psychology Journal]*, *3*, 91–106.
- Dimitrova, R., Crocetti, E., Buzea, C., Jordanov, V., Kosic, M., Tair, E., Taušová, J., van Cittert, N., & Uka, F. (2016). The Utrecht-management of identity commitments scale (U-MICS): Measurement invariance and cross-national comparisons of youth from seven European countries. *European Journal of Psychological Assessment*, *32*(2), 119–127. <https://doi.org/10.1027/1015-5759/a000241>
- Erikson, E. (2006). *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis] (2nd ed.). Moscow: Flinta; MPSI; Progress. (Original work published 1968)
- Fadjukoff, P., Pulkkinen, L., & Kokko, K. (2016). Identity formation in adulthood: A longitudinal study from age 27 to 50. *Identity: An International Journal of Theory and Research*, *16*(1), 8–23. <https://doi.org/10.1080/15283488.2015.1121820>
- Falikman, M. V. (2020). Digital mediation: the cutting edge of the cultural historical approach. *Voprosy Psikhologii*, *2*, 3–14. (in Russian)
- Freyth, L., & Batinic, B. (2021). How bright and dark personality traits predict dating app behavior. *Personality and Individual Differences*, *168*, Article 110316. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110316>
- Gabbiadini, A., Mari, S., Volpato, C., & Grazia Monaci, M. (2014). Identification processes in online groups: Identity motives in the virtual realm of MMORPGs. *Journal of Media Psychology: Theories, Methods, and Applications*, *26*(3), 141–152. <https://doi.org/10.1027/1864-1105/a000119>
- Granic, I., Morita, H., & Scholten, H. (2020). Beyond screen time: Identity development in the digital age. *Psychological Inquiry*, *31*(3), 195–223. <https://doi.org/10.1080/1047840X.2020.1820214>
- Green, R., Delfabbro, P. H., & King, D. L. (2021). Avatar identification and problematic gaming: The role of self-concept clarity. *Addictive Behaviors*, *113*, Article 106694. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2020.106694>
- Grotevant, H. D., Thorbecke, W., & Meyer, M. L. (1982). An extension of Marcia's identity status interview into the interpersonal domain. *Journal of Youth and Adolescence*, *11*, 33–47. <https://doi.org/10.1007/BF01537815>
- Hu, C., Cao, R., Huang, J., & Wei, Y. (2022). The effect of self-discrepancy on online behavior: A literature review. *Frontiers in Psychology*, *13*, Article 883736. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.883736>

- Jin, S.-A. A. (2012). The virtual malleable self and the virtual identity discrepancy model: Investigative frameworks for virtual possible selves and others in avatar-based identity construction and social interaction. *Computers in Human Behavior*, 28(6), 2160–2168. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2012.06.022>
- Kalugin, A. Yu., Shchebetenko, S. A., Mishkevich, A. M., Soto, C. J., & John, O. P. (2021). Psychometric properties of the Russian version of the Big Five Inventory-2. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 19(1), 7–33. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-7-33> (in Russian)
- Karabanova, O. A., Zakharova, E. I., & Starostina, Yu. A. (2021). Personal identity as a basis for professional and family careers under uncertainty. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universiteta. Seriya "Psikhologicheskie Nauki" [Bulletin MSRU. Series: Psychology]*, 3, 6–23. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2021-3-6-23> (in Russian)
- Kendall, L. (1998). Meaning and identity in “Cyberspace”: The performance of gender, class, and race online. *Symbolic Interaction*, 21(2), 129–153. <https://doi.org/10.1525/si.1998.21.2.129>
- Klementyeva, M. V. (2023). Emerging adulthood (the IDEA-R): Developmental features of university students. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Psikhologiya*, 13(2), 164–182. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.203> (in Russian)
- Koles, B., & Nagy, P. (2021). Digital object attachment. *Current Opinion in Psychology*, 39, 60–65. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2020.07.017>
- Kroger, J. (2000). Ego identity status research in the new millennium. *International Journal of Behavioral Development*, 24(2), 145–148. <https://doi.org/10.1080/016502500383250>
- Kroger, J., Martinussen, M., & Marcia, J. E. (2010). Identity status change during adolescence and young adulthood: A meta-analysis. *Journal of Adolescence*, 33, 683–698. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2009.11.002>
- Lee, S. H., Tak, J.-Y., Kwak, E.-J., & Lim, T. Y. (2020). Fandom, social media, and identity work: The emergence of virtual community through the pronoun “we”. *Psychology of Popular Media*, 9(4), 436–446. <https://doi.org/10.1037/ppm0000259>
- Lemenager, T., Neissner, M., Sabo, T., Mann, K., & Kiefer, F. (2020). “Who am I” and “How should I be”: a systematic review on self-concept and avatar identification in gaming disorder. *Current Addiction Reports*, 7, 166–193. <https://doi.org/10.1007/s40429-020-00307-x>
- Luyckx, K., Goossens, L., & Soenens, B. (2006). A developmental contextual perspective on identity construction in emerging adulthood: Change dynamics in commitment formation and commitment evaluation. *Developmental Psychology*, 42(2), 366–380. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.42.2.366>
- Manukyan, V. R. (2022). Growing up of youth: Separation from parents, subjective adulthood and psychological well-being at the age of 18–27. *Psikhologicheskaya Nauka i Obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 27(3), 129–140. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270310> (in Russian)
- Marcia, J. E. (1966). Development and validation of ego-identity status. *Journal of Personality and Social Psychology*, 3(5), 551–558. <https://doi.org/10.1037/h0023281>
- Martsinkovskaya, T. D. (2018). Identity in transitive and virtual space. *RSUH/RGGU Bulletin. Series "Psychology. Pedagogics. Education"*, 4(14), 11–20. (in Russian)
- McKenna, K. Y. A., & Bargh, J. A. (1998). Coming out in the age of the Internet: Identity “demarginalization” through virtual group participation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 75(3), 681–694. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.75.3.681>
- Meeus, W. (1996). Studies on identity development in adolescence: An overview of research and some new data. *Journal of Youth and Adolescence*, 25(5), 569–598. <https://doi.org/10.1007/BF01537355>

- Meeus, W. (2011). The study of adolescent identity formation 2000–2010: A review of longitudinal research. *Journal of Research on Adolescence*, 21, 75–94. <https://doi.org/10.1111/j.1532-7795.2010.00716.x>
- Mitchell, L. L., Adler, J. M., Carlsson, J., Eriksson, P. L., & Syed, M. (2021). A conceptual review of identity integration across adulthood. *Developmental Psychology*, 57(11), 1981–1990. <https://doi.org/10.1037/dev0001246>
- Müller, T., & Bonnaire, C. (2021). Intrapersonal and interpersonal emotion regulation and identity: A preliminary study of avatar identification and gaming in adolescents and young adults. *Psychiatry Research*, 295, Article 113627. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113627>
- Noon, E. J., Schuck, L. A., Guḡu, S. M., Şahin, B., Vujović, B., & Aydın, Z. (2021). To compare, or not to compare? Age moderates the relationship between social comparisons on nstagram and identity processes during adolescence and emerging adulthood. *Journal of Adolescence*, 93(1), 134–145. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2021.10.008>
- Noon, E. J., Vranken, I., & Schreurs, L. (2023). Age matters? The moderating effect of age on the longitudinal relationship between upward and downward comparisons on Instagram and identity processes during emerging adulthood. *Emerging Adulthood*, 11(2), 288–302. <https://doi.org/10.1177/21676968221098293>
- Peregudina, V. A. (2021). Experience in researching the identity of active internet users. *Vestnik Samarskogo Gosudarstvennogo Tekhnicheskogo Universiteta. Seriya "Psikhologo-pedagogicheskie Nauki" [Vestnik of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences]*, 18(3), 127–144. <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2021.3.9> (in Russian)
- Pogorelov, D. N., & Rylskaya, E. A. (2022). The development and psychometric characteristics of the “Virtual Identity of Social Media Users” Test. *Psychology in Russia: State of the Art*, 15(4), 101–126. <https://doi.org/10.11621/pir.2022.0407>
- Raiziene, S., Erentaite, R., Pakalniskiene, V., Grigutyte, N., & Crocetti, E. (2022). Identity formation patterns and online activities in adolescence. *Identity*, 22(2), 150–165. <https://doi.org/10.1080/15283488.2021.1960839>
- Rubtsova, O. V. (2019). Digital media as a new means of mediation (Part two). *Kul'turno-istoricheskaya Psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 15(4), 100–108. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150410> (in Russian)
- Santa María, L., Aliagas, C., & Rutten, K. (2022). Youth’s literary socialisation practices online: A systematic review of research. *Learning, Culture and Social Interaction*, 34, Article 100628. <https://doi.org/10.1016/j.lcsi.2022.100628>
- Sapogova, E. E. (2013). *Ekzistentsial'naya psikhologiya vzroslosti* [Existential psychology of adulthood]. Moscow: Smysl.
- Schwartz, S. J., Luyckx, K., & Vignoles, V. L. (Eds.). (2011). *Handbook of identity theory and research*. Springer Science + Business Media. <https://doi.org/10.1007/978-1-4419-7988-9>
- Schwartz, S. J., Meca, A., & Petrova, M. (2017). Who am I and why does it matter? Linking personal identity and self-concept clarity. In J. Lodi-Smith & K. DeMarree (Eds.), *Self-concept clarity*. Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-71547-6_8
- Schwartz, S. J., Zamboanga, B. L., Luyckx, K., Meca, A., & Ritchie, R. A. (2013). Identity in emerging adulthood: Reviewing the field and looking forward. *Emerging Adulthood*, 1(2), 96–113. <https://doi.org/10.1177/2167696813479781>

- Shapiro, L. A. S., & Margolin, G. (2014). Growing up wired: Social networking sites and adolescent psychosocial development. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 17, 1–18. <https://doi.org/10.1007/s10567-013-0135-1>
- Smolyan, G. L. (2017). Vladimir Zinchenko and the making of the industrial Psychology in the USSR. *Psychology Journal of Higher School of Economics*, 14(4), 626–643. (in Russian)
- Soldatova, E. L., & Pogorelov, D. N. (2018). The phenomenon of virtual identity: the contemporary condition of the problem. *Obrazovanie i Nauka [The Education and Science Journal]*, 20(5), 105–124. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-105-124> (in Russian)
- Soldatova, G. U., Chigarkova, S. V., & Ilyukhina, S. N. (2022). Real-self and virtual-self: Identity matrices of adolescents and adults. *Kul'turno-istoricheskaya Psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 18(4), 27–37. <https://doi.org/10.17759/chp.2022180403> (in Russian)
- Soldatova, G. U., & Voiskounsky, A. E. (2021). Socio-cognitive concept of digital socialization: new ecosystem and social evolution of the mind. *Psychology Journal of Higher School of Economics*, 18(3), 431–450. (in Russian)
- Subrahmanyam, K., & Šmahel, D. (2011). *Digital youth: The role of media in development*. Springer Science + Business Media. <https://doi.org/10.1007/978-1-4419-6278-2>
- Tikhomirov, O. K. (1993). Informatsionnyi vek i teoriya L.S. Vygotskogo [Informational age and L.S. Vygotsky's theory]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 14(1), 114–119.
- Valkenburg, P. M., & Peter, J. (2009). Social consequences of the internet for adolescents: A decade of research. *Current Directions in Psychological Science*, 18(1), 1–5. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8721.2009.01595.x>
- Verschueren, M., Rassart, J., Claes, L., Moons, P., & Luyckx, K. (2017). Identity statuses throughout adolescence and emerging adulthood: A large-scale study into gender, age, and contextual differences. *Psychologica Belgica*, 57(1), 32–42. <https://doi.org/10.5334/pb.348>
- Voiskounsky, A. E. (2008). Ot psikhologii komp'yuterizatsii k psikhologii Interneta [From psychology of computerization to psychology of Internet]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Lomonosov Psychology Journal]*, 2, 140–153.
- Voiskounsky, A. E., Evdokimenko, A. S., & Fedunina, N. Yu. (2013). Online and real-life identity: A comparative study. *Psychology Journal of Higher School of Economics*, 10(2), 98–121. (in Russian)
- Vosylis, R., Erentaitė, R., & Crocetti, E. (2018). Global versus domain-specific identity processes: Which domains are more relevant for emerging adults? *Emerging Adulthood*, 6(1), 32–41. <https://doi.org/10.1177/2167696817694698>
- Vygotskii, L. S. (2004). *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [The developmental psychology of man]. Moscow: Smysl.
- Wängqvist, M., & Frisén, A. (2016). Who am I online? Understanding the meaning of online contexts for identity development. *Adolescent Research Review*, 1, 139–151. <https://doi.org/10.1007/s40894-016-0025-0>
- Xue, K., Yang, C., & Yu, M. (2018). Impact of new media use on user's personality traits. *Quality and Quantity*, 52, 739–758. <https://doi.org/10.1007/s11135-017-0485-8>
- Zimmermann, D., Wehler, A., & Kaspar, K. (2023). Self-representation through avatars in digital environments. *Current Psychology: A Journal for Diverse Perspectives on Diverse Psychological Issues*, 42, 21775–21789. <https://doi.org/10.1007/s12144-022-03232-6>

Методика оценки статусов виртуальной идентичности («Статус ВИ»)

Выразите, пожалуйста, степень своего согласия с каждым из 10 утверждений, касающихся отношения к Интернету, виртуальному миру, онлайн-среде. Пожалуйста, обязательно ставьте только одну галочку в каждой строке, используя шкалу:

- 1 – категорически не согласен;
- 2 – не согласен;
- 3 – скорее не согласен, чем согласен;
- 4 – скорее согласен, чем не согласен;
- 5 – согласен;
- 6 – полностью согласен.

№	Утверждения	Степень согласия					
		1	2	3	4	5	6
1	Виртуальный профиль уникален для каждого человека, и я знаю точно, каким должен быть мой профиль в виртуальном мире	○	○	○	○	○	○
2	Я точно знаю, в каком направлении самореализоваться в виртуальном мире	○	○	○	○	○	○
3	Я понимаю, каким должно быть мое поведение в Интернете, и следую этому	○	○	○	○	○	○
4	Теперь я точно знаю, что хочу от Интернета и виртуальности	○	○	○	○	○	○
5	Я часто размышляю о своей виртуальной жизни и своем Интернет-поведении	○	○	○	○	○	○
6	Сейчас понимаю, какие профиль и поведение должны быть у меня в онлайн-среде	○	○	○	○	○	○
7	Я часто пытаюсь узнать, что другие люди думают обо мне на тех сайтах, онлайн-платформах и виртуальных ресурсах, которые я посещаю	○	○	○	○	○	○
8	Я часто разговариваю о себе в виртуальных сообществах	○	○	○	○	○	○
9	Виртуальный мир помогает мне чувствовать уверенность в себе	○	○	○	○	○	○
10	В виртуальном окружении я чувствую себя в безопасности и оптимистично смотрю в будущее	○	○	○	○	○	○

Баллы суммируются по шкалам:

Осмысленность принятия виртуальной идентичности 1, 2, 3, 4, 6

Интенсивность поиска виртуальной идентичности 5, 7, 8, 9, 10

КАК СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОМЕТРИКА МОЖЕТ ИЗМЕНИТЬ ТЕСТИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТА ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В РОССИИ

Т.Н. КАНОНИР^а, Д.А. ФЕДЕРЯКИН^б, Т.И. ЛОГВИНЕНКО^с,
Е.А. ОРЕЛ^а, А.А. КУЛИКОВА^а

^а Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

^б Университет им. Иоганна Гутенберга в г. Майнц, 55128, Германия, ул. Якоба Вельдера, 9, офис 14/219

^с Научно-технологический университет «Сириус», 354340, Россия, Краснодарский край, Федеральная территория «Сириус», Олимпийский просп, д. 1

How Modern Psychometrics Can Change Intelligence Testing of Children and Adolescents in Russia

T.N. Kanonire^a, D.A. Federiakin^b, T.I. Logvinenko^c, E.A. Orel^a, A.A. Kulikova^a

^a HSE University, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

^b University of Mainz, 9 Jakob-Welder-Weg, Mainz, 55128, Germany, 14/219

^c Sirius University of Science and Technology, 1 Olympic Ave, Sirius Federal Territory, 354340, Krasnodar region, Russian Federation

Резюме

Оценка уровня интеллектуального развития у детей и подростков является важным элементом психодиагностики и позволяет понять природу трудностей, связанных с обучением. Тесты на интеллект имеют более чем столетнюю историю, но даже современные версии наиболее популярных тестов интеллекта (например, тест Векслера или Стенфорда–Бине) ограничены наследием своих бумажных версий. В то же время с появлением вычислительных мощностей и компьютеризации тестов психометрика претерпела значительное развитие и открыла

Abstract

The assessment of intellectual development in children and adolescents is an essential component of psychodiagnostics, facilitating an understanding of the nature of learning difficulties. Intelligence tests have a history that spans more than a century, and even contemporary versions of widely used intelligence tests (such as the Wechsler or Stanford-Binet tests) are limited by the influence of their traditional paper-based formats. Nevertheless, the advent of computational capabilities and the digitalization of tests have led psychometrics to

новые возможности в оценивании. Применение современной психометрики в полной мере может привести к революционным изменениям в измерении интеллекта. В статье предложено описание текущей ситуации в сфере измерения интеллекта детей и подростков в России и мире и рассмотрено применение новых методологических решений для улучшения качества оценивания. Представлены такие возможности современной психометрики, как использование инновационных типов заданий, использование универсального дизайна при разработке теста, компьютерное адаптивное тестирование и многоступенчатое тестирование, применение многомерных моделей IRT для обоснования конструктивной и критериальной валидности, переход от дискретных норм к непрерывному нормированию, лонгитюдные измерения. Совокупность этих свойств компьютерного формата тестирования интеллекта позволит 1) повысить мотивацию респондентов и сократить время прохождения теста, 2) оценивать прогресс ребенка и делать это так часто, как необходимо, предъявляя каждый раз разные версии теста, 3) существенно снизить ошибки при администрировании теста и подсчете результатов, а также обеспечить его защиту от использования непрофессионалами.

Ключевые слова: тесты интеллекта, психометрика, современная теория тестирования (IRT), компьютерное адаптивное тестирование, многоступенчатое тестирование, дети школьного возраста.

Канонир Татьяна Николаевна — доцент, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доктор психологических наук, PhD.

Сфера научных интересов: измерения в социальных науках, интеллект, субъективное благополучие.

Контакты: tkanonir@hse.ru

Федерякин Денис Александрович — научный сотрудник, Департамент экономического образования, Университет им. Иоганна Гутенберга в г. Майнц (Германия).

experience substantial development, opening new possibilities for assessment. The complete application of modern psychometrics holds the promise of revolutionizing the measurement of intelligence. This paper presents the current situation of measuring intelligence in children and adolescents in the world and in Russia. It describes the potentialities presented by modern psychometrics, including the utilization of innovative task formats such as technology-enhanced items, the integration of universal design principles in test development, the adoption of computerized adaptive testing (CAT) and multi-stage testing (MST) methodologies, the application of multidimensional IRT models to establish both construct and criterion validity, the shift from discrete norms to continuous scaling, and the incorporation of longitudinal measurements. The combination of these features within a computerized intelligence testing framework will enhance respondents' motivation and simplify the test administration process. It will facilitate frequent assessments of a child's progress by presenting varying test versions on each occasion, thereby significantly reducing errors in administration and scoring, while also safeguarding against misuse by non-professionals.

Keywords: intelligence tests, psychometrics, item response theory (IRT), computerized adaptive testing, multistage testing, school-children.

Tatjana N. Kanonire — Associate Professor, Institute of Education, HSE University, PhD in Psychology.

Research Area: measurement in social sciences, intelligence, subjective well-being.

E-mail: tkanonir@hse.ru

Denis A. Federiak — Research Fellow, The Chair of Economic Education, University of Mainz.

Сфера научных интересов: психометрика, вычислительные социальные науки.
Контакты: denis.federiakina@uni-mainz.de

Логвиненко Татьяна Игоревна — клинический психолог, старший специалист, Научный центр когнитивных исследований, Научно-технологический университет «Сириус».

Сфера научных интересов: процессы чтения, язык и речь, расстройства обучения, психометрика, нейронауки.

Контакты: logvinenkota.spb@gmail.com

Орел Екатерина Алексеевна — старший научный сотрудник, Центр психометрики и измерений в образовании; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук, PhD.

Сфера научных интересов: психодиагностика, разработка инструментов измерения.

Контакты: eorel@hse.ru

Куликова Алёна Александровна — научный сотрудник, Центр психометрики и измерений в образовании; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат наук об образовании.

Сфера научных интересов: измерения в психологии и образовании, разработка инструментов оценивания, социально-эмоциональное развитие.

Контакты: aponomareva@hse.ru

Research Area: psychometrics, computational social science.

E-mail: denis.federiakina@uni-mainz.de

Tatiana I. Logvinenko — clinical psychologist, Research Fellow, Center for Cognitive Sciences, Sirius University of Science and Technology.

Research Area: reading, language, learning disabilities, psychometrics, neuroscience.

E-mail: logvinenkota.spb@gmail.com

Ekaterina A. Orel — Senior Research Fellow, Center of Psychometrics and Measurement in Education, HSE University, PhD in Psychology.

Research Area: psychodiagnostics, test development.

E-mail: eorel@hse.ru

Alena A. Kulikova — Research Fellow, Center of Psychometrics and Measurement in Education, HSE University, PhD in Education.

Research Area: psychological and educational assessment, test development, social and emotional development.

E-mail: aponomareva@hse.ru

Область оценивания интеллектуального развития — одна из старейших прикладных сфер психологии. С появления тестов на интеллект можно начать отсчет существования психометрики. Именно они стали первыми комплексными инструментами психодиагностики, а некоторые из них, появившись в первой половине XX в., и сейчас являются наиболее популярными для исследований и практики — достаточно упомянуть тест Стенфорда–Бине, тест Векслера или прогрессивные матрицы Равена. Эти тесты пережили множественные изменения с момента своего создания, с учетом межпоколенческой динамики коэффициента интеллекта (IQ), концептуальных представлений об интеллекте и технологических возможностей. Особую роль тестирование интеллекта играет в психодиагностике детей и подростков, так как на основании ее результатов принимаются важные решения, имеющие большое влияние на дальнейшую жизнь ребенка. В этой статье сделан фокус на особенностях оценивания интеллекта у данных возрастных групп, описываются современное состояние, вызовы и перспективы тестирования интеллекта детей и подростков в России.

Разработчики наиболее используемых в мире тестов на интеллект регулярно выпускают их обновленные версии с новыми нормами, измененными заданиями и дополненными теоретическими обоснованиями; многие тесты имеют компьютерную форму. Однако насколько существенны эти изменения и позволяют ли они решать все задачи, стоящие перед тестами интеллекта, в том числе появившиеся в недавнее время? В рамках данной статьи мы проанализируем методологические аспекты оценивания интеллектуального развития у детей школьного возраста, рассмотрим мировой и российский опыт и предложим возможные пути развития тестов на интеллект с учетом современных подходов к разработке тестов и к психометрике.

Индивидуальные различия в интеллектуальном развитии являются важной составляющей психодиагностики у детей школьного возраста. Оценка уровня интеллектуального развития является одним из основных критериев для постановки различных диагнозов и принятия важных решений, например, о рекомендуемой учебной программе. Так, результаты оценки интеллекта являются критерием «отсечения» в случае задержки умственного развития, предположения о наличии специфических расстройств развития учебных навыков, а также будут источником важной сопутствующей информации в случае расстройства аутистического спектра (World Health Organization, 2019). В других случаях, например при диагностике интеллектуальных способностей в процессе профориентации, особенности интеллектуального развития сами оказываются фокусом оценивания. Но в каждом из этих случаев критически важным является точное и валидное измерение интеллекта каждого ребенка, что, несомненно, предъявляет повышенные требования к качеству используемых тестов.

Несмотря на то что сегодня существует много теоретических подходов к интеллекту (Kaufman et al., 2013), в сфере оценивания лидируют психометрические теории, объясняющие индивидуальные различия в интеллектуальных способностях. В частности, к наиболее популярным теориям этой группы относится модель когнитивных способностей Кеттелла–Хорна–Керролла (Cattell–Horn–Carroll theory of cognitive abilities, СНС-модель), объединившая в себе модель флюидного и кристаллизованного интеллекта Р. Кеттелла и Дж. Хорна и модель трех страт Дж. Керролла (Carroll, 1993; Horn, 1976; McGrew, 2009). Тесты, имеющие в своей основе психометрические модели интеллекта, такие как тест Векслера (Wechsler Intelligence Scale for Children-V, WISC-V), тест Вудкока–Джонсона (Woodcock–Johnson-III), батарея тестов Кауфмана (Kaufman Adolescent and Adult Intelligence Test, КАИТ; Kaufman Assessment Battery for Children, КАВС), «Дифференциальный тест способностей» (Differential Ability Scales, DAS), корректируют свои теоретические обоснования в соответствии с СНС-моделью, так как она имеет сильные эмпирические основания, легко операционализируется для применения в психодиагностических целях, а накопленный эмпирический и практический опыт позволяет делать с ее помощью точные и развернутые интерпретации полученных индивидуальных результатов.

В России ситуация с инструментами оценивания интеллектуального развития детей и подростков, их качеством и пригодностью для индивидуального оценивания более острая. Во многом это связано с фактической остановкой разработки и внедрения инструментов диагностики индивидуальных различий на период с 1936 г. по конец 1960-х гг. И хотя сегодня ситуация в области разработки тестов и психометрики изменилась в лучшую сторону, все равно можно констатировать существенные дефициты, на которые еще в 2008 г. указывал Н.А. Батуриной, а именно: малое количество качественных отечественных психодиагностических методик и использование (часто неправомерное) устаревших или неадаптированных зарубежных методик; нехватка специально подготовленных разработчиков методик и психометриков; низкая психодиагностическая и психометрическая культура пользователей методик; неконтролируемое распространение психодиагностических методик (Батуриной, 2008).

В 2004 г. на страницах журнала «Психология. Журнал Высшей школы экономики» развернулась значимая для отечественной науки об интеллекте дискуссия. О возможностях и ограничениях тестирования интеллекта высказались А.Г. Шмелев, Д.Б. Богоявленская, М.А. Холодная, Д.В. Ушаков. Были поставлены вопросы методической и методологической зрелости пользователей и разработчиков тестов (Шмелев, 2004), обсуждалась принципиальная возможность получения валидных индивидуальных результатов тестирования интеллекта (Холодная, 2004), приводились доказательства прогностической валидности тестов интеллекта (Ушаков, 2004). В заключительном слове Д.В. Ушаков предложил четкую программу действий по формированию культуры эффективной разработки и применения тестов интеллекта в России: 1) создание психологии тестирования, 2) накопление массива исследований с целью получения нормативных данных для разных групп респондентов, 3) разработка тестов интеллекта нового поколения, которые «фиксируют бы не только текущий срез когнитивной системы, но и историю ее развития» (Ушаков, 2004, с. 90). Некоторые шаги в реализации этой программы были сделаны. К ним можно отнести и создание А.Г. Шмелевым профессионального экспертного сообщества в области тестирования и психодиагностики, и выпуск «Стандарта тестирования персонала организации» (Батуриной и др., 2015), и попытку Н.А. Батуриной наладить выпуск «Ежегодника тестовых рецензий и обзоров» (к сожалению, состоялись только два выпуска — в 2010 и в 2013 гг. (Батуриной, Эйдеман, 2010, 2013)), и обсуждение существующей культуры разработчиков тестов, оказывающих влияние на качество инструментов (Науменко, Орел, 2010; Поддьяков, 2007), и разработку собственной структурно-динамической теории Д.В. Ушаковым (Ушаков, 2011). Более того, дискуссия вокруг темы интеллекта в России продолжает развиваться: например, Д.В. Ушаков и А.А. Григорьев выводят ее на новый концептуально-философский уровень (Ushakov, Grigoriev, 2016); М.А. Холодная продолжает развивать и дополнять онтологическую теорию интеллекта (Kholodnaya, Volkova, 2016) и предлагает альтернативы для доминирующей психометрической модели, которые также могут выступить основаниями для новых подходов к оценке (Холодная, 2015).

В данной работе мы хотели бы подробнее затронуть вопрос оценивания, измерения интеллекта. В следующем параграфе мы подробнее раскроем современное состояние российской сферы тестирования интеллекта и приведем обзор методик, предназначенных для оценки интеллекта детей и подростков.

В российском контексте можно выделить несколько сфер психологической практики, где тесты интеллекта используются наиболее активно: клиническая практика, сфера образования, а также профориентация и профессиональный отбор. В клинической практике и в сфере образования основу диагностики составляет сочетание анализа клинической картины и результатов стандартизированных методик. В качестве стандартизированных методик оценивания интеллектуального развития детей школьного возраста в России, как правило, используются детский вариант теста Векслера (WISC-R) и прогрессивные матрицы Равена (Raven's Progressive Matrices, RPM). Эти тесты фигурируют в том числе и в утвержденных Министерством здравоохранения в 2021 г. клинических рекомендациях в отношении интеллектуальных нарушений. Применяются также и другие адаптированные методики, например, культурно-свободный тест Кеттелла (Culture Fair Intelligence Test, CFIT), тест структуры интеллекта Амтхауэра (Intelligence Structure Test, IST). Среди отечественных разработок можно выделить «Подростковый интеллектуальный тест» и «Универсальный интеллектуальный тест», Санкт-Петербург — Челябинск (соответственно, ПИТ СПЧ и УИТ СПЧ), разработанные Н.А. Батуриным, Н.А. Курганским, И.М. Дашковым и Л.К. Федоровой, а также «Тест интеллектуального потенциала сокращенный» (ТИПС, авторы — А.Г. Шмелев и коллектив лаборатории «Гуманитарные технологии»). Однако все перечисленные инструменты обладают рядом существенных недостатков. Подробнее остановимся на особенностях перечисленных тестов.

Прогрессивные матрицы Равена в России часто используются как в исследованиях, так и в практике, однако вопрос определения нормативных показателей для них до конца не решен. Разработка норм критична для любого теста, который планируется для индивидуальной психодиагностики, так как только наличие норм позволяет сравнить результат индивида с референтной популяцией или, что реже применяется в психологии, соотнести полученный результат с определенным критерием. Именно это позволяет сделать вывод о более низком или высоком уровне выраженности измеряемого признака у конкретного человека. Попытки разработать российские нормы для прогрессивных матриц Равена предпринимались как минимум трижды: для стандартной версии И.Э. Щеткиной на выборке 432 девятиклассников 14–15 лет (Равен и др., 2002), для двадцатиминутной версии на выборке 7894 человек (Давыдов, Чмыхова, 2016), из которых 907 человек в возрасте 10–16 лет, а также для «Стандартных прогрессивных матриц плюс» на выборке из 1890 учащихся в возрасте 11–16 лет (Сорокова, Юркевич, 2014). Таким образом, имеющиеся нормы не охватывают младший школьный возраст. Также в настоящий момент ведется работа по стандартизации прогрессивных матриц Равена в лаборатории возрастной психогенетики (ПИ РАО) под руководством С.Б. Малых, но

результаты пока не опубликованы. Однако даже появление надежных нормативных значений не закрывает потребности в комплексной оценке интеллекта, так как этот тест оценивает только способность к абстрактным рассуждениям (abstract reasoning).

Инструментом комплексной оценки мог бы стать детский вариант теста Векслера. Однако, в то время как в мире доступна уже его пятая версия, в России можно приобрести только версию WISC-R 1974 г. (Wechsler, 1974; Филимоненко, Тимофеев, 2001, 2016, 2020). Эта устаревшая версия имеет множество ограничений. Во-первых, устарела теоретическая модель, на базе которой она была разработана. Во-вторых, часть заданий уже не является релевантной современному контексту. В-третьих, изданные в России версии предлагают при подсчете результатов для перевода полученных сырых баллов в стандартизированные использовать нормативные таблицы оригинальной версии 1949 г. В-четвертых, в руководстве к методике нет релевантной информации о проведенных исследованиях по адаптации, валидации или стандартизации методики в России. Таким образом, циркулирующий в России детский вариант теста Векслера обладает недостаточными и противоречивыми данными о надежности, устаревшими или неполными нормативными данными, что делает решения, принятые на основе результатов этой версии теста, заведомо не валидными.

В российской практике также используется культурно-свободный тест флюидного интеллекта Р. Кеттелла, изначально разработанный для людей от 8 до 60 лет. Исходя из информации о стандартизации в руководстве российской адаптации теста (Денисов, Дорофеев, 2003), сложно понять, какие нормы представлены авторами (оригинальные авторские, полученные в 1950-х гг., или собранные на русскоязычной выборке перед публикацией адаптированной версии). Так или иначе, их можно считать устаревшими, и, значит, согласно данным исследований, они могут давать завышенные показатели IQ ввиду большого временного разрыва.

Для российской выборки также был адаптирован тест структуры интеллекта Амтхауэра (Ясюкова, 2002), предназначенный для оценки интеллекта у респондентов старше 13 лет. Однако данная российская адаптация не содержит нормированных оценок по субтестам для оценки разных компонентов интеллектуальных способностей, что сужает спектр применения теста.

Первыми из отечественных методик, предназначенных для оценки интеллекта подростков и взрослых, можно назвать уже упомянутые разработки группы исследователей из ЮУрГУ и СПбГУ — «Подростковый интеллектуальный тест» для детей 10–15 лет (Батурич, Курганский, 2005) и «Универсальный интеллектуальный тест», стандартизированный для выборки подростков 13–17 лет. Кроме того, по словам авторов, была разработана адаптивная версия теста УИТ СПЧ (Батурич и др., 2011). Эта линейка использует в качестве прототипа тесты Векслера и Амтхауэра. Важное ограничение данных тестов заключается в том, что они не были валидизированы на клинических подгруппах, стандартизация проходила на выборке

обычных школьников и позволяет оценивать интеллектуальные способности, только если общий IQ > 70 (Орел, 2010).

«Тест интеллектуального потенциала сокращенный», разработанный компанией «Гуманитарные технологии», может быть использован для оценки интеллекта у подростков (8–11-й класс) и взрослых. Задания методики схожи с заданиями тестов Векслера и Амтхауэра. Данный тест был апробирован на выборке 6000 старших школьников. Существует также «Краткий тест отбора» (КТО) тех же авторов, который предназначен для быстрой оценки интеллектуальных способностей старших подростков и взрослых. Однако данные тесты заточены под нужды бизнеса и профориентации, они рассчитаны на старший возраст и не проходили апробацию на клинических подгруппах. Иными словами, данные тесты не предназначены для применения на всех ступенях школьного образования и для принятия образовательных решений.

Кроме того, для оценки интеллектуального развития применяются, например, критериально ориентированные тесты, разработанные в Психологическом институте Российской академии образования: «Школьный тест умственного развития» (ШТУР), «Тест умственного развития для абитуриентов и старшеклассников» (АСТУР), «Тест умственного развития младших школьников» (ТУРМШ) (Акимова и др., 1988; Гуревич, Акимова, 2008), а также патопсихологические методики (например, руководства С.Я. Рубинштейн или В.М. Блейхера, И.М. Крук). Однако и линейка тестов ПИ РАО, и патопсихологическое методики не базируются на нормативных данных, что противоречит фундаментальному принципу вычисления коэффициента интеллекта и потому выходит за пределы внимания данного обзора.

Также тесты интеллекта или отдельных интеллектуальных способностей разрабатывают или адаптируют некоторые коммерческие и консалтинговые компании, психологические службы профильных образовательных или профессиональных организаций для целей психологического отбора старших подростков и взрослых, однако, как правило, в публичном поле для этих инструментов нельзя найти даже минимальные данные об их психометрических свойствах.

Названными выше методиками не ограничивается список инструментов, используемых для диагностики разных аспектов интеллекта в России, однако они являются одними из наиболее распространенных и отражают актуальные проблемы в сфере психодиагностики интеллекта детей и подростков.

Итак, учитывая обозначенные проблемы с качеством используемых российскими специалистами инструментов оценивания интеллектуального развития (устаревшие нормы, не всегда релевантные стимульные материалы, ограниченные возможности разносторонней оценки и, как следствие, не поддающиеся корректной интерпретации результаты тестирования), можно было бы предложить провести адаптацию какого-либо существующего теста на интеллект с хорошей репутацией и обоснованной валидностью, с его последующей стандартизацией для российской популяции. Однако в случае адаптации необходимо учитывать как минимум два обстоятельства. Во-первых, адаптация таких инструментов сопряжена с постоянными выплатами право-

обладателям за каждое пройденное тестирование, что сильно удорожает их использование. Во-вторых, такие тесты, несмотря на свою многолетнюю популярность и последовательные шаги по поддержанию их валидности, тоже имеют существенные ограничения, являющиеся, по нашему мнению, следствием их длительной истории существования. Несмотря на то что правообладатели и разработчики этих тестов постоянно обновляют и пересматривают теоретические обоснования, содержание субтестов и нормы, необходимость поддерживать преимущество каждой последующей версии существенно ограничивает возможности внесения серьезных изменений, направленных на решение специфических проблем, таких как, например, оценка прогресса интеллектуального развития с помощью современных психометрических методов (Wilson et al., 2012), применение технологий компьютерного адаптивного тестирования (Magis, Barrada, 2017) или непрерывное нормирование тестов (Lenhard et al., 2018). В этом контексте нехватка качественного инструментария для оценки интеллектуального развития в России представляет собой одновременно и вызов, и возможность, а именно — возможность разработать оригинальный тест на новых методологических основаниях.

Методологические возможности современной психометрики

В данном разделе статьи мы сфокусируемся на описании требований к новому поколению тестов на интеллект, которые будут использовать в полной мере психометрические возможности, предлагаемые современной методологией измерений в социальных науках, а также на перечислении ограничений традиционных подходов к тестированию интеллекта.

Компьютерная форма

Зачастую компьютеризация тестирования понимается разработчиками и пользователями тестов как простой перенос бланковой формы в компьютерную. Однако сегодня цифровая среда предоставляет большое разнообразие форм заданий. К таким типам заданий могут быть отнесены задания с мультимедиа-элементами, сценарные задания, игровые и симуляционные форматы заданий и пр., и это только часть форм, которые не могут быть реализованы ни в каком другом виде, кроме компьютерного. На сегодняшний день исследователями предложено множество классификаций инновационных типов заданий (technology-enhanced items) (Parshall et al., 2009; Scalise, Gifford, 2006). Использование их в полной мере может сделать процедуру тестирования неотличимой от компьютерной игры. Это позволяет сохранить мотивацию респондентов к прохождению теста, что особенно важно для учеников школы.

Тем не менее, несмотря на привлекательность таких заданий для пользователей, есть несколько ограничений, которые нужно учитывать в тестировании интеллекта. Во-первых, разработка подобных заданий требует более длинного цикла разработки инструмента и дополнительных шагов валидации получаемых выводов

для целей психодиагностики. С использованием такого рода заданий возрастает сложность разработки и валидации алгоритмов начисления баллов (von Davier, Halpin, 2013). Во-вторых, непривычный вид заданий теста может вызвать недоверие у пользователей и сомнения в валидности получаемых выводов. Поэтому разработка нового поколения тестов интеллекта должна быть ориентирована на сохранение баланса между интерактивными заданиями, которые позволяют разнообразить процесс прохождения теста и обеспечить мотивацию респондентов, и более привычными формами заданий, что сохранит уверенность пользователей в валидности выводов.

Хочется отметить и еще одно потенциальное преимущество использования компьютерной формы для комплексных тестов, к которым относятся и тесты на интеллект. Как правило, такие тесты имеют достаточно сложную процедуру администрирования, включающую в себя предъявление заданий, фиксацию ответов, подсчет баллов на уровне субшкал и в целом по тесту, а также трансформацию сырых баллов в стандартизированные. Предъявление теста в компьютерной форме дает возможность максимально автоматизировать эту процедуру, а значит, и уменьшить риск потенциальных ошибок. К тому же компьютерная форма позволяет защитить тест от несанкционированного использования людьми, не имеющими соответствующей квалификации для его использования, что является важным элементом защиты инструмента и поддержания его валидности.

Универсальный дизайн теста

Тесты на интеллект, как правило, используются в психодиагностических целях, что определяет их достаточно широкую целевую аудиторию, в том числе включающую респондентов с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). В то же время различные ОВЗ могут диктовать и различные условия оптимальной формы предъявления материала, которые можно учесть на этапе разработки нового теста. Подход к разработке тестов, который заранее учитывает особенности всех групп, входящих в целевую популяцию теста, получил название универсального дизайна (Ketterlin-Geller, 2005). Главная задача этого подхода — обеспечить справедливое оценивание конструкта, придерживаясь следующих принципов: 1) включить в целевую популяцию теста все группы респондентов, для которых этот тест будет применяться; 2) дать детальное определение конструкту, чтобы все возможные барьеры, не связанные с конструктом (например, сенсорные, физические и т.д.), могли быть предугаданы и устранены из заданий; 3) разрабатывать задания с учетом предыдущих пунктов, чтобы сделать их доступными для всех респондентов популяции и исключить возможные искажения (bias); 4) изначально планировать дизайн теста таким образом, чтобы можно было реализовать accommodations (например, увеличение размера изображения); 5) инструкции теста представлять в простой и ясной форме; 6) сделать так, чтобы задания теста были максимально «читабельны» и понятны, если специфика конструкта не требует иного; 7) все тексты, таблицы, изображения и т.д. представлять в форме,

максимально удобной для восприятия, если только другого не требуется для измерения целевого конструкта (Thompson et al., 2004). Разработка теста с самого начала, в отличие от адаптации, позволяет придерживаться этих принципов, а использование компьютерной формы делает применение аккомодаций более доступным.

Адаптивность тестирования и правила остановки

Развитие компьютерных технологий позволило внедрить компьютерное адаптивное тестирование (КАТ, computerized adaptive testing) и его вариацию — многоступенчатое тестирование (МСТ, multistage testing) (Magis, Barrada, 2017). Эти подходы к тестированию основаны на применении моделей современной теории тестирования (IRT) (van der Linden, 2016), способных предсказывать вероятность выполнения всех откалиброванных заданий в банке заданий с использованием профиля ответов респондента, наблюдаемого в данный момент (Chang, Ying, 1996). В КАТ на основе этого предсказания каждое следующее задание выбирается респонденту таким образом, чтобы оно давало наибольшее количество информации об уровне его способности. В итоге два разных респондента могут получить два непересекающихся варианта теста, при этом сопоставимость их результатов будет сохранена за счет того, что параметры заданий известны до тестирования. Однако при таком подходе необходим большой банк откалиброванных заданий, как правило, около 200 на каждую субшкалу (Sahin, Anil, 2017), что требует огромных трудовых затрат от разработчиков теста.

В качестве компромиссного варианта, лишённого многих ограничений КАТ, психометриками рассматривается МСТ (Magis et al., 2017). В таком дизайне теста задания предъявляются группами (обычно по 3–7 штук), и настройка теста на респондента происходит в момент выбора следующей группы. Это позволяет существенно сократить необходимый объем банка, а также обеспечить большую содержательную сопоставимость между индивидуализированными вариантами теста (Crofts et al., 2012). Существенным преимуществом МСТ, по сравнению с классическим КАТ, является стоимость разработки, поскольку требует меньшего количества заданий, сохраняя все достоинства КАТ.

Большинство инструментов диагностики интеллекта, разработанных и валидизированных на данный момент, основаны на классической линейной структуре теста, при которой все респонденты получают все задания (Oakland et al., 2016), а их результаты обрабатываются в рамках классической теории тестирования. При этом в некоторых из них (как, например, в тесте Векслера) используется правило остановки — инструкции для администраторов прекратить тестирование по субшкале, когда достигнуто определенное количество ошибок. В классической теории тестирования такое правило приводит к нарушению фундаментальных ее допущений, т.е. в таких тестах сырые баллы респондентов, получивших разные наборы заданий, нельзя сравнивать друг с другом. Подобные сравнения возможны только в IRT — основе КАТ и МСТ.

Более того, сами по себе правила остановки в тестировании являются большой темой исследований и подразумевают немалое количество психометрических допущений, которые должны быть изучены и валидизированы (Wang et al., 2013). Поэтому выбору корректной методологии стоит уделить особое внимание при разработке нового поколения тестов.

Также традиционная практика разработки компьютерных адаптивных тестов почти полностью игнорирует методологические исследования алгоритмов выбора первых заданий КАТ на основе контекстных переменных (например, социально-демографических), характеризующих респондента. Реализация таких алгоритмов позволяет существенно сократить длину адаптивных тестов и повысить их надежность за счет того, что на пилотном этапе устанавливаются регрессионные отношения между измеряемой способностью и различными контекстными характеристиками, после чего на их основе предсказывается ее ожидаемый уровень, и с этого момента начинается тестирование (Vie et al., 2018). Такие алгоритмы позволяют преодолеть проблему «холодного старта» (cold start problem) в КАТ, когда в силу отсутствия какой-либо информации о респонденте на старте тестирования алгоритм вынужден допускать, что у всех респондентов один и тот же средний уровень способности. Более того, использование контекстных характеристик в качестве коллатеральной информации в моделях латентной регрессии (подробнее об этом скажем далее) позволяет повысить надежность докладываемых баллов, не изменяя их интерпретацию (Федерякин и др., 2021).

Подходы к оценке интеллекта как композитного конструкта

С самого начала исследования интеллекта Ч. Спирменом (Spearman, 1904) он понимался как композитный конструкт, состоящий из некоторого общего фактора (интегративной способности успешно решать разнообразные интеллектуальные задачи) и специфических факторов (способностей решать частные интеллектуальные задачи конкретных типов). Так, Спирмен обнаружил, что различные частные способности коррелируют друг с другом положительно (positive manifold), что привело его к гипотезе о существовании некоторого общего фактора интеллекта. Но даже если вслед, например, за Дж. Керроллом не придерживаться идеи наличия общего фактора, интеллект все равно остается сложным и многомерным конструктом. Такого рода конструкты и способы их математического описания являются одной из популярных тем исследований в современной психометрике (Wilson, Gochuyev, 2020).

В силу дизайна инструментов измерения интеллекта и диагностических потребностей практиков, новое поколение тестов на интеллект должно иметь возможность представлять результаты респонденту как по каждому из компонентов интеллекта, так и по уровню интеллекта в целом. Исторически все алгоритмы КАТ разрабатывались применительно к одномерному тестированию, которое выдает результат только по одной шкале. Многомерный КАТ является относительно новой разработкой в психометрике (Piton-Gonçalves, Aluísio, 2012). Несмотря на повышение сложности этих алгоритмов, они обладают

огромным преимуществом: позволяют учитывать корреляции между результатами по разным шкалам. Это дает возможность использовать их баллы как коллатеральную информацию в многомерных моделях, что повышает надежность (Федерякин и др., 2021). Однако многие существующие многомерные тесты все еще строятся не на многомерных алгоритмах КАТ и МСТ, а на нескольких одномерных, что приводит к относительно низким значениям надежности измерения (Wang et al., 2004).

В традиционных психометрических моделях для композитных конструкторов исследователи вынуждены делать допущение о том, что различные способности не коррелируют друг с другом, что приводит к дальнейшим неверным или даже невозможным интерпретациям. Наиболее ярко это проявляется в бифакторных моделях. Так, например, разработчики вынуждены допускать, что при измерении некоторого общего фактора математической грамотности с помощью заданий по алгебре и геометрии балл общей способности (математическая грамотность) не связан ни с первой (алгебра), ни со второй (геометрия) оцениваемыми областями знаний, а сами баллы по геометрии и алгебре не коррелируют друг с другом. Это приводит к тому, что исследователи используют только общий фактор и обращаются со специфическими факторами как с «шумом». Для практических целей эти факторы обладают крайне ценной диагностической информацией, но она становится недоступной для интерпретации в простых бифакторных моделях в силу математических допущений. Более того, надежности таких специфических факторов в ортогональных бифакторных моделях чрезвычайно низки, что дополнительно запрещает их использование в практике. В целом, то же касается и моделей с факторами второго порядка, которые в высокой степени математически родственны бифакторным (Gignac, 2016; Rijmen, 2010; Schmid, Leiman, 1957).

В ответ на это ограничение методологи разработали серию частично косоугольных бифакторных моделей, которые пытаются преодолеть описанную проблему интерпретации. Однако интерпретация таких моделей все еще остается сложной для практических целей. Для решения этой проблемы Д.А. Федерякин и М. Вилсон (Federiakina, Wilson, 2023) разработали новую бифакторную модель, которая полностью снимает эту проблему интерпретации, существующую в психометрике с 1937 г. (Holzinger, Swineford, 1937). Это полностью косоугольная бифакторная модель, которая оценивает все корреляции всех факторов (специфических — между собой и с общим) и при этом возвращает высокие показатели надежности всех баллов. Ее применение для тестов интеллекта нового поколения позволит с большей доказательной силой одновременно сообщать баллы и по общему, и по специфическим факторам.

Новые способы анализа критериальной валидности

Применение современных психометрических методов позволит улучшить предсказательную валидность тестов интеллекта. За последние 25 лет разработаны модели IRT, способные напрямую оценивать взаимосвязь измеряемой

латентной характеристики с какими-либо внешними наблюдаемыми переменными, — модели латентной регрессии (Adams et al., 1997; Christensen et al., 2004). Они характеризуются тем, что более точно, нежели классические регрессионные модели, выявляют связи между латентной характеристикой и факторами индивидуального и институционального уровня, ассоциированными с ее развитием (De Boeck, Wilson, 2004). Однако до сих пор эти модели не использовались для анализа отсроченных во времени достижений (distal life outcomes), — например, в исследованиях предсказательной валидности тестов интеллекта с применением IRT.

Результаты, полученные с помощью более простых моделей, могут содержать искажения в их интерпретации, что ставит под сомнение результаты исследования критериальной валидности, так как интерпретации связей результатов с внешними переменными будут также искажены. Несмотря на то что уже предложены отдельные работы для изучения критериальной валидности более современными методами (Nylund-Gibson et al., 2019), пока что разработчики тестов уделяют мало внимания вопросам преодоления неоднородности дисперсии распределения способности респондентов (гетероскедастичности). Гомоскедастичность является одним из фундаментальных требований к линейным моделям, которое, если нарушается, может существенно исказить оценки параметров модели (в данном случае — оценки критериальной валидности теста). Традиционные IRT-модели и факторно-аналитические модели допускают, что дисперсия способности является одинаковой для всех групп респондентов, что периодически оспаривается современными исследованиями интеллекта, например, в контексте половых различий (Johnson et al., 2008). Однако современная психометрика предлагает методы преодоления этого допущения, моделирующие дисперсию различных групп как функцию от контекстных переменных (Fischer, Molenaar, 2012). Таким образом, новые методологические решения при разработке тестов на интеллект могут дать ценный вклад в предметную дискуссию касательно вопроса критериальной валидности и однородности распределения результатов тестов интеллекта.

Новые способы нормирования тестов

Разработанный не так давно (Lenhard et al., 2018; Zachary, Gorsuch, 1985) и стремительно набирающий популярность метод непрерывного нормирования тестов может произвести революцию в сообщении тестовых баллов респондентам. Традиционные дискретные нормы тестов выглядят как большие таблицы, выделяющие по определенным критериям отдельные категории популяции, с которыми должен сравниваться респондент, а также нормативные значения тестовых баллов для этих категорий. Это приводит к парадоксальным ситуациям: например, когда нормы представлены по возрастным категориям, то разница тестирования всего в один день может переместить респондента в следующую возрастную подгруппу с более высокими нормами.

Непрерывное нормирование позволяет сгладить этот парадокс, сжимая огромные нормирующие таблицы до одного уравнения линейной регрессии. В этом уравнении среднее (ожидаемое) значение IQ предсказывается на основе нескольких социально-демографических переменных, с помощью умножения их на соответствующие коэффициенты и суммирования, что объясняет ту часть дисперсии способности, которая связана с различиями по этим контекстным переменным. Тогда дисперсия остатков начинает играть роль истинных индивидуальных различий в конструкте. Стандартизация этих различий и перевод на традиционную IQ-шкалу (нормальное распределение со средним 100 и стандартным отклонением 15) позволяет в этом случае сравнивать между собой по уровню интеллектуального различия респондентов даже из разных возрастных и демографических групп. Компьютерная форма тестирования позволяет автоматизировать процесс. В данном случае подобные сравнения носят характер «X имеет более высокий IQ при сравнении с Y точно такого же возраста и пола». Такое непрерывное нормирование позволяет индивидуально таргетировать нормативную группу под конкретного респондента, за счет допущения о функциональной связи между социально-демографическими переменными и интеллектом. Как результат, это существенно снижает требования к объему выборки при нормировании теста, но повышает требования к качеству регрессионной модели, служащей для выработки норм (Lenhard et al., 2018).

Лонгитюдные измерения и возможность отслеживания изменений

Еще один важный аспект, пока не реализованный в современных тестах интеллекта, — это использование принципов измерения прогресса с помощью IRT, а не классической теории тестирования. IRT способна измерить положение респондентов в разные моменты времени на единой шкале логитов, отражающих вероятность решения заданий (Embretson, 1991). Для оценки прогресса требуется изменение содержания теста от предыдущего момента измерения к следующему: обычно в него включаются более трудные задания, отражающие повышение уровня развития оцениваемого конструкта у респондентов. В итоге процедуры обработки результатов из классической теории тестирования становятся неприменимы в данном случае, потому что они работают на уровне сырых баллов, которые несравнимы между фактически разными тестами из разных моментов времени. Эта проблема усугубляется, если волн измерения конструкта больше, чем две.

Однако измерение прогресса возможно с применением лонгитюдных моделей IRT (Wilson et al., 2012). Сопоставление разных шкал может достигаться внедрением якорных заданий в два «смежных» варианта теста (пре-тест и пост-тест) (Loyd, Hoover, 1980). В этом случае сопоставимость шкал достигается с помощью допущения о том, что поскольку сами по себе якорные задания не изменились, не изменились и их психометрические параметры. Однако это требует повторного предъявления якорных заданий, что может вызвать претензии пользователей из-за знакомства респондентов с тестовыми заданиями.

Другой альтернативой для измерения изменений является использование КАТ или МСТ, где становится возможным предъявление респондентам абсолютно не пересекающихся вариантов тестов, которые различаются по трудности. Тем не менее в этом случае также сохраняется сопоставимость оценок параметров респондентов за счет того, что параметры заданий были оценены на одной шкале и зафиксированы при разработке банка заданий. Ценность инструментов измерения интеллекта нового поколения будет заключаться, в частности, в том, что они будут способны оценивать именно изменения в интеллекте на длительной дистанции, что откроет новые возможности для лонгитюдных исследований интеллекта. Однако для этого потенциал лонгитюдного применения таких инструментов должен быть заложен в их дизайн с самого начала разработки.

Общие выводы

Использование всех возможностей, которые предоставляет современная психометрика, без преувеличения позволит произвести революцию в измерении интеллекта, поскольку она стоит гораздо ближе к вычислительным наукам о поведении, чем к набору догм о том, как разрабатывать психологические тесты. Современные психометрические средства повышения точности, аутентичности и справедливости инструментов измерения, сбора продвинутых свидетельств валидности, а также интерпретации результатов сильно превосходят те средства, которые были доступны на момент разработки используемых сегодня тестов интеллекта детей и подростков. Эти средства были созданы до начала 1990-х гг., когда основное количество тестов проводилось в бумажном виде. С тех пор психометрика испытала настоящую революцию в исследованиях, связанную как с ростом доступных вычислительных мощностей, так и с компьютеризацией оценивания. Однако практика психодиагностики интеллекта в основной своей массе осталась на уровне развития тридцатилетней давности. Введение новых технологий в оценивание интеллекта важно не только для того, чтобы синхронизировать практику психодиагностики и передовые современные разработки, но и для того, чтобы повысить качество оценивания, например, снижая риск ошибок и некорректных использований тестовых баллов и их интерпретаций и подавляя возможности нежелательных социальных последствий тестирования. Более того, это позволит ставить новые и более доказательно отвечать на уже существующие исследовательские вопросы по отношению к конструкту интеллекта.

И хотя дефицит современных тестов на интеллект — это общая проблема, для России она стоит особенно остро, так как на сегодняшний день мы ощущаем нехватку валидных стандартизированных инструментов. Учитывая ограничения существующих инструментов и те возможности, которые открывает перед разработчиками и пользователями тестов современная психометрика, разработка принципиально нового теста для оценки интеллектуального развития представляется самым перспективным направлением.

В российском контексте более релевантно разрабатывать свои собственные оригинальные комплексные тесты, отвечающие требованиям современной психодиагностики, чем адаптировать или дорабатывать зачастую устаревшие, созданные в парадигме бумажных линейных тестов инструменты. Такие современные тесты должны иметь компьютерную форму, позволяющую реализовать преимущества многоступенчатого тестирования, непрерывное нормирование, возможность оценки прогресса, быть доступными для реализации универсального дизайна. Их разработка будет способствовать развитию сразу нескольких направлений: психодиагностики, исследований интеллекта и психометрики.

Литература

- Акимова, М., Борисова, Е., Гуревич, К., Козлова, В., Логинова, Г. (1988). Школьный тест умственного развития. В кн. А. А. Бодалев, В. В. Столин (ред.), *Практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы* (с. 213–214). М.: Изд-во Московского университета.
- Батурин, Н. А. (2008). Современная психодиагностика России. *Психология. Психофизиология*, 32(132), 4–9.
- Батурин, Н. А., Вучетич, Е. В., Костромина, С. Н., Кукаркин, Б. А., Куприянов, Е. А., Лурье, Е. В., Митина, О. В., Науменко, А. С., Орел, Е. А., Полетаева, Ю. С., Попов, А. Ю., Потапкин, А. А., Симоненко, С. И., Синецына, Ю. Д., Шмелев, А. Г. (2015). Российский стандарт тестирования персонала (временная версия, созданная для широкого обсуждения в 2015 году). *Организационная психология*, 5(2), 67–138.
- Батурин, Н. А., Дашков, И. М., Курганский, Н. А. (2011). Создание адаптивного теста интеллекта на основе апробированного тестового материала. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология*, 14(29), 15–19.
- Батурин, Н., Курганский, Н. (2005). Разработка и стандартизация теста интеллекта для среднего школьного возраста. *Психологическая наука и образование*, 3, 74–85.
- Батурин, Н., Эйрман, Е. Н. (ред.). (2010). *Ежегодник профессиональных рецензий и обзоров. Методики психологической диагностики и измерения* (т. 1). Челябинск: Изд-во ЮУрГУ.
- Батурин, Н., Эйрман, Е. Н. (ред.). (2013). *Ежегодник профессиональных рецензий и обзоров. Методики психологической диагностики и измерения* (т. 2). Челябинск: Изд-во ЮУрГУ.
- Гуревич, К. М., Акимова, М. К. (2008). *Психологическая диагностика* (3-е изд., перераб.). СПб.: Питер.
- Давыдов, Д. Г., Чмыхова, Е. В. (2016). Применение теста Стандартные прогрессивные матрицы Равена в режиме ограничения времени. *Вопросы психологии*, 4, 129–139.
- Денисов, А., Дорофеев, Е. (2003). *Интеллектуальный тест Р. Кеттелла. Диагностика культурно-независимого интеллекта (методическое руководство)*. СПб.: ИМАТОН.
- Науменко, А., Орел, Е. (2010). А судьи кто? Индивидуальные особенности разработчиков и характеристики тестовых заданий. *Психологические исследования*, 3(12). <https://doi.org/10.54359/ps.v3i12.911>
- Орел, Е. А. (2010). Универсальный интеллектуальный тест Санкт-Петербург – Челябинск Модернизированный, УИТ СПЧ-М. В кн. *Ежегодник профессиональных рецензий и обзоров. Методики психологической диагностики и измерения* (с. 209–224). Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ.

- Подьяков, А. (2007). Тестирование интеллекта, конкуренция и рефлексия. *Рефлексивные процессы и управление*, 2(7), 46–56.
- Равен, Дж., Курт, Дж., Равен, Дж. (2002). *Руководство к Прогрессивным Матрицам Равена и Словарным Шкалам*. М.: Когито-Центр.
- Сорокова, М. Г., Юркевич, В. С. (2014). Стандартизация теста «СПМ Плюс Равена» на московской выборке. *Дефектология*, 6, 28–37.
- Ушаков, Д. В. (2004). Тесты интеллекта, или горечь самопознания. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 1(2), 76–93.
- Ушаков, Д. (2011). *Психология интеллекта и одаренности*. М.: Институт психологии РАН.
- Федеракин, Д. А., Углова, И. Л., Скрябин, М. А. (2021). Новые источники информации в компьютерном тестировании. *Вестник Томского государственного университета*, 465, 179–187. <https://doi.org/10.17223/15617793/465/24>
- Филимонов, Ю. И., Тимофеев, В. И. (2001). *Тест Д. Векслера (диагностика структуры интеллекта (детский вариант)). Методическое руководство*. М.: ИМАТОН.
- Филимонов, Ю. И., Тимофеев, В. И. (2016). *Тест Д. Векслера. Диагностика структуры интеллекта (детский вариант)*. СПб.: ИМАТОН.
- Филимонов, Ю. И., Тимофеев, В. И. (2020). *Тест Д. Векслера (диагностика структуры интеллекта (детский вариант)). Методическое руководство*. СПб.: ИМАТОН.
- Холодная, М. А. (2004). Психологическое тестирование и право личности на собственный вариант развития. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 1(2), 66–75.
- Холодная, М. А. (2015). Интеллект, креативность, обучаемость: Ресурсный подход (о развитии идей В.Н. Дружинина). *Психологический журнал*, 36(5), 5–14.
- Шмелев, А. Г. (2004). Тест как оружие. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 1(2), 40–53.
- Ясюкова, Л. (2002). *Тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра (IST): Методическое руководство*. СПб.: ИМАТОН.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Adams, R. J., Wilson, M., & Wu, M. (1997). Multilevel item response models: An approach to errors in variables regression. *Journal of Educational and Behavioral Statistics*, 22(1), 47–76.
- Akimova, M., Borisova, E., Gurevich, K., Kozlova, V., & Loginova, G. (1988). Shkol'nyi test umstvennogo razvitiya [School test for intellectual development]. In A. A. Bodalev & V. V. Stolin (Eds.), *Praktikum po psikhodiagnostike. Psikhodiagnosticheskie materialy* [Tutorial in psychodiagnostics. Psychodiagnostic materials] (pp. 213–214). Moscow: Moscow University Press.
- Baturin, N. A. (2008). Sovremennaya psikhodiagnostika Rossii [Contemporary Psychodiagnostics in Russia]. *Psikhologiya. Psikhofiziologiya*, 32(132), 4–9.
- Baturin, N. A., Dashkov, I. M., & Kurganskii, N. A. (2011). Sozдание adaptivnogo testa intellekta na osnove aprobirovannogo testovogo materiala [The development of an intelligence test on the basis of the approbated testing material]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Psikhologiya*, 14(29), 15–19.
- Baturin, N., & Eidman, E. N. (Eds.). (2010). *Ezhegodnik professional'nykh retsenzii i obzorov. Metodiki psikhologicheskoi diagnostiki i izmereniya* [A yearbook of professional reviews. Methods of psychological diagnostics and measurement] (Vol. 1). Chelyabinsk: YuUrGU.

- Baturin, N., & Eidman, E. N. (Eds.). (2013). *Ezhegodnik professional'nykh retsenzii i obzorov. Metodiki psikhologicheskoi diagnostiki i izmereniya* [A yearbook of professional reviews. Methods of psychological diagnostics and measurement] (Vol. 2). Chelyabinsk: YuUrGU.
- Baturin, N., & Kurganskii, N. (2005). *Razrabotka i standartizatsiya testa intellekta dlya srednego shkol'nogo vozrasta* [Development and standardization of the intelligence test for the preteen age]. *Psikhologicheskaya Nauka i Obrazovanie*, 3, 74–85.
- Baturin, N., Vuchetich, E., Kostromina, S., Kukarkin, B., Kupriyanov, E., Lurie, E., Mitina, O., Naumenko, A., Orel, E., Poletaeva, Y., Popov, A., Potapkin, A., Simonenko, S., Sinitsina, Y., & Shmelyov, A. (2015). Russian Standard for Personnel Testing (Interim version, designed for a discussion). *Organizatsionnaya Psikhologiya [Organizational Psychology]*, 5(2), 67–138. (in Russian)
- Carroll, J. B. (1993). *Human cognitive abilities: A survey of factor-analytic studies*. Cambridge University Press.
- Chang, H. H., & Ying, Z. (1996). A global information approach to computerized adaptive testing. *Applied Psychological Measurement*, 20(3), 213–229.
- Christensen, K. B., Bjorner, J. B., Kreiner, S., & Petersen, J. H. (2004). Latent regression in loglinear Rasch models. *Communications in Statistics-Theory and Methods*, 33(6), 1295–1313.
- Crotts, K., Sireci, S. G., & Zenisky, A. (2012). Evaluating the content validity of multistage-adaptive tests. *Journal of Applied Testing Technology*, 13(1). <https://jattjournal.net/index.php/atp/article/view/48368>
- Davydov, D. G., & Chmykhova, E. V. (2016). Primenenie testa Standartnye progressivnye matritsy Ravena v rezhime ogranicheniya vremeni [Application of the Raven Standard Progressive Matrices with the time limit mode]. *Voprosy Psikhologii*, 4, 129–139.
- De Boeck, P., & Wilson, M. (Eds.). (2004). *Explanatory item response models: A generalized linear and nonlinear approach* (Vol. 10, pp. 978–1001). New York, NY: Springer.
- Denisov, A., & Dorofeev, E. (2003). *Intellektual'nyi test R. Kettella. Diagnostika kul'turno-nezavisimogo intellekta (metodicheskoe rukovodstvo)* [R. Cattell's Intelligence Test. Diagnostics of culturally independent intelligence (methodical instructions)]. Saint Petersburg: IMATON.
- Embretson, S. E. (1991). A multidimensional latent trait model for measuring learning and change. *Psychometrika*, 56(3), 495–515.
- Federiakin, D. A., Uglanova, I. L., & Skryabin, M. A. (2021). New sources of information in computerized testing. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Tomsk State University Journal]*, 465. 179–187. <https://doi.org/10.17223/15617793/465/24>
- Federiakin, D., & Wilson, M. R. (2023). *Identification and interpretation of the completely oblique Rasch Bifactor Model* [Manuscript under review]. HSE University, Russian Federation; Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany; University of California in Berkeley, USA.
- Filimonenko, Yu. I., & Timofeev, V. I. (2001). *Test D. Vekslera (diagnostika struktury intellekta (detskii variant))*. *Metodicheskoe rukovodstvo* [D. Wechsler's Test (diagnostics of intellect structure (for children)). Methodical instructions]. Saint Petersburg: IMATON.
- Filimonenko, Yu. I., & Timofeev, V. I. (2016). *Test D. Vekslera. Diagnostika struktury intellekta (detskii variant)* [D. Wechsler's Test. Diagnostics of intellect structure (for children)]. Moscow: IMATON.
- Filimonenko, Yu. I., & Timofeev, V. I. (2020). *Test D. Vekslera (diagnostika struktury intellekta (detskii variant))*. *Metodicheskoe rukovodstvo* [D. Wechsler's Test (diagnostics of intellect structure (for children)). Methodical instructions]. Saint Petersburg: IMATON.
- Fischer, G. H., & Molenaar, I. W. (2012). *Rasch models: Foundations, recent developments, and applications*. Springer Science & Business Media.

- Gignac, G. E. (2016). The higher-order model imposes a proportionality constraint: That is why the bifactor model tends to fit better. *Intelligence*, 55, 57–68.
- Gurevich, K. M., & Akimova, M. K. (2008). *Psikhologicheskaya diagnostika* [Psychological diagnostics] (3rd ed.). Saint Petersburg: Piter.
- Holzinger, K. J., & Swineford, F. (1937). The bi-factor method. *Psychometrika*, 2(1), 41–54.
- Horn, J. L. (1976). Human abilities: A review of research and theory in the early 1970s. *Annual Review of Psychology*, 27(1), 437–485.
- Johnson, W., Carothers, A., & Deary, I. J. (2008). Sex differences in variability in general intelligence: A new look at the old question. *Perspectives on Psychological Science*, 3(6), 518–531.
- Kaufman, J. C., Kaufman, S. B., & Plucker, J. A. (2013). Contemporary theories of intelligence. In D. Reisberg (Ed.), *The Oxford handbook of cognitive psychology* (pp. 811–822). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195376746.013.0051>
- Ketterlin-Geller, L. R. (2005). Knowing what all students know: Procedures for developing universal design for assessment. *The Journal of Technology, Learning and Assessment*, 4(2). <https://ejournals.bc.edu/index.php/jtla/article/view/1649>
- Kholodnaya, M. A. (2004). Psychological testing and the right of a person to choose her/his own path of development. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 1(2), 66–75. (in Russian)
- Kholodnaya, M. A. (2015). Intelligence, creativity, learning capability: resource approach (on development of V.N. Druzhinin's ideas). *Psikhologicheskii Zhurnal*, 36(5), 5–14. (in Russian)
- Kholodnaya, M. A., & Volkova, E. V. (2016). Conceptual structures, conceptual abilities and productivity of cognitive functioning: The ontological approach. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 217, 914–922. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.02.040>
- Lenhard, A., Lenhard, W., Suggate, S., & Segerer, R. (2018). A continuous solution to the norming problem. *Assessment*, 25(1), 112–125.
- Loyd, B. H., & Hoover, H. (1980). Vertical equating using the Rasch model. *Journal of Educational Measurement*, 17(3), 179–193. <https://doi.org/10.1111/j.1745-3984.1980.tb00825.x>
- Magis, D., & Barrada, J. R. (2017). Computerized adaptive testing with R: Recent updates of the package catR. *Journal of Statistical Software*, 76(1), 1–19.
- Magis, D., Yan, D., & von Davier, A. A. (2017). *Computerized adaptive and multistage testing with R: Using packages catR and mstR*. Springer.
- McGrew, K. S. (2009). CHC theory and the human cognitive abilities project: Standing on the shoulders of the giants of psychometric intelligence research. *Intelligence*, 37(1), 1–10. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2008.08.004>
- Naumenko A., & Orel E. (2010). Who are the judges? Individual traits of test developers and test items characteristics. *Psikhologicheskie Issledovaniya [Psychological Studies]*, 3(12). <https://doi.org/10.54359/ps.v3i12.911> (in Russian)
- Nylund-Gibson, K., Grimm, R. P., & Masyn, K. E. (2019). Prediction from latent classes: A demonstration of different approaches to include distal outcomes in mixture models. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*, 26(6), 967–985. <https://doi.org/10.1080/10705511.2019.1590146>
- Oakland, T., Douglas, S., & Kane, H. (2016). Top ten standardized tests used internationally with children and youth by school psychologists in 64 countries: A 24-year follow-up study. *Journal of Psychoeducational Assessment*, 34(2), 166–176. <https://doi.org/10.1177/0734282915595303>
- Orel, E. A. (2010). Universal'nyi intellektual'nyi test Sankt-Peterburg – Chelyabinsk Modernizirovannyi, UIT SPCh-M [Universal intelligence test Saint Petersburg – Chelyabinsk, Modernized, UIT SPCh-M]. In *Ezhegodnik professional'nykh retsenzii i obzorov. Metodiki*

- psikhologicheskoi diagnostiki i izmereniya* [A yearbook of professional reviews. Methods of psychological diagnostics and measurement] (pp. 209–224). Chelyabinsk: Izdatel'skii tsentr YuURGU. <https://publications.hse.ru/chapters/67367817>
- Parshall, C. G., Harmes, J. C., Davey, T., & Pashley, P. J. (2009). Innovative items for computerized testing. In *Elements of adaptive testing* (pp. 215–230). New York, NY: Springer New York.
- Piton-Gonçalves, J., & Aluísio, S. M. (2012). An architecture for multidimensional computer adaptive test with educational purposes. In *Proceedings of the 18th Brazilian Symposium on Multimedia and the Web* (pp. 17–24). New York, NY: Association for Computing Machinery. <https://doi.org/10.1145/2382636.2382644>
- Poddiakov, A. (2007). Testirovanie intellekta, konkurentsia i refleksiya [Testing for intelligence, competition and reflexion]. *Refleksivnye Protssesy i Upravlenie*, 2(7), 46–56.
- Raven, J., Court, J., & Raven, J. (2002). *Rukovodstvo k Progressivnym Matritsam Ravena i Slovarnym Shkalam* [Instructions for the Raven Progressive Matrices and verbal scales]. Moscow: Kogito-Tsentr. (Original work published 1998)
- Rijmen, F. (2010). Formal relations and an empirical comparison among the bi-factor, the testlet, and a second-order multidimensional IRT model. *Journal of Educational Measurement*, 47(3), 361–372.
- Sahin, A., & Anil, D. (2017). The effects of test length and sample size on item parameters in item response theory. *Educational Sciences: Theory & Practice*, 17, 321–335.
- Scalise, K., & Gifford, B. (2006). Computer-based assessment in e-learning: A framework for constructing “intermediate constraint” questions and tasks for technology platforms. *The Journal of Technology, Learning and Assessment*, 4(6). <https://ejournals.bc.edu/index.php/jtla/article/view/1653>
- Schmid, J., & Leiman, J. M. (1957). The development of hierarchical factor solutions. *Psychometrika*, 22(1), 53–61.
- Shmelev, A. G. (2004). A test as a weapon. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 1(2), 40–53. (in Russian)
- Sorokova, M. G., & Yurkevich, V. S. (2014). Standartizatsiya testa “SPM Plyus Ravena” na moskovskoi vyborke [Standartization of the test “SPM Plus Raven” on a Moscow sample]. *Defektologiya*, 6, 28–37.
- Spearman, C. (1904). “General intelligence,” objectively determined and measured. *The American Journal of Psychology*, 15(2), 201–293.
- Thompson, S., Thurlow, M., & Malouf, D. B. (2004). Creating better tests for everyone through universally designed assessments. *Journal of Applied Testing Technology*, 6(1), 1–15.
- Ushakov, D. V. (2004). Intelligence tests, or the bitter taste of self-knowledge. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 1(2), 76–93. (in Russian)
- Ushakov, D. (2011). *Psikhologiya intellekta i odarennosti* [The psychology of intelligence and giftedness]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Ushakov, D., & Grigoriev, A. (2016). Macropsychology of intelligence: Through emotions to theoretical depth. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 13(4), 629–635.
- Van der Linden, W. J. (2016). *Handbook of item response theory: Volume 1. Models*. CRC Press.
- Vie, J. J., Popineau, F., Bruillard, É., & Bourda, Y. (2018). Automated test assembly for handling learner cold-start in large-scale assessments. *International Journal of Artificial Intelligence in Education*, 28, 616–631. <https://doi.org/10.1007/s40593-017-0163-y>
- Von Davier, A. A., & Halpin, P. F. (2013). Collaborative problem solving and the assessment of cognitive skills: Psychometric considerations. *ETS Research Report Series*, 2013(2), i–36.
- Wang, C., Chang, H. H., & Boughton, K. A. (2013). Deriving stopping rules for multidimensional computerized adaptive testing. *Applied Psychological Measurement*, 37(2), 99–122.

- Wang, W. C., Chen, P. H., & Cheng, Y. Y. (2004). Improving measurement precision of test batteries using multidimensional item response models. *Psychological Methods, 9*(1), 116–136.
- Wechsler, D. (1974). *Manual for the Wechsler Intelligence Scale for Children-Revised (WISC-R)*. San Antonio, TX: The Psychological Corporation.
- Wilson, M., & Gochyev, P. (2020). Having your cake and eating it too: Multiple dimensions and a composite. *Measurement, 151*, 107–247. <https://doi.org/10.1016/j.measurement.2019.107247>
- Wilson, M., Zheng, X., & McGuire, L. (2012). Formulating latent growth using an explanatory item response model approach. *Journal of Applied Measurement, 13*(1), 1–22.
- World Health Organization. (2019). *International Classification of Diseases 11th Revision*. <https://icd.who.int/en>
- Yasyukova, L. (2002). *Test struktury intellekta R. Amthauera (IST): Metodicheskoe rukovodstvo* [The Amthauer Intelligence Structure Test (IST): Methodical instructions]. Saint Petersburg: IMATON.
- Zachary, R. A., & Gorsuch, R. L. (1985). Continuous norming: Implications for the WAIS-R. *Journal of Clinical Psychology, 41*(1), 86–94.

Статьи

ПРОЯВЛЕНИЕ МОРАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ У ПСИХОЛОГОВ-КОНСУЛЬТАНТОВ В СИТУАЦИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С КЛИЕНТАМИ

Ю.В. ЗАХАРОВА^а

^а *Независимый исследователь*

Moral Disengagement in Counseling Psychologists in Situations of Professional Interaction with Clients

Yu. V. Zakharova^a

^a *Independent researcher*

Резюме

В фокусе внимания представленного исследования находится моральное отчуждение как внутренний механизм неэтичного поведения. В данной работе оно изучалось в контексте консультативной деятельности российских психологов, в частности, в таких ситуациях профессионального взаимодействия, которые несут потенциальную угрозу профессиональной и личностной идентичности. Моральное отчуждение в данном случае служит защите Я-концепции и совладанию с неприятными эмоциями. Выборка исследования составила 200 человек. Для сбора данных были использованы методы онлайн-опроса и глубинного полуструктурированного интервью. Была показана значимая обратная связь морального отчуждения с эмпатией, добросовестностью, доброжелательностью, а также с психологической разумностью. Кластерный анализ позволил выделить четыре профиля респондентов с разным сочетанием морального отчуждения и

Abstract

The focus of this research is moral disengagement as an internal mechanism of unethical behavior. In this work, it was studied in the context of the psychological counseling of Russian psychologists, in particular, in situations of professional interaction that can bring a potential threat to professional and personal identity. Moral disengagement serves to protect one's self-concept and cope with unpleasant emotions. The study sample consisted of 200 people. Online survey and in-depth semi-structured interview methods were used to collect data. Results indicated a significant relationship between moral disengagement and empathy, conscientiousness, agreeableness, and psychological mindedness. Cluster analysis allowed to identify four profiles of respondents with different combinations of moral disengagement and personality factors.

личностных факторов. Тематический анализ глубинных интервью с респондентами-психологами выделенных групп позволил детально описать проявления морального отчуждения в ситуациях профессионального взаимодействия. Были выявлены факторы, сопровождающие высокие показатели морального отчуждения: отсутствие акцента на теме пользы консультирования для клиента, самообвинения психолога, переживание психологом профессиональной несостоятельности, стигматизация клиента психологом, воспринимаемое психологом противостояние с клиентом, сильные эмоции вины, обиды и гнева, трудности с управлением эмоциональным состоянием, мотив самозащиты, поведение, связанное с рисками эксплуатации клиентов и нанесения им вреда. Данное исследование не только углубляет представление о феноменологии проявления морального отчуждения, но и может помочь снизить риски эксплуатации клиентов и нанесения им вреда за счет повышения степени осознанности психологов в области использования механизмов морального отчуждения в ситуациях профессионального взаимодействия.

Ключевые слова: моральное отчуждение, профессиональная этика психологов, опросник «Большая пятерка», эмпатия, психологическая разумность, психологическое консультирование.

Захарова Юлия Владимировна — клинический психолог, КПТ-практик, преподаватель, сооснователь Коллегии по этике психологов и психотерапевтов, независимый исследователь. Сфера научных интересов: моральная психология, профессиональная этика психологов, принятие этических решений, моральное отчуждение, когнитивные искажения, когнитивно-поведенческая психотерапия. Контакты: mail@zakharova.info

Благодарности

Сердечно благодарю моего научного руководителя к.пс.н. Н.В. Кисельникову за ее мудрое наставничество, неоценимую помощь и вдохновляющую поддержку. Благодарю Е.А. Куминскую за ее ценный вклад в анализ данных исследования, а также всех коллег, принявших в нем участие.

Thematic analysis of in-depth interviews with respondents from the selected groups made it possible to describe in detail of moral disengagement in situations of professional interaction among psychologists from the selected groups. Namely, factors accompanying high rates of moral disengagement were identified: lack of emphasis on the benefits of counseling for the client, self-accusation of the psychologist, the psychologist's experience of professional failure, stigmatization of the client by the psychologist, confrontation with the client perceived by the psychologist, strong emotions of guilt, resentment and anger, difficulties with management of emotional states, self-defense motive, behavior associated with the risks of exploitation and harm to clients. This study not only deepens the understanding of the phenomenology of moral disengagement, but can also help reduce the risks of exploitation and harm to clients by increasing the awareness of psychologists regarding the operation of moral disengagement in situations of professional interaction.

Keywords: moral disengagement, professional ethics of psychologists, The Big Five Inventory, empathy, psychological mindedness, psychological counseling.

Yuliya V. Zakharova — clinical psychologist, CBT-practitioner, lecturer, co-founder of the College of Ethics of Psychologists and Psychotherapists, independent researcher.

Research Area: moral psychology, professional ethics of psychologists, ethical decision making, moral disengagement, cognitive distortions, cognitive behavioral therapy.

E-mail: mail@zakharova.info

Acknowledgements

I sincerely thank my academic supervisor, PhD in Psychology, N.V. Kisel'nikova, for her wise guidance, invaluable assistance, and inspiring support. I express gratitude to E.A. Kuminskaya for her valuable contribution to the data analysis, as well as to all colleagues who participated in it.

Моральные суждения и поведение людей, а также этические вопросы как рефлексия морали в конкретных контекстах на протяжении долгого времени находятся в центре внимания исследователей. Изучение механизмов морального поведения, условий и факторов его проявления имеет как научное, так и социальное значение. Так, например, в организациях неэтичное поведение часто становится не только причиной экономических и репутационных убытков, но и морального ущерба, наносимого сотрудникам, клиентам и обществу в целом. К еще более тяжелым последствиям могут привести этические нарушения, совершаемые представителями «помогающих» профессий с дисбалансом власти: полицейскими, учителями, врачами, психологами.

Принятие неэтичных решений и совершение неэтичных поступков изучается как в связи с личностными факторами, так и в различных ситуационных, профессиональных и социальных контекстах. Во второй половине XX в. психологи и социологи (С. Милгрэм, Дж. Дарли и Б. Латане, Ф. Зимбардо) изучали влияние на моральное поведение таких ситуационных факторов, как, например, наличие авторитетной фигуры, присутствие свидетелей, непривычность ситуации (Meyers, 2010). Позднее появились исследования влияния на моральные суждения и поведение эмоций отвращения, презрения и гнева (Rozin et al., 1999; Inbar et al., 2009), тревоги (Kouchaki, Desai, 2015), повышенного позитивного аффекта (Vincent et al., 2013) и др. Множество исследований связано с изучением когнитивной составляющей принятия этических решений (Detert et al., 2008; и др.), различных форм самообмана, направленных на сохранение позитивной Я-концепции при принятии неэтичных решений и совершении неэтичных поступков (Ariely, 2012; и др.).

Разрозненные стратегии самообмана при аморальном и неэтичном поведении людей, выделенные ранее психологами и социологами, были проанализированы и обобщены А. Бандурой в его исследованиях. В результате этого он ввел понятие морального отчуждения, чтобы обозначить набор когнитивных тактик, которые нарушают моральную саморегуляцию, позволяя людям действовать аморально и сохранять при этом самоуважение. Функциями морального отчуждения являются дезактивация моральных процессов, подавляющих аморальное и неэтичное поведение, снижение вины и самоосуждения, защита Я-концепции. Было выделено восемь механизмов морального отчуждения: моральное оправдание, эвфемистический ярлык, выгодное сравнение, смещение ответственности, рассеивание ответственности, искажение последствий, дегуманизация, атрибуция вины (Bandura, 2016).

В дальнейшем моральное отчуждение изучалось в соотношении с личностными характеристиками: эмпатией и добросовестностью (Detert et al., 2008; Ewell et al., 2016; Ogunfowora et al., 2022), уровнем когнитивного морального развития и моральной идентичностью (Moore et al., 2012), доброжелательностью (Alessandri et al., 2020; Gao et al., 2023), локусом контроля (Detert et al., 2008), чертами «темной триады» (Moore et al., 2012; Alessandri et al., 2020) и др.

Исследования морального отчуждения показали, что оно является надежным предиктором неэтичного поведения (Bandura et al., 2001; Fida et al., 2016; и др.). Наибольшее количество исследований морального отчуждения сосредоточено в

организационной сфере (Ogunfowora et al., 2022), а также в контексте спортивных нарушений, школьного и сетевого буллинга (Stanger et al., 2013; Teng et al., 2020; Gao et al., 2023). В последние годы исследования морального отчуждения охватывают и другие ситуации: насилия на свиданиях (Cuadrado-Gordillo et al., 2020), соблюдения правил в пандемию (Alessandri et al., 2020), академической прокрастинации (Wu, He, 2022). Гораздо реже изучается моральное отчуждение представителей «помогающих» профессий с дисбалансом власти: учителей (Pereira et al., 2022), врачей (Antes et al., 2020), медсестер (Fida et al., 2016). При этом данный феномен до сих пор не исследовался в контексте профессиональной деятельности психологов-консультантов и психотерапевтов, чьи профессии также являются «помогающими» и связанными с сильным дисбалансом власти в отношениях с клиентами. В их деятельности особенно важно соблюдение профессиональной этики, а цена неэтичных суждений и поведения здесь очень велика. Практика психолога часто сопряжена с этическими дилеммами, которые бросают вызов его профессиональной позиции. В этически сложных ситуациях особенно важно учитывать возможные когнитивные искажения, препятствующие этичному поведению (Koocher, Keith-Spiegel, 2016).

Таким образом, с одной стороны, существует много данных о связи личностных и ситуационных факторов и морального отчуждения, суждений и поведения. С другой стороны, мало известно, как они взаимодействуют между собой, не описана феноменология переживания морального отчуждения, что позволило бы углубить представление о работе этого механизма когнитивного искажения в этически сложных ситуациях. Кроме того, наблюдается дефицит знаний о проявлении морального отчуждения в профессиональной деятельности психологов-консультантов при высокой теоретической и практической значимости этих знаний. В частности, такое знание может помочь психологам-консультантам лучше осознавать и корректировать риски эксплуатации клиентов и нанесения им вреда.

В нашей работе мы рассматриваем моральное отчуждение как внутренний механизм неэтичного поведения, который, по сути, является набором когнитивных искажений. Оно может активироваться у психологов-консультантов в ситуациях, угрожающих профессиональной и личностной идентичности, служа защите Я-концепции и совладанию с неприятными эмоциями.

Опираясь на данные предыдущих исследований в области моральных суждений и поведения, мы выделили ряд личностных факторов, которые могут вносить значимый вклад в проявление морального отчуждения. Одним из таких факторов стала эмпатия (Detert et al., 2008). Эмпатичные люди более внимательны и способны лучше замечать, как их поведение влияет на других людей, тогда как моральное отчуждение, напротив, сопровождается отстранением от чувств и потребностей других людей (Bandura, 2016; Moore et al., 2012). Другой фактор — добросовестность как черта личности. Известно, что добросовестные люди более склонны к соблюдению правил и подавлению побуждений, противоречащих моральным обязательствам (Costa, McCrae, 1992). И наконец, третий фактор — психологическая разумность как способность осознавать свои

и чужие мысли, эмоции и действия (Новикова, Корнилова, 2014). Исследователи выявили, что моральное отчуждение снижает моральную осознанность и моральные суждения (Moore et al., 2012; Stephens, 2018). Следовательно, низкая психологическая разумность может выступать значимым фактором проявления морального отчуждения.

В связи с этим был сформулирован ряд *исследовательских вопросов*:

1. Какие личностные факторы связаны с проявлением морального отчуждения у психологов-консультантов?

2. Какие могут быть выделены профили морального отчуждения и связанных с ними личностных факторов?

3. Как моральное отчуждение проявляется в ситуациях профессионального взаимодействия с клиентами у психологов-консультантов с разными типами профилей морального отчуждения и факторов, с ним связанных?

Метод

Выборка

В исследовании приняли участие 200 психологов-консультантов, откликнувшихся на приглашение, размещенное в чатах профессиональных сообществ и социальных сетях. 88% выборки составили женщины, 11% — мужчины, 1% идентифицировали себя небинарно. Смещение выборки в сторону респондентов-женщин соответствует гендерному распределению в профессии, а также, вероятно, связано с тем, что женщины более охотно участвуют в психологических исследованиях.

Возраст респондентов составил от 22 до 69 лет ($M = 38$, $SD = 8.9$). Большинство проживает в крупных городах — Москва и Санкт-Петербург (63.6%), получили высшее психологическое образование (57%), имеют опыт работы от 4 до 10 лет (37.5%), посещают супервизии и интервизии раз в две недели (31%). Половина респондентов (50%) не входит в профессиональные ассоциации психологов и психотерапевтов.

Ход исследования

Перед началом исследования респондентам предлагалось дать информированное согласие на участие в исследовании и заполнить анкету с биографическими данными. Также по желанию они могли оставить e-мейл для участия во второй части исследования. Случайно выбранным из базы респондентам, оставившим e-мейл (таких было 80%), рассылались приглашения для участия в интервью.

Первая часть исследования была направлена на выявление личностных факторов, связанных с моральным отчуждением, и типов профилей морального отчуждения и указанных факторов. Опрос с применением личностных опросников проводился дистанционно посредством Google-форм.

Вторая часть исследования была посвящена изучению проявлений морального отчуждения в профессиональном контексте у психологов-консультантов с разными типами профилей. На этом этапе проводилось полуструктурированное интервью, дистанционно через Zoom и Skype. Вопросы для него были сформулированы на основе дополнительного анонимного опроса через Google-формы, в котором психологи-консультанты могли рассказать о профессиональных ситуациях, сопровождающихся сильными негативными эмоциями.

Методы сбора данных

Для изучения личностных факторов, связанных с моральным отчуждением, и выявления типов профилей морального отчуждения и указанных факторов использовались адаптированные «Опросник морального отчуждения» С. Мур (Ледовая и др., 2016), «Тест эмпатии» М. Дэвиса (Карягина и др., 2013), «The Big Five Inventory-2» (далее «Большая пятерка») К.Дж. Сото и О.П. Джона (Калугин и др., 2021), «Шкала психологической разумности» Х. Конте (Новикова, Корнилова, 2014) и др.

Для изучения проявлений морального отчуждения в профессиональном контексте использовался метод глубинного полуструктурированного интервью. Интервью строилось вокруг конфликтных ситуаций с клиентами, которые сопровождались негативными эмоциями со стороны психолога и потенциально угрожали его профессиональной и личностной идентичности. Такие ситуации могут выступать триггером для защиты Я-концепции, для совладания с негативными эмоциями и для проявлений механизмов морального отчуждения.

Проведение интервью предваряла следующая инструкция: «Постарайтесь вспомнить одну из ситуаций, которая произошла относительно недавно, например, в последние несколько месяцев. Какую-то ситуацию, связанную с вашей профессиональной деятельностью, с взаимодействием с клиентом, которая вас сильно затронула. У нас всех бывают случаи, от которых нас “выносит”: буквально не можем спать, думаем о них. Это эмоционально заряженные ситуации, связанные с трудностями в работе. Возможно, связанные с конфликтами с клиентами или с этическими дилеммами. Например, клиент резко покидает терапию или ведет себя грубо, обесценивает, говорит, что работа с нами не приносит пользы. Можете ли вы вкратце, без раскрытия подробностей, описать в паре предложений такую “цепляющую” ситуацию?»

После этого интервью проводилось в соответствии с вопросами гайдлайна, с сохранением гибкости в ходе беседы и с фокусировкой на темах, вызывающих наибольший отклик у респондентов:

1. Из-за чего вы переживали больше всего?
2. Опишите, пожалуйста, какие эмоции у вас были в этой ситуации.
3. Можете ли вы припомнить, какие у вас были мысли в этой ситуации: о себе и своей профессиональной роли; о том, какой вы внесли вклад в эту ситуацию; о клиенте; о ситуации в целом?

4. Видели ли вы эту ситуацию как ситуацию морального выбора, этической дилеммы?

5. Можете ли вы припомнить, какие у вас возникли побуждения в связи с этой ситуацией?

6. Как вы справлялись с этими мыслями и чувствами?

7. Как вы в итоге поступили?

8. Что вам помогло?

Использовались следующие *методы анализа данных*:

1. Корреляционный анализ (коэффициент Пирсона).

2. Сравнительный анализ значимости различий (метод хи-квадрат, критерий Краскела—Уоллиса).

3. Кластерный анализ (программная среда R).

4. Тематический анализ интервью.

Результаты исследования

Корреляционный анализ показал непротиворечивую картину связей морального отчуждения и его отдельных механизмов со шкалами других опросников. Так, суммарный показатель морального отчуждения обратно связан со шкалами теста эмпатии М. Дэвиса «Децентрация» и «Эмпатическая забота», со шкалами опросника «Большая пятерка» — «Доброжелательность» и «Добросовестность», со шкалой опросника психологической разумности «Открытость новому опыту» и с суммарным показателем всех шкал этого же опросника (см. таблицу 1). Ряд шкал — «Эмпатическая забота» по М. Дэвису и «Доброжелательность» и «Добросовестность» опросника «Большая пятерка» — продемонстрировал наиболее сильные связи с показателями морального отчуждения.

Иерархический кластерный анализ психологических характеристик респондентов позволил разделить их на четыре группы, характеризующиеся различным сочетанием морального отчуждения и личностных факторов (см. рисунки 1–4).

Респонденты первой группы имеют высокие показатели эмпатии, психологической разумности, добросовестности и доброжелательности, низкие показатели морального отчуждения, негативной эмоциональности и личного дистресса.

Респонденты второй группы очень схожи с респондентами первой группы по всем показателям, за исключением показателя морального отчуждения: у респондентов данной группы оно высокое.

Респонденты третьей группы имеют низкие показатели эмпатии, психологической разумности, добросовестности и доброжелательности и высокие показатели морального отчуждения, негативной эмоциональности и личного дистресса, являясь полной противоположностью респондентам первой группы. С респондентами второй группы они сходны низкими показателями морального отчуждения.

Таблица 1
Значения коэффициентов корреляции Пирсона между шкалами опросника морального отчуждения и теста эмпатии М. Дэвиса, опросника «Большая пятерка» и опросника «Психологическая разумность»

Шкалы опросника морального отчуждения	Шкалы теста эмпатии М. Дэвиса			Шкалы опросника «Большая пятерка»		Шкалы опросника «Психологическая разумность»		
	Децентрация	Эмпирическая забота	Личный дистресс	Доброта	Добросовестность	Готовность обсуждать переживания	Открытость новому опыту	Сумма шкал
Моральное отчуждение, сумма шкал	-0.21**	-0.31***		-0.40***	-0.19**		-0.20**	-0.21**
Моральное оправдание		-0.24***		-0.33***				
Эфемистический ярлык	-0.22**	-0.35***		-0.35***				
Выгодное сравнение				-0.36***	-0.30***			
Смещение ответственности		-0.20**	0.19**				-0.19**	
Рассеивание ответственности		-0.25***		-0.24***	-0.24***			
Искажение последствий				-0.28***	-0.19**			
Дегуманизация	-0.21**			-0.28***		-0.35***		-0.25***
Атрибуция вины		-0.21**		-0.19**				-0.24***

** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Рисунок 1

Профили групп респондентов по шкалам опросника морального отчуждения

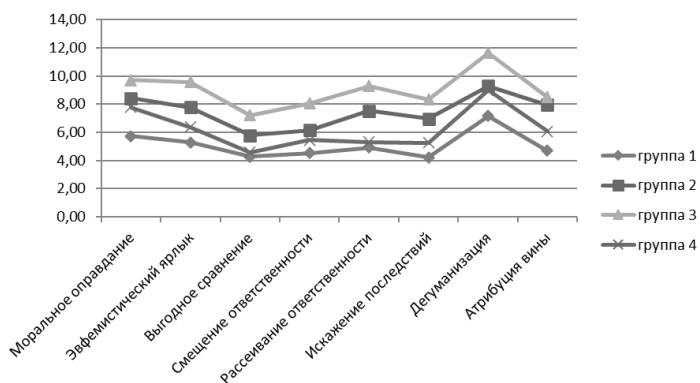

Рисунок 2

Профили групп респондентов по шкалам теста эмпатии М. Дэвиса

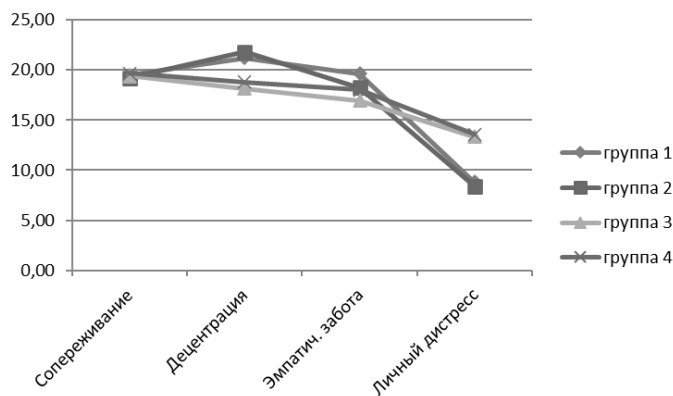

Рисунок 3

Профили групп респондентов по шкалам опросника «Большая пятерка»

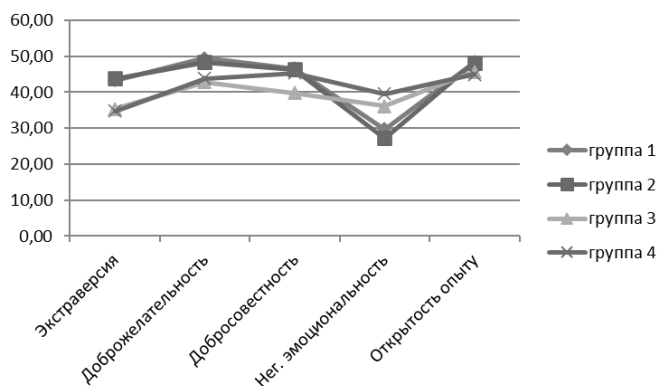
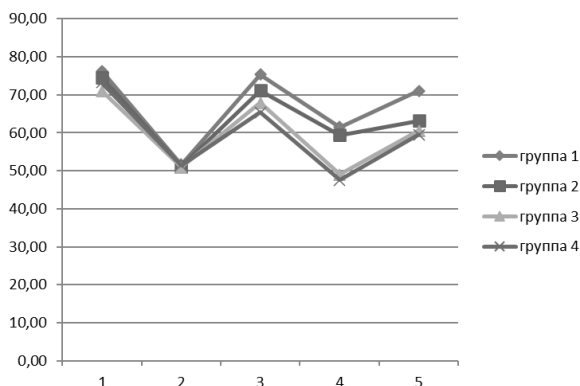

Рисунок 4

Профили групп респондентов по шкалам опросника «Психологическая разумность»

Примечание. Обозначения шкал: 1 — заинтересованность в сфере переживаний, 2 — доступность переживаний, 3 — польза от обсуждения переживаний, 4 — желание и готовность обсуждать переживания, 5 — открытость новому опыту.

Респонденты четвертой группы имеют, как и респонденты третьей группы, низкие показатели эмпатии, психологической разумности, добросовестности и доброжелательности, высокие показатели негативной эмоциональности и личного дистресса. Однако показатели морального отчуждения у них низкие.

Проведение сравнительного анализа между выделенными четырьмя группами (метод хи-квадрат, критерий Краскела—Уоллиса) не выявило различий по следующим признакам: пол, возраст, образование, метод работы, принадлежность к профессиональным ассоциациям, стаж работы, частота супервизий и интервизий, стоимость сессии, занятость и доход. При этом были обнаружены значимые различия между всеми группами по показателям психологической разумности ($p\text{-value} = 5.619e-09$) и морального отчуждения ($p\text{-value} < 2.2e-16$) (см. рисунки 5 и 6).

Результаты тематического анализа интервью

Было проведено и проанализировано 16 интервью, по 4 интервью из каждого кластера/группы. Не все респонденты давали разрешение на аудиозапись интервью, однако все разрешали интервьюеру параллельное ведение записей в ноутбуке. Интервью анализировались по мере продвижения исследования, поскольку интервьюирование было итеративным процессом. Ответы помогали уточнить вопросы интервью для последующих респондентов и были направлены на выявление их опыта, который обогатил бы исследование.

Далее был проведен индуктивный тематический анализ: при анализе текста его смысловые элементы помечались кодами, которые являлись значимыми для ответа на вопросы исследования. Далее коды были объединены в общие темы, составлена тематическая карта, выделены подтемы.

Рисунок 5

Различия по профилям групп респондентов по суммарному показателю опросника морального отчуждения

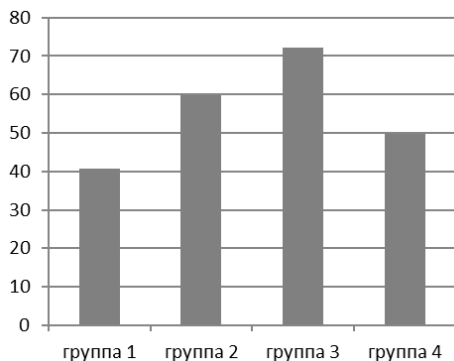
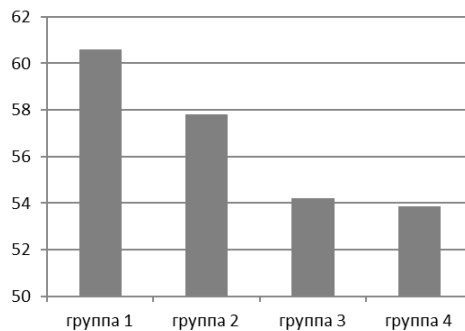

Рисунок 6

Различия по профилям групп респондентов по суммарному показателю опросника «Психологическая разумность»

Тематический анализ позволил выделить пять тем: «Фокус на пользе для клиента», «Фокус на вкладе психолога в ситуацию» (переживание собственного непрофессионализма, рефлексия своих действий и поиск решения), «Фокус на вкладе клиента в ситуацию» (стигматизация клиента психологом, противодействие клиента психологу), «Эмоции психолога и способы с ними справиться», «Мотив самозащиты у психолога», «Действия психолога под влиянием эмоций и мотива самозащиты» (риски эксплуатации психологом клиента и нанесения ему вреда).

Фокус на пользе для клиента

Этический принцип благоприятного воздействия и непричинения вреда является одним из главных и базовых принципов психологического консультирования, состоит из двух частей: польза и вред (Koocher, Keith-Spiegel, 2016). Тема пользы для клиента как центральной задачи консультирования звучит в размышлениях ряда респондентов: «Думала: приношу ли я пользу, помогаю ли я сейчас» (группа 1). Фокус на пользе для клиента помогал психологам не фокусироваться на себе, не проявлять защитное поведение: «Стал думать, как не уйти в защиты, как лучше для нее, чтобы я откликнулся» (группа 3). Однако у части респондентов идея пользы консультирования для клиента упускалась из вида и не звучала в рассуждениях.

Фокус на вкладе психолога в ситуацию

Переживание собственного непрофессионализма

Некоторые респонденты припоминали, что в сложной ситуации они впадали в самообвинения и самобичевание, волновались, являются ли они хорошими

специалистами. Так, например, рассказывают об этом респонденты группы 2: «Мысли о никчемности своей», «Обесценивала свой вклад», «Я видела ситуацию однозначно: недостаточность экспертизы». Сходным образом рассуждали психологи из группы 3: «Я не внушаю доверия, я кажусь неубедительным», «Естественно, я себя ругала».

Рефлексия своих действий и поиск решения

Многие респонденты, рассуждая о своем вкладе в конфликтную ситуацию, размышляли о своих действиях и о том, что они могли бы сделать по-другому: «Я, может, недостаточную поддержку оказала. Может, надо больше тепла и сочувствия», «Похоже, разбор рабочей ситуации смешался с моим личным опытом. Самораскрытие — это не то, что было нужно. Нужно было держать фокус на клиенте» (группа 1). Некоторые респонденты лишь констатировали свои профессиональные ошибки и дефициты: «Мне не удалось глубоко понять, в чем сложность», «Я с ней не проговорила правила и спустила сеттинг на тормозах» (группа 3).

Фокус на вкладе клиента в ситуацию

Стигматизация

Часть респондентов связывали сложные ситуации взаимодействия с состоянием и опытом клиентов: «Она предъявляла страшное страдание», «У него был тяжелый жизненный опыт» (группа 1). Однако некоторые психологи атрибутировали такие ситуации с клиентами как следствие личностных проявлений, характерологических особенностей и диагнозов последних: «Она пограничная», «Пустое лицо», «Она скучная, как случай не очень интересная, по поверхности», «Человек внутри эмоционально незрелый», «У нее биполярные тенденции» (группа 2); «Там клиническая картина», «Его процесс не позволяет ему услышать кого-то» (группа 3); «У него нарциссизм, перфекционизм, схема привилегированности» (группа 4).

Противодействие клиента

Зачастую стигматизация клиента продолжалась передачей ему части ответственности за произошедшее. В рассуждениях о его поведении звучали темы не только разочарования, обиды, недовольства, но и его противодействия психологу и в целом процессу консультирования: «Она очень быстро сруливает с горячих зон, с настоящих переживаний», «Она дурочку включила», «Я много для нее сделала, а она перечеркнула в грубой форме» (группа 2); «Его разносит, он не может получить помощь», «Он не хочет сотрудничать, не хочет слышать то, что ему неприятно, не хочет брать ответственность», «Говорит какие-то правильные вещи, но оно ей не надо» (группа 4).

Эмоции психолога и способы с ними справляться

Эмоции психолога

Психологи описывали широкий спектр негативных эмоций, которые возникали в описанных ситуациях. У некоторых респондентов преобладали эмоции страха и бессилия: «тревога за клиента», «бессилие, ужас» (группа 1). Респонденты группы 2 часто отмечали сильные эмоции гнева и вины: «Злость, гнев, это же нарушение границ», «И вина, и злость, что она сносит все мои границы!» Респонденты группы 3 выделяли не только гнев и вину, но и обиду: «Обида, вина, стыд, злость, возмущение, страх за себя». Респонденты группы 4 описывали те же эмоции, но более низкой интенсивности: «Неприятно. Раздражение, стыд колынул».

Умение психолога справляться с эмоциями

Психологи описывали разные способы совладания с эмоциями в сложных ситуациях. Некоторые отметили, что им помогают:

- удержание фокуса на клиенте и его состоянии, на пользе для терапии: «Говорила себе, что да, работа бывает трудной, надо удерживать внимание на состоянии клиентки и постараться ее стабилизировать» (группа 1);
- умение отодвинуть в сторону свои эмоции: «Если я начну переживать, я выпаду из фокуса... Больше сосредоточенность на том, что человек говорит. Я со своей историей встречаюсь у своего терапевта» (группа 1);
- эмпатия и сострадание: «Пытаюсь встать на место человека, как бы я хотел, чтобы любящий другой поступил» (группа 3), «Помогает сострадание к клиентке» (группа 4).

Однако ряд психологов описывают свои длительные переживания и сложности совладания с ними: «Теряю опору и устойчивость, понимание, что я делаю, зачем» (группа 2); «Три часа гуляла, чтобы успокоиться» (группа 3); «Пару дней переживал» (группа 3). Часть респондентов описывают попытки справиться с эмоциями через общение с клиентами: «Написал ему, чтобы справиться с эмоциями» (группа 3).

Мотив самозащиты у психолога

Некоторые респонденты описывают возникающий на фоне сильных эмоций мотив самозащиты: «Хотелось договориться, что мы с ней точно не прощаемся. Хотелось это сделать не из пользы для нее, но из желания себя защитить» (группа 2); «Я себя как бы защищал. Чтоб он понял, что я не лох» (группа 3).

Действия психолога под влиянием эмоций и мотива самозащиты (риски эксплуатации клиентов и нанесения им вреда)

Одним из базовых этических принципов является принцип ответственности. Психолог должен осознавать дисбаланс власти в консультативных отношениях,

который создает риски эксплуатации клиентов и нанесения им вреда. Психолог из доминирующей властной позиции может, вопреки профессиональной этике, начать действовать, исходя из зачастую неосознанных мотивов, направленных на удовлетворение собственных потребностей: спасти свою самооценку, финансово, эмоционально, сексуально эксплуатировать клиента (Koocher, Keith-Spiegel, 2016).

В рассуждениях наших респондентов о конфликтных ситуациях проявлялись нарративы, связанные с возможными рисками эксплуатации клиента и нанесения ему вреда: навязывание консультирования клиенту, который не хочет его продолжать (группы 2, 3); использование времени сессии, чтобы доказать клиенту свою правоту (группа 3); резкое прерывание консультирования с «неприятным» клиентом (группа 2); предоставление клиенту «особых условий» (психолог позволяет задерживать оплату сессии, удовлетворяет желание клиента переписываться между сессиями) (группы 2, 3); ожидания психолога, что клиент должен его «развлекать», быть ему интересен (группа 2); продолжение неэффективного консультирования (группа 4); требования оплаты пропущенного сеанса без договоренностей об этом (группа 3).

Описание групп

В результате проведенного тематического анализа интервью появилась возможность описать феноменологию морального отчуждения у групп респондентов, выделенных в результате кластерного анализа.

Первая группа: низкое моральное отчуждение, высокая психологическая разумность

Респонденты первой группы характеризуются ориентацией на пользу процесса консультирования для клиента. Размышляя о вкладе клиента в сложную ситуацию, они чаще опираются на его состояние, опыт, а не на диагнозы, личность и характер, рассуждая о вкладе психолога — анализируют свои ошибки, пытаются найти наилучшие для клиента решения. У респондентов данной группы отсутствует тема самообвинений. Они, как и все, испытывают эмоции высокой интенсивности, однако данные эмоции не связаны с виной, обидой и гневом, направленным на клиента. Психологи данной группы не действуют под влиянием эмоций, а откладывают их «на потом», не описывают реализацию мотива самозащиты. В этой группе отсутствует описание поведения психолога, связанного с рисками нанесения клиенту вреда или его эксплуатации.

Вторая группа: высокое моральное отчуждение, высокая психологическая разумность

Респонденты этой группы упускают из виду пользу для клиента как главную цель консультирования. В своих размышлениях они склонны стигматизировать

клиента, чаще опираться на его диагнозы и характер, негативно оценивать его личность и действия, а в некоторых случаях даже видеть в нем врага, чинящего препятствия процессу консультирования. Реплики респондентов данной группы о клиентах можно отнести к проявлениям таких механизмов морального отчуждения, как «дегуманизация» и «атрибуция вины».

Рассуждая о вкладе психолога в возникшую сложную ситуацию, эти респонденты часто впадают в самообвинение, в переживания своего непрофессионализма, описывают мотив самозащиты; у них преобладают сильные эмоции вины и гнева, направленные на себя и на клиента. Под влиянием этих эмоций респонденты могут совершать поступки, содержащие риски эксплуатации клиента и причинения ему вреда: настаивают на продолжении консультирования вопреки желанию клиента, размывают границы сессинга, резко обрывают консультирование «неудобных» клиентов.

Третья группа: высокое моральное отчуждение, низкая психологическая разумность

Респонденты третьей группы, как и второй, редко рассуждают о пользе консультирования для клиента и акцентируют внимание на особенностях клиента, препятствующих процессу терапии, что можно считать проявлением механизмов морального отчуждения («дегуманизация», «атрибуция вины»). Рассуждая о вкладе психолога, они так же концентрируются на анализе своих ошибок, при этом не пытаются искать другие решения.

Выявлены некоторые особенности в описании эмоций, переживаемых респондентами этой группы: у них преобладают эмоции не только гнева и вины, но и обиды, отмечается долгое (от трех часов до нескольких дней) переживание негативных эмоций. Так же, как и респонденты второй группы, они описывают мотив самозащиты и поведение, содержащее риски нанесения вреда клиентам и их эксплуатации (настаивают на продолжении терапии вопреки желанию клиента, используют время сессии, чтобы доказать клиенту свою правоту, требуют от клиента оплаты вне договоренностей, размывают границы сессинга, чтобы не быть «плохим» специалистом).

Четвертая группа: низкое моральное отчуждение, низкая психологическая разумность

Рассуждения респондентов данной группы характеризовались краткостью, несмотря на уточняющие вопросы интервьюера. Эти психологи не рассуждают о практике в терминах вреда и пользы, однако отмечают, что стараются учитывать последствия своих действий. Рассуждая о вкладе терапевта в конфликтную ситуацию, они не впадают в самообвинения, стараясь объективно оценить свои действия. Мотив самозащиты не представлен в их рассуждениях. Они слабее дифференцируют эмоции в напряженных ситуациях («неприятно»), не рассказывают о переживании высокоинтенсивных эмоций. Лишь один из респондентов сообщил о поведении, содержащем риски эксплуатации

клиентов и нанесения им вреда: он продолжал неэффективное консультирование. В целом, респонденты данной группы отмечают радость и удовольствие от работы и спокойно относятся к тому, что клиенты могут внезапно отказываться от дальнейшего консультирования.

Обсуждение результатов

Нами была выявлена обратная корреляция морального отчуждения с эмпатией (по шкалам «Децентрация» и «Эмпатическая забота»), добросовестностью, доброжелательностью и психологической разумностью. Установленные на нашей выборке связи морального отчуждения с эмпатией и добросовестностью согласуются с результатами многочисленных исследований (Detert et al., 2008; Moore et al., 2012; Ewell et al., 2016; Ogunfowora et al., 2022), как и связь морального отчуждения и доброжелательности (Ewell et al., 2016; Alessandri et al., 2020; Gao et al., 2023). Так, исследование морального отчуждения на выборке любителей видеоигр показало, что игроки с высокой доброжелательностью, добросовестностью и одновременно низким моральным отчуждением обычно выбирали для аватара «доброе» персонажа (Ewell et al., 2016). Другое исследование показало, что респонденты с этими чертами личности больше придерживались правил безопасности в период пандемии (Alessandri et al., 2020). Также подтвердилось наше предположение об обратной связи морального отчуждения и психологической разумности, которая ранее не находилась в фокусе внимания исследователей.

В результате тематического анализа оказалось возможным выделить следующие проявления морального отчуждения и сопровождающие их факторы риска у психологов-консультантов в ситуациях профессионального взаимодействия с клиентами: отсутствие акцента на теме пользы консультирования для клиента, самообвинения психолога, переживание психологом профессиональной несостоятельности, стигматизация клиента психологом, воспринимаемое психологом противостояние с клиентом, сильные эмоции вины, обиды и гнева, трудности с управлением эмоциональным состоянием, мотив самозащиты, поведение, связанное с рисками эксплуатации клиентов и нанесения им вреда.

Выявленная нами тема отсутствия фокуса внимания психолога на пользе консультирования для клиента переключается с исследованиями авторов психоаналитической направленности. В их работах смешивание потребностей психотерапевта и клиента описано как один из механизмов, постепенно приводящий психотерапевтов к тяжелым этическим нарушениям (Gabbard, 1994; Yañav, Oz, 2006). Выявленные темы стигматизации клиента, противостояния, самозащиты, представления клиента как врага, которые прослеживаются в рассуждениях респондентов с высоким моральным отчуждением (группы 2 и 3) и сопровождаются работой его механизмов — «дегуманизации» и «атрибуции вины», — согласуются с данными других качественных исследований морального отчуждения (Stanger et al., 2013; Fida et al., 2016; Blanco et al., 2022). Так, например, в исследовании морального отчуждения у членов бандформирований

в Колумбии исследователи выделили в нарративах акцентируемую участниками тему конфронтации с жертвами преступлений: для оправдания своего преступного поведения бандиты лишали жертв человеческих качеств и приписывали им агрессивные мотивы (Blanco et al., 2022). По результатам другого исследования, спортсмены оправдывали причинение вреда другим игрокам тем, что поведение этих игроков было оскорбительным и преднамеренным (Stanger et al., 2013). По мнению А. Бандуры, именно построение образа врага прокладывает когнитивный путь к дегуманизации и атрибуции вины (Bandura, 2016). Наконец, выявленные у респондентов самообвинения, переживания своей профессиональной несостоятельности и чувство вины связаны не только с постулированной А. Бандурой защитной функцией морального отчуждения, но и с данными других исследователей о связях морального отчуждения с переживаниями вины и стыда (Bandura, 2016; Stanger et al., 2013; Ogunfowora et al., 2022).

Хочется акцентировать внимание на том, что группы 2 и 3, лидирующие по интенсивности показателей морального отчуждения, различаются по данным опросника «Психологическая разумность», однако очень схожи по факторам риска, связанным с механизмами морального отчуждения «атрибуция вины» и «дегуманизация» (по данным интервью). Похожие эффекты, но с противоположным знаком наблюдаются для респондентов групп 1 и 4: низкий уровень морального отчуждения в сочетании с различиями в показателях опросника «Психологическая разумность» сопровождается отсутствием механизмов морального отчуждения и почти всех указанных факторов риска, за исключением поведения, содержащего риски нанесения вреда клиентам и их эксплуатации. Вероятно, это можно объяснить тем, что низкая психологическая разумность защищает респондентов группы 4 от угроз их Я-концепции.

Высокие показатели по опроснику морального отчуждения сопровождаются фиксацией работы механизмов морального отчуждения, а также наличием в самоотчетах психологов признаков поведения, содержащего риски эксплуатации клиентов и нанесения им вреда. Это совпадает с данными исследований морального отчуждения в других контекстах, где высокое моральное отчуждение показано надежным предиктором неэтичных суждений и поведения (Bandura et al., 2001; Moore et al., 2012; Vincent et al., 2013; Fida et al., 2016). Однако на нашей выборке видно, что в ряде случаев, когда низкие показатели морального отчуждения сочетаются с низкими показателями психологической разумности, все же сохраняется вероятность суждений и поведения, содержащих риски эксплуатации клиентов и нанесения им вреда.

Ограничения и перспективы исследования

Погружение респондентов в настоящий этический конфликт, вынуждавший бы их решать реальные дилеммы, было неприемлемо по этическим соображениям. Поэтому для выявления механизмов действия морального отчуждения были использованы реальные кейсы из практики респондентов и

их размышления по этому поводу, что все же не является непосредственно наблюдаемым поведением.

Поскольку рассуждения респондентов о кейсах носили ретроспективный характер, не представляется возможным точно установить, как в реальной ситуации срабатывали механизмы морального отчуждения.

За пределами исследования оказалась большая часть механизмов морального отчуждения, таких как моральное оправдание, эвфемистический ярлык, выгодное сравнение, смещение ответственности, рассеивание ответственности, искажение последствий. Интервью по этическим соображениям не содержало квалификации поведения и суждений респондентов, вскрытия противоречий и конфронтации, которые могли бы сделать явными работу этих механизмов. Возможно, дальнейшие исследования скажут больше о работе вышеуказанных механизмов на примерах опубликованных протоколов разборов этических комитетов профессиональных ассоциаций психологов и психотерапевтов.

Перспективным в контексте заявленной темы также является анализ факторов, связанных с коллективным моральным отчуждением, а именно — норм поведения, принятых в различных сообществах, в том числе профессиональных, и отношения к их нарушению.

Выводы

Моральное отчуждение является надежным предиктором неэтичного и аморального поведения в различных сферах человеческого взаимодействия. Особенно важно изучение морального отчуждения в контексте помогающих профессий с большим дисбалансом власти.

Эмпирическое исследование показало, что моральное отчуждение у российских психологов-консультантов отрицательно связано с личностными чертами: эмпатией, добросовестностью, доброжелательностью, а также с психологической разумностью. Психологи-консультанты с высоким уровнем морального отчуждения демонстрируют работу механизмов морального отчуждения, описывают поведение, связанное с рисками эксплуатации клиентов и нанесения им вреда.

Литература

- Калугин, А. Ю., Щebetенко, С. А., Мишкевич, А. М., Сото, К. Дж., Джон, О. П. (2021). Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory-2. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 18(1), 7–33. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-7-33>
- Карягина, Т. Д., Будаговская, Н. А., Дубровская, С. В. (2013). Адаптация многофакторного опросника эмпатии М. Дэвиса. *Консультативная психология и психотерапия*, 1, 202–227.
- Ледовая, Я. А., Тихонов, Р. В., Боголюбова, О. Н., Казенная, Е. В., Сорокина, Ю. Л. (2016). Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения. *Вестник СПбГУ*, 4, 23–39. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.402>

Новикова, М. А., Корнилова, Т. В. (2014). «Психологическая разумность» в структуре интеллектуально-личностного потенциала (адаптация опросника). *Психологический журнал*, 35(1), 95–110.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Alessandri, G., Filosa, L., Tisak, M. S., Crocetti, E., Crea, G., & Avanzi, L. (2020). Moral disengagement and generalized social trust as mediators and moderators of rule-respecting behaviors during the COVID-19 outbreak. *Frontiers in Psychology*, 11, Article 2102. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.02102>
- Antes, A. L., Dineen, K. K., Bakanas, E., Zahrli, T., Keune, J. D., Schuelke, M. J., & DuBois, J. M. (2020). Professional decision-making in medicine: Development of a new measure and preliminary evidence of validity. *PLoS ONE*, 15(2), Article e0228450. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0228450>
- Ariely, D. (2012). *The (honest) truth about dishonesty*. New York, NY: Harper.
- Bandura, A. (2016). *Moral disengagement: How people do harm and live with themselves*. New York, NY: Worth Publishers.
- Bandura, A., Caprara, G. V., Barbaranelli, C., Pastorelli, C., & Regalia, C. (2001). Sociocognitive self-regulatory mechanisms governing transgressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 80, 125–135. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.80.1.125>
- Blanco, A., Davies-Rubio, A., De la Corte, L., & Mirón, L. (2022). Violent extremism and moral disengagement: A study of Colombian armed groups. *Journal of Interpersonal Violence*, 37(1-2), 423–448. <https://doi.org/10.1177/0886260520913643>
- Costa, P. T. Jr., & McCrae, R. R. (1992). *Revised NEO Personality Inventory (NEO-PI-R) and NEO Five-Factor Inventory (NEO-FFI) professional manual*. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources.
- Cuadrado-Gordillo, I., Fernández-Antelo, I., & Martín-Mora Parra, G. (2020). Moral disengagement as a moderating factor in the relationship between the perception of dating violence and victimization. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(14), Article 5164. <https://doi.org/10.3390/ijerph17145164>
- Detert, J. R., Treviño, L. K., & Sweitzer, V. L. (2008). Moral disengagement in ethical decision making: a study of antecedents and outcomes. *Journal of Applied Psychology*, 93, 374–391. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.93.2.374>
- Ewell, P. J., Guadagno, R. E., Jones, M., & Dunn, R. A. (2016). Good person or Bad character? Personality predictors of morality and ethics in avatar selection for video game play. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 19(7), 435–440. <https://doi.org/10.1089/cyber.2015.0207>
- Fida, R., Tramontano, C., Paciello, M., Kangasniemi, M., Sili, A., Bobbio, A., & Barbaranelli, C. (2016). Nurse moral disengagement. *Nursing Ethics*, 23(5), 547–564. <https://doi.org/10.1177/0969733015574924>
- Gabbard, G. O. (1994). Psychotherapists who transgress sexual boundaries with patients. *Alabama Medicine*, 64(6), 7–12.
- Gao, L., Li, X., & Wang, X. (2023). Agreeableness and adolescents' cyberbullying perpetration: A longitudinal moderated mediation model of moral disengagement and empathy. *Journal of Personality*, 91(6), 1461–1477. <https://doi.org/10.1111/jopy.12823>
- Inbar, Y., Pizarro, D. A., Knobe, J., & Bloom, P. (2009). Disgust sensitivity predicts intuitive disapproval of gays. *Emotion*, 9, 435–439. <https://doi.org/10.1037/a0015960>

- Kalugin, A. Yu., Shchebetenko, S. A., Mishkevich, A. M., Soto, C. J., & John, O. P. (2021). Psychometric properties of the Russian version of the Big Five Inventory-2. *Psychology Journal of the Higher School of Economics*, 18(1), 7–33. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-7-33> (in Russian)
- Karyagina, T. D., Budagovskaya, N. A., & Dubrovskaya, S. V. (2013). Adaptatsiya mnogofaktornogo oprosnika empatii M. Devisa [Adaptation of the M. Davis multifactorial empathy questionnaire]. *Konsul'tativnaya Psikhologiya i Psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 1, 202–227.
- Koocher, G., & Keith-Spiegel, P. (2016). *Ethics in psychology and the mental health professions: standards and cases* (4th ed.). Oxford University Press.
- Kouchaki, M., & Desai, S. D. (2015). Anxious, threatened, and also unethical: How anxiety makes individuals feel threatened and commit unethical acts. *Journal of Applied Psychology*, 100, 360–375. <https://doi.org/10.1037/a0037796>
- Ledovaya, Ya. A., Tikhonov, R. V., Bogolyubova, O. N., Kazennaya, E. V., & Sorokina, Yu. L. (2016). Moral disengagement: the psychological construct and its measurement. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya 16. Psikhologiya.Pedagogika [Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology]*, 4, 23–39. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.402> (in Russian)
- Meyers, D. G. (2010). *Social psychology* (10th ed.). New York, NY: McGraw-Hill.
- Moore, C., Detert, J. R., Baker, V. L., & Mayer, D. M. (2012). Why employees do bad things: Moral disengagement and unethical organizational behavior. *Personnel Psychology*, 65(1), 1–48. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.2011.01237.x>
- Novikova, M. A., & Kornilova, T. V. (2014). “Psychological mindedness” in the structure of intellectual and personal potential (adaptation of questionnaire). *Psikhologicheskii Zhurnal*, 35(1), 95–110. (in Russian)
- Ogunfowora, B. T., Nguyen, V. Q., Steel, P., & Hwang, C. C. (2022). A meta-analytic investigation of the antecedents, theoretical correlates, and consequences of moral disengagement at work. *Journal of Applied Psychology*, 107(5), 746–775. <https://doi.org/10.1037/apl0000912>
- Pereira, N. S., Ferreira, P. D. C., Veiga Simão, A. M., Cardoso, A., Barros, A., Marques-Pinto, A., Ferreira, A. I., Primor, A. C., & Carvalhal, S. (2022). “It is typical of teenagers”: When teachers morally disengage from cyberbullying. *Spanish Journal of Psychology*, 25, Article e30. <https://doi.org/10.1017/SJP.2022.27>
- Rozin, P., Lowery, L., Imada, S., & Haidt, J. (1999). The CAD triad hypothesis: a mapping between three moral emotions (contempt, anger, disgust) and three moral codes (community, autonomy, divinity). *Journal of Personality and Social Psychology*, 76(4), 574–586. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.76.4.574>
- Stanger, N., Kavussanu, M., Boardley, I. D., & Ring C. (2013). The influence of moral disengagement and negative emotion on antisocial sport behavior. *Sport, Exercise and Performance Psychology Journal*, 2(2), 117–129. <https://doi.org/10.1037/a0030585>
- Stephens, J. M. (2018). Bridging the divide: The role of motivation and self-regulation in explaining the judgment-action gap related to academic dishonesty. *Frontiers in Psychology*, 9, Article 246. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00246>
- Teng, Z., Bear, G. G., Yang, C., Nie, Q., & Guo, C. (2020). Moral disengagement and bullying perpetration: A longitudinal study of the moderating effect of school climate. *School Psychology*, 35(1), 99–109. <https://doi.org/10.1037/spq0000348>

-
- Vincent, L. C., Emich, K. J., & Goncalo, J. A. (2013). Stretching the moral gray zone: Positive affect, moral disengagement and dishonesty. *Psychological Science, 24*, 595–599. <https://doi.org/10.1177/0956797612458806>
- Wu, W., & He, Q. (2022). The roles of moral disengagement and learned helplessness towards international postgraduate students' academic procrastination. *Psychology Research and Behavior Management, 15*, 1085–1104. <https://doi.org/10.2147/PRBM.S343135>
- Yahav, R., & Oz, S. (2006). The relevance of psychodynamic psychotherapy to understanding therapist-patient sexual abuse and treatment of survivors. *The Journal of the American Academy of Psychoanalysis and Dynamic Psychiatry, 34*(2), 303–331. <https://doi.org/10.1521/jaap.2006.34.2.303>

ВОЗМОЖНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ФЕНОМЕНА «СПОСОБНОСТИ»: ОТКРЫТЫЕ ВОПРОСЫ

В.А. ТОЛОЧЕК^а

^а ФГБУН «Институт психологии РАН», 129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1

Measurements of the “Ability” Phenomenon: Questions

V.A. Tolochek^a

^a Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 13 build. 1, Yaroslavskaaya Str., Moscow, 129366, Russian Federation

Резюме

Целью исследования стал поиск оптимальных измерений в целостном описании эволюции феномена «способности», проявляющихся в процессах профессионального становления и профессиональной деятельности субъекта. На основании анализа научной литературы мы пришли к следующим выводам: 1) эффективность деятельности и социальная успешность субъекта имеют неоднозначные связи с мерой выраженности способностей (одаренности, таланта, гениальности); 2) изучение способностей на выборках детей и молодежи, у которых способности проявляются в деятельности условной (обучение), в деятельности-увлечении, накладывает ограничения; 3) наименее изученными остаются проявления способностей в совместной деятельности профессионалов высокой квалификации. С помощью методов историко-теоретического и предметно-категориального анализа мы

Abstract

The purpose of the study was to search for optimal measurements in a holistic description of the evolution of the phenomenon of “ability”, manifested in the processes of professional development and professional activity of the subject. Based on the analysis of scientific literature, we came to the following conclusions: 1) the effectiveness of activity and the social success of the subject have ambiguous connections with the degree of expression of abilities (giftedness, talent, genius); 2) studying abilities on samples of children and youth whose abilities are manifested in conditional activities (learning), in hobby activities, imposes restrictions; 3) the manifestations of abilities in the joint activities of highly qualified professionals remain the least studied. Using the methods of historical-theoretical and

Исследование выполнено в соответствии с Государственным заданием Минобрнауки РФ № 0138-2024-0017 «Профессиональная деятельность и развитие личности человека в условиях организационных и техногенных изменений».

The study was carried out in accordance with the State Assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation # 0138-2024-0017 “Professional activity and human personal-ity development in the conditions of organizational and man-made changes”.

выработали авторский подход к обсуждаемой проблеме, заключающийся в эволюционно-системном описании феномена. Интерпретируя различие содержания понятий «эффективность деятельности субъекта» и «социальная успешность субъекта» как возможность продвинуться к решению открытых вопросов в области изучения проблемы способностей, мы предлагаем обратиться к системно-эволюционному описанию данного феномена посредством его четырех измерений. В «горизонтальном» измерении эволюция феномена представлена как континуум проявлений следующих его ипостасей: задатки, способности, специальные способности, профессиональные способности; в «вертикальном» измерении — последовательными стадиями: задатки, способности, одаренность, талант, гениальность; в онтогенетическом («возрастном», «продольном») измерении — возрастными изменениями человека как личности и как субъекта, структурными трансформациями его способностей в процессе приобретения им социального опыта, овладения новыми профессиональными функциями и социальными ролями; измерение «самореференция» есть мера представленности психологической системы как целостности «внешнему наблюдателю» и «внутреннему наблюдателю», самой себе. Выводы: способности есть феномен, который может быть распределенным во времени и в пространстве, проявления которого определяются мерой мобилизации возможностей психики и организма, мерой интеграции с другими системами, сохранность которого обеспечивается процессами саморегуляции и самовосстановления, периодическими изменениями компонентов и структур.

Ключевые слова: феномен, измерения, эволюция («горизонтальная», «вертикальная», онтогенетическая, самореферентная), способности, одаренность, талант, гениальность.

Толочек Владимир Алексеевич — главный научный сотрудник, Лаборатория психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии, Федеральное государственное учреждение науки Институт психологии Российской академии наук

subject-categorical analysis, we have developed the author's approach to the problem under discussion, which consists of an evolutionary-systemic description of the phenomenon. Interpreting the difference in the content of the concepts "efficiency of the subject" and "social success of the subject" as an opportunity to move towards solving open questions in the field of studying the problem of abilities, we propose to turn to a system-evolutionary description of this phenomenon through its four dimensions. In the horizontal dimension, the evolution of the phenomenon is presented as a continuum of manifestations of its following hypostases: inclinations, abilities, special abilities, professional abilities; in the vertical dimension — transformations: inclinations, abilities, giftedness, talent, genius; in the ontogenetic dimension ("age-related", "longitudinal") — age-related changes in a person as an individual and as a subject, structural transformations of his abilities in the process of acquiring social experience, mastering new professional functions and social roles; the "self-reference" dimension is a measure of the representation of the psychological system as an integrity to the "external observer" and the "internal observer", to itself. Conclusions: abilities are a phenomenon that can be distributed in time and space, the manifestations of which are determined by the measure of mobilization of the capabilities of the psyche and body, the measure of integration with other systems, the safety of which is ensured by the processes of self-regulation and self-healing, periodic changes in components and structures.

Keywords: phenomenon, measurements, evolution (horizontal, vertical, ontogenetic, self-referential), abilities, giftedness, talent, genius.

Tolochek Vladimir Alekseevich — Chief Research Fellow, Laboratory of Occupational Psychology, Ergonomics, Engineering and Organizational Psychology, Federal State Institution of Science Institute of Psychology, Russian

(ИП РАН), доктор психологических наук, профессор.

Сфера научных интересов: профессиональное становление субъекта, методология науки, способности, психология труда.

Контакты: tolochekva@mail.ru

Academy of Sciences (IP RAS), DSc in Psychology, Professor.

Research Area: professional development of the subject, methodology of science, abilities, labor psychology.

E-mail: tolochekva@mail.ru

Проблема способностей (одаренности, таланта, гениальности) перманентно актуальна, что подтверждается ее обсуждением в рамках регулярно проводимых конференций, множеством концепций, представленных за минувшие 150 лет, на протяжении которых учеными — Э. Клапаредом, С.Л. Рубинштейном, Б.М. Тепловым, В.Д. Шадриковым и др. — отмечается сложность определения понятия «способности», а в предложенных версиях сохраняется большая вариативность. Не будет преувеличением сказать, что данная проблема стоит в ряду «великих загадок человека», его появления и становления. И новые социальные условия жизни, новые виды деятельности и технологий будут инициировать проявления (про-явления) новых свойств данного феномена, которые будут изучаться и объясняться. К примеру, если в начале XX столетия к способностям относили преимущественно когнитивные (ментальные, умственные) особенности человека и мелкую психомоторику, в середине — также музыкальные и физические (спортивные), то в конце столетия — уже и организаторские, лидерские, сценические и пр. (Богоявленская и др., 2003; Шадриков, 2007, 2019; и др.). Ожидаемо, что в XXI столетии ряд систематически изучаемых способностей человека расширится и будет включать как вызревшие в продолжение XX в. типы деятельности (предприниматель, психотерапевт, политолог, телеведущий, конструктор, технолог и др.), так и те, которые в их развернутой и развитой форме еще существуют лишь короткое время и лишь в искусственных условиях — в процессах ведения тренингов, деловых игр («медиатор», «фасилитатор» и т.п.). Дальнейшее расширение видов деятельности, периодические переходы людей в другие профессиональные сферы (сферы, а не только лишь деятельности), становление новых реалий «цифровизации» и радикальные изменения информационной среды нашей жизни, технологий многих профессий — все это едва ли должно оставаться за пределами «круга понятий» психологов.

Известную сложность привносит в процесс изучения способностей не только расширение их предметной области. Однако если тема «нечеткости предмета» признается многими, она обозрима, «лежит на поверхности», то не менее важная тема методологии изучения данного феномена традиционно мало разработана. До настоящего времени сохраняются классические оппозиции авторов однофакторных, мультифакторных и иерархических теорий, при этом предлагается множество новых подходов. Десятилетия научных дискуссий на протяжении XX в. проходили в логике философии позитивизма; разные подходы реализуются преимущественно в границах «классической парадигмы», на «непогрешимость» которой мало влияли даже очевидные парадоксы. Напомним, что первые исследования Ч. Спирмена проводились на небольшой выборке учеников близлежащей школы посредством быстро сделанных

тестов, ставших «фундаментом» целой теории. Итоги многолетнего лонгитюда Льюиса Термена (Terman, 1959), также послужившего основанием цикла подобных исследований, были не однозначны. В целом, бóльшая часть из отнесенных к высокоодаренным детям (согласно тестам и оценкам учителей) впоследствии стали *социально успешными* профессионалами (преподавателями, учеными, бизнесменами, писателями и пр.), но около 20% из 1467 имевших высокие оценки интеллекта не показали «ничего оригинального»; двое из «отбракованных» детей стали нобелевскими лауреатами, тогда как никто из высокоодаренных, согласно тестам, не состоялся как первоклассный профессионал, «сравнимый с Шекспиром, Гете или Толстым» (Ibid.); ожидания линейной зависимости интеллекта ребенка и его последующих *профессиональных достижений* не подтвердились. Позже другими учеными будут выделяться факторы личности и характера, соотношения составляющих интеллекта, социального положения семьи, порядок рождения детей, роль экспериментатора при тестировании и мн. др. Уже сам Л. Термен отмечал сложность механизма взаимодействия наследственности и среды, факторы «этапа культурного прогресса», «роль обстоятельств и судьбы» (Ibid.); с середины XX в. важной темой исследований становится роль наставника, учителя.

Пожалуй, наиболее ценной была цель работы Л. Термена — поиск «источников интеллектуального таланта», позволяющих затем находить средства «увеличения его запасов»; она остается перманентно актуальной. При этом примечательно, что, например, концепция неявного знания Макса Полани (1985), следовательно, сложных и уникальных когнитивных и личностных структур человека, долго не получала должного внимания и научно-методического продолжения. Вероятно, потому, что требование рассматривать взаимодействия сложных структур социального опыта человека и его способностей, сложившихся в продолжение XX столетия, слабо сочетается с устоявшимися научными традициями, давно разработанным инструментарием, высоким авторитетом «пионеров» в изучении способностей человека. Даже своего рода «ревизионизм» Р. Стернберга (Sternberg, 1981, 1983 и др.) не сдвинул «скалы позитивизма», а лишь обозначал неизведанные «территории», быстро ставшие новой научной модой. Сложившиеся парадигмы в первоначальном понимании способностей и одаренности сохраняют эвристичный потенциал, но при этом «запирают» наши представления о феномене в границы ментальности отдельного человека.

Настоящую статью предлагается рассматривать как критический анализ сложившихся в XX столетии научных традиций, как опыт обобщения, побуждающий к признанию целесообразным становления в XIX столетии новых подходов к рассмотрению феномена «способности».

Для создания возможной «платформы», позволяющей по-новому взглянуть на проблему способностей, сначала «разведем» несколько сопряженных понятий. Будем различать способности как психологический *феномен*, как *объект* научного изучения, частью выступающий *предметом* исследований, рабочие *понятия* как определения (о-*предел*-ения) его фрагментов, научные *концепции* как варианты экспликации его, создаваемые посредством понятий,

проблему как комплекс артикулируемых вопросов, требующих изучения. Другими словами, будем исходить из того, что в каждом сложном фрагменте социальной действительности ученые избирают его *часть*, описывают и объясняют ее посредством небольшого набора понятий, содержание которых как-то означено и корректируется каждым вдумчивым исследователем; из набора таких маркеров создаются *модели реальности* — научные концепции (более признанные из них позже называют теориями, которые, однако, через некоторое время будут отклонены и заменены новыми). Развитие науки предполагает ее поступательное движение (использование накопленного опыта решения задач) с периодическими кризисами, методологической рефлексией ее состояния, поиском и обозначением возможных новых траекторий развития.

В качестве исходного положения нашего анализа выберем определение, предложенное В.Д. Шадриковым: способности — «свойства функциональных систем, реализующих отдельные психические функции, достроенные в онтогенезе операциональными механизмами» (Шадриков, 2019, с. 17). Выделим это как важное для нашего разговора: способности есть «свойства... систем, реализующих *отдельные функции*», или же это феномен, сущность которого есть *постоянные интеграции разных качеств* человека на протяжении его жизни, в процессах решения им разных задач; феномен, сущность которого не ограничивается телом, личностью и операциональными функциями отдельного человека. Рассмотрим сравнительно мало изученные и мало разработанные аспекты проблемы.

Один из них — проявление феномена в процессах *совместной деятельности*, что ставит новые вопросы — проектирования, вызревания, управления условиями, содействующими проявлению феномена у групп взаимодействующих людей. Сопряжены с упомянутыми выше вопросы создания обучающих программ для одаренных детей, их финансовой поддержки и последующей экономической «отдачи» таких вложений (Дружинин, 2007; Ушаков, 2011; и др.). Поскольку разработка программ и организация обучения реализуется конкретными людьми (учеными, педагогами, экспертами), отдельными темами обсуждения становятся особенности паттернов способностей взаимодействующих субъектов и эффекты социальных дополняющих диад. В русле нашего анализа задержимся на этом фрагменте. Очевидно, что крайне мало видов деятельности, которые реализуются как собственно индивидуальными; много чаще имеет место более или менее выраженная совместная деятельность людей. Можно выделять огромное разнообразие форм типового и уникального взаимодействия двух-трех людей, создающих саму возможность существования подобной деятельности, дополняющих друг друга, выступающих в особом единстве — как микрогруппа, как уникальная социальная «единица»: «врач — пациент», «руководитель — подчиненный», «лидер — ведомый», «команда», «экипаж» и др. Наиболее интересны для нашего анализа те, в которых происходит трансляция культуры, развитие человека: «родитель — дитя», «воспитатель — воспитанник», «учитель — ученик», «преподаватель — студент».

В таких социальных дополняющих диадах происходит как бы достраивание одного благодаря другому, развитие одного благодаря его взаимодействию с другим человеком. В феномене «зона ближайшего развития» Л.С. Выготского эффект развития ребенка объясняется ролью взрослого, любого взрослого. В более широкой трактовке данного феномена, рассматривая взаимодействия двоих как социальной дополняющей диады, можно говорить не только о развитии младшего благодаря его взаимодействиям со старшим, но и о возможностях развития старшего партнера («Художник, воспитай ученика, / Чтоб было у кого потом учиться» (Е.М. Винокуров)). Когда режиссер работает с одаренным актером, тренер — со спортсменом, учитель — с учеником, вероятно, он и сам нечто «открывает» в себе, понимает нечто большее, чем это было до их взаимодействий (взаимных действий), хотя далеко не всегда эффекты дополняющих диад позитивны, конструктивны (врач «залечил» больного; педагог плохо «поставил руку» юному музыканту, сломал «природный голос» и т.п.).

Признаем, что взаимодействия людей всегда опосредствованы социальными условиями, социально-психологическими процессами и феноменами, психологическими структурами. Люди в их взаимодействиях не есть лишь «индивиды» и «субъекты», а индивидуальности, со своеобразием их психической организации. В рассматриваемой форме взаимодействий двоих выделим три компонента: *«субъект — субъект — функциональные средства»* (технический репертуар деятельности, операциональные системы, способы деятельности, стили и пр.). Эти составляющие взаимодействий — в разных понятиях — отечественные ученые обсуждают как особые *системы* с особыми эффектами: «учитель — ученик — метод» (Кабардов, 2013), «ученик — экспериментатор — форма тестирования (поведения экспериментатора)» (Дружинин, 2007), «руководитель — подчиненный — распределение трудовых функций» (Толочек, 2021), «тренер — спортсмен — стиль деятельности» (Толочек, 2015). Итак, в процессах взаимодействия людей, наряду с личностными особенностями и профессионально важными качествами, важную роль играют и *операциональные системы*, опосредствующие их взаимодействия и отношения (в одних случаях они четко представлены в научных концепциях, в других, что много чаще, заявлены как мировоззренческая позиция выдающихся педагогов, еще чаще — как особенные персональные методические приемы учителей-предметников (математиков, физиков, химиков, биологов и др.), вследствие использования которых большая часть детей учились на «отлично», выбирали профессию, инициируемую школьным предметом, и были состоятельны в ней). В отдельном ряду можно рассматривать методы изучения иностранного языка, предлагаемые учеными и практиками — Г.А. Кийтайгородской, Г.К. Лозановым и др.

Выделим еще один аспект — изучение феномена в лабораторных условиях и его проявление в реальной жизни людей (т.е. профессионально успешных в возрасте зрелости, решающих не рафинированные условные «примеры» и «задачи», а реальные жизненные проблемы, трансформируя их, переводя в статус социальных задач, согласованных с социальными контекстами). При

широкой трактовке концепции зоны ближайшего развития Л.С. Выготского можно полагать, что 1) любой взрослый как носитель знания способен содействовать передаче своего социального опыта (знания) и любой ребенок способен его усваивать, что 2) овладение знаками (интериоризация) проходит в границах некоторых социальных норм и эксплицитного знания, что 3) все люди (дети) обладают должными возможностями для такой интериоризации. Но очевидно, что наряду с «обязательными», «законными» эффектами зон ближайшего развития есть весомые основания говорить и о более или менее выраженных диапазонах усвоения знания и развития способностей у разных людей; об уровнях профессионального знания, о феноменах эксплицитного и имплицитного знания («личного знания», по М. Полани (Полани, 1985)), о сензитивных периодах развития человека и др. К отмеченному выше добавим, вероятно, неограниченное множество и разнообразие проявлений даже одного вида способностей, как, например, творческих, специфически профессиональных (Волкова, 2016; Кашапов, 2017; Богоявленская и др., 2003; Теплов, 1961; и др.), следовательно, и различий паттернов способностей у разных людей (в том числе педагогов, ученых, экспертов и пр.). И далеко не очевидно, что развитие многообразных способностей людей «подчинено» немногим закономерностям. Если фокусировать проблему способностей на процессы и эффекты непосредственных *взаимодействий людей в диадах* (в которых происходит развитие способностей, их социальная «огранка» и «поднастройка» к конкретной деятельности и социальной среде), мы выявляем новые аспекты проблемы, требующие изучения, некоторые из них обозначаем как открытые вопросы.

Ключевыми вопросами обсуждаемой темы назовем *успешность субъекта, эффективность его деятельности, и их измерения*. Предполагается анализ проявления способностей человека как профессионала, как субъекта квалифицированной деятельности: а) сложной, развитой (имеющей большую градацию оценок компетенций субъекта); б) предполагающей и требующей включения человека в многолетнюю систему его профобучения и переподготовки; в) представленной как специализация в решении определенных классов задач; г) включающей в себя самостоятельное решение им крайне сложных задач. Под *измерениями* будем понимать процедуры приписывания разной степени (выраженности, интенсивности) проявления феномена, его разных количественных и/или качественных значений, соответственно избранным средствам (системам) и критериям оценки (приписывания). *Цель* исследования — поиск оптимальных измерений в описании эволюции и проявлений феномена «способности» в процессах профессионального становления и профессиональной деятельности субъекта. *Методы*: историко-теоретический анализ; предметно-категориальный анализ.

Успешность субъекта и эффективность его деятельности: факторы и критерии

В опыте автора более представлены виды профессиональной деятельности лиц зрелого возраста, которые и выступают в качестве основных моделей

изучения феномена способности, более выраженно проявляющегося в творческих профессиях (режиссера, литератора, художника, музыканта, учителя, преподавателя, тренера в спорте высших достижений и др.), т.е. там, где имеют место 1) продолжительная профессиональная жизнь, 2) наличие жестких правил и ограничений, 3) периоды личностных и профессиональных кризисов, 4) большие возможности развития человека как субъекта, 5) сложные отношения человека с социальным окружением (конкурентные, конфликтные в том числе), 6) необходимость регулярно подтверждать профессиональный статус мастера, 7) сложные и неоднозначные социальные оценки его успешности и результатов его деятельности, 8) периодические изменения критериев оценки эффективности деятельности, 9) множества не всегда согласованных критериев оценки *эффективности деятельности*, содействующих *успешности субъекта*.

В измерениях и оценках *эффективности деятельности человека* целесообразно отражать параметры «количества» и «качества» продукта (оказанных услуг), параметры экологии деятельности (экономичности в использовании ресурсов — материальных, психофизиологических, временных и пр., рациональности действий и др.). В измерениях же *успешности человека (как субъекта)* необходимо уделять внимание социальным оценкам, выступающим как материальное вознаграждение, социально-психологическим эффектам — социальному статусу, отношениям с окружением, самооценке, удовлетворенности жизнью и др.; один из аспектов успешности раскрывается в понятии *качество жизни*.

Представляя наш взгляд на проблему, обратим внимание, что исследования и обсуждения вопросов способностей чаще проводятся на основе изучения детей, подростков, молодежи, у которых эти качества проявляются в деятельности условной, в деятельности-увлечении, вне конкурентных отношений с другими. Сравнительно меньшая доля НИР проводится на выборках социально и физически зрелых людей, так или иначе состоявшихся как профессионалы, и здесь проблема представляется уже иначе. Так, в ряде обзоров отмечается, что далеко не все дети с яркими способностями впоследствии становятся выдающимися профессионалами; в отношении вундеркиндов доля успешно реализованных составляет около 5% (см. обзоры: Ушаков, 2011; Юревич, 2013; и др.). Вероятно, такая доля профессиональной самореализации вундеркиндов в стадии взрослости типична для многих сфер жизнедеятельности. Так, например, в великой спортивной державе — СССР, в которой спорт был массовым, доступным и бесплатным для всех, в которой были выстроены системы педагогического, медицинского и научного сопровождения спортсменов, лишь около 5% победителей первенств страны среди юношей повторяли это достижение в следующей возрастной группе юниоров; лишь около 5% победителей молодежных первенств СССР в последующем возрастном разряде («взрослых») становились чемпионами СССР (Толочек, 2015).

При переходе в следующую возрастную группу изменяется не только тело человека, но и его социальное окружение, среда жизнедеятельности, «правила

жизни» — ожидания и требования окружения. И если дети, как правило, находятся в довольно комфортных условиях и социально защищены, то по мере физического и социального созревания человека, при его переходах на новые уровни профессионализма жесткость конкуренции кратно возрастает («эффект воронки») с соответствующими следствиями (Schaie, 2005; и др.).

Признаем, что в разных сферах деятельности — творческой (искусство, наука, изобретательство и др.), военной, предпринимательской и пр. — на протяжении столетий сохраняются жестко конкурентные отношения коллег. И если умеренно выраженные способности и одаренность часто коррелируют с эффективностью деятельности и социальной успешностью человека, то проявления таланта связаны с меняющимися стадиями его социальной успешности на протяжении профессиональной жизни, с циклами личностных кризисов, нередко провоцируемых противодействиями коллег, а гениальность сопряжена с одиночеством, с запаздывающим признанием достижений человека как творца. Если способности специалисты связывают с успешным решением поставленных задач, одаренность — с решением задач, поставленных и выделенных самим субъектом, что едва ли вызывает протесты окружающих, то деяния таланта и гения затрагивают сферу мировоззрения людей, что нередко вызывает их сопротивление и ревность.

В *совместной профессиональной деятельности* роль разных факторов успешности возрастает. Если проблему развития способностей, обучения людей рассматривать в фокусе *социальных дополняющих диад*, то она обнаруживает несколько новых аспектов: первый — масштабы и метрика диапазона возможного развития, средства и возможные эффекты (результаты), время, организация деятельности и результаты; второй — особенности личности, интеллекта, профессионально важных качеств каждого из членов диады. Есть основания говорить об уникальности каждой комбинации «учитель — ученик», «преподаватель — студент», «тренер — спортсмен» и т.п. Так, в сфере спорта высших достижений, согласно нашим наблюдениям, в жизни даже выдающегося тренера лишь один раз формируется связка «тренер — выдающийся спортсмен» (что подтверждает теорию М. Полани об уникальности психической организации каждого человека, о сложности трансляции социального опыта от одного к другому).

Итак, выделим первую группу вопросов:

1. Социальные оценки результатов *деятельности* человека и его социальная *успешность* есть одно и то же или нет?

2. Преждевременные (как в отношении детей и молодежи), своевременные и запаздывающие социальные оценки результатов деятельности человека порождают разные условия для эволюции способностей или являются нейтральными факторами?

3. Детская одаренность и творческая самореализация человека в стадии взрослости обеспечиваются одними и теми же или разными психическими образованиями?

4. Эффективность в индивидуальной и в совместной деятельности поддерживается одними и теми же или разными психическими образованиями?

На примере выборок школьников и студентов по ряду из приведенных выше вопросов в психологии получены частичные ответы (см. обзоры: Дружинин, 2007; Росс, Нисбетт, 1999; Ушаков, 2011; и др.). Но если эти вопросы поставить шире, т.е. говорить не только о детях и их академической успеваемости, но о полноценной самореализации человека в жизни, то признаем, что в предмете наших исследований остается много недостаточно изученного.

Возможные измерения феномена «способности»: оптимальные «координаты» описания

Обратим внимание, что в понимании данного феномена до настоящего времени сохраняется крайне широкий интервал его интерпретаций учеными: «Способности — это закрепленная в индивиде система обобщенных психических деятельностей» (Рубинштейн, 1999, с. 546; здесь и далее курсивом выделено нами); «способности... не могут закрепляться морфологически» (Леонтьев, 1981, с. 215); «Процесс овладения миром предметов и явлений, созданных людьми в процессе исторического развития общества, и есть тот процесс, в котором происходит формирование у индивидов специфически человеческих способностей и функций» (Там же, с. 217); «способности не формируются из задатков» (Шадриков, 2007, с. 83); «Все специальные способности человека — это... различные проявления, стороны общей его способности» (Рубинштейн, 1999, с. 538); «Между задатками и способностями очень большая дистанция...» (Там же, с. 536); «профессиональные способности можно рассматривать как аспект или способ реализации специальных способностей» (Волкова, 2016, с. 70); «Вопрос об общих и специальных способностях является одним из наиболее сложных...» (Шадриков, 2007, с. 52); «Между задатками и способностями... — пропасть... <...> способности являются врожденными свойствами человека» (Там же, с. 25).

Следуя представлениям Б.Г. Ананьева (Ананьев, 2001) и В.Д. Шадрикова (Шадриков, 2007, 2019) об эволюции сложных психологических систем, будем различать в них функциональные и операционные, «инструментальные» составляющие. Такие образования в широком смысле можно рассматривать как функциональные системы, выделяя в них наряду с собственно психологическими атрибутами универсальные аспекты сложных систем, присущих биологическим и социальным объектам. Следуя указанному пониманию психологических систем как функциональных систем, представим четыре возможных измерения способностей как единого и целостного феномена, полагая, что при различии их обозначающих понятий они выступают как разные эволюционные стадии проявления единого феномена. При этом становление и развитие функциональных систем проходит как процесс изменения их свойств, вследствие развития не столько их функциональных, а преимущественно операционных механизмов при осуществлении деятельности, обучении, рефлексии, произвольного управления человеком своими функциями.

Допуская возможности хронологически последовательного «подключения», совместных действий людей, со-корреляции взаимно детерминированных

эволюционных процессов (в филогенезе и антропогенезе, субъектогенезе) как уникальной «огранки» наличных функциональных систем человека в социальных группах, будем рассматривать преобразования систем в контексте *профессионального становления субъекта*. Трансформации функциональных систем в процессах социализации человека, согласно принципу развития, представим как последовательные преобразования ($A \rightarrow B \rightarrow C \rightarrow D \rightarrow E \rightarrow \dots$). Если эти трансформации функциональных систем есть эволюционные, последовательно формируемые их стадии, то они представляют собой развитие и усложнение организации функциональных систем как их 1) поуровневую *специализацию*, согласованную с решаемыми субъектом задачами, 2) *избирательную интеграцию с окружением (условиями среды)*, согласно сущности функциональных систем (по П.К. Анохину). Рассмотрим трансформации, изменения, развитие функциональных систем как измерения феномена.

Первое измерение феномена способности — «горизонтальное» — предстает как процесс его поэтапного и поуровневого усложнения — изменения состава и структур способностей при последовательных переходах, погружении человека как субъекта в новые социальные среды, как его изменения в процессах социализации и индивидуализации. Признавая высокую долю вклада наследственности в эволюцию способностей, представим эти процессы последовательных переходов, погружений человека в новую социальную субсреду (средняя школа — вуз — предприятие; детская музыкальная школа — училище — консерватория — работа в оркестре — преподавательская деятельность и т.п.) как процессы преобразования и переструктурирования его способностей как функциональных систем в интервале, предопределенном наследственностью. Такие качественно-количественные изменения функциональных систем назовем векторами «горизонтальной» эволюции. Полагая, что подобные преобразования происходят в определенном интервале, что они представляют собой некоторый ряд, последовательность (континуум) изменений функциональных систем, «горизонтальный» вектор представим так: от *задатков* к *способностям*, от способностей к *профессиональным способностям*, далее — становление *профессионально важных качеств* и их последовательная спецификация как *компетенций* (Толочек, 2020, 2021).

В логике первого измерения содержание выделенных стадий было представлено так: «*Способности (общие)* — функциональные системы, обеспечивающие легкость овладения знаниями, умениями, навыками и способствующие эффективности выполнения отдельных задач эпизодически выполняемой деятельности» (Толочек, 2020, с. 41). Последующее возможное преобразование феномена, именуемое *специальные способности*, есть «функциональные системы, формирующиеся на основе общих способностей посредством особых средств и социальных технологий, обеспечивающие легкость овладения знаниями в определенной сфере, умениями, навыками и способствующие эффективности регулярно выполняемой деятельности в определенных условиях социальной среды» (Там же). Следующая возможная стадия развития есть качество способностей как *профессиональных способностей*, которые представляют собой «функциональные системы, формирующиеся на

основе специальных способностей в процессах выполнения разнообразных задач профессиональной деятельности, способствующих ее эффективности в определенных условиях социальной среды. Накапливаемые специальные знания, умения, навыки в процессах регулярного обучения и выполнения деятельности в разных условиях среды выступают средствами развития профессиональных способностей, которые формируются, поддерживаются и развиваются при регулярном обучении и выполнении деятельности и ослабевают и разрушаются при их отсутствии» (Там же).

Поуровневое формирование сложных психологических образований в современной психологии рассматривается в широких контекстах — от элементарных адаптивных реакций организма до овладения культурой. Эволюционные стадии преобразования феномена можно также анализировать в понятиях изменений роли и взаимодействия функциональных и операциональных систем (по Б.Г. Ананьеву), как интериоризацию и экстериоризацию (по Л.С. Выготскому), как актуализацию «внешних» психомоторных модуляций и их преобразование во «внутренние» при формировании звуковысотного слуха (по А.Н. Леонтьеву), как становление метакачеств (по А.В. Карпову).

Вероятно, функциональные системы эволюционируют, вбирая в себя социальный опыт человечества и опыт, приобретаемый субъектом в процессах познания и преобразования действительности. В подтверждение этого вывода ограничимся несколькими ссылками на суждения авторитетных ученых: «Ни одна способность не является актуальной способностью к определенной деятельности, пока она не вобрала в себя, не инкорпорировала систему соответствующих операций...»; «Результаты человеческой деятельности, *обобщаясь и закрепляясь, входят как "строительный материал" в построение его способностей*» (Рубинштейн, 1999, с. 547; здесь и далее курсивом выделено нами); «*Функциональные механизмы...* реализуют филогенетическую программу и складываются задолго до возникновения *операциональных механизмов*, составляя их внутреннее основание, на котором *в процессе научения, воспитания и накопления опыта...* строится все более *усложняющаяся система... действий*, т.е. *операциональные механизмы*» (Ананьев, 2001, с. 134); «*операциональные механизмы* выступают как *фактор стабилизации функций*» (Там же, с. 136); «*операциональные механизмы... усваиваются индивидом в процессе воспитания, образования, в общей его социализации...* Функциональные механизмы относятся к характеристикам человека как индивида, операциональные — как субъекта...» (Шадриков, 2007, с. 57).

Если «горизонтальные» преобразования феномена в целом верно представлены (пример разработки данного «измерения» способностей дан в отдельной статье: Толочек, 2020), добавим еще одну группу открытых вопросов:

1. Последовательная социальная (в том числе профессиональная) огранка способностей есть «обязательное» условие их поступательного развития или нет?
2. Ряды преобразований феномена есть четкая последовательность фаз, континуум вероятных изменений и усложнений структуры психического, или возможны альтернативы?

Второе измерение феномена — его «вертикальная» эволюция — относится к оценкам масштаба деятельности человека, его роли в ней как творца (субъекта, личности), общественной значимости ее результатов (продуктов), сопряженным с мерой проявления его способностей. Ученые, как правило, достаточно согласованно выделяют последовательность разных стадий (фаз, форм) проявления феномена — *способности, одаренность, талант, гениальность*, — их связи с личностными особенностями, с мерой интеграции разных качеств человека, с масштабом их проявления в деятельности. Под способностями понимают качества, способствующие эффективности деятельности (учебной, профессиональной и пр.), быстроте и легкости ее освоения; одаренность объясняют большей выраженностью способностей, их интегрированностью; талант — яркими проявлениями способностей при неординарных достижениях в профессиональной деятельности; гениальность — как достижения в профессиональной деятельности, имеющие эпохальную значимость, выходящую далеко за границы узко профессиональных результатов (Дружинин, 2007; Богоявленская и др., 2003; Рубинштейн, 1999; Теплов, 1961; Шадриков, 2007, 2019; и др.).

В словарях, в научной и методической литературе представлены довольно согласованные критерии определения и различения этих уровней развития и проявления феномена. Основаниями их различения, как правило, выступают а) выраженность качества, сила проявления, б) значимость для общества продуктов деятельности человека, их влияние на развитие культуры, в) широта и степень интеграции, концентрации разных качеств человека как субъекта и как личности, г) возрастание роли личности, ценностных ориентаций, жизненных целей, смыслов, д) связи деятельности человека с историей человечества («Хорошие времена порождают слабых людей», «Слабые люди порождают плохие времена» — подобные констатации нередко встречаются в трудах историков, искусствоведов, философов).

Выделим еще несколько аспектов проблемы. В разных сферах деятельности ученые отмечают факты различия психологических структур мобилизации внешних и внутренних ресурсов профессионалом в разные периоды его жизни (Толочек, Журавлева, 2015; Толочек, 2015, 2020; и др.); «Такое качество знаменитости... называют выдающейся чертой, ведущей страстью, главным чувством, единой темой, корнем жизни. ...Лишь необычные личности обладают *одной и только одной* кардинальной диспозицией» (Олпорт, 2002, с. 395; курсивом выделено нами). В подтверждение вывода ученого приведем признание художника: «Я думаю только о своей картине. И если я совершу ошибку, я сойду с ума» (Клод Моне о картине «Завтрак на траве»).

В спорте высших достижений мера мотивации и способность к предельной мобилизации возможностей организма и психики отмечаются многими специалистами как ключевое условие достижения высших результатов; именно способность человека к мобилизации, как правило, отличает чемпионов от аутсайдеров (Толочек, 2015; и др.). Продолжающаяся несколько десятилетий дискуссия в отечественной психологии о статусе «личности» и «субъекта» — о том же: что в организации человека выступает как главная управляющая инстанция («управляющий»), как метасистема, и что — как *операциональная*

система, обеспечивающая достижение поставленных целей; как две разные системы реферируют друг друга, выступая одна по отношению к другой «внешним наблюдателем», к себе — «внутренним наблюдателем».

Обобщая литературный материал, представим качественно-количественные преобразования феномена в плане его возможной «вертикальной» эволюции последовательными стадиями: *задатки — способности (способы действий, операции, действия) — одаренность (действия и деятельность) — талант (деятельность в целом на протяжении длительного времени) — гениальность (радикальные преобразования в профессии, культуре, важная роль в исторической эпохе)*.

Многие ученые (Д.Б. Богоявленская, А.А. Мелик-Пашаев, М.А. Холодная и др.) настоятельно подчеркивают, что способностями обладают все дети (все люди); одни настаивают на ограниченном периоде активного *развития* способностей (Н.С. Лейтес и др.), другие утверждают о широких возрастных интервалах (Б.Г. Ананьев с сотр.), третьи — о широких возможностях целенаправленного *формирования* способностей (А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин). Много реже психологи обсуждают тему «утраты таланта» — случаи, когда одаренный молодой человек, специализирующийся в выбранной сфере деятельности, при первых и быстрых успехах — выраженных социальных знаках признания его дарования и щедрых вознаграждениях за результаты работы — становится «ремесленником», ориентированным более на количество, чем на качество своих произведений. (В художественной литературе одним из известных «расследований» этого перерождения личности, «деструкции таланта» является «Портрет» Н.В. Гоголя; в кинематографе — «Тема» Г.А. Панфилова.)

В цикле исследований под руководством В.Н. Дружинина (Дружинин, 2007) регулярно подтверждались связи проявления способностей детей с их личностными особенностями, поведением и инструкциями экспериментатора. Эффекты регулярных внешних воздействий на человека, на его развитие анализируются в рамках научного подхода «компликология». Но, вероятно, есть основания рассматривать проблему и более радикально — как прямые и обратные связи уровня проявления феномена и «вершинных» качеств личности. Так, в ряде произведений Д.А. Гранина затрагивается тема связи научных открытий и научной смелости ученого (на примерах естественных дисциплин). В психологии популярность ряда «теорий», их признание научным сообществом более объясняется не психометрической безупречностью методического инструментария, не надежными научными фактами, а статусом оппонентов, с которыми спорит ученый, прямо и решительно заявляя свою научную позицию, а также — особенностями мировоззрения пионеров науки (назовем лишь некоторых: З. Фрейд, К.Г. Юнг, Г. Олпорт, А. Маслоу, А.Н. Леонтьев, Е.А. Климов). Масштаб жизненных целей, роль барьеров и препятствий в становлении личности ученого до настоящего времени все еще остаются за «кругом понятий» проблемы способностей.

Зададим несколько вопросов:

1. Есть ли сензитивные периоды в интеграции способностей с разными личностными образованиями, и насколько они продолжительны?

2. Почему «деструкции таланта» происходят сравнительно быстро, быстрее процессов развития способностей?

И радикальный вопрос: «Гений и злодейство — / Две вещи несовместные» (А.С. Пушкин)? Что выступает ключевым условием проявления способностей как одаренности, таланта, гениальности: согласованность уровня развития личностных свойств и способностей («Способности и характер должны соотноситься, как стороны квадрата» (Наполеон Бонапарт)), степень интеграции разных качеств или «планка» компромиссов, еще приемлемых для человека?

Третье измерение возможных преобразований способностей — «*онтогенетическое*» («*возрастная*», «*продольная*» эволюция). Неизбежные изменения личностных и субъектных качеств человека в продолжение жизни есть изменения и структур его качеств. Осваивая новые трудовые функции и социальные роли, приобретая соответствующий социальный опыт, человек вместе с тем что-то утрачивает (говоря мягче, некоторые его качества и возможности снижаются). В некоторых сферах сравнительно раннее угасание одних функций оставляет возможности для реализации и даже развития других. В сфере музыки, театра, спорта ординарный специалист — музыкант-инструменталист, музыкант-вокалист, актер, спортсмен — может перейти в новое профессиональное качество, овладеть новой ролью, по-новому «раскрыться» и стать выдающимся профессионалом — педагогом, режиссером, тренером, литератором. (Так, например, в своем первом качестве — т.е. в том, к чему стремились с детских лет, направляемые задатками и выраженным интересом, — не были блистательными актерами Г.Я. Бардин, М.А. Захаров, Ю.П. Любимов, Н.С. Михалков, К.С. Станиславский, не была лучшей балериной А.Я. Ваганова, не были легендарными борцами С.А. Преображенский, Е.М. Чумаков, Я.К. Коблев, гимнастами — Р.И. Кныш и В.С. Ростоцкий, пловцами — С.М. Вайцеховский и И.М. Кошкин, но они проявили себя как яркие и выдающиеся профессионалы много позже своего первого вхождения в профессию.)

Примером глубокого изучения этого явления может послужить произведение С. Моэма «Театр». Хозяин частного театра Джимми Лэнгтон «любил играть, но... актер он был плохой. Он не мог умерить присущую ему экспансивность, и, хотя внимательно изучал и обдумывал свою роль, все они превращались в гротеск. Он утрировал каждый жест, чрезмерно подчеркивал каждое слово» (Моэм, 2021, с. 19). Другими словами, имеют место явные признаки профессиональной непригодности человека. «Но когда он вел репетицию с труппой — иное дело, тогда он не переносил никакой наигранности. Ухо Джимми было идеальное, хотя он сам и слова не мог произнести в нужной тональности, сразу замечал, если фальшивил кто-то другой» (Там же). Итак, с одной стороны — профнепригодность, с другой — «идеальный профессионал», а в целом — при глубоком понимании сути деятельности актера у человека явно блокируется «*самореференция системы*», блокируется деятельность его «*внутреннего наблюдателя*» при безупречности функций «*внешнего наблюдателя*». И в этом симптомокомплексе разных способностей-неспособностей наличествует и то, что в конце XX столетия назовут «*социально-психологическая*

компетентность». Приведем фрагмент его разговора с молодой актрисой Джулией Лэмберт: «Вам еще всему надо учиться. Ваши жесты банальны. Вы даже не догадываетесь, что каждый жест должен что-то означать. Вы не умеете заставить публику смотреть на вас до того, как вы заговорите. Вы слишком грубо накладываете грим. ...Переходите ко мне, и я сделаю вас величайшей актрисой Англии. ... Вам нужен опыт, и я — для того, чтобы вас сделать» (Там же, с. 26–27). Выделим и активность Лэнгтона в сборе и селекции информации: «Я был... рабочим сцены, актером, режиссером, рекламным агентом... критиком... Я живу среди кулис с самого детства... и то, чего я не знаю о театре, и знать не стоит» (Там же, с. 26).

«Театр» — художественное произведение, но писатель подметил в нем много примечательного: именно «бездарный» актер воспитал выдающуюся актрису; «бездарный» актер первым разглядел талант другого (скрытый вульгарностью, издержками обучения ремеслу); одинокий мужчина не соблазнился возможностью «многоуровневых» отношений с молодой актрисой, но, увидев в ней прежде всего пластичные тело, психику, профессиональную «технику», еще способные к развитию, как опытный наставник, вел ее от простых ролей к сложным, ставил новые спектакли, способствующие ее росту, не завидовал ее возрастающей славе, не ревновал и не препятствовал ее вступлению в брак с другим мужчиной. Ученица была частью учителя, его продолжением, но не его собственностью.

Художница без рук (Эме Рапен), летчик-истребитель без ног (А.П. Маресьев, Герой Советского Союза, сбил 10 самолетов: три до ампутации и семь после), однорукый борец (мастер спорта Д.В. Дашко) — такие люди воспринимаются нами как образцы неординарного мужества и жизнестойкости. Но в подобных случаях можно выделять и другие планы: широта диапазона изменения состава и структур функциональных систем; вариативность методик обучения и овладения деятельностью; возможности перестройки «техники» деятельности; убежденность человека в необходимости достижения поставленной цели и мн. др.

В контексте наших размышлений обратим внимание и на радикальные перестройки функциональных систем человека как субъекта квалифицированной деятельности. Выделим несколько важных аспектов обсуждаемой проблемы. В способностях как в функциональных системах явно различаются *два компонента*: центральный (когнитивный) и дистантный (психомоторный, двигательный, физический). В подобных возрастных метаморфозах, по существу, происходит замена собственного дистантного компонента функциональных систем субъекта на компоненты других людей. При этом радикальная замена одного из базовых компонентов способностей (психофизиологического, моторного) на управление деятельностью и развитием других людей выступает фактором развития и способностей самого субъекта — педагога, тренера, наставника. Его выход в метапозицию, использование им других людей как свое «продолжение» позволяет в то же время развиваться и ему самому.

При обращении к третьему измерению феномена актуализируются вопросы качественных трансформаций способностей, полноценности и полноты замены одних компонентов функциональных систем на другие, когда изменяются *пространство* локализации и *время* актуализации дистантных компонентов этой системы, возрастает роль *индивидуальностей* взаимодействующих субъектов. Как уже отмечалось, например, в спорте высших достижений наблюдается уникальность комбинаций «тренер — спортсмен», согласованность их личностных и психофизиологических особенностей (Толочек, 2015 и др.). Согласно нашим наблюдениям, единственные и неповторимые союзы-диады в спортивной борьбе имели выраженные темпоральные диапазоны на время встречи партнеров (30–40 лет тренеру и 6–12 лет спортсмену). В театральной деятельности, например, эти возрастные соотношения не столь жесткие, но и критерии успешности, параметров развития субъекта там иные.

К поставленным выше вопросам добавим и вопросы о роли наставника:

1. При спонтанном и целенаправленном развитии способностей у людей формируются те же структуры или разные?
2. При развитии способностей вследствие активности субъекта и вследствие активности «другого» формируются те же структуры или разные?
3. Радикальное замещение психомоторных, физических компонентов способностей поддерживается теми же когнитивными структурами или иными?
4. В профессиональном развитии партнеров диады имеет ли место самоподобие структур их способностей? И не различия ли таких структур выступают причиной чаще невысокой успешности и краткосрочности таких союзов-диад?

Еще раз вернемся к печальной статистике пятипроцентного «выхода» одаренных детей, крайне незначительной доли их самореализации как выдающихся профессионалов. С одной стороны, вероятно, это вопросы личностного развития человека, меры сочетания с личностными свойствами его способностей, которые «никак не сводятся в системе операций» (Рубинштейн, 1999, с. 547); с другой — характера взаимодействий человека с другими (когда в стадии взрослости эти взаимодействия становятся более разнообразными, интенсивными, нередко жесткими, конкурентными); в целом — уникальной способности человека «видеть себя со стороны», «прислушиваться к себе», «чувствовать свое состояние» как деятеля, «управлять собой», «развивать свой талант».

«Самореференцию системы» выделим как *четвертое измерение*. В биологии, социологии, психологии в последние годы активно разрабатываются вопросы механизмов самоконтроля сложных систем, не ограничивающихся лишь контролем, а проявляющих себя и в управлении своим функционированием с учетом изменений внутренней и внешней среды; некоторые ученые идут дальше, обсуждая механизмы самопорождения (аутопоэзиса, У. Матурана, Ф. Варела, Н. Луман и др.). Другими словами, мы должны исходить из посылки, что не только мы как «внешний наблюдатель» можем наблюдать и описывать сложные системы, но такие образования посредством особых механизмов «наблюдают» себя (уже давно в гуманитарных дисциплинах

устоялись пары понятий «внешний наблюдатель» и «внутренний наблюдатель», самореференции и референции, функции и метафункции, способности и метаспособности и т.п.). Эти аспекты сложных систем изучаются все более широко и на разном материале — А.А. Карповым, А.В. Карповым, М.А. Холодной и др. Другими словами, есть достаточно оснований говорить о самореференции феномена как возможности, вероятности говорить о наличии такой функции способностей как сложной *функциональной системы*.

Не только внешние проявления, но и сущностные свойства *способностей (темперамента, характера и других психологических образований)* равно сходно объясняли как ученые-психологи, так и успешные практики, те, кто современную психологию как предмет не изучал, кто не использовал ее психодиагностические методы — А.В. Суворов, Наполеон Бонапарт, К. Клаузевиц, Г.А. Товстоногов, М.А. Захаров и др. Если психологические системы равно сходно представляются разным людям, действующим в разных сферах, в разных жизненных ситуациях, не есть ли это аргумент в пользу их самостоятельности? Если психологические системы в продолжение десятилетий жизни человека сохраняют себя как целостность, при этом пластично специфицируясь в зависимости от условий среды и решаемых задач, и остаются при этом целым, отдельным и отличным от других феноменов, не есть ли это проявление их внутренних «скреп», саморегуляции, самоуправления?

Обсуждаемые особенности функционирования сложных психологических систем в разных аспектах — как метакачества, метаспособности — в последние десятилетия изучаются Е.В. Волковой, А.А. Карповым, А.В. Карповым, М.М. Кашаповым, М.А. Холодной и др.; в 1960–1970-е гг. эти же аспекты рассматривались отечественными учеными В.С. Мерлиным, Е.А. Климовым, Е.П. Ильиным и др. в проблематике индивидуальных стилей деятельности.

Но если психологические системы развиваются, значит ли это, что они развиваются спонтанно, «вслепую», не «зная» своих оптимальных и конечных состояний, что в процессах своего развития они следуют исключительно закономерностям воздействия внешних факторов? Скорее всего, нет. В качестве примера таких самоорганизации и самоограничения психологических систем рассмотрим «эффект плато». В процессах обучения любым сложным действиям, формирования сложных сенсомоторных навыков при регулярных повторениях и упражнениях формируемая система периодически на некоторое время «перестает реагировать» на внешние воздействия (прекращается прирост фиксируемых результатов эффективности). Другими словами, в своем становлении психологические системы периодически выходят из «подчинения» внешним факторам и некоторое время происходят их внутренние преобразования, не проявляющиеся в изменении результатов, согласно цели и активности субъекта.

Напомним и о других известных эмпирических фактах, например, о формирования *квазифункций*. В исследовании под руководством Б.Г. Ананьева (Ананьев, 2001) установлено сравнительно быстрое снижение памяти и мышления после 23–26 лет, но сопряженно с этим возможны компенсации снижения функций систем посредством формирования *профессиональной памяти*,

профессионального мышления. Поставим вопрос: подобное замещение одних психических образований другими есть исключительно следствие активности субъекта или же это могут быть параллельные процессы самореференции способностей как системы, ее преобразования при ослаблении одних элементов посредством формирования их «дублеров»? В этом же ряду метаморфоз назовем и феномен мудрости, отличающийся от интеллекта, формируемый с возрастом при определенных внутренних условиях субъекта («Мудрость — это ум, настоящий на совести» (Ф. Искандер)). К темпоральным аспектам саморегуляции систем отнесем «стажевое» снижение прироста результатов спортсмена, а не возрастное. Закономерное снижение происходит через несколько лет специализации в данном виде спорта, в каком бы возрасте он — ребенок, подросток или юноша — ни начинал бы им заниматься. Образно говоря, функциональные системы как бы «отказываются» изменяться неограниченно и бесконечно долго.

И еще вопрос: если мы называем сложные психологические феномены системой, не означает ли это и признание важной роли их внутренних связей, самодетерминаций, самоорганизации? Если психологические системы представлять не согласно канонам разработанной в 1950–1960-е гг. общей теории систем, а с учетом современных разработок проблемы, то механизмы собственной, внутренней активности биологических, психологических и социальных объектов должно признать как реальность. Обратим внимание на появившиеся в последние годы понятия, призванные объяснять эти явления: поддержание границ, структурная сопряженность, самоподобие, самодетерминация, самореференция, самопорождение, аутопоэзис.

Заключение

В новом, XXI столетии есть основания провести критический анализ едва ли не всех научных концепций, предложенных в XX столетии: истории их создания, первых результатов и выводов, доработок и основных траекторий развития, сопряженных «контекстов». «...Всякая теория, которую мы провозглашаем безусловно рациональной, тем самым наделяется пророческой силой. Мы принимаем ее в надежде, что благодаря этому нам удастся войти в соприкосновение с реальностью» (Полани, 1985, с. 23). Наша реальность изменяется. Идеологема «образование на всю жизнь» давно замещается на «образование через всю жизнь»; увеличиваются продолжительность жизни людей и стадии их ученичества, социальной нормой становятся периодические изменения ими своей деятельности. Следовательно, доминанты в понимании феномена оправданно смещать на большие временные фазы развития человека, чем его детство, на большее пространство совместной деятельности людей, а не индивидуальной. До настоящего времени интервал в объяснении способностей чаще ограничивался детством и юностью, и в отношении этих возрастов был накоплен богатый эмпирический материал, предложено множество эвристических концепций, обозначены малоизученные аспекты проблемы. Кроме того, сложившиеся парадигмы в понимании способностей и одаренности

сохраняют эвристичный потенциал, но по-прежнему ограничивают представления о феномене границами ментальности отдельного человека. Но позволено предположить, что становление и эволюция феномена происходят в большем физическом и социальном пространстве.

На основании анализа литературных источников можно резюмировать следующее: 1) эффективность деятельности и социальная успешность субъекта имеют неоднозначные связи с мерой выраженности его способностей (одаренности, таланта, гениальности); 2) проблема изучается преимущественно на выборках детей и молодежи, у которых способности проявляются в деятельности условной (обучение, увлечения и т.п.); 3) наименее изученными остаются проявления способностей в совместной деятельности профессионалов высокой квалификации; 4) в отечественной психологии более разработаны «вертикали» взаимодействия изучаемых феноменов и много слабее — «параллели» сопряженных систем, характер взаимодействия которых может изменяться; для их описания психологи все чаще используют понятие «гетерархия».

Концентрация проблемы способностей на высших достижениях человека в стадии зрелости высвечивает новые ее аспекты. Наш авторский подход предлагает *эволюционно-системное описание феномена*. Сложные психологические явления предлагается описывать в их *эволюционной* развертке — в освещении процессов филогенеза, онтогенеза, субъектогенеза, — как *эволюционирующих функциональных систем*. «Горизонтальную», «вертикальную», «онтогенетическую» эволюцию феномена и его «самореференцию» предпочтительно описывать в сопряженных между собой четырех измерениях. *Способности человека есть системный феномен, который может быть распределенным во времени и в пространстве, проявления которого определяются мерой мобилизации возможностей психики и организма, мерой интеграции способностей с другими функциональными системами; феномен, сохранность которого обеспечивается процессами саморегуляции и самовосстановления, периодическими изменениями его компонентов и структур.*

Если согласиться, что «со второй половины XIX столетия предмет психологии был задан слишком узко» (Мазиллов, 2020, с. 9), то вполне понятно, что и разрабатываемые психологами методологические и методические инструменты остаются пригодными для решения именно тех научных и социальных задач, которые вызревали в конкретное историческое время, согласно стадиям эволюции дисциплины и общества. С расширением «горизонтов видения», с продвижением в познании психологических феноменов мы можем и должны представлять более широко предмет дисциплины и предмет конкретных исследований, чтобы не ограничивать себя изначально очерченным «кругом представлений», традиций, понятий и инструментов изучения.

Литература

- Ананьев, Б. Г. (2001). *О проблемах современного человекознания*. СПб.: Питер.
- Богоявленская, Д. Б., Шадриков, В. Д., Бабаева, Ю. Д., Брушлинский, А. В., Дружинин, В. Н., Ильясов, И. И., Калиш, И. В., Лейтес, Н. С., Матюшкин, А. М., Мелик-Пашаев, А. А., Панов,

- В. И., Ушаков, В. Д., Холодная, М. А., Шумакова, Н. Б., Юркевич, В. С. (ред.). (2003). *Рабочая концепция одаренности* (2-е изд.). М.: Министерство образования РФ. [https://psychlib.ru/mgppu/rko/rko-001-.htm#\\$p1](https://psychlib.ru/mgppu/rko/rko-001-.htm#$p1)
- Волкова, Е. В. (2016). *Технологии развития ментальных ресурсов*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Дружинин, В. Н. (2007). *Психология способностей. Избранные труды*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Кабардов, М. К. (2013). *Языковые способности: психология, психофизиология, педагогика*. М.: Смысл.
- Кашапов, М. М. (2017). *Психология творческого мышления*. М.: ИНФРА-М.
- Леонтьев, А. Н. (1981). *Проблемы развития психики* (4-е изд.). М.: Изд-во Московского университета.
- Мазилов, В. А. (2020). *Предмет психологии*. Ярославль: РИО ЯГПУ.
- Моэм, С. (2021). *Театр*. М.: Изд-во АСТ.
- Олпорт, Г. (2002). *Становление личности: Избранные труды*. М.: Смысл.
- Полани, М. (1985). *Личностное знание*. М.: Прогресс.
- Росс, Л., Нисбетт, Р. (1999). *Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии*. М.: Аспект Пресс.
- Рубинштейн, С. Л. (1999). *Основы общей психологии*. СПб.: Питер.
- Теплов, Б. М. (1961). *Проблемы индивидуальных различий*. М.: Изд-во АПН РСФСР.
- Толочек, В. А. (2015). *Стили деятельности: ресурсный подход*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Толочек, В. А. (2020). Континуум «здатки-способности-профессионально важные качества-компетенции»: открытые вопросы. *Психологический журнал*, 41(4), 32–45. <https://doi.org/10.31857/S020595920010427-5>
- Толочек, В. А. (2021). *Психология труда*. СПб.: Питер.
- Толочек, В. А., Журавлева, Н. И. (2015). Динамика актуализации ресурсов субъекта на протяжении профессиональной карьеры. *Психологический журнал*, 36(1), 91–107.
- Ушаков, Д. В. (2011). *Психология интеллекта и одаренности*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Шадриков, В. Д. (2007). *Ментальное развитие человека*. М.: Аспект-Пресс.
- Шадриков, В. Д. (2019). К новой психологической теории способностей и одаренности. *Психологический журнал*, 40(2), 15–26. <https://doi.org/10.31857/S020595920002981-5>
- Юревич, А. В. (2013). *Социальная психология научной деятельности*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Allport, G. (2002). *Stanovleniye lichnosti: Izbrannyye trudy* [Formation of personality: Selected works]. Moscow: Smysl.
- Ananiev, V. G. (2001). *O problemakh sovremennogo chelovekoznaniya* [On the problems of modern human knowledge]. Saint Petersburg: Piter.

- Bogoyavlenskaya, D. B., Shadrikov, V. D., Babaeva, Yu. D., Brushlinskii, A. V., Druzhinin, V. N., Il'yasov, I. I., Kalish, I. V., Leites, N. S., Matyushkin, A. M., Melik-Pashaev, A. A., Panov, V. I., Ushakov, V. D., Kholodnaya, M. A. Shumakova, N. B., & Yurkevich, V. S. (Eds.). (2003). *Rabochaya kontseptsiya odarennosti* [Working concept of giftedness] (2nd ed.). Moscow: Ministerstvo obrazovaniya RF. [https://psychlib.ru/mgppu/rko/rko-001-.htm#\\$p1](https://psychlib.ru/mgppu/rko/rko-001-.htm#$p1)
- Druzhinin, V. N. (2007). *Psikhologiya sposobnostey. Izbrannye raboty* [Psychology of abilities. Selected works]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Kabardov, M. K. (2013). *Yazykovyye sposobnosti: psikhologiya, psikhofiziologiya, pedagogika* [Language abilities: psychology, psychophysiology, pedagogy]. Moscow: Smysl.
- Kashapov, M. M. (2017). *Psikhologiya tvorcheskogo myshleniya* [Psychology of creative thinking]. Moscow: INFRA-M.
- Leontiev, A. N. (1981). *Problemy razvitiya psikhiki* [Problems of the development of the psyche] (4th ed.). Moscow: Moscow University Press.
- Maugham, W. S. (2021). *Teatr* [Theatre]. Moscow: AST. (Original work published 1937)
- Mazilov, V. A. (2020). *Predmet psikhologii* [The subject of psychology]. Yaroslavl: YAGPU.
- Polanyi, M. (1985). *Lichnostnoye znaniye* [Personal knowledge]. Moscow: Progress. (Original work published 1958)
- Ross, L., & Nisbett, R. (1999). *Chelovek i situatsiya. Perspektivy sotsial'noy psikhologii* [The person and the situation. Prospects of social psychology]. Moscow: Aspect Press. (Original work published 1991)
- Rubinstein, S. L. (1999). *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. Saint Petersburg: Piter.
- Schaie, K. W. (2005). What can we learn from longitudinal studies of adult intellectual development? *Research in Human Development*, 2(3), 133–158. https://doi.org/10.1207/s15427617rhd0203_4
- Shadrikov, V. D. (2007). *Mental'noye razvitiye cheloveka* [Mental development of a person]. Moscow: Aspect-Press.
- Shadrikov, V. D. (2019). To new psychological theory of abilities and giftedness. *Psychological Journal*, 40(2), 15–26. <https://doi.org/10.31857/S020595920002981-5> (in Russian)
- Sternberg, R. J. (1981). Intelligence and nonentrenchment. *Journal of Educational Psychology*, 73(1), 1–16. <https://doi.org/10.1037/0022-0663.73.1.1>
- Sternberg, R. J. (1983). Components of human intelligence. *Cognition*, 15(1-3), 1–48. [https://doi.org/10.1016/0010-0277\(83\)90032-X](https://doi.org/10.1016/0010-0277(83)90032-X)
- Teplov, B. M. (1961). *Problemy individual'nykh razlichii* [Problems of individual differences]. Moscow: APN RSFSR.
- Terman, L. M. (1959). The discovery and encouragement of exceptional talent. *American Psychologist*, 9(6), 221–230.
- Tolochek, V. A. (2015). *Stili deyatel'nosti: resursnyi podkhod* [Styles of activity: resource approach]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Tolochek, V. A. (2020). Continuum of “missiles – abilities – professionally important qualities – competence”: open questions. *Psychological Journal*, 41(4), 32–45. <https://doi.org/10.31857/S020595920010427-5> (in Russian)
- Tolochek, V. A. (2021). *Psikhologiya truda* [Psychology of work]. Saint Petersburg: Piter.
- Tolochek, V. A., & Zhuravleva, N. I. (2015). Dynamic updates and actualization of subject's psychological resources throughout professional career. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 36(1), 91–107. (in Russian)

- Ushakov, D. V. (2011). *Psikhologiya intellekta i odarennosti* [Psychology of intelligence and giftedness]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Volkova, E. V. (2016). *Tekhnologii razvitiya mental'nykh resursov* [Technologies for the development of mental resources]. M.: Institute of Psychology of the RAS.
- Yurevich, A. V. (2013). *Sotsial'naya psikhologiya nauchnoy deyatel'nosti* [Social psychology of scientific activity]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ И ЕЕ ЗНАЧИМОСТЬ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕЙ МОТИВАЦИИ, ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА В СПОРТЕ

А.А. ЯКУШИНА^а, С.В. ЛЕОНОВ^а, Д.В. ПШЕНИЧНИУК^б,
Е.А. СЕДОГИН^с И.С. ПОЛИКАНОВА^а

^а *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1*

^б *Московский авиационный институт, 125993, Россия, Москва, Волоколамское ш., 4*

^с *Московский государственный университет спорта и туризма, 117519, Россия, Москва, ул. Кировоградская, д. 21, к.1*

Psychological Self-Regulation and Its Importance for the Intrinsic Motivation, Psychological Well-Being and Performance in Sport

A.A. Yakushina^a, S.V. Leonov^a, D.V. Pshenichnyuk^b, E.A. Sedogin^c, I.S. Polikanova^a

^а *Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

^б *Moscow Aviation Institute, 4 Volokolamskoe highway, Moscow, 125993, Russian Federation*

^с *Moscow State University of Sports and Tourism, 21 Bldg. 1 Kirovogradskaya Street, Moscow, 117519, Russian Federation*

Резюме

Саморегуляция является одним из основных ресурсов, способствующих продуктивной реализации деятельности и получению удовлетворения от жизни. Целью исследования было изучение роли различных аспектов саморегуляции в развитии внутренней мотивации и психологического благополучия при занятиях спортом. Для исследования различных аспектов саморегуляции была использована «Методика исследования самоуправления» Ю. Куля и А. Фурмана, для изучения выраженности внутренней мотивации — «Методика исследования мотивации в спорте»,

Abstract

Self-regulation is one of the main resources contributing to the productive realization of activity and getting satisfaction from life. The aim of the study was to investigate the role of different aspects of self-regulation in the development of intrinsic motivation to practice sports and the level of life satisfaction in athletes. To study different aspects of self-regulation, the «Self-Government Test» of J. Kuhl and A. Fuhrman was used. To study the

для диагностики степени удовлетворенности жизнью применялись «Шкала удовлетворенности жизнью» и «Шкала негативных и позитивных эмоций» Э. Динера. В исследовании приняли участие 178 спортсменов в возрасте от 17 до 33 лет ($M = 19,38$; $SD = 1,88$), имеющие звания (разряды) от юношеского до мастера спорта международного класса. Проведенный регрессионный анализ показал, что такие аспекты саморегуляции, как планирование своей деятельности, чувствительность к собственным ценностям и регуляция эмоционального состояния, способствуют более высокому уровню удовлетворенности спортсменов жизнью, а такие параметры, как развитие воли и способность к регуляции своей деятельности, значимо влияют на поддержание их внутренней мотивации к занятиям спортом. Сравнение групп с различными уровнями выраженности саморегуляции показало, что спортсмены, обладающие более высокими показателями навыка саморегуляции, характеризуются более устойчивой внутренней мотивацией к занятиям спортом и меньшей выраженностью негативных переживаний, а также чаще испытывают положительные эмоции. Кроме того, было впервые продемонстрировано, что наиболее развитые показатели волевой регуляции характерны для спортсменов на начальном и профессиональном уровнях мастерства, по сравнению с теми, кто находится на промежуточном этапе. Установлено, что саморегуляция является одним из важнейших ресурсов спортсмена, имеющих значение не только для повышения эффективности его деятельности и улучшения профессиональных результатов, но и для ощущения благополучия жизни в целом.

Ключевые слова: психология спорта, спортсмены, саморегуляция, волевая регуляция, спортивная мотивация, внутренняя мотивация, удовлетворенность жизнью, психологическое благополучие.

Якушина Анастасия Александровна – преподаватель, кафедра психологии образования и педагогики, факультет психологии, МГУ имени М.В. Ломоносова.

Сфера научных интересов: психология спорта, перфекционизм, мотивация в спорте, саморегуляция, использование технологий в ВР в спорте. Контакты: anastasia.ya.au@yandex.ru

Леонов Сергей Владимирович – доцент, кафедра методологии психологии, факультет психологии,

level of intrinsic motivation «The Sport Motivation Scale» was used. The «Life Satisfaction Scale» and «The Negative and Positive Emotion Scale» by E. Diener were used to test the degree of life satisfaction. The research involved 178 athletes aged from 17 to 33 years ($M = 19,38$; $SD = 1,88$), having titles from junior to Master of Sports International Class. Regression analysis showed that aspects of self-regulation such as planning, sensitivity to own values and emotional regulation in athletes contribute to a higher level of life satisfaction. A comparison of groups with different levels of self-regulation showed that athletes with higher levels of self-regulation skill are characterized by a more stable internal motivation to do sports and less expression of negative experiences; they experience positive emotions more often. In addition, it has been demonstrated that the most developed indicators of volitional regulation are characteristic of athletes at the initial and professional level of skill, as compared to those who are at the intermediate stage. Thus, self-regulation is one of the most important resources of athletes, important not only for their professional performance, but for a sense of well-being and life satisfaction.

Keywords: sport psychology; athletes; self-regulation; volitional regulation; sports motivation; intrinsic motivation; life satisfaction; psychological well-being.

Anastasia A. Yakushina – Lecturer, Department of Educational Psychology and Pedagogy, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University. Research Area: sports psychology, perfectionism, motivation in sports, self-regulation, the use of VR technologies in sports. E-mail: anastasia.ya.au@yandex.ru

Sergey V. Leonov – Associate professor, Department of Methodology of

МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: психология спорта, использование технологий в ВР в спорте, образное представление в спорте, саморегуляция.

Контакты: svleonov@gmail.com

Пшеничнюк Диана Владимировна – научный сотрудник, доцент, кафедра 920 «Социология, психология и социальный менеджмент», Московский авиационный институт, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: психология образования, мотивация, когнитивный компонент навыка.

Контакты: psdiana@yandex.ru

Седогин Евгений Алексеевич – преподаватель, Институт среднего профессионального образования, Московский государственный университет спорта и туризма.

Сфера научных интересов: психология спорта, обучение спортсменов, обучение двигательным навыкам.

Контакты: sadyugin@yandex.ru

Поликанова Ирина Сергеевна – старший научный сотрудник, лаборатория «Психология профессий и конфликта», факультет психологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: психология спорта, психофизиология, обучение двигательным навыкам, использование технологий в ВР в спорте.

Контакты: irinapolikanova@mail.ru

Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, PhD in Psychology.

Research Area: sports psychology, the use of VR technologies in sports, mental imagery in sports, self-regulation.

E-mail: svleonov@gmail.com

Diana V. Pshenichnyuk – Associate professor, Department 920 «Sociology, Psychology and Social Management», Moscow Aviation Institute, PhD in Psychology.

Research Area: educational psychology, motivation, cognitive component of skill.

E-mail: psdiana@yandex.ru

Evgeny A. Sedogin – Lecturer, Institute of Secondary Professional Education, Moscow State University of Sports and Tourism.

Research Area: sports psychology, athlete training, motor skill learning.

E-mail: sadyugin@yandex.ru

Irina S. Polikanova – Senior Research Fellow, Psychology of professions and conflict Laboratory, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, PhD in Psychology.

Research Area: sports psychology, psychophysiology, motor skill learning, the use of VR technologies in sports.

E-mail: irinapolikanova@mail.ru

В спорте для достижения высоких результатов очень важно обладать не только физическими способностями, но и сформированными навыками саморегуляции (Сагова, Шаяфетдинова, 2019; Englert et al., 2020). Под саморегуляцией в широком ключе понимается способность контролировать свои поведенческие и эмоциональные реакции, а также возможность планировать цели и совершать важные для их достижения действия (Zimmerman, 2000; Моросанова, 1995). Саморегуляция позволяет людям адаптироваться к их социальному и физическому окружению и, следовательно, считается ключевым процессом в психологическом функционировании (Schmeichel, Baumeister, 2004; Зейгарник и др., 1989; Соловьева, 2019).

Одной из наиболее интегральных моделей саморегуляции является модель Ю. Куля, основанная на теории взаимодействия личностных систем (personality systems interactions) (Kuhl, 2000). Согласно данной модели, иерархически

более высоким и включающим в себя различные способы регуляции своего собственного поведения выступает понятие «самоуправление» (Kuhl et al., 2006). Оно понимается как источник волевого поведения и включает в себя не просто способность заставить себя что-то делать, но и способность договориться с собой, услышать себя, выделить и следовать тому, что важно и полезно для себя (Ibid.). В структуру модели самоуправления входят следующие компоненты:

- саморегуляция как способность придерживаться важных для себя целей и продолжать активность в сторону их достижения, регулируя при этом свое эмоциональное состояние;
- самоконтроль как способность к планированию и ориентации на цель даже в стрессогенных условиях, когда приходится преодолевать тревогу;
- развитие воли как способность мобилизовать силы для начала действий и концентрации на важном;
- чувствительность к себе как способность к конгруэнтности собственным чувствам и ценностям и готовность действовать в соответствии с тем, что важно именно тебе;
- готовность к конструктивному разрешению проблем в сложных ситуациях, связанных с преодолением сильного давления (общая жизненная конструктивная стресс-реакция).

Различные компоненты саморегуляции взаимосвязаны с внутренней мотивацией реализации деятельности, которая, по Э. Деси и Р. Райану, понимается как стремление человека выполнять деятельность ради нее самой и получение удовольствия от ее выполнения (Deci, Ryan, 2008; Гордеева, 2014). Также отмечается взаимосвязь различных компонентов саморегуляции с психологическим благополучием, основными составляющими которого выступают удовлетворенность жизнью (когнитивный компонент) и переживание позитивных и негативных эмоций (эмоциональный компонент) (Diener, Ryan, 2009; Рассказова и др., 2018; Rodríguez et al., 2022; van Genugten et al., 2017; Fomina et al., 2020). Так, например, в исследовании Я. Хофера, Х. Буша и И. Кертнера было показано, что студенты университетов с более высоким уровнем саморегуляции обладают более высокими показателями психологического благополучия (Hofer et al., 2011). Было также установлено, что врачи с более высокой способностью к саморегуляции имеют более высокий уровень психологического благополучия и позитивного аффекта по сравнению с теми, у кого этот показатель ниже (Simon, Durand-Bush, 2014). Выяснилось также, что межличностные отношения у студентов с повышенным самоконтролем лучше, чем у тех, у кого уровень самоконтроля снижен (Tangney et al., 2014). Саморегуляция относится к способности человека планировать, контролировать, оценивать и адаптировать свои мысли, чувства и поведение.

Согласно результатам исследования связи саморегуляции и психологического благополучия на выборке профессиональных спортсменов, характер их реакции на недостижимую цель связан с их благополучием в период до и после соревнований. Волевая регуляция и повторное достижение цели положительно повлияли на самочувствие, в то время как отказ от достижения цели отрицательно повлиял на настроение и состояние спортсменов (Nicholls et al., 2016).

Можно заметить, что уровень психологического благополучия спортсмена связан с мотивационным уровнем саморегуляции (Ibid.). Изначально у молодых спортсменов внутренняя мотивация побуждает их к участию в соревнованиях и может привести их к успеху, но соревновательный характер спортивной деятельности приводит к смещению в сторону внешних форм мотивации. Этот мотивационный сдвиг сопровождается изменениями в компетенциях саморегуляции, особенно в планировании и самоконтроле. С повышением мастерства и с появлением высоких достижений возрастает уверенность спортсменов в своих силах, что способствует совершенствованию их компетенций саморегуляции и мотивационных регуляций (Jordalen et al., 2019). Результаты исследования Н. Дюбук-Шарбонно и Н. Дюран-Буш свидетельствуют о том, что интервенции, направленные на повышение способности к саморегуляции, а именно способности к планированию, контролю и адаптации своих чувств, мыслей и действий, не только приводят к уменьшению стресса и выгорания, но и повышают субъективное благополучие студентов-спортсменов (Dubuc-Charbonneau, Durand-Bush, 2015).

Кроме того, результаты многих исследований обнаруживают значимую связь между показателями саморегуляции и внутренней мотивацией. Так, исследование В.И. Моросановой и соавторов показало, что более развитая способность к саморегуляции способствует более устойчивой внутренней мотивации учения и лучшей адаптации условиям учебной действительности (Моросанова и др., 2012). Результаты исследования Д.Г. Шамаева демонстрируют значимые связи между высоким уровнем самостоятельности и мотивацией достижения воспитанников кадетской школы (Шамаев, 2021). Результаты исследования П. Паулино с соавт. показывают, что способность к постановке значимой цели и следование ей важны для регулирования мотивации к обучению (Paulino et al., 2016). Саморегуляция мотивации позволяет студентам мотивировать себя, направляет их поведение и, таким образом, становится частью процесса саморегуляции. Некоторые авторы отмечают, что автономная внутренняя мотивация связана с такими показателями саморегуляции, как самоконтроль (Briki et al., 2015; Briki, 2016), планирование действий для реализации целей (Koestner et al., 2008) и способность к преодолению препятствий (Milyavskaya et al., 2015). Р. Лопес с соавт. (Lopez et al., 2016) в своем исследовании при использовании фМРТ продемонстрировали связь между внутренней мотивацией, позитивным настроением и активностью нижней лобной области мозга, которая связана с ингибиторным контролем, что позволяет предположить, что автономная мотивация связана с планированием целей и контролем поведения. В работе Дж. Гоффены и Т. Хорны было установлено, что при изучении саморегуляции и ее динамики у спортсменов индивидуальных и групповых видов спорта особое внимание стоит уделять поведению их тренеров и влиянию этого поведения на данные процессы. Кроме того, тренеры, которые воспринимаются спортсменами как понимающие и поддерживающие их автономию, оказывают положительное влияние на уровень их саморегуляции, благополучия и внутренней мотивации, в отличие от тренеров, воспринимающихся как контролирующие (Goffena, Horn, 2021).

Важно отметить, что параметры саморегуляции могут различаться у спортсменов в зависимости от уровня их профессионального мастерства (Cleary, Zimmerman, 2001; Englert et al., 2020). Например, А. Китсантас и Б. Циммерман оценивали развитие саморегуляции у профессионалов, любителей и начинающих волейболистов при тренировке волейбольной подачи. Было показано, что профессионалы имеют более разработанный план тренировки и более четкое представление о стратегиях, которые они будут использовать, по сравнению с новичками и любителями (Kitsantas, Zimmerman, 2002). В исследовании Т. Туринга с соавт. была изучена взаимосвязь между саморегуляцией и уровнем мастерства у профессиональных и непрофессиональных юных футболистов в возрасте 11–17 лет. В результате выяснилось, что профессиональные игроки лучше умеют оценивать свои сильные и слабые стороны, а также в более высокой степени обладают навыками планирования деятельности. Кроме того, профессионалы готовы вкладывать больше усилий в тренировки и соревнования. Более развитые навыки саморегуляции могут создавать более эффективную среду обучения, что приведет к достижению высоких результатов (Toering et al., 2009).

Соотнося различные подходы к определению понятия «саморегуляция» и его структуры с интегральной моделью саморегуляции Ю. Куля, описанной выше, мы можем говорить о достаточно высокой универсальности этой модели: она включает не только отдельные компоненты содержания понятия «саморегуляция», обнаруженные и другими авторами (например, способность к планированию, способность к регуляции поведения, способность к переживанию и совладанию с эмоциональными реакциями), но и демонстрирует факторные связи рассматриваемого понятия с близкими по содержанию феноменами — психологического благополучия и мотивации к деятельности. Наибольший интерес представляет соотношение понятий «самоуправление» по модели Ю. Куля и собственно саморегуляции как способности к следованию целям с помощью регуляции эмоционального состояния и поведения. За компонент поведения в рассматриваемой модели отвечает способность самоконтроля, однако характеристики компонентов самоуправления в модели Ю. Куля достаточно близки по своему содержанию, поэтому авторы данной статьи предлагают объединить компоненты и рассматривать самоуправление как высшую степень развития саморегуляции. Стоит отметить, что в результате теоретического анализа нами было отмечено отсутствие исследований, применяющих интегральную модель саморегуляции Ю. Куля в области спортивной психологии. В связи с этим нам представляется актуальным рассмотреть возможность ее применения для исследования особенностей саморегуляции у спортсменов, а также взаимосвязи различных параметров самоуправления с психологическим благополучием и мотивацией спортсменов.

Таким образом, целями нашего исследования являются изучение роли различных аспектов самоуправления в развитии внутренней мотивации и психологического благополучия спортсменов, а также выявление различий в уровне развития саморегуляции в зависимости от профессионального мастерства спортсменов.

Были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Существуют значимые различия в развитии уровня саморегуляции спортсменов различного профессионального уровня.
2. Существуют значимые различия в показателях психологического благополучия спортсменов с разным уровнем развития навыков саморегуляции.
3. Существуют значимые различия в развитии внутренней мотивации спортсменов с разным уровнем развития навыков саморегуляции.

Методы

Использовались следующие методики:

- «Шкала удовлетворенности жизнью» (Осин, Леонтьев, 2008), состоящая из пяти вопросов, оцениваемых по шкале Лайкерта от 1 до 7;
- «Шкала негативных и позитивных эмоций» Э. Динера (Рассказова, Лебедева, 2020), включающая двенадцать описаний состояния (шесть позитивных и шесть негативных), оцениваемых по шкале Лайкерта от 1 («очень редко или никогда») до 5 («очень часто или постоянно»);
- методика исследования спортивной мотивации (Бочавер и др., 2023), состоящая из двадцати утверждений, каждое из которых можно оценить по шкале Лайкерта от 1 («совсем не соответствует») до 5 («вполне соответствует»), и измеряющая мотивацию внутреннюю, интегрированную, идентифицированную, интроецированную, внешнюю и амотивацию (мы измеряли внутреннюю мотивацию);
- методика исследования самоуправления Ю. Куля и А. Фурмана (Митина, Рассказова, 2019), состоящая из пятидесяти двух вопросов и таких шкал, как «Саморегуляция», «Самоконтроль», «Развитие воли», «Чувствительность к себе» и «Общий жизненный стресс».

Первая и вторая из названных методик направлены на изучение основных компонентов психологического благополучия в соответствии с моделью Э. Динера (Diener, Ryan, 2009).

В исследовании приняли участие 178 респондентов в возрасте от 17 до 33 лет ($M = 19.38$; $SD = 1.88$), 108 мужчин и 70 женщин, имеющие следующие спортивные разряды: юношеский (48 человек), взрослый/спортивный (78 человек), КМС (35 человек), МС и МСМК (17 человек). Они были представителями следующих видов спорта: бадминтон (15), баскетбол (17), бокс (6), велоспорт (7), волейбол (40), вольная борьба (20), гандбол (4), плавание (16), легкая атлетика (5), лыжные гонки (10), теннис (10), футбол (4), хоккей (12), тхэквондо (3), триатлон (3), фигурное катание (6). На момент прохождения исследования все участники исследования занимались спортом либо на профессиональном, либо на любительском уровне, все имели опыт участия в соревнованиях.

Данное исследование проводилось в соответствии с этическими принципами, утвержденными Российским психологическим обществом (РПО). Каждый испытуемый в индивидуальном порядке заполнял указанные методики, представленные в форме Google-опроса. Перед началом диагностики участники давали согласие на прохождение методик и обработку полученных данных.

Применение опросников осуществлялось либо в присутствии интервьюера для ответа на вопросы участников исследования, либо в присутствии тренера, после согласования с исследователями. Примерное время заполнения анкеты составляло 30 минут.

Результаты

Результаты были обработаны в IBM SPSS Statistics 22 [rus] и Microsoft Excel 2010. На первом этапе анализа данных мы провели проверку выборки на нормальное распределение (критерий Колмогорова—Смирнова). Согласно полученным результатам, распределение носит смешанный характер, в связи с чем в дальнейшем были использованы непараметрические критерии анализа.

Различия в уровне развития компонентов самоуправления в зависимости от спортивной квалификации

С помощью критерия Краскела—Уоллиса был проведен анализ различий по параметрам самоуправления у спортсменов, имеющих разный уровень мастерства (см. таблицу 1). В результате было показано, что во всех группах существуют значимые различия по уровню развития воли. Наибольшие показатели по данному параметру самоуправления демонстрируют спортсмены с юношеским разрядом и мастера спорта. Спортсмены, имеющие различные виды взрослого разряда и кандидаты в мастера спорта, демонстрируют средний уровень развития воли. Различий по другим параметрам самоуправления относительно уровня квалификации спортсменов обнаружено не было.

Различия в показателях удовлетворенности жизнью и внутренней мотивации у спортсменов с различным уровнем самоуправления

Для определения профилей саморегуляции спортсменов был проведен кластерный анализ по параметрам самоуправления (методика Ю. Куля и А. Фурмана).

Таблица 1

Различия по параметру самоуправления «Развитие воли» у спортсменов различного уровня квалификации

Уровень мастерства	Количество	Средние и стандартное отклонение	Н-критерий Краскела—Уоллиса, значимость
Юношеские разряды	48	M = 40.67, SD = 3.05	H = 16.136, p = 0.003
Взрослые разряды	78	M = 32.13, SD = 4.64	
Кандидаты в мастера спорта	35	M = 32.40, SD = 5.57	
Мастера спорта	17	M = 37.12, SD = 6.63	

В результате было выделено два кластера (кластеризация К-средними). Оценка достоверности различий между кластерами проводилась с применением U-критерия Манна—Уитни (см. таблицу 2).

В результате были выявлены значимые различия в средних значениях двух кластеров. В кластер «Высокий уровень самоуправления» вошел 81 спортсмен с такими высокими относительно выборки показателями самоуправления, как «Саморегуляция», «Развитие воли», «Чувствительность к себе» и «Самоконтроль», и более низким значением показателя «Общий жизненный стресс» (шкала для диагностики данного параметра является обратной). Таким образом, в данный кластер вошли респонденты, которые в большей степени способны придерживаться важных для себя целей и концентрироваться на них, несмотря на трудности.

В кластер «Низкий уровень саморегуляции» вошли 97 спортсменов с более низкими показателями по вышеперечисленным параметрам самоуправления и более высоким показателем по параметру «Общий жизненный стресс», т.е. те, кто в меньшей степени относительно остальной выборки способен концентрироваться на важных для себя целях и ориентироваться на них при возникновении стресса и трудностей.

Далее был проведен анализ результатов сравнения средних (U-критерий Манна—Уитни), который показал значимые различия в таких параметрах, как удовлетворенность жизнью, наличие позитивных и негативных переживаний в жизни, а также внутренняя мотивация (см. таблицу 3). Было установлено, что спортсмены с более высокими показателями самоуправления в большей степени удовлетворены своей жизнью и у них более устойчивая внутренняя мотивация к занятиям спортом.

Взаимосвязь параметров самоуправления, психологического благополучия и внутренней мотивации спортсменов

Для определения данной взаимосвязи был проведен корреляционный анализ (Ро-критерий Спирмена). Выявлены значимые положительные корреляции

Таблица 2

Уровни самоуправления, выделенные в результате кластерного анализа

	Низкий уровень самоуправления		Высокий уровень самоуправления		Достоверность различий
	М	SD	М	SD	
Саморегуляция	33.94	5.649	35.47	9.067	U = 3048, p = 0.01
Развитие воли	29.46	4.564	36.22	4.977	U = 2653, p < 0.001
Чувствительность к себе	25.98	5.168	39.54	5.172	U = 1107.5, p < 0.001
Общий жизненный стресс	20.73	4.222	13.20	4.066	U = 101.5, p < 0.001
Самоконтроль	20.21	2.449	21.46	3.095	U = 736, p < 0.001
N	97		81		

между такими параметрами самоуправления, как «Саморегуляция», «Самоконтроль», «Развитие воли» и «Чувствительность к себе», и двумя показателями психологического благополучия («Удовлетворенность жизнью» и «Позитивные переживания»). С таким показателем психологического благополучия, как «Негативные переживания», параметры самоуправления связаны отрицательно (см. таблицу 4). Таким образом, у спортсменов с более развитыми способностями к управлению своим поведением, к планированию и к мобилизации своих ресурсов при столкновении с трудностями более выражены ощущение удовлетворенности жизнью и переживание положительных эмоций. В то же время такие спортсмены реже фокусируются на негативных переживаниях.

Кроме того, были выявлены значимые корреляции всех параметров самоуправления с внутренней мотивацией к занятиям спортом (см. таблицу 4).

Таблица 3

Результаты сравнения показателей удовлетворенности жизнью, позитивных и негативных переживаний и внутренней мотивации у спортсменов с различным уровнем самоуправления

	Низкий уровень самоуправления		Высокий уровень самоуправления		Достоверность различий
	М	SD	М	SD	
Удовлетворенность жизнью	4.73	1.095	5.13	1.364	$U = 3062.5, p = 0.011$
Позитивные переживания	3.83	0.688	4.06	0.714	$U = 3071.5, p = 0.012$
Негативные переживания	2.60	0.815	2.02	0.656	$U = 2187, p < 0.001$
Внутренняя мотивация	4.18	0.952	4.58	0.836	$U = 2699, p < 0.001$

Таблица 4

Результаты анализа корреляции параметров самоуправления и показателей психологического благополучия с внутренней мотивацией

	Само-регуляция	Само-контроль	Развитие воли	Чувствительность к себе	Общий жизненный стресс
Удовлетворенность жизнью	0.457**	0.166*	0.236**	0.196**	-0.080
Позитивные переживания	0.361**	0.200**	0.336**	0.269**	-0.162*
Негативные переживания	-0.315**	0.213**	-0.363**	-0.499**	0.419**
Внутренняя мотивация	0.313**	0.098	0.424**	0.310**	-0.173*

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

На основании полученных корреляций для определения вклада параметров самоуправления в удовлетворенность жизнью спортсменов был проведен множественный регрессионный анализ, осуществлена z-стандартизация данных. Зависимой переменной (критерием) выступил общий показатель удовлетворенности жизнью, а предикторами (независимыми переменными) — различные показатели самоуправления. Было выявлено, что параметры «Саморегуляция» и «Чувствительность к себе» на 22.7% вносят вклад в показатель удовлетворенности жизнью у спортсменов (см. таблицу 5). Значимого вклада данного показателя в другие параметры психологического благополучия на данной выборке спортсменов обнаружено не было.

Согласно полученной регрессионной модели, именно конгруэнтность собственным чувствам и способность регулировать уровень активности, необходимый для достижения поставленных целей, являются наиболее значимыми предикторами чувства удовлетворенности жизнью как одной из составляющих психологического благополучия у спортсменов (см. таблицу 5).

Также на основании результатов корреляционного анализа был проведен регрессионный анализ, где в качестве зависимой переменной (критерия) выступил общий показатель внутренней мотивации, а предикторами (независимыми переменными) — различные показатели самоуправления. Было выявлено, что параметры «Развитие воли» и «Саморегуляция» на 16.9% вносят вклад в показатель внутренней мотивации к занятиям спортом (см. таблицу 6).

Согласно полученной модели, совместное влияние способности регулировать уровень своей активности в соответствии с поставленными целями и достигать высоких результатов, несмотря на возникающие трудности, позволяет спортсменам поддерживать оптимальный уровень внутренней мотивации и продолжать свою спортивную деятельность.

Таблица 5

**Результаты регрессионного анализа для показателя
«Удовлетворенность жизнью»**

	B	p	R²	F	Критерий Дурбина—Уотсона
(Константа)	1.554	0.002	0.227	25.624	1.884
Саморегуляция	0.073	0.000			
Чувствительность к себе	0.026	0.007			

Таблица 6

Результаты регрессионного анализа для показателя «Внутренняя мотивация»

	B	p	R²	F	Критерий Дурбина—Уотсона
(Константа)	1.878	0.000	0.169	18.998	1.726
Развитие воли	0.054	0.000			
Саморегуляция	0.021	0.020			

Обсуждение результатов

В результате проведенного исследования было выявлено, что более высокие показатели развития воли характерны для спортсменов с юношеским разрядом и мастеров спорта. Можно предположить, что получение первых разрядов стимулирует развитие концентрации на важном и инициативности, которые помогают достигать высоких результатов и в дальнейшем. В то же время высокие показатели волевой активности присущи спортсменам, имеющим звание мастера спорта и мастера спорта международного класса. Это может свидетельствовать о том, что развитые показатели воли способны выступать фактором, способствующим достижению результатов и преодолению трудностей. Полученные данные согласуются с результатами предыдущих исследований, демонстрирующих важность волевой регуляции для достижения поставленных целей (Toering et al., 2009; Cleary, Zimmerman, 2001; Reverberi et al., 2021). Тем самым, на наш взгляд, для повышения профессионального мастерства спортсменов представляется актуальным не только улучшать физические показатели, но и укреплять волевые качества, такие как способность препятствовать внешним и внутренним раздражителям, мешающим достижению цели, способность поддерживать запас энергии для воплощения намерения в действие и продолжать реализацию задачи, несмотря на возникающие трудности и неудачи.

Было обнаружено, что спортсмены с высокими показателями самоуправления в большей степени удовлетворены своей жизнью и чаще переживают положительные эмоции, чем спортсмены с низкими показателями самоуправления. Такие показатели способности к самоуправлению, как «чувствительность к себе» и «саморегуляция», оказывают значимое влияние на чувство удовлетворенности жизнью. Спортсмен, способный, с одной стороны, к планомерной постановке целей и поэтапному продвижению к ним, а с другой — готовый к конструктивному преодолению и разрешению проблем, а также к регуляции своих эмоций, будет чувствовать больше удовлетворения и положительных эмоций в жизни.

Данные результаты согласуются с результатами многих исследований, подтверждающих значимость навыков управления собой в оценке субъективного психологического благополучия людей различных профессий, в том числе спортсменов (To et al., 2021; Guilmette et al., 2019). Однако, согласно концепции Ю. Куля, причиной нарушения процессов саморегуляции могут быть и внутриличностные конфликты, что может привести к потере внутренней мотивации деятельности и снижению психологического благополучия. В связи с этим важно отметить, что взаимосвязь различных параметров саморегуляции и психологического благополучия носит более сложный характер и требует более глубокого и детального изучения.

Кроме того, в ходе исследования было продемонстрировано, что у спортсменов с более развитыми навыками самоуправления в большей степени выражена внутренняя спортивная мотивация. В связи с этим можно предположить, что спортсмены, лучше владеющие навыками поведенческой и эмо-

циональной саморегуляции, в большей степени будут заниматься спортом для получения положительных эмоций и ради стремления к самосовершенствованию. Также в результате корреляционного и регрессионного анализов было показано, что такие способности к самоуправлению, как «развитие воли» и «саморегуляция», положительно влияют на показатель внутренней мотивации у спортсменов. На основании полученных данных можно предположить, что спортсмены, которые способны управлять своим поведением в соответствии с предъявляемыми требованиями и продолжать свою активность вопреки внешним и внутренним препятствиям, будут в большей степени ориентироваться на свои собственные ценности и желания и, соответственно, иметь более устойчивые основания для занятия спортом. Таким образом, высокие показатели самоуправления способствуют формированию внутренних мотивов и ориентиров для занятия спортивной деятельностью (Paulino et al., 2016; Jordalen et al., 2019).

В качестве ограничений исследования стоит отметить, что выборка носит достаточно разнородный характер, не учитывает этап становления профессионального мастерства и соревновательный опыт. В связи с этим полученные результаты носят обобщенный характер и могут быть использованы практически лишь при условии учета индивидуальных особенностей спортсменов.

Актуальным направлением дальнейших исследований может быть изучение более сложных связей между внутренней мотивацией, психологическим благополучием и саморегуляцией спортсменов, а также выделение медиаторов, которые опосредуют полученные взаимосвязи и оказывают влияние на них.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования было установлено, что спортсмены с более высокими показателями самоуправления в большей степени удовлетворены своей жизнью и у них более устойчивая внутренняя мотивация к занятиям спортом. Здесь, как и в самой модели Ю. Куля, прослеживаются факторные связи исследуемой способности к саморегуляции и мотивации к спортивной деятельности. В дополнение к связи с мотивацией к спортивной деятельности, на выборке нашего исследования установлено, что такой компонент, как «чувствительность к себе» (из модели Ю. Куля), значимо связан с чувством удовлетворенности жизнью как одной из составляющих психологического благополучия. Таким образом, мы имеем возможность дополнительно показать, что выбранная в качестве основной модель Ю. Куля действительно включает все аспекты содержания понятия «саморегуляция» в самом широком смысле и еще и указывает на факторные связи этого психологического феномена с другими.

Кроме того, результаты данного исследования продемонстрировали, что наиболее высокие показатели развития волевой сферы демонстрируют спортсмены, достигшие высоких результатов (побед на международных соревнованиях, званий МС и МСМК), а также начинающие спортсмены, тогда как

спортсмены, занимающиеся достаточно долго, но не показывающие высоких результатов, характеризуются недостаточно высокими показателями по данному параметру.

Полученные результаты могут быть использованы в определении возможностей для повышения мотивации спортсменов к занятиям спортом и их психологического благополучия, для развития у них навыков саморегуляции с целью достижения высоких результатов и повышения эффективности деятельности.

Литература

- Бочавер, К. А., Бондарев, Д. В., Довжик, Л. М. (2023). *Психологическая диагностика в спорте*. М.: Спорт.
- Гордеева, Т. О. (2014). Базовые типы мотивации деятельности: потребностная модель. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 3, 63–78.
- Зейгарник, Б. В., Холмогорова, А. Б., Мазур, Е. С. (1989). Саморегуляция поведения в норме и патологии. *Психологический журнал*, 10(2), 122–131.
- Митина, О. В., Рассказова, Е. И. (2019). Методика исследования самоуправления Ю. Куля и А. Фурмана: психометрические характеристики русскоязычной версии. *Психологический журнал*, 40(2), 111–127. <https://doi.org/10.31857/S020595920004061-3>
- Моросанова, В. И. (1995). Индивидуальный стиль саморегуляции в произвольной активности человека. *Психологический журнал*, 4, 26–35.
- Моросанова, В. И., Цыганов, И. Ю., Ванин, А. В., Филиппова, Е. В. (2012). Взаимосвязь мотивации и осознанной саморегуляции учения. *Психологические исследования*, 5(24). <https://doi.org/10.54359/ps.v5i24.763>
- Осин, Е. Н., Леонтьев, Д. А. (2008). Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия. В кн. *Материалы III Всероссийского социологического конгресса*. М.: Ин-т социологии РАН; Российское общество социологов. <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/pjuun7fz60/direct/78753837>
- Рассказова, Е. И., Лебедева, А. А. (2020). Скрининговая шкала позитивных и негативных переживаний Э. Динера: апробация русскоязычной версии. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 17(2), 250–263. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-2-250-263>
- Рассказова, Е. И., Леонов, С. В., Ениколопова, Е. В. (2018). Психологическая саморегуляция, субъективное благополучие и копинг-стратегии у профессиональных спортсменов. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 11(4), 24–38.
- Сагова, З. А., Шаяфетдинова, Р. Р. (2019). Целеполагание как метод саморегуляции деятельности спортсменов-кёрлингистов с разным уровнем предсоревновательной тревожности. *Национальный психологический журнал*, 3(35), 113–124. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0312>
- Соловьева, С. Л. (2019). Психическая саморегуляция. Пособие по самопомощи (начало). *Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика*, 7(4(26)). http://medpsy.ru/climp/2019_4_26/article05.php
- Шамаев, Д. Г. (2021). Мотивация достижения и саморегуляция поведения воспитанников кадетской школы. *Дифференциальная психология и психофизиология сегодня: способности, образование, профессионализм*, 1(1), 281–284. <https://doi.org/10.24412/cl-36667-2021-1-281-284>

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Bochaver, K. A., Bondarev, D. V., & Dovzhik, L. M. (2023). *Psikhologicheskaya diagnostika v sporte* [Psychological diagnostics in sports]. Moscow: Sport.
- Briki, W. (2016). Motivation toward physical exercise and subjective wellbeing: The mediating role of trait self-control. *Frontiers in Psychology, 7*, Article 1546. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01546>
- Briki, W., Aloui, A., Bragazzi, N. L., Chaouachi, A., Patrick, T., & Chamari, K. (2015). Trait self-control, identified-introjected religiosity and health-related- feeling sin healthy Muslims: a structural equation model analysis. *PLoS ONE, 10*, Article e0126193. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0126193>
- Cleary, T. J., & Zimmerman, B. J. (2001). Self-regulation differences during athletic practice by experts, non-experts, and novices. *Journal of Applied Sport Psychology, 13*, 185–206.
- Deci, E. L., & Ryan, R. M. (2008). Self-determination theory: a macrotheory of human motivation, development and health. *Canadian Psychology, 49*, 182–185. <https://doi.org/10.1037/a0012801>
- Diener, E., & Ryan, K. (2009). Subjective well-being: a general overview. *South African Journal of Psychology, 39*, 391–406.
- Dubuc-Charbonneau, N., & Durand-Bush, N. (2015). Moving to action: The effects of a self- regulation intervention on the stress, burnout, well-being, and self-regulation capacity levels of university student-athletes. *Journal of Clinical Sport Psychology, 9*(2), 173–192. <https://doi.org/10.1123/jcsp.2014-0036>
- Englert, C., Dziuba, A., Wolff, W., & Giboin, L. S. (2020). An investigation of the effects of self-reported self-control strength on shooting performance. *Psychology of Sport and Exercise, 52*, Article 101839. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2020.101839>
- Fomina, T., Burmistrova-Savenkova, A., & Morosanova, V. (2020). Self-regulation and psychological well-being in early adolescence: A two-wave longitudinal study. *Behavioral Sciences, 10*(3), Article 67. <https://doi.org/10.3390/bs10030067>
- Goffena, J. D., & Horn, T. S. (2021). The relationship between coach behavior and athlete self-regulated learning. *International Journal of Sports Science & Coaching, 16*(1), 3–15.
- Gordeeva, T. O. (2014). Basic types of motivation of the human activity: Need-based model. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Lomonosov Psychology Journal], 3*, 63–78. (in Russian)
- Guilmette, M., Mulvihill, K., Villemaire-Krajden, R., & Barker, E. T. (2019). Past and present participation in extracurricular activities is associated with adaptive self-regulation of goals, academic success, and emotional well-being among university students. *Learning and Individual Differences, 73*, 8–15.
- Hofer, J., Busch, H., & Kärtner, J. (2011). Self-regulation and well-being: The influence of identity and motives. *European Journal of Personality, 25*, 211–224. <https://doi.org/10.1002/per.789>
- Jordalen, G., Lemyre, P.-N., & Durand-Bush, N. (2019). Interplay of motivation and self-regulation throughout the development of elite athletes. *Qualitative Research in Sport, Exercise and Health, 12*(3), 377–391. <https://doi.org/10.1080/2159676X.2019.1585388>
- Kitsantas, A., & Zimmerman, B. J. (2002). Comparing self-regulatory processes among novice, nonexpert, and expert volleyball players: A microanalytic study. *Journal of Applied Sport Psychology, 14*, 91–105. <https://doi.org/10.1080/10413200252907761>
- Koestner, R., Otis, N., Powers, T.A., Pelletier, L., & Gagnon, H. (2008). Autonomous motivation, controlled motivation, and goal progress. *Journal of Personality, 76*(5), 1201–1230. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2008.00519.x>
- Kuhl, J. (2000). The volitional basis of personality systems interaction theory: Applications in learning and treatment contexts. *International Journal of Educational Research, 33*, 665–703.

- Kuhl, J., Kazen, M., & Koole, S. L. (2006). Putting self-regulation theory into practice: a user's manual. *Applied Psychology: An International Review*, 55(3), 408–418.
- Lopez, R. B., Milyavskaya, M., Hofmann, W., & Heatherton, T. F. (2016). Motivational and neural correlates of self-control of eating: a combined neuro imaging and experience sampling study in dieting female college students. *Appetite*, 103, 192–199. <https://doi.org/10.1016/j.appet.2016.03.027>
- Milyavskaya, M., Inzlicht, M., Hope, N., & Koestner, R. (2015). Saying “No” to temptation: “want-to” motivation improves self-regulation by reducing temptation rather than by increasing self-control. *Journal of Personality and Social Psychology*, 109, 677–693. <https://doi.org/10.1037/pspp0000045>
- Mitina, O. V., & Rasskazova, E. I. (2019). J. Kuhl's and A. Fuhrmann's self-government test: psychometric properties of Russian language version. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 40(2), 111–127. <https://doi.org/10.31857/S020595920004061-3> (in Russian)
- Morosanova, V. I. (1995). Individual'nyi stil' samoregulatsii v proizvol'noi aktivnosti cheloveka [Individual style of self-regulation in voluntary human activity]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 4, 26–35.
- Morosanova, V. I., Tsyganov, I. Y., Vanin, A. V., & Filippova, E. V. (2012). The relationship between motivation and self-regulation in learning. *Psikhologicheskie Issledovaniya [Psychological Studies]*, 5(24). <https://doi.org/10.54359/ps.v5i24.763> (in Russian)
- Nicholls, A. R., Levy, A. R., Carson, F., Thompson, M. A., & Perry, J. L. (2016). The applicability of self-regulation theories in sport: Goal adjustment capacities, stress appraisals, coping, and well-being among athletes. *Psychology of Sport & Exercise*, 27, 47–55. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2016.07.011>
- Osin, E. N., & Leontiev, D. A. (2008). Aprobatsiya russkoyazychnykh versii dvukh shkal ekspressotsenki sub"ektivnogo blagopoluchiya [Approbation of Russian-language versions of two express-evaluation scales of subjective well-being]. In *Materialy III Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa [Materials of the III All-Russian Sociological Congress]*. Moscow: Institute of Sociology of the RAS; Russian Society of Sociologists. <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/pjuun7fz60/direct/78753837>
- Paulino, P., Sá, I., & da Silva, A. L. (2016). Self-regulation of motivation: Contributing to students' learning in middle school. In Z. Bekirogullari, M. Y. Minas, & R. X. Thambusamy (Eds.), *Cognitive – Social, and Behavioural Sciences – icCSBs 2016, May: Vol. 8. European proceedings of social and behavioural sciences* (pp. 1–6). Future Academy. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2016.05.1>
- Rasskazova, E. I., & Lebedeva, A. A. (2020). Screening Scale of Positive and Negative Experience (SPANE): Validation of the Russian version. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 17(2), 250–263. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-2-250-263> (in Russian)
- Rasskazova, E. I., Leonov, S. V., & Enikolopova, E. V. (2018). Psychological self-regulation, subjective well-being and coping strategies in professional athletes. *Teoreticheskaya i Eksperimental'naya Psikhologiya [Theoretical and Experimental Psychology]*, 11(4), 24–38. (in Russian)
- Reverberi, E., Gozzoli, C., D'Angelo, C., Lanz, M., & Sorgente, A. (2021). The self-regulation of learning – self-report scale for sport practice: Validation of an Italian version for football. *Frontiers in Psychology*, 12, Article 604852. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.604852>
- Rodríguez, S., González-Suárez, R., Vieites, T., Piñeiro, I., & Díaz-Freire, F. M. (2022). Self-regulation and students well-being: A systematic review 2010–2020. *Sustainability*, 14, Article 2346. <https://doi.org/10.3390/su14042346>
- Sagova, Z. A., & Shaiafetdinova, R. R. (2019). Goal setting as a method of self-regulation in curler athletes with different levels of pre-competition anxiety. *Natsional'nyi Psikhologicheskii Zhurnal [National Psychological Journal]*, 12(3), 113–124. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0312> (in Russian)

- Schmeichel, B. J., & Baumeister, R. F. (2004). Self-regulatory strength. In R. F. Baumeister & K. D. Vohs (Eds.), *Handbook of self-regulation: Research, theory, and applications* (pp. 84–98). New York, NY: Guilford Press.
- Shamaev, D. G. (2021). Motivation achievements and self-regulation of behavior of cadet school students. *Differentsial'naya Psikhologiya i Psikhofiziologiya Segodnya: Sposobnosti, Obrazovanie, Professionalizm*, 1(1), 281–284. <https://doi.org/10.24412/cl-36667-2021-1-281-284> (in Russian)
- Simon, C. R., & Durand-Bush, N. (2009). Learning to self-regulate multi-dimensional felt experiences: The cases of four female medical students. *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being*, 4, 228–244. <https://doi.org/10.3109/17482620903116206>
- Solovieva, S. L. (2019). Psikhicheskaya samoregulatsiya. Posobie po samopomoshchi (nachalo) [Mental self-regulation. Self-help manual (beginning)]. *Klinicheskaya i Meditsinskaya Psikhologiya: Issledovaniya, Obuchenie, Praktika*, 7(4(26)). http://medpsy.ru/climp/2019_4_26/article05.php
- Tangney, J. P., Baumeister, R. F., & Boone, A. L. (2004). High self-control predicts good adjustment, less pathology, better grades, and interpersonal success. *Journal of Personality*, 72, 271–324. <https://doi.org/10.1111/j.0022-3506.2004.00263.x>
- To, P.-Y.-L., Lo, B.-C.-Y., Ng, T.-K., Choi, A.-W.-M., & Wong, B.-P.-H. (2021). Striving to avoid inferiority and procrastination among university students: the mediating roles of stress and self-control. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(11), Article 5570. <https://doi.org/10.3390/ijerph18115570>
- Toering, T. T., Elferink-Gemser, M. T., Jordet, G., & Visschers C. (2009). Self-regulation and performance level of elite and non-elite youth soccer players. *Journal of Sports Sciences*, 27(14), 1509–1517. <https://doi.org/10.1080/02640410903369919>
- Van Genugten, L., Dusseldorp, E., Massey, E. K., & van Empelen, P. (2017). Effective self-regulation change techniques to promote mental well-being among adolescents: A meta-analysis. *Health Psychology Review*, 11, 53–71.
- Zeigarnik, B. V., Kholmogorova, A. B., & Mazur, E. S. (1989). Samoregulatsiya povedeniya v norme i patologii [Self-regulation of behavior in norm and pathology]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 10(2), 122–131.
- Zimmerman, B. J. (2000). Attaining self-regulation: A social cognitive perspective. In M. Boekaerts, P. R. Pintrich, & M. Zeidner (Eds.), *Handbook of self-regulation* (pp. 13–39). San Diego, CA: Academic Press. <https://doi.org/10.1016/B978-012109890-2/50031-7>

THE INFLUENCE OF BIG FIVE PERSONALITY TRAITS ON FOREIGN LANGUAGE CLASSROOM ANXIETY

A.KH. ERZHANOVA^a, A.V. KHARKHURIN^a, V.L. KONCHA^a

^aHSE University, 20 Myasnikskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

Влияние «Большой пятерки» личностных черт на языковую тревожность

А.Х. Ержанова^а, А.В. Хархурин^а, В.Л. Конча^а

^аНациональный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Abstract

Knowledge of a foreign language helps people from different cultures exchange experiences, expertise, and ideas worldwide. It is considered a valuable asset in the professional field and may be highly useful in personal life. Foreign language classroom anxiety is a phenomenon associated with fear and nervousness that occurs in a language learning context. Foreign language classroom anxiety often leads to a decrease in overall process efficiency, motivation loss, and avoidance of language practice. The aim of this study is to investigate, whether Big Five personality traits contribute to foreign language classroom anxiety. Four hundred and fifty-two foreign language learners aged between 16 and 70 participated in the study. Participants were given a Big Five personality inventory to

Резюме

Знание иностранного языка помогает людям из разных культур обмениваться опытом, делиться экспертизой и идеями по всему миру. Способность говорить на иностранном языке является конкурентным преимуществом как в профессиональной, так и частной жизни. Языковая тревожность — это страх и нервозность, которые возникают в контексте изучения иностранного языка. Зачастую языковая тревожность способствует снижению эффективности процесса, потере мотивации и избеганию практики иностранного языка. Цель настоящего исследования — выявить, существует ли влияние личностных черт «Большой пятерки» на формирование языковой тревожности. В исследовании приняли участие 452 человека в возрасте от 16 до 70 лет, которые изучают различные иностранные языки. Участникам были предложены краткая версия опросника личностных черт «Большая пятерка»

The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325).

Статья подготовлена в рамках научного гранта Министерства науки и высшего образования РФ, проект № 075-15-2022-325).

assess their personality traits (extraversion, agreeableness, conscientiousness, neuroticism, and openness to new experience), and a foreign language classroom anxiety scale which measures the following components: test anxiety, fear of negative evaluation, and communication apprehension. Linear regression was used as an analysis method. The results revealed that neuroticism positively predicted fear of negative evaluation, communication apprehension, and test anxiety. Extraversion negatively predicted fear of negative evaluation, communication apprehension, and test anxiety. Openness to experience also negatively predicted all three foreign language anxiety components. The results of the study suggest that knowledge of learners' Big Five personality traits may decrease the levels of foreign language anxiety in a classroom.

Keywords: foreign language anxiety, personality traits, Big Five.

Asiia Kh. Erzhanova — Graduate of the Master's program, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University.

Research Area: language anxiety, cognitive aspects of foreign language acquisition, educational psychology, intercultural competencies.

E-mail: asyaerzhanovaa@gmail.com

Anatoliy V. Kharkhurin — Associate Professor, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, PhD in Psychology:

Research Area: creativity, plurilingualism, bi- and multilingualism, plurilingual creativity, bilingual creativity, intercultural competence, bilingual education, creative education, bilingual memory, code-switching, cognitive aspects of art.

E-mail: akharkhurin@hse.ru

для оценки уровня экстраверсии, доброжелательности, добросовестности, нейротизма и открытости новому опыту, а также шкала тревожности на занятиях иностранным языком для оценки их языковой тревожности, которая состоит из таких компонентов, как тестовая тревожность, боязнь негативной оценки, а также коммуникативное восприятие. В качестве метода анализа данных была выбрана линейная регрессия. Результаты показали, что нейротизм позитивно влияет на боязнь негативной оценки, коммуникационное восприятие и тестовую тревожность. Экстраверсия негативно влияет на боязнь негативной оценки, коммуникативное восприятие и тестовую тревожность. Открытость также негативно влияет все три компонента языковой тревожности. Полученные результаты позволяют сформулировать вывод о необходимости учитывать личностные черты обучающихся в процессе изучения иностранных языков с целью снизить уровень языковой тревожности.

Ключевые слова: языковая тревожность, личностные черты, «Большая пятерка».

Ержанова Асия Халимжановна — выпускница магистратуры, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Сфера научных интересов: языковая тревожность, когнитивные аспекты изучения иностранных языков, педагогическая психология, межкультурные компетенции.

Контакты: asyaerzhanovaa@gmail.com

Хархурин Анатолий Владимирович — доцент, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», PhD по психологии.

Сфера научных интересов: креативность, полилингвизм, мультилингвизм, билингвизм, полилингвальная креативность, межкультурные компетенции, билингвальное образование, креативное образование, билингвальная память, кодовые переключения, когнитивные аспекты искусства.

Контакты: akharkhurin@hse.ru

Valeriya L. Koncha — PhD student, Research Fellow, International Center for the Study of Institutions and Development, Institute for Industrial and Market Studies, Faculty of Social Sciences, HSE University.

Research Area: polylingual creativity, digitalization, protests, quantitative political methodology

E-mail: vkoncha@hse.ru

Конча Валерия Леонидовна — аспирант, младший научный сотрудник, Международный центр изучения институтов и развития, Институт анализа предприятий и рынков, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Сфера научных интересов: полилингвальная креативность, цифровизация, протесты, количественная политическая методология.

Контакты: vkoncha@hse.ru

Nowadays, it is impossible to underestimate the importance of foreign languages. People learn foreign languages at all ages. Immigrants, professional migrants, international students, and tourists must acquire languages different from their natives. People have various experiences learning a foreign language: for some people, it is easy and pleasant, but for many others, it is related to particular difficulties and stress. Many factors can account for difficult experiences with foreign language learning, cognitive, personal, social, cultural, emotional, etc. For example, according to Federmeier, Jongman, and Szewczyk (Federmeier et al., 2020), language comprehension and production are the most complex cognitive skills. Perceiving information in a foreign language may be challenging and requires a cognitive effort. Social interaction can also facilitate or hinder language learning. It helps language learners to focus on specific words or phrases (Yu & Ballard, 2007) and may lead to maximizing the efficiency of learning a foreign language or, on the other hand, produce some additional difficulties. Lastly, the National Standards for Foreign Language Education project (National Standards in Foreign Language Education Project, 1996) suggests that mastering a foreign language is closely connected to the knowledge of a cultural context. The American Council created this project on the Teaching of Foreign Languages, which includes French, German, Spanish, and Portuguese. These standards were developed for elementary and secondary school education and cover five goals of education. These five educational goals are communication skills, understanding the culture, interrelation of language and other areas of knowledge, comparing language and culture, and practicing in multilingual communities.

This emphasizes the role of the cultural factor in which language learning occurs. For example, a cross-cultural study (El-Zahhar & Hocevar, 1991) revealed that language learners in the USA, Brazil, and Arab countries experienced high test anxiety due to the severe consequences of their exam performance on their career development. Another example of how the language itself may influence differences in the development of language anxiety can be found in the study by Dewaele (2002). Individuals with low neuroticism reported lower levels of communicative anxiety in English, but the same individuals did not demonstrate this effect when learning French.

One of the major obstacles in successful language learning appears to be anxiety experienced by learners. Foreign language anxiety (FLA) is a complex construct related to the sense of security, self-confidence (Spielberger et al., 1976), and language achievement (Onwuegbuzie et al., 2000; Abbasova & Shavyrina, 2019).

Horwitz, Horwitz, and Cope (1986) defined foreign language anxiety (FLA) as “a distinct complex construct of self-perceptions, beliefs, feelings, and behaviors related to classroom language learning arising from the uniqueness of the language learning process” (p. 126). There is evidence that fifty per cent of language learners suffer from FLA (Horwitz & Young, 1991). Our work aims to close the gap in understanding the nature of FLA and investigate the personality traits causing it.

The theme of anxiety is discussed in the studies of behavioral theory, trait theory, and social cognitive theory (McIlroy et al., 2000). Traditionally, anxiety is classified as trait and state anxiety (Spielberger, 1972). People with trait anxiety tend to think of different circumstances as a threat or danger, whereas state anxiety is linked to a specific emotional situation that is perceived as unpleasant (Lufi et al., 2004). In this classification, FLA appears to be a state of anxiety that occurs in a foreign language learning context. The state of FLA is associated with tension and fear during a language learning process (Šafranĵ & Zivlak, 2019). There is evidence that individuals with general anxiety are much more likely to develop FLA (Shomoossi et al., 2009). FLA is accompanied by such physical symptoms as headache, stomachache, a racing heart, etc. (Šafranĵ & Zivlak, 2019). Experience of FLA among individuals varies depending on their motivation towards learning, the complexity of the tasks, and the consequences of their language performance (Humphreys & Revelle, 1984). That is, although anxiety appears to be one of the universal human conditions, the levels of FLA might differ among learners.

FLA is usually perceived along three axes: fear of negative evaluation, test anxiety, and communication apprehension (Horwitz et al., 1986). The fear of negative evaluation is defined as “apprehension about others’ evaluations, avoidance of evaluative situations, and the expectations that others would evaluate oneself negatively” (Watson & Friend, 1969, p. 449). Individuals experiencing fear of negative evaluation are likely to avoid situations that involve judgment. Horwitz and her colleagues suggested that the fear of negative evaluation can be triggered by the high language proficiency of a teacher and/or classmates.

Test anxiety also appears to be a common state among foreign language learners that occurs in the context of examination. There is evidence that 30% of all learners experience different levels of test anxiety (Shaked, 1996). Text anxiety influences learners’ performance during exams, although their knowledge may be sufficient to succeed. Smyth (1995) suggested that test anxiety becomes extreme, especially among adults whose language test results impact their career opportunities. Interestingly, test anxiety does not only occur during nationwide exams; midterm or final university exams may be the reason for test anxiety (Asmali, 2017). Irrespective of the type of an examination, some additional factors contribute to the development of test anxiety. These are personality traits, learners’ capabilities, and psychological and social characteristics (Gregersen & Horwitz, 2002).

Communication apprehension is a person’s fear of engaging in a conversation due to poor communication skills. However, this person can communicate her or his ideas freely in a native language (Aydın, 2008). Young (1991) suggested that learners prefer not to participate in various language-related activities because they fear making mistakes in a foreign language. Price (1991) reported fear of

wrong pronunciation as the primary source of language anxiety. Koch and Terrell (1991) also argued that language students are most afraid of speaking in front of their peers.

Gregersen and Horwitz (2002) identified the following factors influencing the development of FLA: behavioral, cognitive, sociolinguistic, psycholinguistic, and physiological. For example, behavioral factors may include not attending classes or not doing homework. Aydın, Yavuz, and Yeşilyurt (2006) found that test anxiety was mainly provoked by language proficiency, parents' expectations, and students' attitudes toward language learning. Another study (Chamorro-Premuzic et al., 2008) demonstrated that this constituent of FLA was determined by students' personality, perceived levels of intelligence, and self-evaluation. Many researchers agree that personality significantly impacts language anxiety development (e.g., Gass & Selinker, 1994; Cook, 1991; Murray & Mount, 1996). For example, based on Cook's assumption that some specific personality traits can either facilitate or inhibit the learning process, Gass and Selinker suggested that personality significantly influences language achievement. Murray and Mount highlighted that learning habits are also connected to personality, which influences the differences between learners.

In personality literature, the Big Five Personality Model includes five personality dimensions, openness to experience, conscientiousness, extraversion-introversion, agreeableness, and neuroticism-emotional stability (Ellis, 2008). The Big Five personality traits were shown to influence one's attitudes, skills, interests, and strategies for adapting to the environment (Burger, 2011).

The openness to experience trait addresses how individuals perceive adventures, how curious they are, and how likely they are to be involved in new activities, experiences, and emotions. Those who are low in openness are consistent and cautious, whereas being high in openness means being curious and inventive (Šafranĵ & Zivlak, 2019). Individuals with high openness may be unpredictable and lack focus, while those with low openness involve well-known activities (Toegel & Barsoux, 2012).

Conscientiousness assesses the extent to which an individual is organized, self-disciplined, follows the plans, and performs dutifully. Those who are low in conscientiousness are careless and negligent, while those who are high in this trait are organized and efficient (Šafranĵ & Zivlak, 2019). On the other hand, high conscientiousness was associated with being stubborn, while low conscientiousness was associated with flexibility (Toegel & Barsoux, 2012). Conscientiousness was found to consistently predict academic achievement (Poropat, 2009).

Extraversion refers to the extent to which an individual seeks the company of other people and is talkative and sociable. Individuals with high scores in extraversion are outgoing and energetic, while those with lower levels of extraversion are more reserved and solitary (Šafranĵ & Zivlak, 2019). High extraversion was associated with attention-seeking, while low extraversion indicated a reflective personality (Toegel & Barsoux, 2012).

Agreeableness refers to the extent to which an individual is cooperative and empathetic rather than antagonistic toward the environment (Šafranĵ & Zivlak,

2019). Individuals with higher agreeableness are more likely to be naive and submissive, while lower levels of agreeableness are associated with competition and demands (Toegel & Barsoux, 2012). Hair and Graziano (2003) reported a link between agreeableness, academic achievement and scholastic competence.

Emotional stability (neuroticism) refers to the degree to which an individual easily suffers from unpleasant emotions, for instance, anxiety, depression, or irritation. It is also linked to the ability to control impulses (Šafranĵ & Zivlak, 2019). High neuroticism means being spontaneous and irritable, while the opposite is organized and steady (Toegel & Barsoux, 2012).

A growing body of literature demonstrates a relationship between Big Five personality traits and FLA.

Openness to experience turned out to be negatively correlated with FLA (e.g., Babakhouya, 2019; Gargalianou et al., 2016). These findings also overlapped with Chamorro-Premuzic and his colleagues (2008) and Khosravi and Bigdely (2008), who investigated the relationship between imagination and test anxiety. Openness to experience consists of intellectual and creative components, the latter including creativity, aesthetics, and imagination (DeYoung, 2003). Hence, test anxiety was found to relate to the creative component of openness.

In recent research, the role of conscientiousness in developing FLA has been contradictory. For example, a few studies found a positive relationship between conscientiousness and FLA (e.g., Gargaliano et al., 2016; McIlroy et al., 2000), whereas others did not find any significant relationship between these two (e.g., Babakhouya, 2019).

The influence of extraversion on FLA received substantial coverage in literature (e.g., Babakhouya, 2019; Chamorro-Premuzic & Furnham, 2003; Khosravi & Bigdely, 2008; MacIntyre & Charos, 1996). However, these findings appear to be contradictory. For example, Babakhouya and Chamorro-Premuzic, and Furnham reported that extraversion was positively related to test anxiety and fear of negative evaluation. However, Khosravi and Bigdely found no significant relationship between those variables. Moreover, MacIntyre and Charos reported a significantly negative relationship between extraversion and language anxiety.

Agreeableness was negatively correlated with FLA (Babakhouya, 2019). The researcher explained that individuals with high scores in agreeableness were more likely to manage positive relationships and feel free to talk to others.

Finally, there is indirect evidence for the relation between neuroticism and FLA. Language learning requires substantial attention and a systematic approach, and people with low emotional stability concentrate on their emotions and negative self-talk (De Raad & Schouwenburg, 1996). This study also suggested that those with high neuroticism scores are less successful in academic performance due to their personality characteristics, which might also influence FLA development. Dewaele (2002) reported significant relationships between neuroticism and FLA among Flemish students in English and French classes. These findings were supported by studies demonstrating a link between test anxiety and neuroticism (e.g., Babakhouya, 2019; Khosravi & Bigdely, 2008). In the same fashion, Šafranĵ and Zivlak (2019) suggested that learners with low emotional stability tend to experience more

anxiety in a foreign language learning context, while MacIntyre and Charos (1996) reported no correlation between emotional stability and FLA.

Present Study

The reviewed literature unambiguously links Big Five personality traits and FLA. The current study aims to provide a more systematic investigation of this relation. In contrast to other studies, we considered the FLA components independently and proposed the following hypotheses. First, openness, agreeableness, and extraversion negatively predict FLA components of fear of negative evaluation, test anxiety, and communication apprehension. Second, conscientiousness and neuroticism positively predict those FLA components.

Method

Participants

Four hundred and fifty-two individuals (70 males and 382 females) aged between 16 and 70 ($M = 27.21$, $SD = 11.02$) participated in the study. Participants were recruited through social media (e.g., VK). The participants came from 30 countries, mostly from Russia (362) and Kazakhstan (39), while others were from Belarus, Israel, Italy, Turkey, Ukraine, and the USA. The participants spoke, on average, three languages ($M = 3.48$, $SD = 1.03$, $min = 1$, $max = 7$). Since the survey was conducted in Russian, we ensured that all of them were fluent speakers of this language (self-rated proficiency in Russian was $M = 4.67$, $SD = 1.23$ out of 5). No other personal data except participants' age and gender was collected.

Procedure

The data was collected online using a reliable survey platform (<https://www.1ka.si/>). The survey began with the consent form approved by the HSE University Ethics Committee. The respondents were informed that participation was voluntary and non-compensated. The survey took approximately 20 minutes. It consisted of socio-demographic questions, a language learning experience questionnaire, a foreign language classroom anxiety scale (FLCAS), and a ten-item personality measure. A language learning experience questionnaire included questions about language repertoire, age of acquisition, and language proficiency self-assessment.

Instruments

Personality Traits Assessment

Participants' personality traits were assessed by a modified version of the Very Brief Measure of the Big-Five Personality Traits for Russian-speaking individuals

developed by Kornilova and Chumakova (2016). The original version of the assessment (Gosling et al., 2003) had a list of ten pairs of adjectives (two pairs representing each personality trait). Each pair of adjectives reflected different poles of the personality traits, one with positive and the other with negative connotations. The participants were asked to rate how closely these combinations matched their personality on a 7-point Likert scale (“I view myself as...”). The assessment tool includes five subscales: extraversion, agreeableness, conscientiousness, neuroticism, and openness to experience.

Kornilova and Chumakova (2016) used forward-backward and dual-panel procedures to translate the questionnaire into Russian. Since the original study did not perform the validity checks, Kornilova and Chumakova (Ibid.) collected data from 397 people aged 17 to 51 ($M = 24.69$, $SD = 5.59$) to adapt an existing questionnaire and perform validity tests. The results showed that all five subscales demonstrate high internal consistency ($\alpha = .62$, for extraversion; $\alpha = .32$, for agreeableness; $\alpha = .81$, for conscientiousness; $\alpha = .70$, for neuroticism; and $\alpha = .45$, for openness to experience). Moreover, the assessment tool possesses high external validity according to both absolute and relative indicators of the model fit indices (S-B $\chi^2(26) = 74.99$, $p < .001$, CFI = .93, MFI = .94, RMSEA = .069).

Foreign Language Anxiety Assessment

Participants' FLA was assessed by the FLCAS (Horwitz et al., 1986). This assessment tool measures an individual's level of anxiety when learning a foreign language. The questionnaire consists of 33 5-Likert scale items constituting three sub-scales: test anxiety, communication apprehension, and fear of negative evaluation. Nine questionnaire items (2, 5, 8, 11, 14, 18, 22, 28, 32) were reverse coded. The scores range lies between 33 and 132 points; the results obtained by scoring all 33 items were summarized to obtain the FLA total score. The higher FLA scores indicated the higher levels of anxiety experienced by participants. The FLCAS is the most reliable and valid instrument for measuring FLA (Aida, 1994; Cheng et al., 1999). The FLCAS demonstrated high internal consistency ($\alpha = .93$; Horwitz, 1986). The construct validity checks were also performed. The FLCAS was found to correlate with the Trait scale of the State-Trait Anxiety Inventory ($r = .29$, $p = .002$; Spielberger et al., 1983) with the Personal Report of Communication Apprehension ($r = .28$, $p = .063$; McCroskey, 1970); with the Fear of Negative Evaluation Scale ($r = .36$, $p = .007$; Watson & Friend, 1969); and with the Test Anxiety Scale ($r = .53$, $p = .001$; Sarason, 1978).

Results

Descriptive Statistics

Before proceeding with the analysis, the data normality checks were performed. The original data was found to be not normally distributed; therefore, we applied the Box-Cox transformation for the data (Box & Cox, 1964). This family of power

transformations allows us to identify the best transformation based on the value of λ to normalize the data. The transformation was applied to all research variables with the corresponding value of λ . Further analysis will be based on the normalized data. Table 1 illustrates the descriptive statistics (means and standard deviations) and the Pearson correlations between the research variables. The table reveals that the strongest negative and statistically significant relations were found between the components of Big Five traits: neuroticism and extraversion ($r = -.137, p < .01$); conscientiousness and agreeableness ($r = -.299, p < .01$); conscientiousness and openness to new experience ($r = -.383, p < .01$).

Finally, a positive association was found between the components of FLCAS and the Big Five traits. Fear of negative evaluation was positively related to agreeableness ($r = .092, p < .05$) and negatively related to extraversion ($r = -.195, p < .01$) and openness to new experience ($r = -.199, p < .01$). Communication apprehension was negatively related to extraversion ($r = -.263, p < .01$) and openness to new experiences ($r = -.204, p < .01$). Test anxiety was also found to be negatively correlated with extraversion ($r = -.195, p < .01$) and openness to new experiences ($r = -.223, p < .01$).

Big Five Personality Traits Predicting Fear of Negative Evaluation

To test the first hypothesis, linear regression analysis was performed with Big Five personality traits as predictors and the fear of negative evaluation as an outcome. Table 2 presents the results of this regression analysis. It was found that four personality traits significantly predicted the fear of negative evaluation: positive prediction by neuroticism ($\beta = .019, p < .001$), negative prediction by openness ($\beta = -.059, p < .001$), and extraversion ($\beta = -.162, p < .001$). Predictions by conscientiousness and agreeableness were not significant.

Table 1

Means, Standard Deviations, and Correlations between the Research Variables (n = 452)

	M	SD	1	2	3	4	5	6	7
1. Neuroticism	2.99	1.14	—						
2. Agreeableness	3.15	1.16	.057	—					
3. Extraversion	3.37	.88	-.137**	-.039	—				
4. Openness	4.02	1.11	-.016	.016	-.023	—			
5. Conscientiousness	4.42	1.01	-.055	-.299**	.106*	-.383**	—		
6. Fear of negative evaluation	39.68	12.31	.212**	.092*	-.195**	-.199**	-.015	—	
7. Communication apprehension	39.14	13.46	.216**	.063	-.263**	-.204**	.013	.864**	—
8. Test anxiety	8.19	2.98	.162**	.017	-.195**	-.223**	.080	.720**	.728**

* $p < .05$, ** $p < .01$, *** $p < .001$.

Big Five Personality Traits Predicting Communication Apprehension

To test the second hypothesis, linear regression analysis was performed with Big Five personality traits as predictors and communication apprehension as an outcome. Table 3 presents the results of this regression analysis. The finding demonstrated that three personality traits significantly predicted communication apprehension: positive prediction by neuroticism ($\beta = .184, p < .001$) and negative prediction by extraversion ($\beta = -.235, p < .05$) and openness ($\beta = -.192, p < .001$). Predictions by agreeableness and conscientiousness were not significant.

Big Five Personality Traits Predicting Test Anxiety

Finally, linear regression analysis was performed to test the third hypothesis with Big Five personality traits as predictors and the test anxiety as an outcome.

Table 2

Results of Linear Regression Analysis between Big Five Personality Components and Fear of Negative Evaluation (N = 452)

Predictor	Estimate	SE	t	p	Stand. Estimate	95% Confidence Interval	
						Lower	Upper
Neuroticism	.305***	.072	4.229	.000	.019	.163	.446
Agreeableness	.119	.082	1.441	.150	.068	-.044	.282
Extraversion	-.349***	.097	-3.587	.000	-.162	-.541	-.158
Openness	-.384***	.089	-4.328	.000	-.059	-.558	-.209
Conscientiousness	-.135	.116	-1.167	.244	-.209	-.363	.093

Table 3

Results of Linear Regression Analysis between Big Five Personality Components and Communication Apprehension (N = 452)

Predictor	Estimate	SE	t	p	Stand. Estimate	95% Confidence Interval	
						Lower	Upper
Neuroticism	.373***	.090	4.129	.000	.184	.195	.550
Agreeableness	.136	.104	1.313	.190	.061	-.068	.339
Extraversion	-.643***	.122	-5.265	.000	-.235	-.883	-.403
Openness	-.449***	.111	-4.039	.000	-.192	-.667	-.230
Conscientiousness	-.040	.145	-0.276	.782	-.014	-.326	.245

* $p < .05$, ** $p < .01$, *** $p < .001$.

Table 4 shows results of this regression analysis. The results demonstrated that three personality traits significantly predicted the test anxiety: positive prediction by neuroticism ($\beta = .143, p < .01$) and negative predictions by extraversion ($\beta = -.182, p < .001$) and openness ($\beta = -.193, p < .001$). Predictions by agreeableness and conscientiousness were not significant.

Overall, the results demonstrated that openness, neuroticism, and extraversion were significant predictors for all components of FLCAS. Agreeableness and conscientiousness did not significantly predict any components.

Discussion

This study aimed to identify personality traits that contribute to the development of FLA. The results of the current study demonstrated that three out of five personality traits predicted all three FLA components. These are emotional stability/neuroticism, extraversion, and openness to experience. Agreeableness and conscientiousness did not reveal any predictive power of FLA components.

Openness to Experience

We found that openness to experience negatively predicted fear of negative evaluation, test anxiety, and communication apprehension. These findings can be explained by the fact that individuals high in openness are intellectually curious. Openness to new experiences is associated with openness to sensations and emotions and engagement with information (DeYoung et al., 2012). Instead of fear of being negatively evaluated by others, individuals with high openness embrace the challenge of expressing themselves in a foreign language. Hence, these learners are eager to learn and are excited about learning opportunities. These individuals are considered forethought and intelligent (De Raad & Schouwenburg, 1996), which

Table 4

Results of Linear Regression Analysis between Big Five Personality Components and Test Anxiety (N = 452)

Predictor	Estimate	SE	<i>t</i>	<i>p</i>	Stand. Estimate	95% Confidence Interval	
						Lower	Upper
Neuroticism	.188**	.060	3.141	.002	.143	.071	.306
Agreeableness	.028	.069	0.402	.688	.019	-.108	.163
Extraversion	-.324***	.081	-3.988	.000	-.182	-.483	-.164
Openness	-.294***	.074	-3.982	.000	-.193	-.439	-.149
Conscientiousness	.051	.097	0.530	.597	.027	-.139	.241

* $p < .05$, ** $p < .01$, *** $p < .001$.

might also explain the lack of test anxiety. They enjoy working with semantic and abstract information (DeYoung et al., 2007). These individuals can properly prepare for examinations and take pleasure from the process rather than the anxiety about failing. We can also speculate that openness to experience may negatively predict communication apprehension due to the opportunities social interactions bring. For individuals high in openness, learning a foreign language may be a colossal opportunity to broaden their minds and explore new things while travelling, reading social media, and exchanging ideas with people from other language backgrounds.

Extraversion

Further, we found that extraversion negatively predicted all three components of FLA. These findings could be explained by the fact that extroverted individuals are more talkative, and communication is essential to their lives. It is easier for people with higher levels of extraversion to connect with peers and teachers. As a result, individuals with high extroversion might feel more comfortable practicing a foreign language and, therefore, experience less communication apprehension.

When it comes to fear of negative evaluation and test anxiety, the negative prediction of extraversion might be explained by the positive mindset of these individuals (Gargalianou, 2015). This optimism may influence less fear of negative feedback and the examination context. We also speculate that extroverts may have a more positive self-image that supports them during evaluation. These findings align with a study by Brown, Robson, and Rosenkjar (2001). They found that people with high extroversion were generally less anxious than those with lower scores. It was suggested that extraversion was associated with a communication-oriented context, making learning a language more comfortable. However, Dewaele (2013) reported only a moderate relationship between this personality trait and foreign language classroom anxiety. More specifically, it was only found in one sub-group. The present study suggests that extraversion is the strongest significant predictor among other personality traits for all FLA components.

Neuroticism

We also found neuroticism to be a positive predictor of all three components of FLA. A possible explanation of this finding comes from an observation that people with high neuroticism tend to be more irritable and lack impulse control (Chamorro-Premuzic & Furnham, 2003). Regarding fear of negative evaluation, we speculate that these characteristics might lead to an inadequate reaction to possible minor corrections of mistakes. Even when appropriately communicated, the feedback might be perceived poorly. For communication apprehension, lacking impulse control makes social interactions more challenging since the anxious state becomes evident to an interlocutor. It might increase the fear connected to the communication context if it is hard to avoid negative emotions when speaking a foreign language.

Concerning test anxiety, irritability and lack of impulse control might distract a learner while completing a language test, not letting them concentrate on specific tasks. Being high in neuroticism may also lead to being worried about making mistakes in a foreign language learning context. This explains the predictive nature of neuroticism for both test anxiety and fear of negative evaluation. A focus on potential mistakes and misunderstandings distracts learners from the actual learning and increases their anxiety levels. Fear of negative evaluation and test anxiety may also be connected to low self-esteem (Marlar & Joubert, 2002). These findings were supported by Dewaele (2013), revealing a significant link between neuroticism and foreign language classroom anxiety. It is worth noting that this relationship was found for adult learners in the second, third, and fourth languages.

Some of the characteristics associated with high neuroticism are self-consciousness, vulnerability, and even hostility (Barrick & Mount, 1991). These traits may be the ground for communication apprehension. Moreover, Eysenck and Eysenck (1975) also revealed that individuals with high neuroticism tend to have low self-respect, which may be a barrier to social conduct.

Agreeableness

According to the study results, agreeableness did not predict any of the FLA components. These findings are consistent with the studies conducted by Babakhouya (2019), Chew and Dillon (2014), and Asmali (2017). Interestingly, the study by Chamorro, Ahmetoglu, and Furnham (2008) revealed a negative relationship between test anxiety and agreeableness. Bialayesh and colleagues (2020) also found a significant positive relationship between agreeableness and language anxiety. Based on the results of this study, we speculate that even though agreeableness as a personality trait may be beneficial in a social context, it does not predict foreign language anxiety due to its complexity and specific contexts of learning grammar rules and training in correct pronunciation.

Conscientiousness

It should also be highlighted that conscientiousness, according to the results of this study, did not predict any components of FLA. These findings contradicted the previous research suggesting that there was a negative relationship between test anxiety, in particular, and conscientiousness (Chamorro-Premuzic et al., 2008). A few studies (e.g., Blickle, 1996; Poropat, 2009; De Raad & Schouwenburg, 1996) revealed a correlation between conscientiousness and academic achievement. This could be explained by the fact that more conscientious learners are more inclined to set goals and make efforts in the foreign language learning process. According to Šafraň and Zivlak (2019), individuals with higher levels of conscientiousness are more likely to experience language anxiety since they are more worried about an impression they make. Although conscientiousness is connected to academic achievement, we suggest that it may not play a predictive role in any of the FLA components. We could speculate that being conscientious and responsible and get-

ting ready for exams and lessons does not always help to overcome foreign language anxiety. One can do their best to learn the rules and vocabulary and still fail when talking to someone in a foreign language or taking a language exam.

Limitations

The current research has some limitations. First, we used self-reported scales to measure FLCAS and the Big Five when collecting the data. This could lead to inaccuracy of measurements since some respondents may have tendencies to give socially desirable answers. Second, we did not control for a language as an independent variable that a respondent is learning. The levels of FLCAS may vary depending on the specific language or language group. Third, the study's findings might be compromised by cultural bias. Note that we recruited a Russian-speaking sample only. Based on the reviewed literature, the levels of FLCAS might vary across cultures. Therefore, future studies need to consider the cultural context and compare the levels of FLCAS among different cultures.

Conclusion

The results of this study provided additional evidence about personality traits that could predict FLA. Based on these findings, we propose several practical implementations. Knowing the predictive nature of students' emotional stability helps teachers create an anxiety-free learning environment. For this purpose, for example, teachers should pay special attention to the difficulty levels of given tasks. A suitable level of difficulty will allow students who are high on neuroticism to acquire greater confidence in their knowledge, which would reduce the level of anxiety.

In addition, understanding the personality traits could allow teachers to control students' levels of FLA more flexibly. Based on these findings, tutors may individually choose the assessments and evaluation instruments, reflecting a student's personality. For example, for individuals with higher levels of extraversion, group work in a classroom that requires interaction with other students may be more suitable.

Further, we found that conscientiousness did not predict FLA at all. This raises the question about the nature of the interaction between conscientiousness and FLA. In further research, we plan to test the mediating effect of FLA on the link between conscientiousness and academic achievement.

The research on the sources of FLA is beneficial for both learners and teachers because higher levels of anxiety might lead to weak performance and/or skipping lessons (Dewaele & Thirtle, 2009). Further research should focus on the other factors that account for FLA development to decrease the levels of anxiety among learners.

References

- Abbasova, O. A., & Shavyrina, A. A. (2019). Vliyanie yazykovoï trevozhnosti na speshnost' izucheniya inostrannogo yazyka [The influence of language anxiety on the success of learning a foreign language]. *Sovremennyi Pedagogicheskii Vzglyad*, 2(27), 21–28.
- Asmali, M. (2017). Big Five personality traits and test anxiety among English as a foreign language learners. *Iğdır University Journal of Social Sciences*, 11, 1–21.
- Aida, Y. (1994). Examination of Horwitz, Horwitz, and Cope's construct of foreign language anxiety: The case of students of Japanese. *The Modern Language Journal*, 78, 155–168.
- Aydın, S. (2008). An investigation on the language anxiety and fear of negative evaluation among Turkish EFL learners. *Asian EFL Journal*, 30(1), 421–444.
- Aydın, S., Yavuz, F., & Yeşilyurt, S. (2006). Test anxiety in foreign language learning. *Journal of Social Sciences Institute Balıkesir University*, 9(16), 145–160.
- Babakhouya, Y. (2019). The Big Five personality factors as predictors of English language speaking anxiety: A cross-country comparison between Morocco and South Korea. *Research in Comparative and International Education*, 14(4), 502–521. <https://doi.org/10.1177/1745499919894792>
- Barrick, M. R., & Mount, M. K. (1991). The Big Five personality dimensions and job performance: A meta-analysis. *Personnel Psychology*, 44(1), 1–26. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.1991.tb00688.x>
- Bialayesh, S., Homayouni, A., Nasiri Kenari, M., & Shafian, Z. (2020). Relationship between personality traits with language anxiety among bilinguals. *European Psychiatry*, 41(S1). <https://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2017.01.334>
- Blickle, G. (1996). Personality traits, learning strategies, and performance. *European Journal of Psychology*, 10, 337–352.
- Box, G. E. P., & Cox, D. R. (1964). An analysis of transformations. *Journal of the Royal Statistical Society, B*, 26, 211–234.
- Brown, J. D., Robson, G., & Rosenkjar, P. R. (2001). Personality, motivation, anxiety, strategies, and language proficiency of Japanese students. In Z. Dornyei & R.W. Schmidt (Eds.), *Motivation and second language acquisition* (pp. 361–398). Honolulu: University of Hawaii, Second Language Teaching and Curriculum Centre.
- Burger, J. M. (2011). *Personality* (8th ed.). Belmont, CA: Wadsworth, Cengage Learning.
- Chamorro-Premuzic, T., Ahmetoglu, G., & Furnham, A. (2008). Little more than personality: Dispositional determinants of test anxiety (the Big Five, Core Self-evaluations, and Self-assessed Intelligence). *Learning and Individual Differences*, 18, 258–263. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2007.09.002>
- Chamorro-Premuzic, T., & Furnham, A. (2003). Personality traits and academic examination performance. *European Journal of Personality*, 17(3), 237–250.
- Cheng, Y. S., Horwitz, E. K., & Schallert, D. L. (1999). Language anxiety: Differentiating writing and speaking components. *Language Learning*, 49(3), 417–446. <https://doi.org/10.1111/0023-8333.00095>
- Chew, K. H. P., & Dillon, D. B. (2014). Statistics anxiety and the Big Five personality factors. *Social and Behavioral Sciences*, 112, 1177–1186. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.01.1282>
- Cook, V. (1991). *Second language learning and language teaching*. London: Edward Arnold.
- De Raad, B., & Schouwenburg, H. C. (1996). Personality in learning and education: A review. *European Journal of Personality*, 10(5), 303–336.

- Dewaele, J. M. (2002). Psychological and sociodemographic correlates of communicative anxiety in L2 and L3 production. *International Journal of Bilingualism*, 6(1), 23–38. <https://doi.org/10.1177/13670069020060010201>
- Dewaele, J. M. (2013). The link between foreign language classroom anxiety and psychoticism, extraversion, and neuroticism among adult bi- and multilinguals. *The Modern Language Journal*, 97(3), 670–684. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4781.2013.12036.x>
- Dewaele, J.-M., & Thirtle, H. (2009). Why do some young learners drop foreign languages? A focus on learner-internal variables. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 12, 635–649.
- DeYoung, C. G. (2003). Sources of openness/intellect: Cognitive and neuropsychological correlates of the fifth factor of personality. *Journal of Personality*, 73(4), 825–858.
- DeYoung, C. G., Grazioplene, R. G., & Peterson, J. B. (2012). From madness to genius: The Openness/Intellect trait domain as a paradoxical simplex. *Journal of Research in Personality*, 46(1), 63–78. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2011.12.003>
- DeYoung, C. G., Quilty, L. C., & Peterson, J. B. (2007). Between facets and domains: 10 aspects of the Big Five. *Journal of Personality and Social Psychology*, 93(5), 880–896. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.93.5.880>
- Ellis, R. (2008). *The study of second language acquisition* (2nd ed.). Oxford: Oxford University Press.
- El-Zahhar, N. E., & Hocevar, D. (1991). Cultural and sexual differences in test anxiety, trait anxiety and arousability: Egypt, Brazil, and the United States. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 22(2), 238–249. <https://doi.org/10.1177/0022022191222005>
- Eysenck, H. J., & Eysenck, S. B. G. (1975). *Manual of the Eysenck Personality Questionnaire*. London: Hodder and Stoughton.
- Federmeier, K. D., Jongman, S. R., & Szwedczyk, J. M. (2020). Examining the role of general cognitive skills in language processing: A window into complex cognition. *Current Directions in Psychological Science*, 29(6), 575–582. <https://doi.org/10.1177/0963721420964095>
- Gargalianou, V. (2015). *The effects of gender and personality on foreign language anxiety among adult multilinguals*. Antwerp: University of Antwerp.
- Gargalianou, V., Muehlfeld, K., Urbig, D., & van Witteloostuijn, A. (2016). Foreign language anxiety in professional contexts: A short scale and evidence of personality and gender differences. *Society and Business Review*, 17, 195–221. <https://doi.org/10.1007/s41464-016-0007-6>
- Gass, S., & Selinker, L. (1994). *Second language acquisition: An introductory course*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.
- Gosling, S. D., Rentfrow, P. J., & Swann Jr., W. B. (2003). A very brief measure of the Big-Five personality domains. *Journal of Research in Personality*, 37(6), 504–528. [https://doi.org/10.1016/S0092-6566\(03\)00046-1](https://doi.org/10.1016/S0092-6566(03)00046-1)
- Gregersen, T., & Horwitz, E. K. (2002). Language learning and perfectionism: Anxious and non-anxious language learners' reactions to their own oral performance. *Modern Language Journal*, 86, 562–570. <https://doi.org/10.1111/1540-4781.00161>
- Hair, E., & Graziano, W. (2003). Self-esteem, personality and achievement in high school: A prospective longitudinal study in Texas. *Journal of Personality*, 71(5), 971–994.
- Horwitz, E. K. (1986). Preliminary evidence for the reliability and validity of a Foreign Language Anxiety Scale. *TESOL Quarterly*, 20(3), 559–562. <https://doi.org/10.2307/3586302>
- Horwitz, E. K., Horwitz, M. B., & Cope, J. (1986). Foreign language classroom anxiety. *Modern Language Journal*, 70(2), 125–132.

- Horwitz, E. K., & Young, D. J. (Eds.). (1991). *Language anxiety. From theory and research to classroom implications*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Humphreys, M. S., & Revelle, W. (1984). Personality, motivation, and performance: a theory of the relationship between individual differences and information processing. *Psychological Review*, *91*, 153–184.
- Khosravi, M., & Bigdely, I. (2008). The relationship between personality factors and test anxiety among university students. *Journal of Behavioral Sciences*, *12*(1), 13–24.
- Koch, A. S., & Terrell, T. D. (1991). Affective reaction of foreign language students to Natural Approach activities and teaching techniques. In E. K. Horwitz & D. J. Young (Eds.), *Language anxiety: From theory and research to classroom implications* (pp. 109–126). Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Kornilova, T. V., & Chumakova, M. A. (2016). Development of the Russian version of the brief Big Five questionnaire (TIPI). *Psikhologicheskie Issledovaniya*, *9*(46). <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/480> (in Russian)
- Lufi, D., Okasha, S., & Cohen, A. (2004). Test anxiety and its effect on the personality of students with learning disabilities. *Learning Disability Quarterly*, *27*, 176–184.
- MacIntyre, P. D., & Charos, C. (1996). Personality, attitudes, and affect as predictors of second language communication. *Journal of Language and Social Psychology*, *15*, 3–26.
- Marlar, M. R., & Joubert, C. E. (2002). Liking of personal names, self-esteem and the Big Five inventory. *Psychological Reports*, *91*(2), 407–410. <https://doi.org/10.2466/PRO.91.6.407-410>
- McCroskey, J. C. (1970). Measures of communication-bound anxiety. *Speech Monographs*, *37*, 269–277.
- McIlroy, D., Bunting, B., & Adamson, G. (2000). An evaluation of the factor structure and predictive utility of a test anxiety scale with reference to students' past performance and personality indices. *British Journal of Educational Psychology*, *70*(1), 17–32. <https://doi.org/10.1348/000709900157949>
- Murray, R. B., & Mount, M. K. (1996). Effects of impression management on self-deception on the predictive validity of personality constructs. *Journal of Applied Psychology*, *81*(3), 261–272. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.81.3.261>
- National Standards in Foreign Language Education Project. (1996). *Standards for foreign language learning: Preparing for the 21st century*. Lawrence, KS: Author.
- Onwuegbuzie, A. J., Bailey, P., & Daley, C. E. (2000). Cognitive, affective, personality, and demographic predictors of foreign-language achievement. *The Journal of Educational Research*, *94*, 3–15. <https://www.jstor.org/stable/27542298>
- Poropat, A. E. (2009). A meta-analysis of the five-factor model of personality and academic performance. *Psychological Bulletin*, *135*(2), 322–338. <https://doi.org/10.1037/a0014996>
- Price, M. L. (1991). The subjective experience of foreign language anxiety: Interview with highly anxious students. In E. K. Horwitz & D. J. Young (Eds.), *Language anxiety: From theory and research to classroom implications* (pp. 101–108). Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Šafran, J., & Zivlak, J. (2019). Effects of big five personality traits and fear of negative evaluation on foreign language anxiety. *Croatian Journal of Education: Hrvatski časopis za odgoj i obrazovanje*, *21*(1), 275–306.
- Sarason, I. G. (1978). The test anxiety scale: Concept and research. In C. D. Spielberger & I. G. Sarason (Eds.), *Stress and anxiety* (Vol. 5, pp. 193–216). Washington, DC: Hemisphere.
- Shaked, Y. (1996). During the test I am in a shock. *Marive [Israeli daily newspaper]*, *A1*, 6–7.
- Shomoossi, N., Kassaian, Z., & Ketabi, S. (2009). Variation of test anxiety over listening and speaking test performance. *Iranian Journal of Language Studies*, *3*(1), 65–78.

- Smyth, F. (1995). Standardized testing in college admission: How the act and sat are used and compared. *Journal of College Admission*, 148, 24–31.
- Spielberger, C. D. (1972). Current trends in theory and research on anxiety. In C. D. Spielberger (Ed.), *Anxiety: Current trends in theory and research* (pp. 3–19). New York, NY: Academic Press.
- Spielberger, C. D., Anton, W. D., & Bedell, J. (1976). The nature and treatment of test anxiety. In M. Zuckermann, & C. Spielberger (Eds.), *Emotions and anxiety: New concepts, methods and applications* (pp. 317–344). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.
- Spielberger, C. D., Gorsuch, R., Lushene, R., Vagg, P., & Jacobs, G. (1983). *Manual for the state-trait anxiety inventory*. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press.
- Toegel, G., & Barsoux, J. L. (2012). How to become a better leader. *MIT Sloan Management Review*, 53(3), 51–60.
- Watson, D., & Friend, R. (1969). Measurement of social-evaluative anxiety. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 33(4), 448–457.
- Young, D. J. (1991). Creating a low-anxiety classroom environment: What does the language anxiety research suggest? *Modern Language Journal*, 75(4), 426–437.
- Yu, C., & Ballard, D. H. (2007). A unified model of early word learning: integrating statistical and social cues. *Neurocomputing*, 70, 2149–2165. <https://doi.org/10.1016/j.neucom.2006.01.034>

Обзоры и рецензии

АВТОМАТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ТЕСТОВ НА ВЕРБАЛЬНУЮ КРЕАТИВНОСТЬ: ОТ ЛЕКСИЧЕСКИХ БАЗ ДАННЫХ К БОЛЬШИМ ЯЗЫКОВЫМ МОДЕЛЯМ

Е.А. ВАЛУЕВА^{a,b}, А.С. ПАНФИЛОВА^a, А.С. РАФИКОВА^{a,c}

^a ФГБУН Институт психологии РАН, 129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1

^b ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 127051, Россия, Москва, ул. Сretenка, д. 29

^c Государственный академический университет гуманитарных наук, 119049, Москва, Мароновский пер., д. 26

Automatic Scoring of Verbal Divergent Thinking Tests: From Lexical Databases to Large Language Models

E.A. Valueva^{a,b}, A.S. Panfilova^a, A.S. Rafikova^{a,c}

^a Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 13 build. 1 Yaroslavskaia Str., Moscow, 129366, Russian Federation

^b Moscow State University of Psychology & Education, 29 Sretenka Str., Moscow, 127051, Russian Federation

^c State Academic University for the Humanities, 26 Maronovskiy Pereulok, Moscow, 119049, Russian Federation

Резюме

В статье рассматривается эволюция методов автоматической оценки вербальных тестов на дивергентное мышление. Основным предметом внимания исследователей становится возможность оценить оригинальность ответов испытуемых с помощью подсчета их семантической удаленности от стимульной задачи. В период с

Abstract

The article explores the evolution of methods for automatically assessing verbal divergent thinking tests. Researchers have increasingly focused on the ability to evaluate the originality of respondents' answers by calculating their semantic distance from the stimulus task.

Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 23-18-01059.

The research was supported by the Russian Science Foundation, project # 23-18-01059.

2009 по 2019 г. главным методом оценки семантических расстояний стал латентно-семантический анализ. В целом, с точки зрения внутренней согласованности и корреляции с экспертными оценками, его применение давало удовлетворительные результаты, позволяя сохранить допустимый баланс качества и затраченных усилий. Однако выявились проблемы (зависимость оценок от используемого корпуса, нестабильность результатов, систематические искажения, связанные с длиной анализируемых ответов), которые заставили исследователей перейти к более продвинутым моделям дистрибутивной семантики (GloVe, Word2Vec), большим языковым моделям и обучению с учителем. Большие языковые модели (особенно дообученные на материале тестов креативности) показали более высокую эффективность, чем модели, оценивающие семантические расстояния, и приблизились к оценкам, которые дают эксперты. Помимо оценки оригинальности, в статье рассматриваются работы, в которых предлагаются методы автоматической оценки разработанности, гибкости, ассоциативного потока и дивергентной семантической интеграции. Приводятся ссылки на онлайн-платформы, позволяющие получать автоматические оценки оригинальности ответов на дивергентные тесты. Обсуждается проблема интерпретации полученных с помощью больших языковых моделей результатов. Недостатком применения этих моделей является отсутствие понимания, на каких основаниях выносятся суждения об оригинальности творческих продуктов. Обсуждаются перспективы применения объяснимого искусственного интеллекта для оценки результатов вербальных и невербальных тестов творческого мышления.

Ключевые слова: дивергентные тесты, оригинальность, автоматическая обработка, семантические расстояния, дистрибутивная семантика, латентно-семантический анализ, большие языковые модели.

Валуева Екатерина Александровна — научный сотрудник, лаборатория психологии и психофизиологии творчества, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук»; старший научный сотрудник, лаборатория

From 2009 to 2019, latent semantic analysis became the primary method for assessing semantic distances. Overall, in terms of internal consistency and correlation with expert ratings, its application yielded satisfactory results, maintaining an acceptable balance of quality and effort expended. However, issues emerged (dependence on the corpus used, result instability, systematic distortions related to the length of analyzed responses), prompting researchers to transition to more advanced models of distributional semantics (GloVe, Word2Vec etc.), large language models, and supervised learning. Large language models, especially those fine-tuned on creativity test materials, demonstrated higher effectiveness compared to models assessing semantic distances and approached expert evaluations. In addition to evaluating originality, the article considers works proposing methods for automatic assessment of elaboration, flexibility, associative flow, and divergent semantic integration. References to online platforms that allow for automatic assessments of originality in responses to divergent tests are provided. The issue of interpreting results obtained through large language models is discussed. A drawback of using these models is the lack of understanding of the basis on which judgments of the originality of creative products are made. The perspectives of applying explainable artificial intelligence for evaluating results of verbal and non-verbal tests of creative thinking are being discussed.

Keywords: divergent thinking tests, originality, automatic processing, semantic distances, distributional semantics, latent semantic analysis, large language models.

Ekaterina A. Valueva — Research Fellow, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; Senior Researcher, Laboratory for the Study of Cognitive and Communicative Processes in

исследования когнитивных и коммуникативных процессов у подростков и юношей при решении игровых и учебных задач в цифровых средах, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: когнитивная психология, интеллект, творчество.

Контакты: ekval@list.ru

Панфилова Анастасия Сергеевна — научный сотрудник, лаборатория психологии и психофизиологии творчества, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук», кандидат технических наук.

Сфера научных интересов: когнитивная психология, методы машинного обучения.

Контакты: panfilova87@gmail.com

Рафикова Антонина Семеновна — научный сотрудник, Государственный академический университет гуманитарных наук; научный сотрудник, лаборатория психологии и психофизиологии творчества, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: психолингвистика, когнитивная психология.

Контакты: antoninaraf@yandex.ru

Adolescents and Young Adults while Solving Game and Educational Problems using Digital Environments, Moscow State University of Psychology & Education, PhD in Psychology.

Research Area: cognitive psychology, intelligence, creativity.

E-mail: ekval@list.ru

Anastasia S. Panfilova — Research Fellow, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, PhD in Engineering.

Research Area: cognitive psychology, machine learning methods.

E-mail: panfilova87@gmail.com

Antonina S. Rafikova — Research Fellow, State Academic University for the Humanities; Research Fellow, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, PhD in Psychology.

Research Area: psycholinguistics, cognitive psychology.

E-mail: antoninaraf@yandex.ru

In our view, one main methodological bottleneck that limits the productivity and impact of creativity research has historically been the time- and resource-intensiveness of human-rated DT tasks (Dumas, Organisciak, Doherty, 2021).

Наиболее распространенным методом диагностики креативности в эмпирических исследованиях являются тесты дивергентного мышления. Дивергентное мышление — это процесс порождения разнообразных идей, в отличие от поиска единственного правильного решения. Тесты на дивергентное мышление включают задачи, в которых людей просят предложить как можно больше решений в ответ на данную проблему. Например, задачи могут включать в себя создание как можно большего количества предметов, удовлетворяющих определенным критериям, нахождение сходства между различными объектами, выявление новых способов использования объекта, предсказание как можно большего количества последствий гипотетической ситуации, завершение предложенных рисунков различными способами и т.д.

Оценка результатов тестирования — главная проблема в исследованиях креативности. Беглость (количество предложенных идей), оригинальность

(качество предложенных идей) и гибкость (разнообразие предложенных идей) являются основными параметрами, по которым оценивают работу испытуемых. Подсчет количества предложенных идей является самым простым способом оценки (чем больше придумал идей, тем более креативный), но вместе с тем оказывается наименее надежным с точки зрения конструктивной валидности (Reiter-Palmon et al., 2019).

Оригинальность можно трактовать, учитывая три аспекта: редкость, удаленность, остроумность (Wilson et al., 1953). Последний аспект, как правило, специально не оценивается, но может быть учтен экспертами при выставлении оценок. Оригинальность как редкость может быть оценена на основе частотного принципа: ответы испытуемых объединяются в группы по принципу схожести, после чего подсчитывается количество ответов в определенной категории и выставляются оценки оригинальности, обратно пропорциональные частотности категории. Сложность здесь заключается в том, что не всегда очевидно, можно ли считать два ответа одинаковыми или нужно отнести их к разным группам (а от этого сильно зависит подсчет частотности). Недостатками этого подхода также являются высокая трудоемкость, необходимость иметь большую базу ответов для более надежных оценок (Forthmann et al., 2020) и сильная зависимость частоты встречаемости ответов от особенностей испытуемых (возраст, уровень образования, профессиональная группа и т.д.).

Оригинальность как удаленность — это непохожесть идеи на другие, что часто связано с выявлением неочевидного свойства стимула, предложенного в задаче. До недавнего времени оценка необычности могла быть проведена лишь экспертами. Для экспертной оценки оригинальности привлекаются специально обученные люди (которые, как правило, являются непосредственно организаторами эксперимента, их студентами или коллегами). Эксперты оценивают либо каждый ответ испытуемого в отдельности, либо весь набор ответов одного испытуемого целиком (Silvia et al., 2009). Каждый ответ должны оценить как минимум два эксперта, чтобы минимизировать субъективность оценок. Иногда добиться согласованности экспертов бывает сложно: они могут иметь разные критерии креативности или изменять свои собственные критерии по мере приобретения опыта. Все это ставит под сомнение надежность полученных результатов (критический обзор техники консенсусной оценки см.: Cseh, Jeffries, 2019).

Гибкость является важным с теоретической точки зрения измерением креативности, но крайне редко используется исследователями как реальная переменная. Скорее всего, это связано с большой трудоемкостью подсчетов. Гибкость может трактоваться либо как количество категорий, к которым относятся идеи испытуемых, либо как количество переключений между категориями в процессе порождения идей (Grajzel et al., 2023). Для подсчета гибкости также требуется разделение ответов на категории. Дополнительная проблема при подсчете гибкости связана с тем, что оценки гибкости напрямую связаны с шириной категорий: чем уже категории, тем выше показатели гибкости и тем больше они коррелируют с беглостью. Определение ширины категорий оказывается самым важным процессом, который также очень сильно

подвержен субъективности. Как правило, гибкость действительно довольно высоко коррелирует с оригинальностью и беглостью, поэтому предпочтение отдается последним.

Таким образом, главными ограничениями, возникающими при диагностике креативности, являются субъективность и потраченные усилия и время. Автоматический подсчет баллов позволяет преодолеть перечисленные выше сложности, поэтому неудивительно, что развитие информационных технологий сразу же привело к попыткам их применения в области исследования творческого мышления. На настоящий момент огромное количество работ связано с оценкой вербальной креативности, а подходы, позволяющие оценить рисуночные тесты, только начинают разрабатываться (Storpley, Maggione, 2022; Patterson, Barbot et al., 2023). Как мы увидим ниже, при разработке методов автоматической оценки вербальной креативности оригинальность (в аспекте удаленности) стала трактоваться как семантическая дистанция ответов по отношению к предъявленному стимулу. Именно на вычислении семантических расстояний сосредоточены основные усилия исследователей.

Что легко посчитать?

Дополнительные усилия и хитрые алгоритмы искусственного интеллекта не требуются, чтобы посчитать показатель беглости — для этого нужно лишь оценить общее количество небесмысленных ответов у испытуемого. Иногда исследователи обращаются к еще одному показателю — разработанности. Новизна и полезность (применимость, пригодность) — основные критерии творческого продукта (Runco, Jaeger, 2012), и именно разработанность связана с применимостью. Разработанность определяется как степень детализированности ответа (насколько подробно испытуемый объясняет или изображает свою идею). Разработка и конкретизация идеи повышают ее качество, делают идею более реалистичной или применимой на практике.

Основные силы исследователей, как мы увидим ниже, были брошены на совершенствование методов оценки новизны идей (что неудивительно, так как новизна, по всей видимости, является ведущим критерием креативности (см., например: Diedrich et al., 2015)). Вместе с тем разработанность идеи в вербальном тесте довольно легко оценить по количеству использованных слов. Д. Дюма с соавт. (Dumas, Organisciak, Maio, Doherty, 2021) усовершенствовали простой подсчет количества слов и сравнили четыре метода оценки разработанности вербальных ответов: невзвешенный подсчет слов, метод учета частей речи, метод учета стоп-слов и метод взвешивания по обратной частоте документа (IDF weighting).

Преимуществом невзвешенного подсчета слов является простота интерпретации: каждое слово в ответе испытуемого относится к латентному конструкту разработанности, и его оценка линейно увеличивается с каждым использованным словом. Проблема заключается в том, что каждому слову придается равный вес при подсчете, а это не всегда может быть справедливо. В отличие от невзвешенного подсчета слов, метод учета частей речи направлен на исключение очень распространенных или менее концептуально значимых

слов, т.е. идентифицируются части речи, которые включаются в анализ, и части речи, которые исключаются из анализа. Авторы включили в свой анализ существительные, глаголы, прилагательные и наречия. Метод учета стоп-слов позволяет исключить из анализа определенные слова; обычно это очень распространенные слова (например, *if, is, it*) или слова, не несущие семантической нагрузки, а призванные определять структуру предложения (например, *although, meanwhile, whereas*). Как правило, списки стоп-слов довольно универсальны и находятся в свободном доступе. Дюма с соавт. воспользовались одним из них (https://github.com/explosion/spaCy/blob/a741de7cf658ce9a90d7afe67c88face8fb658ad/spacy/lang/ru/stop_words.py). Методы учета стоп-слов и частей речи представляют собой схемы взвешивания, при которых включенные слова получают вес, равный единице, а исключенные слова получают нулевой вес. Метод взвешивания по обратной частоте документа основан на том, что каждое слово получает определенный вес, обратно пропорциональный частоте слов: общеупотребительные слова получают меньшие веса, а реже употребляемые слова получают большие веса. Веса слов были взяты из предварительно подготовленного одним из авторов корпуса художественных текстов (<https://sense.porganized.com/a-dataset-of-term-stats-in-literature-e95d39bd5959>).

Авторы оценили результаты теста «Необычное использование» четырьмя обозначенными выше способами и сопоставили баллы с другими показателями — с беглостью, оригинальностью, с данными по опросникам креативности, а также посчитали средние для разных профессиональных групп (не артисты, студенты-артисты, профессиональные артисты). Четыре оценки разработанности высоко коррелировали между собой (от 0.93 до 0.99), сходным образом коррелировали с другими переменными (негативно — с беглостью, незначимо позитивно — с оригинальностью, положительно — с самооценкой в сфере литературного творчества), а также были способны дифференцировать группы актеров и не актеров. Вместе с тем чуть более выраженные результаты по всем видам сравнений были получены с помощью метода исключения стоп-слов, поэтому авторы рассматривают его как наиболее перспективный и рекомендуют к использованию (Dumas, Organisciak, Maio, Doherty, 2021).

Лексические базы данных

С теоретической точки зрения наиболее важным параметром оценки креативности является оригинальность ответов. Как было отмечено выше, в эпоху ручных подсчетов оригинальность понималась либо как редкость («античастотность»), либо как согласованность экспертного мнения в отношении необычности (креативности) ответов. В контексте автоматической оценки вербальной креативности оригинальность стала интерпретироваться как семантическая удаленность, т.е. как расстояние на ассоциативной сети, которое отделяет ответ испытуемого от слова-стимула. Способы оценки семантического расстояния эволюционировали от использования лексических баз данных (например, WordNet) до оценки взаимоотношений между словами с помощью больших языковых моделей. Оценка оригинальности с помощью

семантических расстояний концептуально близка к оценкам частотности, так как вероятность извлечения семантически удаленного понятия оказывается существенно меньше, чем вероятность использования семантически близкого (однако иногда проводится разделение аспектов частотности (uncommonness) и удаленности (remoteness) (Forthmann et al., 2017)).

В одной из первых работ было предложено использовать лексическую базу WordNet для категоризации ответов испытуемых в тесте «Необычное использование» (Bossomaier et al., 2009). WordNet — это лексикон, в котором слова группируются в синонимические множества (синсеты) и связаны различными семантическими отношениями, такими как гиперонимия (более общий термин) и гипонимия (более специфический термин) и т.д. Авторы предложили распределять ответы по семантическим категориям, опираясь на показатели семантической близости. Таким образом можно оценивать разнообразие идей, не опираясь на субъективные оценки близости понятий. Эта работа имела теоретический характер, эмпирических данных для оценки эффективности предложенного подхода не было приведено. Однако в другой работе (Acar, Runco, 2014) было проведено сравнение эффективности использования разных лексических баз (WordNet, Word Associations Network и IdeaFisher) для подсчета показателей креативности. Word Associations Network — это семантическая база данных, содержащая информацию о том, какие слова ассоциируются друг с другом в языке. IdeaFisher — это программное обеспечение, разработанное для стимулирования и улучшения творческого мышления и генерации идей и содержащее также ассоциативную базу слов. Близкими ассоциациями считались ответы, которые присутствовали в ассоциативном списке соответствующей базы, далекими — те, которые отсутствовали. Индексы креативности, полученные с использованием трех баз, в значительной степени коррелировали между собой (что часто не наблюдается при экспертном оценивании), при этом более согласованными оказались оценки далеких ассоциаций по сравнению с близкими. В более позднем исследовании авторы увеличили количество баз, на основе которых вычисляется семантическое расстояние (Beketayev, Runco, 2016), и сравнили полученные оценки с традиционным способом подсчета. Выяснилось, что два способа подсчета близки в оценке гибкости (корреляция составила 0.74), но довольно сильно различаются в оценке оригинальности ($r = 0.36$).

Дистрибутивная семантика: латентно-семантический анализ

Направление, связанное с использованием статических баз данных, довольно быстро зашло в тупик, так как применение ограниченных по объему словарей часто не позволяет полноценно проанализировать все ответы испытуемых. Более перспективной оказалась линия, связанная с использованием дистрибутивной семантики. Основная идея дистрибутивных моделей заключается в том, что слова, встречающиеся в похожих контекстах, с большой вероятностью будут иметь сходное значение. Модели призваны описать все слова с помощью векторов (эмбедингов) определенной размерности.

Семантическую близость слов при этом можно оценить как расстояние между векторами, с помощью которых слова представлены в моделях.

Метод латентно-семантического анализа (LSA) позволяет количественно выразить семантическую близость слов путем подсчета частоты слов в большом объеме документов. Первым шагом LSA является построение матрицы, где каждое слово представлено строкой, а каждый документ — столбцом. Ячейки этой матрицы заполняются числом вхождения определенного слова в соответствующий документ. Затем матрица преобразуется так, чтобы реже встречающиеся слова имели больший вес (так как менее частотные слова обычно сообщают более конкретные смыслы), а более часто встречающиеся слова — меньший вес. После применения к матрице сингулярного разложения (сходного с анализом главных компонент) размерность пространства уменьшается (обычно до 300–400 измерений). В полученном семантическом пространстве слова представлены как векторы, расстояние между которыми можно измерить, взяв обратный косинус угла между векторами (значения, близкие к единице, интерпретируются как несвязанные слова, нулевые значения — как одинаковые слова). Также можно измерять расстояния не просто между отдельными словами, а между фразами (двумя ответами испытуемого, например) путем объединения векторов слов в центроиды.

И. Форстер и К. Данбар впервые применили LSA для анализа ответов на тест «Необычное использование» в 2009 г. (Forster, Dunbar, 2009). Интересно отметить, что они рассчитывали семантическое расстояние не между словом-стимулом и ответами испытуемого (как это будет делаться в последующих исследованиях), а сравнивали ответы испытуемого с ответами других людей или с наиболее типичным использованием предмета. Именно последняя оценка (сравнение с наиболее типичным использованием) коррелировала с экспертными оценками креативности ($r = 0.60$), а включение в регрессионную модель беглости (количество идей) и разработанности (количество использованных слов) наряду с оценкой LSA позволило объяснить 64% дисперсии экспертных оценок креативности. Так как экспертные оценки сильно подвержены искажениям из-за вариаций в согласованности экспертов, самым большим преимуществом LSA является стандартизация процедуры присваивания баллов.

Получив в руки мощный инструмент, исследователи стали применять его для тестирования теоретических моделей. Так, например, Д. Дюма и К. Данбар выяснили, что два измерения креативности — беглость и оригинальность (оцененная с помощью LSA) — представляют собой связанные (0.38), но отдельные факторы (Dumas, Dunbar, 2014). Более того, оценка конструктивной валидности с помощью факторного анализа продемонстрировала более высокие показатели именно для оригинальности ($H = 0.816$) по сравнению с беглостью ($H = 0.631$). Д. Дюма и М. Ранко (Dumas, Runco, 2018) показали, что показатели оригинальности (по LSA), очищенные от влияния беглости (т.е. взятые как остатки регрессии оригинальности на беглость), обладают достаточной внутренней согласованностью, что свидетельствует о существовании фактора оригинальности, независимого от беглости. В еще одной статье Дюма использовал LSA для проверки пороговой теории креативности — теории,

согласно которой связь интеллекта и креативности наблюдается до определенного уровня (порога) интеллекта, а потом эти показатели становятся независимыми (Dumas, 2018). Дюма показал, что пороговая теория справедлива для оригинальности, но не для беглости. При этом важным теоретическим продвижением стал вывод о том, что переменной, на которой располагается порог, должна быть креативность (оригинальность), а не интеллект (т.е. до определенного уровня креативности интеллект связан с оригинальностью, а потом эти две способности становятся независимыми). Р. Бити с соавт. продемонстрировали, что семантические расстояния между ответами в тесте на ассоциативную беглость совместно с управляющими функциями значимо предсказывают результаты теста «Необычное использование». Тем самым авторы показали роль как восходящих, так и нисходящих процессов в творческом мышлении (Beaty et al., 2014).

Также было изучено значительное влияние инструкции на проявление творческих способностей. Р. Прабхакаран с соавт. предложили новый инструмент диагностики креативности — придумывание глагола в ответ на существительное (Prabhakaran et al., 2014). Испытуемым либо давалась, либо не давалась инструкция быть креативными. С помощью LSA считалась оригинальность предложенного ответа. Полученные оценки семантической дистанции высоко коррелировали с фактором, образованным традиционными мерами креативности (дивергентное мышление, невербальные задания теста Торренса, сочинение историй, опросник креативности) ($\beta = 0.5$), при этом значимая корреляция сохранялась даже при контроле интеллекта ($\beta = 0.3$). Однако эти связи наблюдались только в условиях, когда испытуемым специально давалась установка на креативность. В продолжение этого исследования Д. Хайнен и Д. Джонсон задались вопросом о том, какой аспект креативности (новизна или пригодность) и в какой мере отражается в измерении семантического расстояния (Heinen, Johnson, 2018). Испытуемым также требовалось придумывать глагол в ответ на существительное в соответствии с тремя инструкциями: 1) дать творческий ответ; 2) дать оригинальный ответ; 3) дать наиболее пригодный ответ. Ответы испытуемых были оценены экспертами с точки зрения креативности, новизны и пригодности, а также были вычислены семантические дистанции между существительными и сгенерированными глаголами. Во-первых, семантические расстояния на базе LSA высоко коррелировали с оценками как креативности (0.47–0.71), так и новизны (0.69–0.97). Во-вторых, на основе сопоставления условий с разными инструкциями авторы приходят к выводу, что участники, руководствованные инструкцией давать творческий ответ, жертвовали некоторой новизной, чтобы соответствовать критерию пригодности и, таким образом, достигнуть действительно творческих ответов (учитывающих оба аспекта креативности). Авторы считают, что именно семантическая дистанция (в условиях установки на творческий продукт) позволяет наиболее точно оценить истинную креативность, включающую в себя как новизну, так и практическую применимость.

LSA также использовался для изучения установок и межгрупповых различий в проявлениях креативности. Исследование Д. Дюма и К. Данбар (Dumas,

Dunbar, 2016) было посвящено тому, как стереотипы влияют на дивергентное мышление. Участникам эксперимента было предложено при выполнении теста «Необычное использование» представить себя либо «эксцентричным поэтом», либо «строгим библиотекарем». Результаты показали, что участники, прошедшие тестирование в роли «эксцентричного поэта», продемонстрировали более высокие результаты (как по семантической дистанции, так и по беглости), чем участники из другой «стереотипной» группы и контрольной группы. Авторы делают важный теоретический вывод о том, что, возможно, представление о креативности как устойчивой индивидуальной способности неверно. Дюма и Стрикленд обнаружили, что вредоносная креативность предсказывается полом (мужчины более склонны придумывать зловерные идеи) и (независимо от пола) оригинальностью, но не беглостью (Dumas, Strickland, 2018).

Проблемы с LSA

LSA оказался весьма привлекательным инструментом для исследования дивергентного мышления, позволяя получить оценки оригинальности (удаленности), как правило, имеющие преимущество перед экспертными оценками в отношении внутренней согласованности (см., например: Dumas, Runco, 2018; Forster, Dunbar, 2009), давая возможность исследовать важные теоретические проблемы. Однако по мере накопления опыта в использовании LSA для обработки тестов дивергентного мышления стали возникать вопросы к его валидности и универсальности.

В первую очередь, исследователь принимает важное решение о том, какой корпус текстов использовать для построения семантического пространства. В большинстве первых исследований применялся так называемый корпус TASA (Touchstone Applied Science Associates), включающий около 37 тыс. документов и более 11 млн слов и составленный для приблизительного охвата опыта чтения типичного англоговорящего студента («general-reading-up-to-the-first-year-in-college»). Как мы увидим далее (Forthmann et al., 2019), по всей видимости, использование этого корпуса текстов может занижать корреляции с внешними критериями за счет недостаточного объема. Другой аспект связан с содержанием текстов. В своем исследовании Р. Хасс изучал кластеризацию ответов на тест «Необычное использование» (Hass, 2017a). Он показал, что экспертные оценки сходства между ответами в кластере (например: «использовать кирпич в качестве веса», «использовать кирпич, чтобы держать дверь открытой», «использовать кирпич, чтобы держать дверь закрытой») гораздо более высокие, чем оценки, полученные с помощью LSA. Вывод Хасса таков: «То, что LSA не может сделать, это предоставить меру сходства этих ответов в контексте возможных применений для кирпича. Иными словами, рассматриваемые по отдельности, слова “вес” и “дверь” не встречаются достаточно часто, чтобы иметь сходство по LSA. Тем не менее, как подсказывает здравый смысл, ответ “удерживание двери, подпертой кирпичом”, основан на факте, что кирпичи обычно имеют значительный вес» (Ibid., p. 354). При этом в том же исследовании Хасс показал, что динамика оценок семантической

близости между вопросом и последовательными ответами испытуемых соответствует теоретически ожидаемой. Таким образом, для принятия решения о возможности использования LSA для конкретной задачи следует учитывать, насколько планируемое к использованию семантическое пространство адекватно исследуемым вопросам.

Другая проблема связана с нестабильностью результатов: не во всех исследованиях и не для всех тестов дивергентного мышления оценки семантической дистанции достаточно высоко коррелируют с экспертными оценками. Так, например, Хасс обнаружил, что для задачи, где надо придумать примеры определенной категории (например, «Круглые вещи»), корреляции экспертных оценок с оценками LSA крайне низкие. Для теста «Необычное использование» корреляционные связи в исследовании Хасса также были заметно ниже, чем в других исследованиях (около 0.2) и существенно зависели от размерности пространства LSA (Hass, 2017b). В работе Н. Ла Вуа с соавт., напротив, были получены очень высокие корреляции оценок оригинальности по LSA с экспертными оценками для теста «Последствия» ($r = 0.94$), но, видимо, это связано с особенностями метода, который был применен для подсчета оригинальности (LaVoie et al., 2020). В исследовании С. Ачара с соавт. методы дистрибутивной семантики также показали себя хуже в отношении теста «Просто представь», по сравнению с тестом «Необычное использование» (Acar et al., 2023). Б. Фортман с соавт. продемонстрировали, что по крайней мере часть этой проблемы может быть связана с тем, что семантические расстояния, подсчитанные с помощью LSA, искажаются длиной ответа (разработанностью). Они обнаружили, что корреляция экспертных оценок креативности с семантической дистанцией повышается с 0 до 0.553 при контроле длины ответа. Авторы считают, что это связано с артефактом оценки семантических расстояний: взятые случайным образом косинусы имеют тенденцию быть выше (а расстояния, соответственно, ниже) для более длинных фраз по сравнению с более короткими (Forthmann et al., 2017). В другом исследовании Б. Фортман с соавт. явным образом продемонстрировали этот эффект с помощью компьютерной симуляции, а также предложили варианты для коррекции нежелательных смещений (Forthmann et al., 2019). Для каждого потенциально возможного количества слов в ответе (одно, два, три и т.д.) авторы отобрали из используемого пространства LSA по 10 тыс. случайных наборов слов, посчитали семантические расстояния между ними и фразой, используемой в качестве стимула, и показали, что семантические расстояния систематически уменьшаются по мере увеличения количества слов в ответе. Такое смещение, по всей видимости, является следствием метода сложения векторов для репрезентации фраз. Авторы предложили, во-первых, исключать стоп-слова из ответов испытуемых (что в первую очередь сокращает количество слов в ответе), а во-вторых, использовать коррекцию смещения (вычитать из косинуса реальных ответов косинус случайных ответов). В качестве критерия для оценки качества LSA-оценок оригинальности авторы использовали экспертные оценки и обратные показатели частотности ответов (редкость ответа). Наиболее высокие корреляции между семантическим расстоянием и внешними критериями

(экспертные оценки — $r = 0.477$; редкость — $r = 0.507$) были обнаружены при одновременном удалении стоп-слов, коррекции смещения и использовании более крупного семантического пространства (EN 100k vs TASA). Также примечательно, что и в этой работе конвергентная валидность была выше для теста «Необычное использование», чем для теста «Последствия».

За пределами LSA: предсказательные модели и GloVe

Описанные выше сложности с LSA, а также эволюция искусственного интеллекта в области обработки естественного языка логично привели к попыткам использовать другие модели для анализа результатов по тестам креативности.

В первую очередь исследователи стали изучать возможности моделей Word2Vec (Mikolov et al., 2013) и GloVe (Global Vectors for Word Representation) (Pennington et al., 2014). Word2Vec является нейросетью неглубокого обучения. В ее основе лежит представление о том, что похожие слова встречаются в похожих контекстах. На выходе слова, имеющие похожий смысл, будут иметь близкие числовые векторы, а связи между не встречающимися совместно словами будут минимизированы. В Word2Vec существует два основных подхода: предсказание слова на основе его контекста (Continuous Bag of Words, CBOW) и предсказание контекстных слов на основе целевого слова (Skip-Gram). Модель GloVe, так же как и LSA, использует матричное разложение и создает векторные представления слов, основываясь на том, насколько часто слова встречаются вместе в текстовом корпусе. Модель настраивает параметры так, чтобы полученные векторы наилучшим образом соответствовали статистике встречаемости слов.

В исследовании Д. Дюма с соавт. изучались возможности четырех моделей (по сравнению с экспертными оценками) в отношении внутренней согласованности получаемых оценок оригинальности для теста «Необычное использование», а также в отношении предсказательной валидности (корреляции с беглостью, разработанностью, самооценками креативности и личностных черт) (Dumas, Organisciak, Doherty, 2021). В исследовании использовались две модели на основе LSA (TASA и EN 100k), GloVe и Word2Vec (Skip-Gram). Лучшую внутреннюю согласованность (0.94) продемонстрировали экспертные оценки, модель GloVe (0.80) и модель TASA (0.81) следовали за ними. Остальные модели показали более низкую согласованность (0.73–0.74). Ни одна из оценок оригинальности значимо не коррелировала с самоотчетными методиками креативности, но оценки по GloVe при этом коррелировали (хоть и незначимо) наиболее похожим на экспертные оценки образом. Также оценки GloVe наименьшим образом (0.23), по сравнению с другими семантическими дистанциями (0.24–0.24), коррелировали с разработанностью, что тоже было приближено к экспертным оценкам (0.22). Авторы делают вывод о преимуществе модели GloVe для оценки оригинальности ответов на дивергентные тесты и связывают это преимущество с несколькими причинами: с очень большим размером и неспецифичностью содержания обучающего корпуса, а

также с применением вероятностного моделирования. Сходные результаты о преимуществе GloVe перед моделями LSA получили и С. Ачар с соавт. (Acar et al., 2023). По результатам исследования Д. Дюма с соавт. представили онлайн-платформу Open Creativity Scoring (OCS) (Organisciak, Dumas, Acar, de Chantal, 2023). С помощью этой платформы К. Гражзель с соавт. (Grajzel et al., 2023) провели дополнительный анализ данных из исследования Ачара с соавт. (Acar et al., 2023). Были проанализированы показатели гибкости, полученные в результате обработки тестов «Необычное использование» и «Просто представь». Если оригинальность понимается как семантическая удаленность каждого ответа испытуемого от слова-стимула, то гибкость — это семантические расстояния между последовательными ответами испытуемых (для агрегирования при этом применялись разные методы — суммирование, усреднение или максимальная оценка). Сопоставлялись оценки оригинальности, беглости и гибкости, посчитанные согласно руководству к тесту Торренса и вычисленные с помощью модели GloVe на платформе OCS. Оценки гибкости на основе семантических расстояний значимо коррелировали с «традиционными» оценками (r от 0.25 до 0.72 в зависимости от способа агрегирования). С помощью конфирматорного факторного анализа для теста «Необычное использование» было показано, что усреднение семантических расстояний максимизирует корреляцию гибкости с оригинальностью ($r = 0.79$) и минимизирует корреляцию гибкости с беглостью ($r = 0.32$). Напротив, использование максимальных оценок максимизирует корреляцию гибкости с беглостью ($r = 0.63$) и минимизирует — гибкости с оригинальностью ($r = 0.12$). Дополнительные преимущества использования максимальной оценки (вместо усреднения семантических расстояний для всех слов в ответе) показаны в работе Ю. Ю с соавт. (Yu et al., 2023).

Р. Бити и Д. Джонсон (Beaty, Johnson, 2021) оценивали оригинальность для теста «Необычное использование» и «Теста творческих ассоциаций» (придумывание глаголов в ответ на существительное) в пяти семантических пространствах. Три из них построены как модели CBOW, предназначенные для предсказания слов исходя из окружающего их контекста, аналогично Word2Vec, и различающиеся размерностью и объемом обучающих корпусов. Еще два — TASA на основе LSA и GloVe. Представленный в статье анализ обладал следующими особенностями: 1) применялся метод умножения векторов (а не сложения) в случае вычисления вектора для фраз; 2) автоматические оценки оригинальности были получены не для каждого пространства в отдельности, а в виде латентного фактора всех этих пространств, вычисленного в результате конфирматорного факторного анализа. Латентный фактор отражает общую дисперсию семантических расстояний, вычисленных разными методами. В пяти исследованиях было обнаружено, что латентный фактор коррелировал с экспертными оценками креативности высоко и значимо (коэффициенты корреляции варьировали от 0.45 до 0.91), часто (но не всегда) превосходя корреляции для отдельных семантических пространств. Было показано, что использование метода умножения векторов (а не сложения) позволяет устранить проблему, связанную с отрицательной корреляцией

между семантическими расстояниями и длиной ответа (разработанностью). В этом исследовании было показано, что латентный фактор семантического расстояния (так же как и экспертные оценки) положительно коррелирует с разработанностью (на уровне около 0.4). Последний результат особенно примечателен, так как обычно семантические расстояния коррелируют с количеством слов отрицательно. Оценки семантической дистанции также положительно коррелировали с показателями когнитивных и самооценочных мер креативности (придумывание метафор, творческая самоэффективность), но не с когнитивными и личностными факторами (флюидный интеллект и открытость опыту). Результатом исследования авторского коллектива также стала онлайн-платформа — SemDis.

Затем Р. Бити с соавт. изучали, как влияют особенности стимульного материала теста «Необычное использование» на надежность и валидность оценок семантических расстояний (Beaty et al., 2022). По результатам двух исследований авторы разработали рекомендации для повышения достоверности оценок оригинальности с использованием семантического расстояния в тесте «Необычное использование». В частности, авторы отобрали из 46 объектов-стимулов 13, по которым оценки семантических расстояний получаются наиболее согласованными, рекомендуют использовать инструкцию «быть креативным» и избегать многословных стимулов (т.е. не использовать словосочетания типа «гитарная струна»). Также было показано, что при использовании нескольких семантических пространств способ агрегации результатов для подсчета итогового балла (простое усреднение, вычисление факторных оценок и т.д.) существенно не влияет на валидность и надежность полученных оценок (Forthmann et al., 2023).

Бити с соавт. (Beaty et al., 2021) исследовали понятие потока, направленного вперед (Gray et al., 2019), для описания динамики ассоциативных связей, последовательно возникающих в процессе блуждания мыслей. Здесь они использовали тот же подход, что и в предыдущей работе (латентный фактор семантических расстояний для описания потока, объединение семи семантических пространств (четыре модели CBOW, две модели LSA и модель GloVe)). Было показано, что поток, направленный вперед, предсказывает дополнительную дисперсию в экспертных оценках дивергентного мышления, сверх дисперсии, которую предсказывают интеллектуальные способности. С теоретической точки зрения это свидетельствует о том, что ассоциативные способности являются уникальным предиктором креативности, который не является избыточным по отношению к общим когнитивным способностям (см. также: Beaty et al., 2014).

Большие языковые модели

Несмотря на существенное продвижение в области автоматической оценки творческих продуктов, ни одной из предложенных моделей дистрибутивной семантики не удалось в полной мере имитировать оценки креативности, выставляемые экспертами, особенно если речь шла не об однословных ответах,

а об идеях, выраженных в виде целых текстов (Wang et al., 2023). Конкурентами контекстно-независимых моделей дистрибутивной семантики в исследованиях творчества очень быстро стали модели, основанные на нейросетях глубокого обучения, позволяющие не только учитывать частоту встречаемости слов, но и распознавать значение слов в зависимости от контекста. Эти глубокие нейронные сети требуют обучения на огромных объемах текста и имеют много слоев, каждый из которых создает различные контекстно-зависимые эмбединги, кодирующие различные типы морфосинтаксической и семантической информации. Среди моделей, испробованных на сегодняшний день исследователями творчества, находятся BERT, RoBERTa, GPT-2, GPT-3, T5.

Д. Джонсон с соавт. (Johnson et al., 2022) предложили понятие дивергентной семантической интеграции (ДСИ) для оценки креативности текстов (нарративов), создаваемых испытуемыми. ДСИ характеризует степень, в которой текст объединяет не связанные или отдаленно связанные идеи. Показатель ДСИ — это средняя семантическая дистанция между всеми словами текста. Авторы сравнили эффективность шести моделей (три модели SBOW, две модели LSA, модель GloVe и BERT) на материале разных исследований, в которых испытуемым надо было придумывать короткие истории. Во всех исследованиях модель BERT превосходила другие модели, демонстрируя корреляции с экспертными оценками вплоть до 0.85. В своем исследовании Джонсон с соавт. в том числе провели реанализ данных К. Зеделиус с соавт. (Zedelius et al., 2019). Изначально Зеделиус с соавт. оценивали написанные испытуемым истории с помощью лингвистических инструментов — Coh-Metrix (оценка связанности и согласованности текстов, синтаксической простоты и конкретности слов) и LIWC (Linguistic Inquiry and Word Count — лингвистический анализ на основе частоты слов, попадающих в различные лингвистические и психологические категории). Полученные ими лингвистические оценки слабо коррелировали с экспертными оценками разных аспектов креативности текстов, особенно с оригинальностью. При этом модель BERT (Johnson et al., 2022) смогла предсказать оригинальность полученных текстов на уровне $r = 0.35$. Вместе с тем, как отмечают авторы, одна из проблем, которая может быть связана с диагностикой креативности по ДСИ, — это то, что ДСИ будет велика как для действительно креативных текстов, так и для случайных наборов слов.

Модели глубокого обучения позволили сделать следующий шаг в понимании возможностей искусственного интеллекта оценивать человеческую креативность. Дж. Паттерсон с соавт. провели кросс-культурное исследование, собрав базы ответов с экспертными оценками для теста «Необычное использование» на 12 языках (включая русский) (Patterson, Merseal et al., 2023). Они использовали многоязычные версии BERT и RoBERTa — MBERT и XLMR. Так как эти модели содержат множество слоев, задача состояла в том, чтобы для каждого языка выявить модель и слои, которые наилучшим образом предсказывают экспертные оценки. На половине языков (включая английский) лучшей моделью была MBERT, и в 4 из 12 случаев усреднение двух наиболее

высоко коррелировавших с экспертными оценками слоев модели давало наилучший результат. Самые высокие корреляции с экспертными оценками получены для данных на английском языке ($r = 0.52$), а самые низкие — для иврита, китайского и французского (0.23–0.24). Корреляции с внешними критериями (самооценками креативности, творческими достижениями и открытостью опыту) были невысокими (в основном в пределах от 0 до 0.3), что несколько ниже корреляций этих показателей с экспертными оценками, но согласуется с полученными ранее данными. В целом, исследование не продемонстрировало стабильности результатов на материале разных языков. Подавляющее число описанных в данной статье исследований было проведено на английском. Напрашивается вывод о том, что прямая экстраполяция результатов и выводов на другие языковые контексты по меньшей мере не очевидна.

Обучение с учителем

Еще одним направлением развития в области автоматической оценки креативности стало использование обучения с учителем и дообучения имеющихся больших языковых моделей. На обучающей выборке модель учится предсказывать интересующую переменную исходя из совокупности имеющихся признаков. Эффективность обучения (насколько хорошо удается предсказать значение переменной) оценивается на тестовой выборке. Для непрерывных переменных используются регрессионные модели, для дискретных — модели классификации. При дообучении стандартные языковые модели учатся на примерах экспертных оценок распознавать оригинальность предложенных стимулов.

К. Стивенсон с соавт. (Stevenson et al., 2020) использовали гибридный подход, сочетающий в себе обучение без учителя (кластеризацию) и обучение с учителем в виде получения прогнозов на основе наблюдаемых примеров. На первом этапе была создана база ответов (более 70500 ответов) на тест «Необычное использование» и их оценок, данных экспертами. Ответы были кластеризованы на основе семантических расстояний (использовалась модель Word2Vec). В результате усреднения всех экспертных оценок, специфичных для кластера, получалась репрезентативная средняя оценка креативности для каждого кластера. Новым ответам присваивался балл по креативности семантически ближайшего кластера. Почти по всем показателям валидности и надежности автоматически полученные оценки на высоком уровне коррелировали с оценками экспертов.

П. Бужак с соавт. (Buczak et al., 2023) использовали обучение с учителем для прогнозирования оценок результатов диагностики дивергентного мышления. Они сравнили три алгоритма машинного обучения — Random Forest, XGBoost и Support Vector Regression. Признаки для обучения включали в себя формальные характеристики ответов (количество слов, средняя длина слова, максимальная длина слова), характеристики, вычисленные на основе эмбедингов (с использованием GloVe и Word2Vec), и сами эмбединги. Модели,

включающие все три типа данных, обладали наилучшей предсказательной способностью. Наиболее значимыми предикторами экспертных оценок оказались семантические расстояния и количество слов в ответе. Сравнение трех алгоритмов машинного обучения показало, что Random Forest и XGBoost, как правило, немного превосходили Support Vector Regression.

П. Органайсчак с соавт. (Organisciak, Acar, Dumas, Berthiaume, 2023) дообучили нейросети GPT-3 и T5 на основе 27000 ответов на тест «Необычное использование» из девяти предыдущих исследований и получили впечатляющие результаты. Авторы сравнили разные модели по способности предсказывать экспертные оценки креативности. Лучшей моделью оказалась GPT-3 (корреляция с экспертными оценками достигала 0.81), а корреляции с семантическими расстояниями, посчитанными с помощью платформ SemDis (Beaty, Johnson, 2021) и OSC (Dumas, Organisciak, Doherty, 2021), на этих данных составили всего 0.12 и 0.26 соответственно. Авторы также обучили GPT-3 на примерах определенных заданий (использование кирпича, веревки, ножа и т.д.) и в качестве теста предложили модели оценить креативность ответов на другие слова-стимулы (ложка, бутылка и т.д.). Даже в этом случае лучший вариант модели демонстрировал корреляция с экспертными оценками на уровне 0.63. Более того, авторы проверили способность разных версий GPT оценивать креативность без дообучения. Например, они пробовали обучение с нулевой разметкой, где модели просто предлагалось ответить на вопрос об оригинальности (по шкале от 10 до 50) предложенных способов использования предмета. В случае обучения на небольшом количестве примеров модели предлагались 5 или 20 способов использования предмета с экспертными оценками и ряд других ответов (без оценок), которые модель должна была оценить сама. GPT-4 превзошла в этих заданиях свои предыдущие версии (GPT-3 и GPT-3.5): корреляция с экспертными оценками составила 0.56 для обучения с нулевой разметкой, 0.66 — для обучения на пяти примерах и 0.70 — для обучения на двадцати примерах. Сходным образом в исследовании П. ДиСтефано с соавт. (DiStefano et al., 2023) и в исследовании С. Лучини с соавт. (Luchini et al., 2023) дообученные модели RoBERTa и GPT-2 научились оценивать креативность метафор и ответов в «Тесте творческого решения повседневных проблем» так, что корреляция с экспертными оценками достигала значений 0.70–0.83.

Можно констатировать, что специальным образом дообученные большие языковые модели способны оценивать оригинальность ответов на творческие задания на уровне, мало отличающемся от оценок людей. Остается, однако, вопрос, являются ли внешне сходные (высоко коррелирующие) оценки одинаковыми по природе, ориентируется ли искусственный интеллект на те же паттерны, на которые ориентируется человек, принимая решение о креативности оцениваемого материала, — иными словами, «думает» ли нейронная сеть подобным человеку образом? Для исследователей творчества ответ на этот вопрос имеет большое значение, потому что от него зависит возможность построения моделей творческого мышления человека на основе данных, полученных с помощью искусственного интеллекта.

Онлайн-сервисы для оценки вербальной креативности

Открытый код и доступ к данным играют ключевую роль в современном научном исследовании и технологическом развитии. Они обеспечивают репродуцируемость, содействуют совместной работе и обмену идеями между учеными, способствуют инновациям и развитию открытого и коллективного подхода к науке. Хорошим тоном в работах последнего времени стало предоставление свободного доступа не только к данным, но и к программному коду для их обработки (в основном на платформе <https://osf.io/>). Исследователи творчества, осознавая важность обмена идеями, стали создавать онлайн-системы, облегчающие работу коллег.

подавляющее большинство работ, оценивающих семантические расстояния для тестов дивергентного мышления на основе LSA и Word2Vec, использовали семантические пространства, представленные на сайте https://sites.google.com/site/fritzgntr/software-resources/semantic_spaces (Günther et al., 2015). Можно скачать модели для английского, немецкого, французского, итальянского, испанского и хорватского языков.

Платформа Open Creativity Scoring (<https://openscoring.du.edu/>), разработанная на основе результатов работы Дюма с соавт. (Dumas, Organisciak, Doherty, 2021; Organisciak, Acar, Dumas, Berthiaume, 2023), дает возможность оценить семантические расстояния между вербальным стимулом и ответами испытуемых на него с использованием модели GloVe (OCS) или GPT-3 (Ocsai). И в том, и в другом случае можно выбрать разные варианты моделей, а также при желании автоматически удалить стоп-слова или настроить взвешивание для лучшего контроля количества слов в ответе. Предусмотрены введение данных в специальное поле или загрузка файла для обработки. Результат выдается в виде таблицы, которую можно выгрузить в файл. Для модели GloVe вычисляются семантические расстояния и разработанность, а для GPT-3 — балл оригинальности (от 1 до 5) и разработанность. Важно отметить, что подсчеты на основе модели GPT-3 можно делать не только на английском, но и на русском языке (хотя качество и валидность этих подсчетов не ясны).

Р. Бити и Д. Джонсон (Beaty, Johnson, 2021) предлагают свой вариант онлайн-платформы для обработки вербальных тестов — SemDis (semdis.wlu.psu.edu/). Эта платформа предназначена для обработки результатов тестов на дивергентное мышление и словесные ассоциации, а также для подсчета дивергентной семантической интеграции для текста или поиска ближайших ассоциаций к определенному слову. Можно выбрать между тремя семантическими пространствами: SBOW, моделью LSA (TASA) или моделью GloVe. Также можно выбрать способ, которым объединяются вектора слов в фразах (сложение или умножение), имеется возможность построения графиков. На сайте приведены подробные инструкции для работы с системой и даны ссылки на OSF, где выложены материалы по расчету оценок ДСИ с использованием BERT.

К. Грей с соавт. (Gray et al., 2019) представили платформу «Поток, направленный вперед» (Forward Flow, <http://www.forwardflow.org/>). Это мера, подсчитанная на основе LSA и характеризующая динамику ассоциативных связей, последовательно возникающих в процессе блуждания мыслей. В своих исследованиях авторы продемонстрировали, что мера потока значимо коррелирует как с результатами дивергентных тестов мышления, так и с профессиональными творческими достижениями. На сайте можно проанализировать список слов (свободных ассоциаций) или загрузить целую таблицу с данными (последовательность слов-ассоциаций) и получить в качестве результата матрицу семантических расстояний между ответами, характеризующую поток мыслей.

Перечисленные выше платформы в основном предназначены для исследователей, использующих англоязычный стимульный материал. На русском языке существует сайт RusVectōrēs (<https://rusvectores.org/ru/>). В отличие от англоязычных сервисов, он не был разработан исследователями креативности, но может быть использован для расчета семантических расстояний между словами, подбора ближайших ассоциаций к заданным словам, визуализации семантических связей между словами, скачивания моделей, как контекстуализированных (ELMo), так и статических (Word2Vec, FastText), обученных на разных текстовых корпусах.

Заключение

Оценка результатов тестирования творческого мышления до недавнего времени являлась трудоемким занятием, требующим человеческих ресурсов и занимающим много времени. Автоматизированная оценка результатов диагностики творческого мышления представляет собой актуальную тему в исследованиях креативности, изучение ее возможностей в основном проводятся на материале тестов дивергентного мышления и в подавляющем большинстве случаев (на сегодняшний день) — на вербальном материале.

Первоначально усилия исследователей были направлены на изучение потенциала дистрибутивной семантики. В первую очередь стали применять латентно-семантический анализ, позволяющий вычислять семантические расстояния между словами. Выяснилось, что применение LSA дает высокорелевантные оценки, но иногда они обладают низкой валидностью (низкие корреляции с критериями — например, с экспертными оценками). В некоторых работах были показаны способы улучшить валидность получаемых оценок (исключение стоп-слов, коррекция смещений, использование более крупных корпусов текстов), однако постепенно акцент сместился на другие подходы. Из контекстно-независимых моделей наилучшим образом проявила себя модель GloVe; в целом ряде исследований было показано, что оценки оригинальности, полученные на ее основе, обладают психометрическими преимуществами. Однако на текущий момент самых впечатляющих результатов удалось добиться с помощью дообученных контекстно-независимых больших языковых моделей. Они позволяют обрабатывать длинные ответы и демонстрируют

впечатляющую согласованность с экспертными оценками. Недостатком применения этих моделей, на наш взгляд, является отсутствие понимания, на каких основаниях выносятся суждения об оригинальности творческих продуктов. В области оценки продуктов творческого мышления наблюдается характерная для всех сфер картина: искусственный интеллект добился потрясающей возможности прогнозировать, «понимать» и имитировать человеческое поведение, но при этом более далек от постижения его механизмов, чем, например, психология. С этой точки зрения в области изучения креативности более простые методы, основанные на подсчете семантических расстояний, дают более прозрачный и интерпретируемый результат. При этом наблюдается характерное смещение акцента в работах по мере перехода от LSA к нейросетям глубокого обучения — с содержательного (исследование вопросов теоретического характера, касающихся механизмов креативности) на методический (исследование нюансов подсчетов, позволяющих улучшить надежность и валидность оценок). Логичным направлением дальнейшей работы в этой области является применение объяснимого искусственного интеллекта.

Для русскоязычных исследователей творчества большим ограничением является то, что практически все работы в этой области проводятся на английском языке, а те немногие, которые включают русскоязычный материал (Patterson, Merseal et al., 2023), используют не очень большую выборку. Одним из препятствий к широкомасштабным исследованиям на русском языке является отсутствие доступа к качественным и обширным корпусам данных по тестам креативности, на которых можно было бы тестировать и сравнивать разные модели. Следует также отметить, что важно развивать кооперацию психологов и специалистов по искусственному интеллекту: первые могут задавать осмысленные вопросы в соответствующей предметной области, а вторые — искать на них ответы с помощью наиболее современных методов работы с данными.

Другим направлением должна стать разработка систем автоматической оценки тестов невербальной (рисуночной) креативности. На момент публикации данной статьи описаны только два инструмента для автоматической оценки результатов диагностики невербальной креативности с использованием искусственного интеллекта. Первый был предложен для оценивания результатов «Рисуночного теста творческого мышления» (ТСТ-ДР) К. Урбана (Storley, Marrone, 2022; Urban, 2005). В качестве экстрактора признаков использовалась предварительно обученная модель MobileNets. Она представляет собой сверточную нейронную сеть, состоящую из 53 слоев и обученную на более чем миллионе изображений, взятых из датасета ImageNet. В исследовании использовалось всего 414 изображений для решения задачи классификации результатов теста по нескольким уровням креативности (низкий, средний, высокий). Точность работы модели составила 94.2%. Одним из недостатков ее является тот, что она не представлена в открытом доступе. Единственной моделью для автоматической оценки образной креативности, находящейся в открытом доступе, является платформа для автоматизированной оценки рисунков (Automated Drawing Assessment, AuDrA) (Patterson,

Barbot et al., 2023). Данная модель также была обучена с помощью сверточной нейронной сети ResNet на основе более одиннадцати тысяч рисунков и их оценок, данных пятьюдесятью экспертами. Результаты этих исследований показали высокую корреляцию между баллами, полученными автоматически, и оценками, данными экспертами.

В одной из наших работ (Panfilova et al., 2023) мы также показываем возможность использования нейросетей для предсказания результатов по тесту ТСТ-DR, используя при этом алгоритмы объяснимого искусственного интеллекта. Применение методов объяснимого искусственного интеллекта к обученной модели продемонстрировало соответствие выявленных зон активации определенным критериям для экспертной оценки. Было показано, что четкость формулировки критерия оказывает влияние на результат работы как эксперта, так и модели.

Подводя итоги, можно отметить, что использование методов автоматической оценки тестов на креативность представляет собой важный шаг в развитии психологии творчества. Автоматизированные методы позволяют быстро и эффективно оценивать большие объемы данных, снижают затраты на обучение и работу экспертов, исключают субъективное влияние экспертов, тем самым обеспечивая более консистентные, надежные и воспроизводимые результаты. Проведенная на большом объеме англоязычных данных валидизация автоматических методов оценки свидетельствует о достаточной надежности и теоретической обоснованности получаемых результатов (по крайней мере для тестов дивергентного мышления). Наши надежды связаны с тем, что, получив столь мощный инструмент, исследователи смогут использовать его для более точного и глубокого понимания механизмов творческого мышления.

References

- Acar, S., Berthiaume, K., Grajzel, K., Dumas, D., Flemister, C. “Tedd”, & Organisciak, P. (2023). Applying automated originality scoring to the verbal form of Torrance Tests of Creative Thinking. *Gifted Child Quarterly*, 67(1), 3–17. <https://doi.org/10.1177/00169862211061874>
- Acar, S., & Runco, M. A. (2014). Assessing associative distance among ideas elicited by tests of divergent thinking. *Creativity Research Journal*, 26(2), 229–238. <https://doi.org/10.1080/10400419.2014.901095>
- Beaty, R. E., & Johnson, D. R. (2021). Automating creativity assessment with SemDis: An open platform for computing semantic distance. *Behavior Research Methods*, 53(2), 757–780. <https://doi.org/10.3758/s13428-020-01453-w>
- Beaty, R. E., Johnson, D. R., Zeitlen, D. C., & Forthmann, B. (2022). Semantic distance and the alternate uses task: Recommendations for reliable automated assessment of originality. *Creativity Research Journal*, 34(3), 245–260. <https://doi.org/10.1080/10400419.2022.2025720>
- Beaty, R. E., Silvia, P. J., Nusbaum, E. C., Jauk, E., & Benedek, M. (2014). The roles of associative and executive processes in creative cognition. *Memory & Cognition*, 42(7), 1186–1197. <https://doi.org/10.3758/s13421-014-0428-8>
- Beaty, R. E., Zeitlen, D. C., Baker, B. S., & Kenett, Y. N. (2021). Forward flow and creative thought: Assessing associative cognition and its role in divergent thinking. *Thinking Skills and Creativity*, 41, Article 100859. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2021.100859>

- Beketayev, K., & Runco, M. A. (2016). Scoring divergent thinking tests by computer with a semantics-based algorithm. *Europe's Journal of Psychology, 12*(2), 210–220. <https://doi.org/10.5964/ejop.v12i2.1127>
- Bossomaier, T., Harre, M., Knittel, A., & Snyder, A. (2009). A semantic network approach to the Creativity Quotient (CQ). *Creativity Research Journal, 21*(1), 64–71. <https://doi.org/10.1080/10400410802633517>
- Buczak, P., Huang, H., Forthmann, B., & Doebler, P. (2023). The machines take over: A comparison of various supervised learning approaches for automated scoring of divergent thinking tasks. *Journal of Creative Behavior, 57*(1), 17–36. <https://doi.org/10.1002/jocb.559>
- Cropley, D., & Marrone, R. (2022). Automated scoring of figural creativity using a convolutional neural network. *Psychology of Aesthetics Creativity and the Arts*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1037/aca0000510>
- Cseh, G. M., & Jeffries, K. K. (2019). A scattered CAT: A critical evaluation of the consensual assessment technique for creativity research. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts, 13*(2), 159–166. <https://doi.org/10.1037/aca0000220>
- Diedrich, J., Benedek, M., Jauk, E., & Neubauer, A. C. (2015). Are creative ideas novel and useful? *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts, 9*(1), 35–40. <https://doi.org/10.1037/a0038688>
- DiStefano, P. V., Patterson, J. D., & Beaty, R. (2023). Automatic scoring of metaphor creativity with large language models [Preprint]. *PsyArXiv*. <https://doi.org/10.31234/osf.io/6jtxb>
- Dumas, D. (2018). Relational reasoning and divergent thinking: An examination of the threshold hypothesis with quantile regression. *Contemporary Educational Psychology, 53*, 1–14. <https://doi.org/10.1016/j.cedpsych.2018.01.003>
- Dumas, D., & Dunbar, K. N. (2014). Understanding fluency and originality: A latent variable perspective. *Thinking Skills and Creativity, 14*, 56–67. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2014.09.003>
- Dumas, D., & Dunbar, K. N. (2016). The creative stereotype effect. *PLoS ONE, 11*(2), Article e0142567. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0142567>
- Dumas, D., Organisciak, P., & Doherty, M. (2021). Measuring divergent thinking originality with human raters and text-mining models: A psychometric comparison of methods. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts, 15*(4), 645–663. <https://doi.org/10.1037/aca0000319>
- Dumas, D., Organisciak, P., Maio, S., & Doherty, M. (2021). Four text-mining methods for measuring elaboration. *Journal of Creative Behavior, 55*(2), 517–531. <https://doi.org/10.1002/jocb.471>
- Dumas, D., & Runco, M. (2018). Objectively scoring divergent thinking tests for originality: A re-analysis and extension. *Creativity Research Journal, 30*(4), 466–468. <https://doi.org/10.1080/10400419.2018.1544601>
- Dumas, D., & Strickland, A. L. (2018). From book to bludgeon: A closer look at unsolicited malevolent responses on the alternate uses task. *Creativity Research Journal, 30*(4), 439–450. <https://doi.org/10.1080/10400419.2018.1535790>
- Forster, E. A., & Dunbar, K. N. (2009). Creativity evaluation through latent semantic analysis. In N. A. Taatgen & H. van Rijn (Eds.), *Proceedings of the 31th Annual Conference of the Cognitive Science Society* (pp. 602–607). Austin, TX: Cognitive Science Society.
- Forthmann, B., Beaty, R. E., & Johnson, D. R. (2023). Semantic spaces are not created equal – How should we weigh them in the sequel?: On composites in automated creativity scoring. *European Journal of Psychological Assessment, 39*(6). <https://doi.org/10.1027/1015-5759/a000723>
- Forthmann, B., Holling, H., Çelik, P., Storme, M., & Lubart, T. (2017). Typing speed as a confounding variable and the measurement of quality in divergent thinking. *Creativity Research Journal, 29*(3), 257–269. <https://doi.org/10.1080/10400419.2017.1360059>

- Forthmann, B., Oyebede, O., Ojo, A., Günther, F., & Holling, H. (2019). Application of latent semantic analysis to divergent thinking is biased by elaboration. *Journal of Creative Behavior*, 53(4), 559–575. <https://doi.org/10.1002/jocb.240>
- Forthmann, B., Paek, S. H., Dumas, D., Barbot, B., & Holling, H. (2020). Scrutinizing the basis of originality in divergent thinking tests: On the measurement precision of response propensity estimates. *British Journal of Educational Psychology*, 90(3), 683–699. <https://doi.org/10.1111/bjep.12325>
- Grajzel, K., Acar, S., Dumas, D., Organisciak, P., & Berthiaume, K. (2023). Measuring flexibility: A text-mining approach. *Frontiers in Psychology*, 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1093343>
- Gray, K., Anderson, S., Chen, E. E., Kelly, J. M., Christian, M. S., Patrick, J., Huang, L., Kenett, Y. N., & Lewis, K. (2019). 'Forward flow': A new measure to quantify free thought and predict creativity. *American Psychologist*, 74(5), 539–554. <https://doi.org/10.1037/amp0000391>
- Günther, F., Dudschig, C., & Kaup, B. (2015). LSAfun — An R package for computations based on latent semantic analysis. *Behavior Research Methods*, 47(4), 930–944. <https://doi.org/10.3758/s13428-014-0529-0>
- Hass, R. W. (2017a). Semantic search during divergent thinking. *Cognition*, 166, 344–357. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2017.05.039>
- Hass, R. W. (2017b). Tracking the dynamics of divergent thinking via semantic distance: Analytic methods and theoretical implications. *Memory & Cognition*, 45(2), 233–244. <https://doi.org/10.3758/s13421-016-0659-y>
- Heinen, D. J. P., & Johnson, D. R. (2018). Semantic distance: An automated measure of creativity that is novel and appropriate. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 12(2), 144–156. <https://doi.org/10.1037/aca0000125>
- Johnson, D. R., Kaufman, J. C., Baker, B. S., Patterson, J. D., Barbot, B., Green, A. E., Van Hell, J., Kennedy, E., Sullivan, G. F., Taylor, C. L., Ward, T., & Beaty, R. E. (2022). Divergent semantic integration (DSI): Extracting creativity from narratives with distributional semantic modeling. *Behavior Research Methods*, 55(7), 3726–3759. <https://doi.org/10.3758/s13428-022-01986-2>
- LaVoie, N., Parker, J., Legree, P. J., Ardison, S., & Kilcullen, R. N. (2020). Using latent semantic analysis to score short answer constructed responses: Automated Scoring of the Consequences Test. *Educational and Psychological Measurement*, 80(2), 399–414. <https://doi.org/10.1177/0013164419860575>
- Luchini, S., Maliakkal, N. T., DiStefano, P. V., Patterson, J. D., Beaty, R., & Reiter-Palmon, R. (2023). Automatic scoring of creative problem-solving with large language models: A comparison of originality and quality ratings [Preprint]. *PsyArXiv*. <https://doi.org/10.31234/osf.io/g5qvf>
- Mikolov, T., Chen, K., Corrado, G., & Dean, J. (2013). Efficient estimation of word representations in vector space. *arXiv*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1301.3781>
- Organisciak, P., Acar, S., Dumas, D., & Berthiaume, K. (2023). Beyond semantic distance: Automated scoring of divergent thinking greatly improves with large language models. *Thinking Skills and Creativity*, 49, Article 101356. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2023.101356>
- Organisciak, P., Dumas, D., Acar, S., & de Chantal, P. L. (2023). Open Creativity Scoring [Computer software]. University of Denver. <https://openscoring.du.edu>
- Panfilova, A. S., Valueva, E. A., & Ilyin, I. Y. (2023). *The application of explainable artificial intelligence methods to models for automatic creativity assessment* [Manuscript under review].
- Patterson, J. D., Barbot, B., Lloyd-Cox, J., & Beaty, R. E. (2023). AuDrA: An automated drawing assessment platform for evaluating creativity. *Behavior Research Methods*. Advanced online publication. <https://doi.org/10.3758/s13428-023-02258-3>

- Patterson, J. D., Merseal, H. M., Johnson, D. R., Agnoli, S., Baas, M., Baker, B. S., Barbot, B., Benedek, M., Borhani, K., Chen, Q., Christensen, J. E., Corazza, G. E., Forthmann, B., Karwowski, M., Kazemian, N., Kreisberg-Nitzav, A., Kenett, Y. N., Link, A., Lubart, T., ... Beaty, R. E. (2023). Multilingual semantic distance: Automatic verbal creativity assessment in many languages. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, *17*(4), 495–507. <https://doi.org/10.1037/aca0000618>
- Pennington, J., Socher, R., & Manning, C. (2014). GloVe: Global Vectors for Word Representation. In A. Moschitti, B. Pang, & W. Daelemans (Eds.), *Proceedings of the 2014 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP)* (pp. 1532–1543). Association for Computational Linguistics. <https://doi.org/10.3115/v1/D14-1162>
- Prabhakaran, R., Green, A. E., & Gray, J. R. (2014). Thin slices of creativity: Using single-word utterances to assess creative cognition. *Behavior Research Methods*, *46*(3), 641–659. <https://doi.org/10.3758/s13428-013-0401-7>
- Reiter-Palmon, R., Forthmann, B., & Barbot, B. (2019). Scoring divergent thinking tests: A review and systematic framework. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, *13*(2), 144–152. <https://doi.org/10.1037/aca0000227>
- Runco, M. A., & Jaeger, G. J. (2012). The standard definition of creativity. *Creativity Research Journal*, *24*(1), 92–96. <https://doi.org/10.1080/10400419.2012.650092>
- Silvia, P. J., Martin, C., & Nusbaum, E. C. (2009). A snapshot of creativity: Evaluating a quick and simple method for assessing divergent thinking. *Thinking Skills and Creativity*, *4*(2), 79–85. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2009.06.005>
- Stevenson, C., Smal, I., Baas, M., Dahrendorf, M., Grasman, R., Tanis, C., Scheurs, E., Sleiffer, D., & van der Maas, H. (2020). *Automated AUT scoring using a Big Data variant of the Consensual Assessment Technique: Final technical report*. Modeling Creativity Project, Universiteit van Amsterdam.
- Urban, K. K. (2005). Assessing creativity: The Test for Creative Thinking – Drawing Production (TCT-DP). *International Education Journal*, *6*(3), 272–280.
- Wang, K., Dong, B., & Ma, J. (2023). Testing computational assessment of idea novelty in crowdsourcing. *Creativity Research Journal*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1080/10400419.2023.2187544>
- Wilson, R. C., Guilford, J. P., & Christensen, P. R. (1953). The measurement of individual differences in originality. *Psychological Bulletin*, *50*(5), 362–370. <https://doi.org/10.1037/h0060857>
- Yu, Y., Beaty, R. E., Forthmann, B., Beeman, M., Cruz, J. H., & Johnson, D. (2023). A MAD method to assess idea novelty: Improving validity of automatic scoring using Maximum Associative Distance (MAD). *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1037/aca0000573>
- Zedelius, C. M., Mills, C., & Schooler, J. W. (2019). Beyond subjective judgments: Predicting evaluations of creative writing from computational linguistic features. *Behavior Research Methods*, *51*(2), 879–894. <https://doi.org/10.3758/s13428-018-1137-1>

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ УШАКОВОЙ «ПРИРОДА ОСМЫСЛЕННОСТИ СЛОВА»

Е.Е. ЛЯКСО^а

^а Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9

Review of Tatyana Nikolaevna Ushakova's Book “The Nature of the Meaningfulness of the Word”

Е.Е. Lyakso^а

^а Saint Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

Резюме

В рецензии на книгу Т.Н. Ушаковой «Природа осмысленности слова» рассмотрена основная идея книги — соотношение субъективных и объективных компонентов речи, внешней формы слова и его субъективного содержания, их взаимное дополнение и несводимость суммы к единому целому. Проанализированы ее доказательства, основанные на анализе Т.Н. Ушаковой большого объема литературных и экспериментальных данных, включая ее собственные работы. Подчеркивается, что книга является фундаментальным трудом, обобщающим экспериментальные данные и их глубокое осмысление, позволяющие автору сформулировать новую психофизиологическую концепцию становления речи и освоения языка. Это междисциплинарное исследование, охватывающее разные стороны речевого поведения с позиций психологии, физиологии, лингвистики, психофизиологии и философии, начиная от ранних вокализаций младенцев и их двигательной активности и заканчивая процессами языкового творчества взрослого. В рецензии отмечается, что, расширяя проблему

Abstract

The review of the book by T.N. Ushakova “The nature of the meaningfulness of the word” considered the main idea of the book — the ratio of subjective and objective components of speech, the external form of the word and its subjective content, their mutual complementarity and the irreducibility of the sum to a single whole. Its evidences based on the author's analysis of a large volume of literary and experimental data, including the work of the author of the book, T.N. Ushakova, were analyzed. It is emphasized that the book is a fundamental work that summarizes experimental data and their deep understanding, allowing the author to formulate a new psychophysiological concept of speech formation and language acquisition. This is an interdisciplinary study covering different aspects of speech behavior from the positions of psychology, physiology, linguistics, psychophysiology and philosophy, starting from the early vocalizations of infants and their motor activity, and ending with the processes of language creativity in adult.

исследования языка и речи, Т.Н. Ушакова обращается к нейропсихологическим и психофизиологическим исследованиям вербальных явлений, описывая подходы, направленные на изучение их механизмов; предлагает поведенческую схему формирования осмысленного поведения — от зарождения в младенческом возрасте и до реализации в старшем возрасте. Книга содержит три логично связанные части — «Справочные данные о психологических и психолингвистических исследованиях слова», «Зарождение и развитие явления осмысленности», «Язык и словесное творчество». Содержание каждой предыдущей части подводит читателя к восприятию усложняющейся информации, изложенной в следующей главе. Логичным заключением многолетних исследований автора является изложенная в книге новая в лингвистике концепция языка. Книга представляет интерес для специалистов разных областей знаний — филологов, лингвистов, психологов, психофизиологов, философов.

Ключевые слова: язык, слово, осмысленность слова, семантическое содержание.

Ляксо Елена Евгеньевна — профессор, руководитель группы по изучению детской речи, кафедра высшей нервной деятельности и психофизиологии, биологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, доктор биологических наук, профессор.

Сфера научных интересов: акустика детской речи, возрастная психофизиология, эмоциональная сфера детей, кросс-лингвистические исследования.

Контакты: lyakso@gmail.com

Review noted that expanding the problem of studying language and speech, T.N. Ushakova turns to neuropsychological and psychophysiological studies of verbal phenomena, describing approaches aimed at studying their mechanisms; offers a behavioral scheme for the formation of meaningful behavior - from its origin in infancy to its implementation in older age. The book contains three logically connected parts – Background on psychological and psycholinguistic studies of words; The origin and development of the phenomenon of meaningfulness; Language and word creation. The content of each part leads to the perception of increasingly information presented in the next chapter. The logical conclusion of the author's many years of research is the concept of language, which is new in linguistics, outlined in the book. The book is interesting for specialists in various fields of knowledge - philologists, linguists, psychologists, psychophysiologicalists, philosophers.

Keywords: language, word, meaningfulness of the word, semantic content.

Elena E. Lyakso — Professor, Head of the Child Speech Research Group, Department of Higher Nervous Activity and Psychophysiology, Biology Faculty, St Petersburg University, DSc in Biology, Professor.

Research Area: acoustic of child's speech, age psychophysiology, emotional sphere of children, cross-cultural study.

E-mail: lyakso@gmail.com

Книга Татьяны Николаевны Ушаковой «Природа осмысленности слова» является фундаментальным трудом, обобщающим экспериментальные данные и их глубокое осмысление, позволяющие автору сформулировать новую психофизиологическую концепцию становления речи и освоения языка. Книга вышла в серии «Достижения в психологии», но, на мой взгляд, это междисциплинарное исследование. Оно не только охватывает разные стороны речевого поведения с позиций психологии, физиологии, лингвистики, психофизиологии и философии, начиная от ранних вокализаций младенцев и их двигательной активности и заканчивая процессами языкового творчества

взрослого, но и раскрывает применение различных методических подходов для решения каждой четко сформулированной задачи.

Книга привлекает внимание, начиная с вводной части «Парадоксальность отношений мысли и слова в речи». В ней автор сразу же определяет основную идею книги — соотношение субъективных и объективных компонентов речи, внешней формы слова и его субъективного содержания, их взаимное дополнение и несводимость суммы к единому целому. Эта идеология прослеживается во всех частях книги. Татьяна Николаевна поднимает вопросы, на целый ряд из которых на сегодняшний день еще нет ответов.

Книга содержит три части: «Справочные данные о психологических и психолингвистических исследованиях слова», «Зарождение и развитие явления осмысленности», «Язык и словесное творчество».

Первая часть представляет собою, по словам автора, «развернутое справочное введение», в двух следующих частях изложены и проанализированы результаты экспериментальных исследований.

Вводя понятия речи, языка, слова, внутренней речи, прослеживая историю создания и употребления терминов, автор обращается не только к научным трудам, освещающим этиологию терминов, но и к художественной литературе — работам Н.С. Гумилева, А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, поднимает вопрос о терминах «речь» и «язык», возможности использования их как синонимов либо их несводимости, привлекая для обсуждения работы классиков и современных исследователей. Автор затрагивает и вопросы порождения речи, изучения ее механизмов в историческом аспекте, обращается к интерпретации понятия «психологическое содержание речи». В книге проанализированы взаимодействия наук — психологии и лингвистики, психологии и психофизиологии — в контексте употребления терминов «речь» и «язык» (например, работы В. Вундта, В.И. Бельтюкова, Е.Н. Соколова, К.В. Анохина), формирование новой науки — психолингвистики, ее связи с когнитивными науками. Обсуждается вопрос о невозможности четкого разделения областей исследования данных наук (где проходит тонкая грань между психологическим и физиологическим, психофизиологическим и психолингвистическим?). Расширяя проблему, Т.Н. Ушакова обращается к нейропсихологическим и психофизиологическим исследованиям вербальных явлений, описывая подходы, направленные на изучение механизмов исследования языка и речи. Автор адресует читателя и к собственным ранним работам, посвященным изучению формирования семантического компонента слова. Эти главы книги написаны очень бережно, с уважением к трудам учителей, их наследию, опираясь на которое автор развивает собственное представление о соотношении физического, психического, ментального в порождении слова.

Следующая глава первой части посвящена описанию раннего периода становления речи — исследованию дословесного и начального словесного периодов речевого развития ребенка. Эта тема значима для Татьяны Николаевны, так как ее многочисленные труды посвящены раннему речевому онтогенезу. В главе подробно рассказывается о проблемах раннего речевого онтогенеза, приводятся экспериментальные данные, рассматриваются исследования,

посвященные становлению ранних вокализаций младенцев, дается их описание в контексте общего развития ребенка. Автор анализирует разные подходы и методы, используемые для изучения вокализаций на довербальном этапе развития. Татьяна Николаевна описывает работы зарубежных исследователей Ж. Пиаже, Д. Слобина, П. Куль, А. Мельцова, Б. де Бойссон-Бардые, М. Виман, Дж. Веркер и отечественные исследования А.А. Леонтьева, Е.Н. Винарской, М.М. Кольцовой, Г.В. Лосика и др., давая им критическое осмысление и анализируя существующие теории. Безусловно, Татьяна Николаевна Ушакова представляет и данные собственных многолетних исследований, изящно дополняя и обсуждая их в совокупности с результатами исследований, проводимых в мире. Базируясь на колоссальном объеме экспериментальных данных, автор книги заключает: «полученные материалы убедительно свидетельствуют о том, что сфера голосовых (проторечевых) экспрессий представляет собой органическую часть общего процесса психического развития младенца» (с. 79). Продолжая тему речевого онтогенеза, автор далее обращается к рассмотрению начала словесного периода, к развитию лексики, грамматики, а также к феномену детского словотворчества и эгоцентрической речи.

И конечно же, можно далее подробно описывать содержание первой части книги, но заинтересовавшимся лучше прочитать ее самим. Эта часть написана легко, доступна для понимания даже широкой аудитории, но в то же время она подготавливает нас к восприятию и осмыслению (именно этот термин хочется использовать в контексте идеологии книги) второй части — «Зарождение и развитие явления осмысленности».

С самых первых ее строк Т.Н. Ушакова очерчивает понятие осмысленности, определяя его как «соответствие производимых человеком действий происходящим событиям» (с. 139), формулирует задачу работы — выявление истоков осмысленности, оснований и времени появления, описание форм проявления, — и обращается к раннему речевому онтогенезу для решения вышеописанных вопросов. И вновь поднимается вопрос о психических способностях ребенка: каково соотношение врожденного и приобретенного под воздействием социума, культуры, воспитания; каким образом и на каком этапе развития доминирование физиологических и психофизиологических факторов заменяется психическими, когда действия ребенка (в широком понятии) становятся осмысленными. Обращаясь к работам Ж. Пиаже, автор отмечает, что при исчерпывающе подробном описании первого года жизни ребенка он не акцентирует внимание на элементах психологических проявлений в процессе ментального развития младенца. Привлекая результаты исследований и литературные сведения, Татьяна Николаевна предлагает читателям поведенческую схему формирования осмысленного поведения ребенка — от его зарождения в младенчестве и до реализации в старшем возрасте. Автор приводит результаты собственного эмпирического исследования развития двигательных и голосовых проявлений ребенка от рождения до конца первого года жизни. В работе выделены функционально различные виды голосовых проявлений и «познавательных-действенных форм» поведения младенца в возрастном аспекте, исследована динамика изменения голосовых проявлений

младенца — от вокализаций, носящих преимущественно негативный характер (крик, плач), через добавление позитивного компонента и до появления вокализаций нейтрально-положительного и нейтрального типов (в возрасте 2–7 месяцев). В 5–6 месяцев отмечается нарастание голосовой активности при активации коммуникативных проявлений; в 8–12 месяцев — сочетанное проявление голосовых и поведенческих паттернов. «Поведенческо-действенная» (с. 152) линия развития имеет некие особенности, при общей направленности ее с голосовой линией. Именно познавательно-действенной сфере развития ребенка на первом году жизни автор уделяет главенствующую роль, подчеркивая, что «осмысленность действий младенца возникает на основании его прирожденных психологических способностей, отражения его нервной системой происходящих событий и формирования у ребенка нового знания о последовательности его действий при успешном достижении цели» (с. 156). Привлекая физиологическую базу — данные о развитии центральной нервной системы и возможных механизмах кодирования и декодирования информации (работы Е.Д. Соколова о нейронах «сознания»), автор пытается объяснить природу осмысленных поведенческих действий ребенка. На основе существующих форм поведения происходит их уточнение и расширение, что приводит к формированию новых форм поведения, новых знаний при «успешном достижении цели» (оперантное научение по Б.Ф. Скиннеру), а это, в свою очередь, развивает и ментальные возможности ребенка. Происходит формирование «адаптивной схемы действий», обеспечивающей адекватность поведения. Таким образом, в 5–7 месяцев формируется осмысленность поведенческих проявлений, а в 9–12 месяцев — вербальных. Татьяна Николаевна уточняет, что осмысленность применительно к ребенку означает «субъективное отражение постоянных отношений между словом и разными сторонами действительности» (с. 163), подчеркивая, что использование осмысленного слова возможно при условии развития произносительной речи (сформированные артикуляционные навыки) и усвоения грамматических операций. Таким образом, рассматривая зарождение осмысленности разных форм поведения ребенка, Т.Н. Ушакова различает термины «осмысленность» и «осознанность». Особенность осознанности слова заключается в его соотношении с контекстом общения. Первоначально устанавливается связь слова с определенным объектом (на этом этапе важно общение с взрослым, посредством которого формируется связь между словом и им обозначаемым предметом или действием), затем эта связь расширяется, и в возрасте 12–24 месяцев ребенок самостоятельно использует знакомые семантические отношения. Слово, появляющееся в лексиконе ребенка, формируется как семантическая единица.

Следует подчеркнуть, что вторая часть книги требует специальных знаний, при ее прочтении возникают не только вопросы, но и суждения, порой отличные от мнения ее автора. В этом и заключается ее достоинство, ибо она заставляет думать, спорить, искать собственные пути.

В третьей части книги Т.Н. Ушакова рассказывает о хранении семантических содержаний в языковой системе человека, обращаясь к явлению вербальной

сети, понятию логогена, рассматривает тему полисемии на примере исследований языка взрослого. Она заключает о сематическом базисе вербальной сети, обосновывая данное заключение через ее формирование у ребенка «в процессе развития и накопления семантически связанных слов и категорий» (с. 182). Развивая эти темы, автор анализирует психофизиологические особенности функционирования структур вербально-семантической сети, хранение семантических отношений слов, механизм формирования полисемических образований, указывает на то, что существующая в составе вербальной сети полисемическая форма слов обеспечивает хранение конкретных семантических содержаний и абстрактных идей. Детское словотворчество, с точки зрения Т.Н. Ушаковой, является одним из путей развития и распространения семантических содержаний.

Две завершающие главы данной части рассказывают о выражении мысли человека в тексте и о творчестве в языке и речи. Их содержание можно рассматривать в качестве примера итоговой ментальной деятельности человека, базисные предпосылки которой были описаны во второй части книги. Говоря о словотворчестве, Татьяна Николаевна привлекает работы П.А. Флоренского, органично включая их в доказательство собственного междисциплинарного подхода.

Завершением данной многолетней работы Т.Н. Ушаковой является ее новая в лингвистике концепция языка, согласно которой «ведущее функциональное назначение языка состоит в хранении семантических содержаний, накапливающихся в опыте человека, и управлении ими. Этим обеспечивается его основная функция, состоящая в возможности выразить ту или иную мысль словами и понять мысль говорящего» (с. 230).

Книга «Природа осмысленности слова» является итогом многолетних изысканий Татьяны Николаевны Ушаковой в области порождения языка. Она интересна, сложна для неподготовленного читателя, дискуссионна, но это четко аргументированная позиция ученого-исследователя.

Книга представляет интерес для специалистов разных областей знаний — филологов, лингвистов, психологов, психофизиологов, философов, но ее может прочитать и студент-первокурсник, для которого она откроет захватывающий мир изучения человеческого языка.

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:
<http://psy-journal.hse.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-66610 от 08 августа 2016 г. зарегистрировано Федеральной
службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).

Адрес издателя и распространителя
Фактический: 117418, Москва, ул. Профсоюзная, 33, к. 4,
Издательский дом НИУ ВШЭ
Тел. +7(495) 772-95-90 доб. 15298
Почтовый: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Тел. +7(495) 772-95-90, E-mail: id.hse@mail.ru

Формат 70x100/16. Тираж 180 экз. Печ. л. 14.5